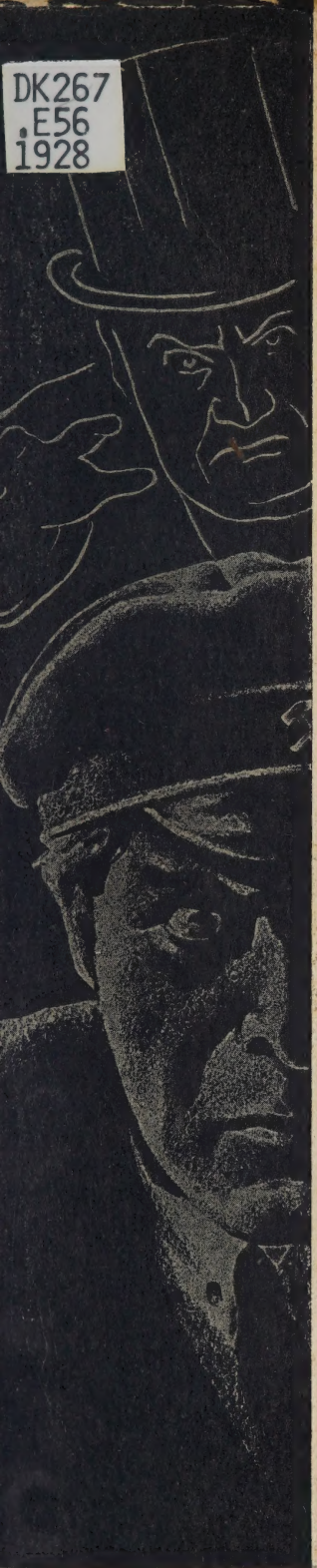
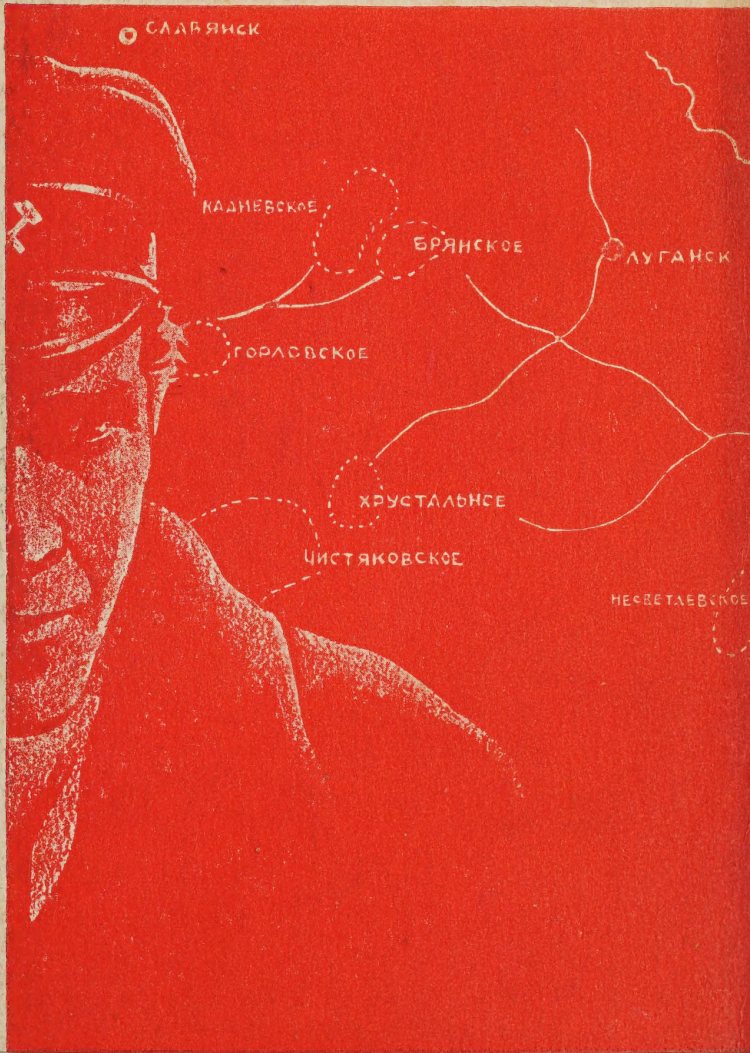
UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00012557155
DK267
.E56
1928

Экономическая контрреволюция в Донбассе





1305

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/konomicheskaiako00kryl

DK267
.E56
1928

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ В ДОНБАССЕ

(ИТОГИ ШАХТИНСКОГО ДЕЛА)

СТАТЬИ И ДОКУМЕНТЫ

Под общей редакцией
Н. В. КРЫЛЕНКО

EKONOMICHESKAIA KONTR-REVOLIUTSIIA
V DONBASSE

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ РСФСР
М. 1928

Главлит № А—16828. Москва. 1928. Тираж 7.000.

«Мосполиграф» 14-я типография, Варгунихина гора, 8. Зак. № 1969.

Специальное Присутствие Верховного Суда СССР.

КЛАСС ПРОТИВ КЛАССА

(К итогам шахтинского дела).

Процесс окончен. Приговор вынесен. Общественное возбуждение, вызванное процессом, начинает мало-по-малу концентрироваться на других фактах политической и общественной жизни. Пресса переходит к очередным делам и другим вопросам, другим злобам дня. Пройдет год и фигуры и имена Матова, Братановского, Казаринова, Будного, Сущевского, Калганова и других будут забыты, канут в вечность, как всплывшие на поверхность случайной прихотью судьбы или случайным сцеплением событий. Не являясь сами по себе ни творцами, ни воротилами истории, не представляя из себя каких-либо отличительных черт, которые бы постоянно концентрировали на них общественное внимание, независимо от условий и окружающей обстановки,—эти люди исчезнут во мраке истории так же нечаянно, как нечаянно они всплыли на поверхность, куда их вынесла логика классовой борьбы, сделав их, помимо их воли, центром внимания миллионов.

Но для вдумчивого историка пролетарской революции, для историка классовой борьбы пролетарского государства с буржуазным миром не пройдут бесследно эти имена; он не сможет не остановить на них своего внимания, не задуматься над тем, откуда и почему эти люди вышли, почему именно так, а не иначе, они поступали и почему так бесславно должны были они закончить свою работу и так позорно жалко отойти осмеянными, оплеванными, под гнетом всеобщего презрения в историческое небытие.

В нашей итоговой статье, мы не хотим разбирать всех этих вопросов, мы хотим поставить лишь один и ответить лишь на один вопрос — поставить вопрос о классовом существе отошедшего в прошлое эпизода, вскрыть внутренние рычаги шахтинского дела, выявить истинные пружины и двигатели шахтинской

эпопеи, по отношению к которым все эти Калгановы, Сущевские и Матовы были лишь послушными исполнителями, слепым орудием чужой воли.

Советская общественность с самого начала расценивала этот процесс, как классовый процесс, как судебную тяжбу между созидателем нового будущего — рабочим классом, с одной стороны, и мировой об'единенной буржуазией,—с другой. Да иначе и нельзя было расценивать его после того, как сами обвиняемые в своих признаниях указали, что воротилами, направлявшими организацию из-за границы, были капиталистические об'единения интернациональной буржуазии, что французские, польские, немецкие и бывш. русские капиталисты были теми, кто персонально входили в это об'единение, что Дворжанчик и Блейман, Прятkин и Буроз, Феррет и Штетинг — одинаково были заинтересованы в успехах вредительской работы. Небольшая справка из истории развития каменоугольной промышленности нашего Донбасса еще времен царской России устанавливает, что 90% капитала, вложенного в эту промышленность, принадлежали иностранцам— французам, англичанам, бельгийцам — это одно об'ясняет и оправдывает классовое содержание этого процесса; ибо именно они — бывшие собственники каменноугольных предприятий Донбасса, поддерживали непосредственную связь с вредителями, они принимали от них отчеты на своих деловых собраниях в Париже, они инструктировали их как по вопросам общего руководства деятельностью Донбасса, так и по отдельным частным вопросам строительства и проектирования тех или иных шахт, вплоть до вопроса о том, какой же именно копер, трехногий или четырехногий должен быть поставлен на шахте «Новой» Щербиновского рудоуправления.

Классовое содержание процесса, однако, гораздо шире. Классовый характер его заключается не только в том, что он об'единил в одну группу инженеров-вредителей с бывш. собственниками каменоугольных предприятий за границей, и не только в том, что эти последние включали в свою среду представителей английского, французского или бельгийского капитала; и даже не только в том, что в ту же организацию входили представители отдельных германских фирм, что ряд немецких коммерческих и промышленных предприятий согласился отчислять определенный процент от суммы заказов на предметы импортного оборудования, которые покупал Донуголь для шахт Донбасса, в пользу той же контр-революционной организации. Все это можно

об'яснить теми или иными случайными обстоятельствами: случайно могли согласиться фирма АЕГ или фирма ЭЙГОФ или, Кнапп на платеж этих комиссионных процентов; случайно могли встретиться в Берлине Блейман и Дворжанчик, случайно могли об'единиться в стремлении вернуть себе назад свои рудники Ремо, Штетинг и Соколов. Оттого, что представители буржуазии в чистой форме класса промышленников являлись воротилами организации, от этого и работа вредителей на местах, и суд над ними не получили еще всех характерных черт акта классовой борьбы в ее наиболее рафинированном политическом виде. Конечно, от этого он не переставал быть актом классовой борьбы, но актом классовой борьбы является факт всякой маленькой стачки на том или другом мелком предприятии из какого-нибудь десятка рабочих против отдельного скупщика-кустаря. Актами классовой борьбы в чистой, наиболее кристализованной политической форме являются только те акты, когда выступают друг против друга не отдельные представители того или другого класса, столкнувшиеся в жизненной борьбе, а выступает класс против класса в целом, когда на происходящем столкновении отдельных представителей обоих классов концентрируется внимание обоих классов в целом с обеих сторон, когда классовая солидарность начинает разделять на два прямо противоположных лагеря весь существующий мир. В этот момент отходят на задний план все мелкие частные вопросы, в этот момент ярче, чем когда-либо, на первый план выступает непримиримость классовых противоречий; в этот момент происходит как бы мобилизация всех сил обоих классов для последней схватки. На авансцену выступают тогда вопросы чистой политики, борьбы за власть, и борьбы не на жизнь, а на смерть.

Шахтинское дело по мере того, как последовательно развертывалась на суде картина работы вредителей, явилось актом такой классовой борьбы, ибо, сконцентрировав на себе внимание всех слоев населения обоих классов, оно поставило, в конечном итоге, воочию перед всеми именно эту проблему, — проблему «кто кого», проблему борьбы не на жизнь, а на смерть, борьбы, которая велась и ведется буржуазией против СССР.

В этом подлинное значение шахтинского дела, в этом весь его исторический, политический и общественный смысл.

С этой точки зрения позволительно суммировать и представить вниманию читателей основные факты, обнаруживающие как этот классовый характер процесса, так и существо той проб-

лемы, которая была им выпукло поставлена перед глазами всех. Чтобы скорее вскрыть упомянутое существо этого дела, позволительно поставить и отчетливо ответить на следующие 3 вопроса: кто вел борьбу; из-за чего велась борьба; и какими способами велась борьба.—А кто? Кому на пользу? И каким путем? При чем мы постараемся каждый из этих ответов поставить в связь с рядом исторических и политических обобщений, которые сами по себе будут вытекать из реальных фактов, послуживших основой для шахтинского дела.

Итак, кто? В обвинительной речи на процессе прокуратура ставила этот вопрос, когда устанавливала факт, что в подавляющем большинстве обвиняемые принадлежат к слою так называемой технической интеллигенции—инженерства; и когда пыталась об'яснить, почему же именно представители этого слоя явились теми, кто взял на себя позорную задачу предательства интересов первого в мире пролетарского государства. Нельзя было, однако, в то время по вполне понятным обстоятельствам во всей широте развернуть эту проблему, ибо не эти философские и социологические изыскания составляли задачу и цель обвинительной речи. С тем большим правом и основанием считаем мы необходимым сделать это сейчас.

Инженерство представило из своей среды всю основную толщу вредителей,—то самое инженерство, которое раньше устами Калганова именовало себя «обер-офицерами капитала» и считало, что оно, будучи теснейшим образом связано с интересами промышленности, именно оно призвано от имени промышленников осуществлять их веления и задания в области «горного искусства», читай в области эксплоатации рабочей силы. Мало, однако, указать на этот факт,—надо уметь понять и об'яснить его. Вот почему здесь, равным образом, мало указать только на то, что этот слой технической интеллигенции был материально связан больше, чем какой-либо другой, с промышленной буржуазией. Не в меньшей степени связаны с нею были представители и других слоев интеллигенции—адвокатура, журналисты, врачи, профессора. Тем не менее период, когда среди этих слоев могла черпать себе послушных клиентов контр-революция, давно прошел; если в период до 24 года контр-революционная эмиграция еще могла поддерживать свои связи с этой средой и рассчитывать, что отсюда будет итти пополнение ее систематически редевших рядов, то после 24 года она об этом едва ли могла думать. Это не значит, правда, что к 26, 27 и 28 годам вся интеллигенция в

целом уже стала насквозь советской,—далеко нет, но на активную борьбу с Советской властью, на формирование контр-революционной организации, на организацию контр-революционного подполья она уже оказалась неспособной. Вырос молодняк, вышедший уже из реформированных университетов—новые агрономы, врачи и новые учителя,—одним словом, все те слои интеллигенции, которые пришли трудиться на народной ниве, уже после ликвидации буржуазии; они не могут представлять собой ни в малой мере кадров для формирования контр-революционной гвардии. Отмирали и постепенно отходили в небытие, с другой стороны, и старые вожди контр-революции, сгруппировавшиеся за границей в редакциях белогвардейских листков. Жалкие остатки прежних политических партий, они теряли все больше и больше связь с населением СССР, превращались в отшвырнутые в сторону жалкие обломки прошлого.

Но была и осталась группа лиц, специалистов-техников, специалистов, монопольно в свое время захвативших в руки своей касты обладание определенной, довольно узкой, сферой технических знаний—горные инженеры, инженеры нефтяники, инженеры путейцы и т. д. Их, довольно немногочисленных, по сравнению со всей массой интеллигенции, любили, холили старые промышленники еще в царское время; в свое время они имели в них верных исполнителей своих заданий, верных своих слуг; на них они взвалили всю черную работу по руководству их предприятиями, оставляя себе лишь приятное занятие стрижки купонов; инженеры на прежних рудниках фактически являлись бесконтрольными представителями своих хозяев, и хозяева за это привязывали их к себе крупнейшими окладами, тантьемами, страхованием их жизни, предоставлением части акций, участием в прибылях и т. д. Этих инженеров, эту сравнительно немногочисленную, квалифицированную верхушку старого инженерства позвала радушно в свое время к себе на службу Советская власть. И они пришли такими, как были, и такими и остались. Далекие от вопросов политики еще во времена царизма, ставившие своей задачей лишь материальные цели, привыкшие смотреть на рабочих, с которыми каждый день им приходилось сталкиваться, лишь как на массу, которая должна и призвана беспрекословно исполнять их приказания, как на рабочую силу, лишь как на некий элемент в их математических выкладках, проектах и расчетах,—они не могли органически воспринять основных идей пролетарской власти, не могли понять и не могли простить, чтобы

те, кем они еще вчера помыкали, сегодня сделались чуть ли не их господами. И затаивши злобу, они ждали. Они пошли на службу к Советской власти только потому, что хотели кушать. Но все существо своей натуры, они наглядно выявили еще в 19 году, на последнем с'езде советов горнопромышленников юга России в Ростове, когда вместе с Красновым изрыгали проклятья по адресу Советской власти и клялись приложить все силы, чтобы восстановить власть буржуазии.

Именно такими, сравнительно, ничтожными историческими причинами и следует об'яснить, что в 27—28 гг. контр-революция, в поисках агентов, не нашла их нигде больше, кроме этой, сравнительно немногочисленной группки,—ни в среде рабочих, ни в среде крестьянства, ни даже в среде городской буржуазии, ни в среде городской интеллигенции. Только эти люди, осужденные историей и условиями своей жизни всегда с опозданием проходить азы политической науки, для которых в свое время вопросы политики, представлялись вопросами, которые их меньше всего интересовали,—оказались тем единственным слоем населения, где семена контр-революции еще смогли пустить ростки, где смогла даже на 11 году пролетарской диктатуры жить и действовать контр-революционная организация.

Но если мы сказали выше, что случайными были моменты, толкнувшие именно их на вредительскую работу, то не случайным является то, что, придя на эту работу, они принесли вместе с собой те черты, которые являются характерными для эпохи контр-революции, потерпевшей поражение, контр-революции, не верящей в себя, не имеющей никаких действительно здоровых соков для своего развития. На это в достаточной мере выпукло указывали, равным образом, общественные обвинители на процессе. Эпоха загнивания международного капитализма и эпоха конечного отмирания контр-революции в СССР, не могла дать из своей среды ни стойких борцов, ни действительно идейно выдержанных людей,—она смогла дать только таких, какими являются герои шахтинского дела. Взяточники и хищники, привыкшие еще со времен царизма не выпускать из рук того, что в руки само плывет, и прикарманивать то, что плохо лежит, люди с чрезвычайно пониженной работой этических задерживающих центров, мордобойцы и контрразведчики, жадные прежде всего до денег и материального достатка, готовые валяться в любой момент в ногах того, чью силу и кнут они почувствовали, и лобызать руки, которые только что надавали им пощечин, и в то же время люди,

ни одному слову которых нельзя верить, изолгавшиеся в конец, способные предавать и продавать всех тех, с которыми еще вчера они рука об руку делали грязное контр-революционное дело, готовые не только слезами раскаяния, но и словами лжи и вымысла, предательства и оговором невинных спасти себя,—вот галлерею каких «идейных» борцов за дело контр-революции выдвинул шахтинский процесс. Других не было в распоряжении контр-революции, и это еще лучшие ее сыны. Вторая группа лиц, которыми она располагает, это были, как правило, либо просто международные авантюристы и проходимцы, шуллера, делатели фальшивых документов, в духе Дружеловского или просто бандиты, наемные головорезы из деклассированных элементов, наиболее темных закоулков западно-европейских больших городов.

Вот кто явился героями шахтинского дела, вот кого выдвинула контр-революция для совершения своей черной работы, вот кого судило Специальное Присутствие Верховного Суда. Загнивающий капитализм мог выдвинуть в качестве своих представителей лишь нравственно давно прогнивших и политически безграмотных людей. Лучшим из тех, которые сидели на скамье подсудимых, был Горлецкий, которому едва ли можно отказать в мужественной защите своего мнения. Недаром этот старый ворон капитализма до конца оставался верен самому себе и своему классу.—Я верю,—говорил он,—что Советская власть с неизбежностью эволюционизирует к признанию частной собственности, мой лозунг остался таким, каким был—старый Красновский лозунг—«единой и неделимой», я не верю в социализм и возможность его успехов. Так говорил Горлецкий. Но он был единственным, который нашел в себе мужество так говорить. Но даже и он в конце концов клялся в верности Советской власти, в своей лойяльности, и тоже лгал.—Я невиновен,—говорил он, несмотря на то, что факты из каждого тома дела кричали обратное;—я чевиновен,—говорил он, несмотря на то, что собственные его соратники его тут же уличали. А придя к себе в камеру, он изрыгал проклятия на ту же Советскую власть, стремясь хоть в этом дать выход своей злобе и ненависти.

Не менее интересны те, кого об'единила в своих рядах рядом с Горлецким контр-революция, из состава инженерства, кого она купила в качестве своих наемных слуг. Это также не менее характерно для доказательства старого известного тезиса марксизма о том, что интеллигенция никогда не представляла собой единой сплоченной силы, единого сплоченного класса, всегда была осуж-

дена историей, представлять собой среду, которую другой, экономически более устойчивый класс, использует в своих целях. Горлекций—октябрист, антисемит и ненавистник Советской власти, промышленник, сгибавший в бараний рог рабочих и в этом видевший единственно правильный метод разрешения рабочего вопроса.—И с ним рядом Калнин—тоже инженер, получавший, равным образом, крупнейший оклад при углепромышленнике Парамонове,, а в прошлом социал-демократ, член подпольного комитета социал-демократической партии меньшевиков, редактор революционной газеты эпохи первой революции 1905 года.

И рядом полная его противоположность—Андрей Колодуб или Кувалдин—два типичных выразителя среднего мещанства, сросшиеся настолько прочно со старым капиталистическим миром, что свое собственное бытие они разучились отделять от бытия этого последнего; добровольные сыщики Парамонова среди рабочих, поставщики доносов для контрразведки в эпоху минутного торжества белых в Донбассе, а затем активные работники вредительской организации со всей свойственной ограниченному мещанству тупоумной злобой,—они ненавидели и продолжают ненавидеть рабочий класс и революцию. Единственной извиняющей чертой, которая отличает их от квалифицированных инженеров, является то, что им нельзя пред'явить тех требований, которые должно пред'явить к инженерам; вышедшие из более некультурной среды, они скорее могут быть оправданы в своей жестокости и тупости, чем эти последние представители рафинированной городской культуры. А рядом Калганов, Сущевский, Соколов—инженеры новейшей формации, более молодые, чем Калнин или Горлецкий, обладающие большим запасом внешнего лоска и внутренней культуры, «порядочные люди», как они сами себя привыкли характеризовать; это не старые инженеры, которые не считали для себя позорным раздавать направо или налево зуботычины, это не Андрей Колодуб, но это и не социал-демократы. Политически, если бы им пришлось оформить свое политическое «я», они скорей причислили бы себя к кадетам, или даже республиканцам. Но это, однако, не мешало им служить не за страх, а за совесть капиталу, это не мешало им, однако, любить деньги, за деньги быть готовыми продать себя оптом и в розницу по первому требованию капиталистов. Это они как раз служили организационным центром вредительства по рудоуправлениям, в большинстве случаев занимая пост главных инженеров, они то лаской, то деньгами, то товарищеским обращением, то прямым приказом привлекали к себе и

подчиняли себе младший технический персонал. Не позволяя себе драться, они не брезговали, однако, тем, чтобы сообщать в контрразведку имена особо неспокойных рабочих. Они были способны, впрочем, иной раз и на героический жест в смысле спасения того или иного большевика от зверства белых палачей, но это бывало очень редко, это бывало только тогда, когда зверства переходили через край.

Наконец, рядом с ними стоят еще фигуры Башкина и подобных ему, трусливых негодяев и подлецов, людей, лишенных каких бы то ни было элементарных человеческих качеств, способных сделать все и пойти на все ради двух мотивов: денежной наживы, во-первых, и трусливого опасения за собственную шкуру.

Вот галлерея типов контр-революции, прошедших на шахтинском процессе. Вот те, кто взялся спасти страну от гидры социализма и коммунизма.

Во имя чего они пошли ее спасать?

Классовые цели программы вредительской организации в достаточной степени ясно выявлены на процессе. Эти классовые цели в окончательном итоге воплотились в одну программу уничтожения Советской власти и восстановления капиталистической собственности. В этом было все и это определило собой главным образом классовое существо процесса. И не только его классовое существо, а и классовые симпатии к вредителям со стороны всего буржуазного общественного мнения старой капиталистической Европы, всей буржуазной прессы и последних остатков буржуазных слоев в СССР. Еще бы, эти люди осмелились в СССР, в стране торжествующего пролетариата, в течение ряда лет под угрозой постоянной опасности быть арестованными, схваченными и расстрелянными без суда ОГПУ, они осмелились в такой стране, они, эти представители культуры и интеллигенции, осмелились вести конспиративную подпольную борьбу во имя восстановления института частной собственности и капиталистической системы. И с этой точки зрения, они должны были явиться героями в глазах буржуазии и буржуазной прессы, если бы даже эта иностранная буржуазия и не была связана, в лице тех или других представителей, с вредительской организацией. Они героями являлись уже по тому, что они дерзнули. Вот почему с таким единодушием первоначально твердила буржуазная пресса всех стран: процесс выдуман, процесс раздут,—для того, чтобы спасти этих героев

хотя бы путем давления своего общественного мнения, а затем, когда после первых же дней процесса это оказалось невозможным, приняла все меры к тому, чтобы выявить свое им сочувствие, быть их идейными защитниками и соратниками. И в этом концентрированном внимании и сочувствии тем, кто в нас возбуждает лишь презрение и ненависть, сказалась классовая противоположность между нами и буржуазным миром, сказалось еще раз общественно-политическое содержание процесса.

Обманулась буржуазия, однако, только в одном—в том, о чем мы уже говорили—идейной защиты капиталистических позиций на суде не нашли, идейной защиты своего политического кредо эти люди не дали. На это они, как трусливые наймиты капитала, оказались неспособными. Тем не менее основные движущие рычаги своей деятельности они выявили в достаточной мере. Мы не верили,—говорили они—в способность Советской власти восстановить хозяйство, мы не верили в принцип социалистического устройства общества, мы признавали единственно возможной и правильной систему капиталистических правоотношений.—Вот почему своей конкретной целью они ставили свержение Советской власти, ибо она стояла на дороге основным препятствием к реставрации старого мира.

Сообразно классовому существу этих целей, и конкретная работа вредителей шла параллельно по указаниям двух руководящих сил. Этой работой, с одной стороны, руководили, как мы уже сказали, бывшие промышленники, бывшие собственники рудников, представители французского, английского и бельгийского капитала и наши отечественные промышленники, работники старого совета с'ездов горнопромышленников юга России—этой боевой классовой организации капиталистов, как его назвал на суде тов. Крумин. Таков был один рычаг из тех, которые направляли вредительскую работу. Но задачами этих групп были задачи сравнительно мелкого масштаба удовлетворять интересам этих бывших собственников путем ли сохранения или переоборудования по их указаниям их бывших шахт, путем ли затопления или сокрытия пластов, путем ли загорможения нового шахтного строительства.

Другой канал, другой рычаг, направлявший вредительскую работу был более серьезен. Он защищал интересы класса буржуазии в целом и своим ведущим концом упирался в основное маховое колесо буржуазного капиталистического организма в целом,—

в официальные учреждения буржуазных правительств, в органы государственного управления старого капиталистического мира.

В этой связи вредительской организации с правительственными учреждениями буржуазных стран законченный классовый характер всего дела сказался в гораздо большей степени, чем в чем-либо ином. Буржуазные правительства суть классовые механизмы,—эта старая истина марксизма была нам давно известна. Но когда буржуазные правительственные органы чужих стран приняли участие в направлении работы вредительской организации инженеров в СССР, тесная связь этих классовых механизмов с интересами класса буржуазии в целом, в том числе с задачами срыва промышленности СССР,—получила еще одно неоспоримое доказательство.

Вместе с тем процесс выявил, что, как подобает в минуты, когда выступает класс в целом, отнюдь не чисто экономические проблемы выдвинулись и здесь на первый план. Юсевич и Матов во Франции пошли уже в официальное иное учреждение, это сделал Казаринов в Берлине. Они сообщили там данные не столько о том, что сделала организация, по сокрытию тех или других пластов или оборудованию той или другой шахты— об этом Матов и Юсевич подробно говорили на совещании промышленников с Штетингом и Соколовым в ином официальном учреждении они говорили о том, как построена организация, сколько людей насчитывает организация и что может сделать организация в момент войны, в момент прямой, вооруженной борьбы, в момент интервенции. Когда класс выступает, как класс в целом, он выступает, как политическая сила, и как политическая сила, он ставит прежде всего вопросы политики. Вот эти-то вопросы о той конкретной помощи, которую может дать вредительская организация интервенции, и явились об'ектом беседы Матова и Юсевича в одном официальном учреждении. И те же самые вопросы обсуждались и ставились вредителями и вождями контр-революционной организации вредителей во время их свиданий в СССР с таинственными незнакомцами, «важными иностранцами», и при посещении отдельных официальных учреждений отдельных стран. «Важные иностранцы» конечно, тоже не спрашивали у Матова о том, какой — трехногий или четырехногий копер нужно поставить на Щербиновской шахте, «важные иностранцы», конечно, не беседовали с ним и по вопросу,

каким способом лучше скрыть Алмазный или Пугачевский пласт. Они трактовали о другом. И точно так же не сведения о количестве выработанного угля, а сведения о списочном количестве рабочей силы, о наличности рабочих призывного состава, о состоянии под'ездных путей, о плане расположения электрических станций и силовых установок, о методах выведения из строя этих последних, о методах прекращения или парализования добычи топлива в целом, как основного элемента работы крупной индустрии вообще и, в первую голову, индустрии, работающей на оборону, вот о чем сообщалось по этим адресам. Впрочем, и работники, связанные с вредительской организацией, руководство работой которых шло по первому каналу—связи с бывшими собственниками,—равным образом, не упускали из виду этих важных целей. Недаром Бояринов именно от Дворжанчика получил предложение за 1000 долларов совершить в тылу во время войны диверсионный акт, недаром Казаринов о Дворжанчике говорил, что последний о Советской власти говорил с пеной у рта, а Соколов на совещании в Париже указывал, что в нужный момент все бывшие промышленники дружно нажмут на французское правительство в целях приближения момента интервенции.

Вот какие вопросы были предметом суждения, вот какая программа действий намечалась вредительской организацией. Это было именно обсуждение вопросов борьбы класса с классом, обсуждение стратегических и тактических планов на время военных действий.

И по мере того, как развивался процесс и этого рода действия и об'екты являлись об'ектами судебного рассмотрения, соответственно повышалась поэтому и нервная напряженность за границей, а радио время от времени оповещало «всех, всех, всех», что «мол» французское правительство не сочло даже нужным опровергнуть «вымысел», распространяемый на московском процессе отдельными обвиняемыми, в то время как представители другой страны выражали недовольство по поводу некорректности русской печати, случайно расшифровавшей некоторые имена.

Классовый характер процесса, классовое содержание вредительской работы выпячивались все больше и больше на первый план по мере того, как разворачивался процесс.

Процесс оправдал себя с этой точки зрения целиком, как политическая демонстрация того, кто именно шел против нас и во имя чего велась борьба.

Мы оставляем в стороне явившуюся частичным эпизодом в развертывании этой борьбы историю работы немецких фирм и картину деятельности Кестера, Блеймана и Зеебольда, как представителей отдельных промышленных предприятий, связавшихся с контр-революцией. Главным образом, экономические соображения или также и политические мотивы ими руководили—это, в конце концов, не так важно, важно указать, однако, что в этом общем строе врагов, которые были связаны с вредителями, из капиталистического мира,—в этом строе нашли место и представители германской индустрии.

Класс против класса: пролетариат СССР, с одной стороны, мировая буржуазия, с другой,—эта альтернатива, являющаяся основным вопросом всего политического бытия капиталистической Европы со времени 1917 года, нашла свое выпуклое отражение в шахтинском процессе, при чем процесс отразил совершенно определенную стадию в этой борьбе, стадию подготовительных работ контр-революции перед об'ективно неизбежным столкновением этих двух миров. Так его и следует расценивать, так его и следует понимать.

А что выявил процесс для характеристики другой стороны, что также должно быть учтено как политиками пролетариата, так и историками классовых отношений и историками пролетарской революции. Показав нравственную дряблость и полную нравственную бедность контр-революционных вредителей, процесс показал, вместе, с тем, с другой стороны чрезвычайную мощь и силу пролетарских масс, сумевших, несмотря на эту вредительскую работу, воссоздать Донбасс. Это факт, который также был наглядно продемонстрирован на суде. С другой стороны процесс выявил в отдельных представителях рабочих, прошедших на суде, такие неисчерпаемые запасы той же творческой энергии на будущее время, что все бывшие на процессе,—а были десятки тысяч,—и все слушавшие процесс и все читавшие о процессе, все наблюдавшие процесс должны были понять что не этим силам было вмоготу остановить торжественное шествие социализма, не эти силы смогли бы его не только остановить, но даже, хотя бы несколько затормозить. Это показал неуспех работы вредителей, это показали сухие цифры роста Донбасса, которыми вынуждены были в свою защиту оперировать те же вредители. Доказательства, которые в этом отношении дал процесс, оказались настолько всеоб'емлющими по своей силе, что и на основной вопрос, который был поставлен процессом во

всей широте—кто кого, а именно эпизодом из исторического опыта разрешения этой проблемы явилось все шахтинское дело,—ответ получился только один: процесс показал, что в этой истории классовой борьбы, на этой стадии ее, битой оказалась буржуазия, и притом битой безнадежно. Этим способом она оказалась не в состоянии чего-нибудь добиться. В ее руках остался, таким образ, второй способ—открытого нападения, открытой вооруженной интервенции. Но в первые годы революции опыт интервенции в прошлом она уже имела и тоже была бита. Оба пути оказались, таким образом, испытанными и оба неудачными.

Разложивший живую историческую действительность на ее составные части, проследивший на отдельных мелочах все этапы этой исторической реальной классовой борьбы, процесс выявил, одновременно и нашу силу и бессилие противника—и в этом также значение процесса. Пощады просили в последних словах подсудимые. В определенной части пощада была им дана.

Но пощада отдельным лицам не означает ни прекращения борьбы, ни пощады всему классу в целом. Если буржуазия поклялась вести против нас борьбу до конца, то такую же клятву, равным образом, дал еще в Октябрьскую Революцию и пролетариат.

«Ecrasez l'infame»—«Раздавите гадину»,—сказал в свое время Вольтер про католическую церковь.

«Ecrasez l'infame»—«Раздавите гадину»—дал себе слово в отношении буржуазии, равным образом, и рабочий класс.

А. Я. ВЫШИНСКИЙ.

А. Вышинский.

КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ

В течение нескольких месяцев, с того самого дня, когда впервые появилось правительственное сообщение о раскрытой в Шахтинском районе контр-революционной вредительской организации, внимание трудящихся масс всего мира было приковано к этому делу.

Поучителен и богат материал, составляющий содержание того, что известно под именем «Шахтинского дела»...

Нет никакого сомнения в том, что этот материал послужит предметом разностороннего изучения. Но в одном отношении он представляет собою специфический интерес.

Нам кажется, что никогда еще не было в нашей судебной практике случая столь отчетливо и богато по своим специфическим признакам выраженной экономической контр-революции, как это имеется в шахтинском деле.

Правда, и до шахтинского дела мы имели не мало процессов, где экономический ущерб, наносимый советскому государству, был весьма существенен; где государственные интересы страдали чрезвычайно серьезно; где хозяйственная устойчивость и благополучие не только отдельных государственных предприятий или учреждений, но целых отраслей, целых громадных участков или секторов государственного хозяйства ставились под угрозу вследствие преступной деятельности отдельных групп и лиц, пренебрегавших интересами советского строительства и даже прямо на них посягавших. Можно напомнить, напр., о таких делах, как дело служащих Государственного Управления Коннозаводства НКЗ («Гукон»), дело служащих Госторга, Главмортехозупра и др.—каждое из них представляло систему преступлений, совершенных должностными лицами, предававшими и продававшими советское государство в лице его отдельных хозяйственных секторов...

Во всех этих делах, несмотря на то, что преступные действия фигурировавших в этих процессах лиц били по самым чувствительным местам советского народного хозяйства, дезорганизовывали его, ослабляли, расшатывали и грозили ему, а, следовательно, в конечном счете и всему советскому государству серьезнейшими политическими опасностями, об экономиче-

ской контр-революции говорить можно было только с величайшей приблизительностью и условностью.

Шахтинское дело представляет собой колоссальный интерес, если говорить об уголовно-правовом характере этого дела,—именно с этой точки зрения. В этом деле впервые за всю историю Советской власти мы имеем наличие всех специфических свойств экономической контр-революции, как таковой.

Шахтинское дело—это поистине классический пример экономической контр-революции, поражающий полнотой, богатством и яркостью красок, воссоздающих с необычайной силой и ясностью представление об этом своеобразном преступлении, свойственном только советской действительности и условиям нашего переходного от капитализма к коммунизму периода, условиям еще незакончившейся классовой борьбы буржуазного мира против единственного на земном шаре пролетарского государства. И именно с этой, при чем отнюдь не узко юридической, а скорее бытовой и политико-исторической, точки зрения мы и хотим его рассмотреть.

Прежде, однако, еще несколько общих замечаний.

Первое замечание—насколько правильно называть то дело, которое вошло в историю под именем шахтинского дела, этим именем.

Если считать, что название дела должно соответствовать его содержанию, то на поставленный вопрос нужно дать ответ отрицательный: шахтинские материалы составляют лишь незначительную долю тех материалов, которые были предметом судебного исследования и которые легли в основание судебного приговора.

Шахтинское дело, как судебное дело, действительно выросло из следственного производства по поводу контр-революционной организации в Шахтинском районе (в районе г. Шахты, но в процессе своего развертывания следствие установило, что деятельность этой контр-революционной организации вышла далеко за пределы не только Шахтинского района, но и всего Донбасса.

Она захватила и другие учреждения: в контр-революционную игру оказались втянутыми такие, напр., учреждения, как Донуголь в виде ряда своих отделов и целых управлений (УНС—Управление Нового Строительства); отсюда контр-революционные нити оказались протянутыми в другие учреждения и другие отрасли промышленности, завязались осторожными организационными узелками в Москве и по двум основным нитям Харьков—Варшава—Берлин и Москва—Варшава—Париж—предательскими змейками уползли за границу.

Обвинительное заключение по «Шахтинскому» делу было озаглавлено, как «дело об экономической контр-революции в Донбассе». Из сказанного должно быть ясно, что и это наименование недостаточно точно. Шахтинское или Донбассовское дело нужно рассматривать как дело крупнейшего международного значения,—в этом деле еще раз столкнулись и выявились основные классовые противоречия нашего времени, борьба которых не умолкает во

всем мире и отличается содержанием полным глубокого драматизма...

Шахтинский заговор—это заговор одного из отрядов международного капитала против социалистического государства.

Недаром же на одном из заграничных совещаний вредительской организации группы вредителей, работавших в СССР, были названы руководителями заговора «передовыми отрядами капитала в СССР».

Недаром же их работа нашла себе руководителей в лице быв. собственников русского, польского, французского, бельгийского происхождения, и покровителей в лице отдельных представителей германского капитала и даже некоторых официальных учреждений некоторых иностранных государств. Интернациональный характер этого заговора, сфабрикованного Ремо, Дворжанчиками, Бурощами, Сансе, Соколовыми и Прядкиными, не подлежит, таким образом, никакому сомнению.

С этой точки зрения правильнее было бы назвать шахтинское дело делом об экономическом контр-революционном заговоре остатков бывшей буржуазии царской империи, вместе с об'единенными силами мировой буржуазии, против СССР. Только такое название вполне отвечало бы и существу и политическому значению дела.

Второе замечание, теоретического характера—«о природе и юридических признаках преступления» экономической контр-революции, как его понимает наш закон. Замечания эти нам необходимы, чтобы было яснее для не юристов все последующее изложение.

Пролетариат, взявший власть, инстинктивно (по классовой интуиции) предполагал, что старые собственники не откажутся так даром от своих прежних привилегий, и после неудачи прямой вооруженной борьбы будут стремиться, во что бы то ни стало, вернуть свою собственность. Как, однако, они могли это сделать? Одним из методов могло быть использование для этого наших советских учреждений. Вот почему уже первый Уголовный Кодекс 1922 года знает термин «экономическая контр-революция», как определенный метод борьбы старых собственников путем нелегального вредительства непосредственно в недрах пролетарского государственного аппарата силами представителей старого буржуазного мира, призванных к себе на службу рабочим классом.

Однако, соответственно тому, что в тогдашних условиях эти методы еще не могли быть выявлены в точности, составители Уголовного Кодекса 1922 года не могли дать и точного юридического определения признаков преступления экономической контр-революции. Вот почему самый текст статьи об экономической контр-революции претерпел ряд изменений. И можно прямо сказать, что только шахтинское дело впервые дало отчетливый тип этого преступления, вернее, его идеальное практическое выражение. Повторяем, первые тексты статей закона об экономиче-

ской контр-революции страдали рядом неточностей, неясностей и недоговоренностей. Достаточно сказать, что текст, даже исправленный, 63 ст. Уголовного Кодекса 1922 года (так.-наз. редак. 1923 г.) содержит в своей первой части прямую ссылку на контр-революцию, состоящую в совершении ряда преступных действий, направленных к противодействию нормальной работе государственной промышленности, торговли и транспорта, во второй же своей части содержит указания на саботаж, совершаемый без контр-революционных целей, т.-е. на нечто по природе своей совершенно отличное от контр-революционного преступления, по существу же—простое должностное преступление. Конечно, возможен и такой саботаж, который непосредственно контр-революционных целей не имеет, но является одной из форм контр-революционной деятельности. О формах этого саботажа мы будем говорить впоследствии, но и в этом случае осведомленность о контр-революционном характере этой работы все-таки является признаком этой деятельности. Статья 63 Кодекса редакции 1923 года во второй своей части как раз указывала на отсутствие этого признака, что было прямой непоследовательностью. Эта непоследовательность, с одной стороны, и чрезвычайная широта формулы первой части этой статьи—с другой, привели к тому, что 63 статья сделалась притчей во языцех, как статья, под которую можно было подвести, при желании, всякое деяние. Вот почему понадобился специальный циркуляр Центральной Прокуратуры, запрещавший прокурорской периферии без санкции центрального органа прокурорского надзора квалифицировать преступления по этой статье.

Этих недостатков удалось избежать только в «Положении о преступлениях государственных (контр-революционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)», принятом 3 сессией III созыва ВЦИК Союза (распубликовано 27 февраля 1927 года).

В этом «Положении» экономической контр-революции посвящена ст. 7, инкорпорированная впоследствии уголовным законодательством союзных республик и вошедшая, в частности, в УК РСФСР в виде статьи 58^7.

Как же сейчас определяет закон признаки этих преступлений?

Статья 58^7 (ст. 7 «Положения») не употребляет в своем тексте термина «экономическая контр-революция». Зато своим содержанием она охватывает все элементы как контр-революционного саботажа, так и контр-революционного вредительства. Смешать состав 58^7 статьи с обычным должностным преступлением сейчас, по новому ее тексту, никак нельзя.

Основным определяющим моментом для состава 58^7 статьи (ст. 7) является момент, совершенно не связанный с вопросом о размере вреда. Для состава 58^7 статьи требуется, чтобы нападение на государственное хозяйство совершалось в контр-революционных целях.

Наличие контр-революционной цели является для наиболее законченного состава экономической контр-революции conditio, sine qua non (обязательным условием).

«Для признаков экономической контр-революции,—говорил на 11 сессии ВЦИК тов. Крыленко в качестве докладчика от Наркомюста,—мы требуем сознательного выступления в наших учреждениях и сознательной деятельности, направленной к разрушению и расстройству транспорта, торговли и промышленности, в явно контр-революционных целях свержения или подрыва Советской власти»...

И дальше: «Только при наличии этих признаков преступления мы сможем,—говорит он,—преследовать по экономической контр-революции».

Так говорит первая часть ст. 58^7 (ст. 7), в основном своем построении вполне соответствуя указанному в приведенных цитатах принципу. Жизнь, однако, немедленно заставила внести сюда определенные и весьма существенные коррективы. Контр-революционная борьба путем использования советских учреждений, направленная на подрыв государственной промышленности, отнюдь не всегда сопровождалась отчетливой постановкой этих контр-революционных целей не только в смысле указания на эти цели в тех или иных документах, но и в смысле отчетливого представления этих целей, именно как ближайших и непосредственных целей, в сознании самих вредителей. Именно поэтому закон всегда различал прямую цель и допущение наступления определенных последствий. Именно с этой точки зрения жизнь заставила предусмотреть и такой вид экономической контр-революционной деятельности, которая, являясь по существу об'ективно контр-революционной деятельностью, суб'ективно могла и не иметь налицо прямых целей свержения власти немедленно. Заведомое допущение заведомо контр-революционных актов, направленных на принесение ущерба Советской власти, как такового, — вот что в этом случае законодателем поставлено, как определяющий момент, приближающий некоторые преступления именно к преступлениям экономической контр-революции.

Этот именно момент и отражен во второй части ст. 58^7: к экономической контр-революции она приравнивает и «такое использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, которое совершается в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций». Совершение преступных действий в виде использования государственных предприятий или учреждений в интересах бывших хозяев, независимо от того, к какому моменту относится преступниками постановка перед собой цели прямой контр-революции, и даже имеется ли налицо конкретно такая постановка, было признано законом совершенно достаточным для состава экономической контр-революции. Построенная, казалось бы, на отсутствии основного признака экономической контр-революции—стремления к свержению Советской власти—эта вторая часть, тем

не менее, совершенно правильно законом отождествляется с прямой экономической контр-революцией. Использование государственных учреждений и предприятий в интересах бывших хозяев и капиталистических организаций, означает в этом случае извращение самой природы этих учреждений в ущерб советскому строительству, означает служение врагам Советской власти, означает борьбу против Советской власти,—т.-е. заведомо контр-революционный акт.

Тем самым такого рода преступление выходит за пределы состава должностного преступления и превращается в преступление контр-революционное в подлинном смысле слова.

Поэтому-то закон и говорит в отношении подобных действий: «... а р а в н о», приравнивая их, тем самым, к контр-революционным действиям.

Шахтинское дело дает достаточно иллюстраций к данному тезису, который, таким образом, можно сформулировать, как: «экономическую контр-революционную работу, хотя и совершаемую без прямо поставленных контр-революционных целей, но в интересах бывших собственников и капиталистических организаций, с заведомыми для совершающих эти действия их контр-революционной природой и их контр-революционного характера».

Истинное значение Шахтинского дела, однако, заключается именно в том, что мы имеем в нем комплекс всех до одного элементов, определяющих понятие экономической контр-революции, что мы имеем здесь в нем полную политическую программу, не оставляющую никаких сомнений в смысле своего подлинного контр-революционного содержания. При чем основной целью этой программы было свержение Советской власти, совершаемое путем выполнения трех задач: 1) пропаганды против Советской власти, 2) помощи врагам СССР в случае войны или интервенции, и 3) экономического вредительства, совершаемого в тех же целях в течение ряда лет на крупнейших предприятиях Донбасса.

Эта программа сложилась в таком виде, однако, только в 1926/27 г.; до этого времени контр-революционная работа совершалась по признакам второй части 58^7 статьи—использование деятельности определенных советских учреждений в интересах частных собственников и бывших владельцев, без прямой постановки контр-революционной цели свержения Советской власти, как таковой.

В известный момент, однако, пришла и эта политическая деятельность. И тогда-то и получилось то шахтинское дело, которое мы выше охарактеризовали, как классический пример экономической контр-революции.

Именно потому, что шахтинское дело, таким образом, в своем историческом развитии отразило все до одного элементы и признаки обеих частей 58^7 статьи, мы считаем целесообразным подвергнуть его рассмотрению именно с этой точки зрения, как бытовой и в то же время классический пример отражения в нашей

живой реальной действительности сухой юридической формулы Уголовного Кодекса РСФСР.

Дать конкретную картину, как реально в жизни она нашла свое отражение, такова задача, которую мы сейчас перед собой ставим.

Экономическая контр-революция в Донбассе в своем развитии прошла несколько фаз.

Первоначально (это относится к 1919/20 г.) поставленная ею перед собой задача носила, если можно так выразиться, пассивно-выжидательный характер: это был период типичного саботажа. Вся контр-революционная философия этого времени сводилась к тому, чтобы по возможности ничего на производстве не производить—не добывать или возможно меньше добывать угля, не разрабатывать новые целики, а если это оказывалось невозможным, то разрабатывать такие, которые похуже, потруднее, подороже, и т. д.

Вся забота и все старания вредителей в этот период времени были обращены на то, чтобы как-нибудь «перетерпеть», как-нибудь «переждать» Октябрьскую «непогоду», которая казалась какой-то бурной грозой, которая откуда-то быстро, стремительно набежала, разразилась и должна промчаться куда-то дальше, чтобы вновь никогда не повториться...

Уходя с рудников, старые хозяева были глубоко уверены в кратковременности своего отсутствия. Не может же быть, чтобы эти «босяки» и «оборванцы» были в состоянии удержать в своих руках власть, наладить хозяйство, управлять, руководить государством по-настоящему!.. Победа большевиков казалась какой-то роковой случайностью, какой-то нечаянностью, противоречившей всему закономерному ходу событий и самой природе вещей,—ошибкой, которая должна же быть исправлена, не может не быть исправлена. Дайте, мол, только срок, да и то не очень большой...

Таким углом зрения и определялась в это время основная линия поведения врагов Советской власти, советского государства, разбитых в открытых сражениях, мечтавших о реванше, веривших в неизбежность реванша, и собиравшихся пока что помаленьку пакостить большевикам,—по-маленьку, потому что пакостить в большом масштабе, по-настоящему, вовсе не казалось еще необходимым.

Вот почему перед окончательным уходом своим из Донбасса, бывшие хозяева завещали своим прислужникам не только не портить оборудования, не только не затоплять шахт, но, наоборот, беречь их.

«Все разговоры между лицами, связанными между собой по производству,—показывал на следствии Березовский,—муссировались приблизительно таким порядком, что при той или другой передвижке рудников, т.-е. при занятии их красными войсками, мы должны работать в пользу старых хозяев по сохранению рудников и оборудования в целости, чтобы их не обес-

ценивать, т.-е., чтобы при переходе рудников обратно к белым, они не были взорваны красными войсками и не были бы повреждены так, чтобы их нельзя было восстановить»...

Из приведенного выше показания Березовского (присужден к высшей мере соц. защиты, расстрелу) явствует, что, во-первых, бывш. хозяева и их инженеры были уверены в скором возвращении белой власти; во-вторых, опасались, что красные могут при своем уходе взорвать рудники и этому-то и должны были всячески воспрепятствовать и, наконец, в-третьих, должны были, пока еще держалась власть советов, работать так, чтобы от этой «работы» не пострадали интересы бывш. хозяев.

Директива была дана прямая: работать в пользу хозяев по сохранению рудников. Что это должно было и могло означать? Только одно—не работать по-настоящему, т.-е. так, как. надлежало бы работать при настоящих хозяевах...

Налицо был, таким образом, лишь типичный случай контр-революционного саботажа, о котором говорит нынешняя 58[14] статья, преследующая «контр-революционный саботаж, т.-е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата».

Конечно, здесь еще не было превалирования цели ослабления правительственной власти,—скорее гораздо большую роль играла цель сохранения интересов старых хозяев, но ослабление деятельности государственного аппарата было все же налицо, и юридически именно с этой точки зрения следует подходить к этому периоду работы вредителей, поскольку в этот момент задачи чисто политические ими не ставились вовсе; предполагалось, что Советская власть не удержится сама по себе.

Так началась контр-революционная работа вредителей и так продолжалась она приблизительно до 1922 г. Таков был первый этап работы и первая фаза истории экономической контр-революции в Донбассе.

Однако, так «работать» в пользу бывших хозяев можно было лишь сравнительно короткое время. Саботаж достаточно легко распознается, саботажники довольно быстро разоблачаются, вся контр-революционная затея могла легко сорваться. Между тем, время шло, за месяцами уходили месяцы, за первым годом—второй, за вторым—третий, и Советская власть продолжала существовать.

Сознание безнадежности, сознание беспочвенности ожидания быстрого конца господства большевиков начинает поэтому с этого момента проникать и в контр-революционные головы. Начинают рождаться новые планы, рассчитанные уже на более длительный период времени и на более сложную обстановку. От контр-революционного саботажа вредители начинают переходить к другим методам.

К этому времени (1922 год) замечается переход оставшихся на производстве врагов пролетарского государства к активным действиям. По форме эти действия были весьма разнообразны: одни начинают затоплять шахты (напр., Березовский и Бабенко затопляют шахту «Ново-Азовскую» в Донецко-Грушевском Рудоуправлении), рассчитывая этим путем сохранить ее недра от выработки и приберечь их, таким образом, до того времени, когда все-таки будет восстановлен «старый порядок»; другие—портить механизмы (напр., Башкин—главный механик Донецко-Грушевского Рудоуправления, который, по собственному признанию, принял меры к тому, чтобы турбина стала изнашиваться скорее своего нормального срока), третьи устремляли свое внимание в сторону ремонта, стараясь произвести его так, чтобы отпущенные на ремонт средства оказались выброшенными на ветер, как это случилось, напр., с ремонтом тягальной лебедки на бывш. Петропавловском руднике (теперь «Октябрьская Революция»), с ремонтом плотины в том же Рудоуправлении, размытой первой же весенней водой, и т. д. и т. п.

Если прибегнуть к известного рода систематизации всех этих вредительских действий, то можно наметить несколько основных, так сказать, типовых вредительств этого периода: 1) затопление шахт, 2) порча механизмов и оборудования, 3) неправильная постановка эксплоатации шахт, 4) неправильный выбор об'ектов эксплоатации, 5) замедление производства.

Здесь налицо уже не только контр-революционный саботаж, не только «неделание»,—налицо определенная система вредительских действий—прямое вредительство, хотя и без целей непосредственно контр-революционной политической работы, налицо полный состав второй части 58[7] статьи—«использование государственных предприятий или противодействие их нормальной деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций».

Неправильная постановка эксплоатации шахт была основным методом работы. В конечном итоге она сводилась к тому, чтобы производить минимальную по об'ему и количеству добычи работу, с одной стороны, и наихудшего качества,—с другой. К этому добавлялась и третья задача—работу производить в наихудших, в наиболее тяжелых условиях, вызывая раздражение и недовольство рабочих и умело обращая его против отдельных представителей Советской власти и против самой Советской власти.

Эта последняя задача осуществлялась до-нельзя просто, откровенно и цинично: устраивалась, например, такая «вентиляция», что рабочие должны были бросать работу и уходить из шахт. Добивались этого вредители таким образом, что получалось так, будто все происходит в силу нормального хода вещей. Напр., несвоевременно проводили вентиляционные штречки (ходы), забои пускали вперед и достигали того, что вентиляционные

штречки заваливались. Причина отыскивалась в «технических неполадках», но дело от этого не изменялось ни на волос...

В других случаях делалось плохое крепление, что влекло за собой завалы, остановки в работе, недовыработку, убытки. Умышленно не поддерживали к тем или другим уступам ходов—ходы заваливались. Техническая «неполадка» и тут выручала...

Были случаи, когда сознательно устанавливались сортировки малой мощности, заведомо неспособные охватить всю добычу шахты, справиться с своей задачей,—отсюда неизбежное падение производительности шахты плюс еще и ухудшение качества угля. Это ухудшение качества угля доходило до того, что потребитель отказывался от этого угля, и он не находил себе сбыта.

Но особенно возмутительно проявлялось вредительство второго типа—порча машин и оборудования.

Недаром один из общественных обвинителей, т. Гринько, в своей обвинительной речи вспомнил о «машиноборцах». Среди вредительских актов, которыми запятнал себя ряд обвиняемых инженеров и техников, едва ли не наиболее позорным было вредительство машин. Было установлено на суде, что это вредительство осуществлялось в самых разнообразных формах. В одном случае турбины начинают питать жесткой, не технической водой: котлы начинают форсированно изнашиваться. Врубовые машины пускаются в работу на пластах, не соответствующих их конструкции—начинали усиленно ломаться зубья; другие машины перегружали непосильной работой, им отказывали в этих случаях в необходимом ремонте.

Если кто-нибудь на производстве пробовал протестовать против подобного варварства, его убирали. Особенно в этом отношении доставалось передовым рабочим и, в частности, коммунистам.

Так, Самойлов (осужден на 5 лет со строгой изоляцией) сместил с должности зарубщика Сизова (ш. Октябрьская Революция), осмелившегося сделать Самойлову замечание по поводу его действий, направленных против интересов производства. А. Колодуб (осужден на 8 лет) перебросил на другой рудник рабочего Пахомова—«за протесты».

Инж. Нашивочников (осужден на 6 лет со строгой изоляцией) систематически выживал коммунистов—инж. Лившица, техника—б. красного командира Домненко, Очередниченко и др. Свидетель Кузин рассказывал, как был отсранен от должности пом. механика, когда не пошел в ногу со вредительством.

Для того, чтобы лучше «обезвреживать» коммунистов и парализовать их влияние, пресечь возможность их вмешательства в оперативную работу на производстве, коммунистов оттесняли с производства на третьестепенные места. Напр., Домненко назначили ведать «поверхностью», т.-е. сторожами и уборщиками, не допуская до производства. Когда передовики-рабочие указывали инженерам—членам вредительской организации на то, что не действует вентиляция, что рабочие задыхаются, не могут работать, последние цинично отвечали: «ничего, не сдохнут»...

Как иллюстрацию отношения вредителей к машинам, свидетель Домненко рассказал суду о том, каким мытарствам подвергся изобретенный рабочим-шахтером Лупценко скрепер. Чтобы не дать скреперу хода, пускались на то, что перерубали канаты, портили цепи... Таково было отношение к машинам со стороны этих просвещенных варваров, этих, поистине, машиноборцев...

До каких геркулесовых столбов доходило варварское отношение к предприятию, до каких пределов доходил цинизм и вандализм вредителей, свидетельствует вскрытая на предварительном следствии и подтвержденная на судебном следствии трагическая история двух заводов и одной фабрики: фенолового и подковного заводов и брикетной фабрики. Все эти три предприятия, стоившие громадных денег и представлявшие собою ценные производственные единицы, были безжалостно уничтожены. С них поснимали все наиболее ценное оборудование—трансмиссии, шкивы, подшипники, якобы под предлогом крайней в них необходимости для оборудования других предприятий. Один из рабочих, допрошенных в качестве свидетеля по делу, показывал, что «много станков с подковного завода стоит около материального склада и там пропадает».

«По распоряжению Башкина (главного механика Рудоуправления—осужден на 8 лет строгой изоляции), была разобрана электролебедка в 80 л. с.—говорил свидетель т. Дорофеев—части лебедки сейчас разбросаны и пустить ее в эксплоатацию нельзя».—«В то же время были заказаны две новые лебедки, но такие громоздкие, что пустить их в работу оказалось невозможным...»

При таком положении вещей, разумеется, не могло быть и речи о правильной постановке дела шахтной эксплоатации. Не менее яркие по своему безобразию факты аналогичного характера наблюдались и в так наз. Отделе Механизации, находившемся в составе Донугля, захваченного в известной своей части членами вредительской организации в свои руки...

Здесь состав ст. 58[7] УК осуществлялся таким образом, что Отдел Механизации закупал машины таких фирм, конструкций и марок, которые менее всего подходили к условиям, в которых они должны были работать. Что же получалось? Получалось сплошное безобразие. Купили, напр., 125 машин фирмы Сискол. Спустя некоторое, очень непродолжительное время, половина этих машин вышла из строя. Купили зря 30 врубовых машин Джефри—тоже неподходящих для той работы, для которой они предназначались. Посылались не те машины и не на те участки, на которых они могли бы быть целесообразно использованы. Наоборот, такие машины, которые были нужны и могли хорошо и целесообразно быть использованы, со складов не выдавались и на рудники не посылались...

С электроэнергией дело обстояло не лучше. Заботились не о том, чтобы энергия подавалась бесперебойно, чтобы она обходилась дешево. Все усилия вредителей направлялись, наоборот,

на то, чтобы перебоев в подаче энергии было как можно больше, чтобы энергия почаще капризничала, чтобы больше было простоев в работе шахт... В этом отношении не останавливались даже перед прямой порчей турбин, как это, напр. было в Донецко-Грушевском Рудоуправлении, где по словам главного инж. Калганова порчи турбны, происшедшей в 1924 г., можно было бы избежать, если бы была урегулирована нагрузка. «Но этого, добавляет он, не было сделано умышленно сначала Башкиным, а потом Чернокнижниковым (осужден на 6 лет),—и по моей директиве...»

Турбина таким образом вышла из строя, энергию пришлось брать с соседнего рудоуправления, что тяжело отзывалось на этом последнем.

Третий тип вредительства, как это было сказано выше, представлял собой неправильный выбор об'ектов эксплоатации. Вредительство этого типа было задумано и осуществлено в большом и серьезно продуманном масштабе. Был предварительно проработан целый план, прикрытый государственными интересами, проведенный под влиянием кстати подвернувшихся обстоятельств и при помощи ловкого использования сложившейся хозяйственной кон'юнктуры.

Когда в середине 1925 г. угольный рынок пред'явил к производству повышенные требования на продукцию и явилась срочная необходимость удовлетворить эту острую потребность пуском в эксплоатацию в кратчайший срок с наименьшими затратами дополнительного количества шахт, перед Советской властью встал вопрос о так наз. мелком шахтном строительстве. Вполне понятно, что мелкие шахты требуют меньшего срока на свой «разворот», меньших средств на свое оборудование, которое может быть для них и более простым и более дешевым. В качестве срочного, временного мероприятия—идея мелкого шахтного строительства ничего вредного или опасного собой не представляла.

Но, как временная мера, она, конечно, ни в какой степени не должна была вытеснить или заслонить собой, основной и постоянной задачи—развития крупного строительства с соответствующим, отвечающим последнему слову техники, оборудованием, высокой производительностью и т. д. и т. п.

Всякий, кто понимает связь между топливом и промышленной продукцией вообще, с одной стороны, и между промышленной продукцией и крестьянским потребителем, с другой, тот не мог не понять того, что путь к разрешению многочисленных вопросов экономической политики советского государства лежал, во всяком случае, через крупное, а не мелкое шахтное строительство.

Такова основная постановка этого вопроса. Враги советского государства, разрушители советского хозяйства, этому вопросу дали совершенно другую постановку. Они ухватились за мелкое

шахтное строительство, как за один из способов отстоять опять-таки хозяйские интересы.

В самом деле, разве нельзя воспользоваться благоприятным случаем для того, чтобы раздуть это мелкое строительство до размеров настоящей катастрофы? Нельзя разве выдвинуть это строительство на первый план, заслонив шахтной мелочью задачи большого, капитального, основного, технически-рационального строительства крупных шахт? Разве нельзя, кстати использовав эту «легальную возможность», поднажать на себестоимость в смысле ее повышения или, по крайней мере, неснижения? Разве, наконец, нельзя подзаработать на этом «строительстве» и в смысле распыления государственных средств, и в смысле вбухивания их куда и как попало, и в смысле получения наименьшего по количеству и по качеству эффекта?.. На все эти вопросы вредительская организация дала прямые и положительные ответы. Организация снеслась с заграницей—с Парижским центром, одобрившим план мелкого строительства, и приступила к делу.

Особенно ярко и «показательно» это дело было проведено в частности на Щербиновском Рудоуправлении, где сорганизовался достаточно сильный и сплоченный отряд вредителей—Сущевский, Стояновский, Одров, Люри, Семенченко (все осуждены Верховным Судом к лишению свободы на разные сроки, со строгой изоляцией).

Вместо того, чтобы возобновить разработку хороших и вполне рентабельных пластов Толстого и Пугачевского, Сущевский и к° принялись за закладку мелких шахт, при чем закладку начали без предварительных изысканий, с закрытыми глазами.

Подсудимый Сущевский (осужд. на 10 лет со строгой изоляцией) рисует картину этого мелкого «строительства» в таких безотрадных выражениях: «Кампания была проведена в ударном порядке, поэтому выбор шахт был сделан недостаточно осмотрительно, без нужной разведки. В результате многие из них пришлось закрыть довольно скоро, а другие приходится закрывать уже теперь, а до сего времени они влачили жалкое существование, повышая себестоимость Рудоуправления».

Этот «ударный» порядок оказался для дела мелкого шахтного строительства, действительно, «ударным»—он довольно-таки крепко ударил по мелкой промышленности, причинив ей немало вреда.

О том, как к этому мелкому строительству отнеслась вредительская организация, мы знаем из показаний одного из главных обвиняемых по шахтинскому делу—Матова (приговорен к высшей мере соц. защиты—расстрелу): «Решено было форсировать заложение шахт, поощряя их закладку на местах, заведомо неблагонадежных или недостаточно благонадежных. В отношении переоборудования старых капитальных шахт, в виду того, что шахты старого Донбасса почти все имеют устарелое оборудование, большинство этих шахт подлежало переоборудованию в

техническом отношении. Однако, решено было, по возможности, это оборудование задерживать, чтобы сохранить прежнюю стоимость угля, малую производительность рабочих и большой расход топлива на свои нужды.

«Для быстрого увеличения добычи Донугля, вследствие увеличившегося спроса на уголь, решено было Правлением Донугля заложить ряд средних и мелких шахт. Тогда на совещании руководителей организации решено было дать задание главным инженерам и районным директорам по возможности в максимальном количестве закладывать шахты на заведомо неблагонадежных и мало разведанных участках. Из известных примеров, могу указать на шахту № 28 и шахты на Карбоните Золото-Тошковского Рудоуправления и на Кадиевке».

По этому же поводу характерны показания и подсудимого Сущевского: «Под предлогом невозможности работ на капитальных шахтах—развивали работы мелких шахт, с производством для этой цели капитальных вложений. Такая постановка давала возможность получить на рынке значительное количество угля, но так как уголь этот в большинстве низкого качества,—естественным следствием явилось нанесение значительных убытков, прямых и косвенных, производству, промышленности и, вообще, государству...»

В таком же беспорядочном и вредоносном «порядке» отпускались для мелкой промышленности и кредиты. По данным дела, кредиты были отпущены «с потолка», потому что, как говорил подсудимый Сущевский (гл. инж. Щербиновского Рудоуправления), некогда было собрать сведения, сколько денег нужно по каждой шахте.

В результате: «В рудоуправлениях получалась путаница: на одних шахтах огромный перерасход, на других—недорасход... Работа мелких шахт в Рудоуправлении была сущим наказанием...»

Осуществление плана мелкого шахтного строительства в руках контр-революционной организации превратилось, таким образом, в одно из орудий вредительства, в один из способов осуществления заговорщиками своих контр-революционных замыслов, сводившихся не только к бесхозяйственной растрате народных советских денег, но и к прямой попытке этим путем обеспечить быв. хозяевам возврат принадлежавших им предприятий и рудников. Этим б. хозяевам «разворот», как выражаются техники на своем специфическом языке, мелкой промышленности был тем более интересен, что таким путем отвлекалось внимание советского государства от разработки значительно более ценных крупных шахт, с одной стороны, и уничтожались многочисленные конкуренты в лице мелких предприятий, что, конечно, представляло большую выгоду для тех, кто собирался вступить в свои собственнические права в отношении крупных шахт,—с другой.

Насколько преступно было поставлено это мелкое шахтное строительство, можно судить хотя бы по тому, что на эти же самые средства можно было бы путем дооборудования нескольких крупных шахт получить тот же результат по добыче, но только на более длительный срок.

Мелкое шахтное строительство оказалось сорванным в ряде случаев. На Щербиновке, на Кадиевке и в др. рудоуправлениях шахты закладывались на старых выработках, где заранее была известна неизбежность их затопления, на таких участках, где нельзя было ожидать хорошего угля.

Мелкое шахтное строительство сослужило контр-революционной организации немалую службу: производственный эффект получился ничтожный, зато оказались вколоченными в почти бесполезное дело крупные средства и достигнута оттяжка крупного строительства капитальных шахт на лишних полтора-два года.

Цель вредительской организации оказалась достигнутой с полным успехом...

Так в жизни осуществлялось дело экономической контр-революции лишь умелым использованием легальных путей и средств без заглядывания в далекие контр-революционные перспективы, и при одном лишь условии—беззаветного служения интересам бывших хозяев и их капиталистическим вожделениям...

Мелкое шахтное строительство, с этой точки зрения, является одним из красноречивейших образцов экономической контр-революции, по второй части 58[7] статьи, классическим примером которой в ее обеих частях является все шахтинское дело в целом...

———

Если бы в шахтинском деле до конца, т.-е. до момента его ликвидации органами ОГПУ и судебно-следственными властями, все оставалось в том положении, какое мы видели в 1920—23—1925 гг., то мы не имели бы той развернутой формы экономической контр-революции, какую представляет собой это дело в действительности.

К глубокому сожалению, должно констатировать, что на этой фазе оно не остановилось, и развернутую форму экономической контр-революции шахтинское дело также дало.

Развернутая форма экономической контр-революции тем и отличается от формы, так сказать, усеченнной, что в ней: 1) отдельные контр-революционные преступления отдельных лиц сливаются в одно органическое целое, и индивидуальная воля каждого действующего лица заменяется волей действующего коллектива, руководимого одним центром, планомерно осуществляющим задачи, стоящие перед всеми вместе и каждым в отдельности, и 2) что при развернутой форме на первый план этой согласованной коллективной деятельности выступают уже цели прямой контр-революции — политические цели свержения Советской власти, как таковой.

Иначе говоря, для полноты состава экономической контр-революции,—а не отдельных экономических контр-революционных деяний,—необходимо наличие в этих деяниях организационной связи между всеми участниками, коллективной воли, централизованного руководства, т.-е. наличие той организации, о которой говорит ст. 11 «Положения» и ст. 58[11] УК РСФСР, и наличие, во-вторых, иной, чисто политической установки в этой работе.

Шахтинское дело дало и с этой стороны богатый материал, свидетельствующий о наличии такой организации и дающий полное представление о ее зарождении, развитии, способах и целях деятельности. Если возникновение первых ячеек контр-революционной вредительской организации в Донбассе приходится относить к 1922 году, когда из индивидуальных преступных связей главных инженеров с их хозяевами стали вырастать по отдельным рудоуправлениям контр-революционные ячейки, то к 1925 году относится их окончательное оформление в единую разветвленную организацию.

К этому времени мы наблюдаем возникновение такой ячейки в Донецко-Грушевском Рудоуправлении, где первым организатором явился районный инженер по Шахтинскому району—Н. Н. Березовский, Завед. Техн. Отд. Район. Управления инж. Г. А. Шадлун, гл. инж. Рудоуправления Н. Е. Калганов и, наконец, инж. Н. Н. Горлецкий, явившийся родоначальником всей вообще вредительской организации в целом. Вскоре в эту группу вступил еще ряд лиц, и круг преступной группировки замкнулся. В руках группы оказались главные рычаги производства: а) шахты (пятеро участников этой группы были заведующими шахтами); б) механизмы (два—главных механика) и в) контроль (Антонов был зам. нач. Горного Надзора).

«При сочетании этих трех элементов, говорил на суде Березовский, вредительскую работу можно было построить планомерно, не боясь провалов»...

В 1924 г. возникла аналогичная задача во Власовском Рудоуправлении, в 1923 г.—на Несветае, где в нее вошли гл. инж. Калнин, завед. горными работами Некрасов и гл. механик Кувалдин, аттестованные рабочими как «парамоновский шпион» и «цепная парамоновская собака»...

В это приблизительно время возникла и Щербиновская группа, куда вошли все основные ответственные работники во главе с гл. инж. Сущевским, одним из наиболее ранних участников вредительской работы в Донбассе. Главным вдохновителем контр-революционной эпопеи на этом руднике оказался инж. Бахтиаров, успевший заблаговременно скрыться за границу, но впоследствии, и не так давно, рискнувший вернуться в СССР и попавший прямым рейсом в руки ОГПУ.

Это была та самая группа, которая так успешно, как это мы видели выше, осуществляла вредительство под флагом мелкого шахтного строительства.

На Кадиевском Рудоуправлении, Селезневском, Брянцовском, Екатерининском, Гришинском, Байракском и ряде других рудоуправлений возникли в аналогичном порядке сначала небольшие, а затем довольно широко развернувшиеся вредительские ячейки, из которых к 1924 г. выросла настоящая организация с руководящим органом в центре, с уполномоченными на периферии, с правильно действующей системой связи, финансирования, руководства.

Такой «центр» образовался, как это вытекало из самой природы вещей, в недрах центрального органа, руководящего каменноугольной промышленностью—в Донугле.

В этом Донугле ряд ответственных, руководящих постов к этому времени оказался также в руках членов организации. Директорат Донугля, состоявший из групповых директоров (Бахтиаров, Матов, Мешков, Березовский, Шадлун, Детер и др.), сплошь состоял из членов вредительской организации. Подсудимый Сущевский с полным основанием этот директорат назвал на суде «директоратом вредителей». Ряд крупнейших и наиболее интересных отделов теперь был захвачен членами организации,— во главе Управления Нового Строительства (УНС), на которое было возложено строительство нового Донбасса, стоял один из руководителей организации инж. Матов, Ю. Н., его заместителем был инженер Д. М. Сущевский, завед. Иностранным Отделом был инж. А. И. Казаринов, во главе Отдела Механизации стояли инженеры Горлецкий («старый волк капитализма») и Чинокал,—все члены вредительской организации. Главным техническим директором был тоже член организации—Бояршинов, упорно отрицавший свою вину, но вынужденный признать, что он «был, по его собственным словам, в плену у организации, вынуждаемый делать так, как хотела эта организация»...

Проектный Отдел,—где концентрировалась вся нервная энергия нового строительства,—был в заведывании инж. Братановского, оказавшегося впоследствии одним из деятельнейших участников и руководителей организации.

Так сфабриковался руководящий центр контр-революционной организации, зародившийся в недрах Донугля и получивший именно благодаря этому обстоятельству возможность планомерно и систематически осуществлять свою роль руководства вредительской работой на местах.

Так были осуществлены и реализованы в жизни все признаки 58[11] ст. УК—создана организация. Исключительный по своей выпуклости и рельефности пример использования советского аппарата в интересах контр-революционной организации (ст. 58[7], часть 2-я) дало шахтинское дело в этот период.

Следующий период—это был период привнесения сюда чисто политических моментов и направления деятельности организации на прямой подрыв промышленности в целях свер-

жения Советской власти, юридически отразившихся в переходе от признаков 2-й части к признакам 1-й части ст. 58[7] УК.

Сконцентрировав в своих руках руководство вредительской деятельностью на периферии и в отделах самого Донугля (проектирование нового строительства, импорт машин и пр.), Харьковский центр, регулярно поддерживающий связи с заграницей, протягивает в 1926/27 г. свои щупальцы к Москве, где к этому времени возникает Московская вредительская организация, охватывающая ряд работников центральных хозяйственных и регулирующих органов (Скорутто, Рабинович, Именитов), ставящих себе те же задачи разрушения советского хозяйства и подготовки свержения Советской власти.

Заграничные связи осуществлялись путем переписки и личных докладов отправляющихся в заграничные командировки инженеров. В командировках с «научно-техническими и производственными» задачами, разумеется, отказа со стороны правительства не было. Воспользоваться командировками в интересах организации представлялось весьма удобным, и организация широко этой возможностью пользовалась.

Основными линиями и узловыми пунктами связи с заграницей были Харьков—Варшава—Берлин, с одной стороны, и Москва—Варшава—Париж,—с другой.

Более ранней и прочной линией связи являлась последняя эта связь (Москва—Варшава—Париж); завязалась еще в 1922/23 г., осуществлялась при содействии некоторых служащих офиц. учреждений некоторых государств и носила вполне устойчивый характер. Главными действующими лицами «с того берега» были Дворжанчик (быв. директор Дон.-Груш. Акц. О-ва, б. член Совета С'ездов Горнопромышленников юга России), возглавлявший образовавшееся в Варшаве «Польское об'единение б. директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе», Ремо (быв. директор франц. О-ва Берестово-Богодуховского района), Соколов Б. Н. (б. секретарь Совета С'ездов Горнопромышленников Юга России, одной из наиболее боевых организаций капиталистов дореволюционного времени), Прядкин (б. директор Кривор.-Каменецкого района), Буроз (б. директор Екатерин. Горнопромышленного О-ва).

Все эти лица и ряд других б. капиталистов и акционеров, представителей российской капиталистической промышленности, ликвидированной Октябрьской Революцией, образовали в Париже «об'единение б. горнопромышленников Юга России», которое и явилось центральным пунктом, где завязывались в конечный итог все контр-революционные пути, шедшие из СССР и обратно.

Это «Об'единение» правильно было охарактеризовано судебно-следственными властями, как Парижский центр, являвшийся вдохновителем, организатором и руководителем всей экономической Донбассовской контр-революции, вступившей в период 1925/26 г. в полосу своего наиболее сильного расцвета, и по-

ставил себе уже прямую цель чисто политического характера.

Нет нужды специально говорить о том, что Парижский центр не был, конечно, каким-либо конспиративно действовавшим на территории иностранного государства обществом. Действовал он совершенно легально, устанавливал и поддерживал связи не только с определенными капиталистическими кругами, но и с отдельными представителями официальных правительственных учреждений, устраивал с представителями вредительской организации, приезжавшими из СССР, периодические совещания, прорабатывал вредительские планы, давал руководящие директивы, снабжал денежными средствами. Интересно отметить, что дававшиеся из Парижа директивы носили не только общий принципиальный характер, но на-ряду с этим содержали в себе детальные указания конкретно-практического характера. Так, на одном из совещаний в Париже Матов сообщил о предполагаемой закладке новых шахт на Щербиновке, Ирмене и Горловке; присутствовавшие на совещании б. директора Горловки и Щербиновки выразили по этому поводу свое неудовольствие и сделали ряд практических указаний на будущее.

Второй линией связи было направление Москва—Варшава—Берлин, где активную роль играли брат подсудимого Абрама Башкина (главный механик Власовского Рудоуправления) русский бело-эмигрант Исай Башкин, занявший ответственную должность в так наз. «Русском Отделе» германской фирмы Allgemeinische Elektrische Gesellschaft (AEG) и заведующий этим отделом гр. Блейман.

Однако, уже самый крупный характер организации, разветвленный характер ее связей и тот факт, что в нее оказались вовлеченными об'единенные организации промышленников, привели к постановке на первую очередь политических задач. Непосредственно о политических задачах вели переговоры с контрреволюционной организацией и представители официальных правительственных учреждений буржуазных стран. Отсюда теперь, равным образом, стала притекать финансовая помощь и отсюда же стали притекать и совершенно определенного характера чисто политические задания. Если в начале 1926 года состоялось с участием уже известного нам Дворжанчика совещание в AEG в Берлине, рассматривавшее ряд вопросов об усилении средств организации, о связи с Юсевичем (осужден к высшей мере социальной защиты—расстрелу за шпионские действия), являвшимся представителем организации в Париже, то на Парижском совещании царило уже другое настроение, ибо, по словам подсудимого Казаринова (осужден к расстрелу), здесь пошли уже речи не только об «огне экономических затруднений», но и о прямом «огне войны», но и о методах действия организации в период вооруженной интервенции. Призрак военной интервенции и вооруженного свержения Советской власти стал теперь маячить перед глазами членов вредительской организации, как реальный, кон-

кретный путь, к которому они логически теперь пришли и к которому должны были приспособить всю свою конкретную деятельность.

Что же касается правительственных учреждений, с которыми стала сноситься контр-революционная организация, то именно эти вопросы и эти методы работы они прямо стали выставлять на первый план. Организация начинает еще раз переживать внутреннюю трансформацию, и экономическая контр-революция превращается в политическую. В соответствии с этим начали меняться задания отдельным вредителям, и методы работы на местах. Иного характера сведения стали сообщаться вредителями,—по иным адресам стали они направляться—адресам, о которых Специальное Присутствие Верховного Суда точно могло узнать лишь на закрытом заседании; отдельные вредители стали брать на себя обязанности уже не столько сохранения или неправильного использования недр, но и задания о прямых разрушительных актах в период военных действий. К делу экономической контр-революции начали присоединяться элементы подлинного военно-политического шпионажа и элементы подготовки определенных диверсионных актов в тылу. Конкретная работа контр-революционной организации в каменноугольной промышленности, до сих пор квалифицируемая и разбираемая нами под углом зрения преступлений, предусмотренных 58^7 ст. УК. обогатилась новыми элементами, подходящими под признаки уже не только 58^7, а и 58^6 и 58^3 ст. ст. УК. «Шпионаж, т.-е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контр-революционным организациям или частным лицам»—именно эти признаки стали уже теми, которыми должна быть характеризована деятельность отдельных членов организации. «Сношения в контр-революционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады»—вот какое уже юридическое определение пришлось применить к отдельным лицам Специальному Присутствию Верховного Суда при анализе этого последнего периода деятельности шахтинских вредителей.

Так, количество перешло в качество, и экономика превратилась в политику. Буржуазия, выступившая, как класс, заговорила, наконец, своим настоящим языком.

Поскольку, однако, нашей задачей было дать картину развития той части работы шахтинских вредителей, которая квалифицирована нами, как классический пример экономической

контр-революции, постольку эту их работу мы в настоящем очерке можем дальше не детализировать.

Шахтинское дело теперь войдет в анналы судебных летописей советской юстиции, как, повторяем, наиболее выдержанный и классический пример именно экономической контр-революции.

Шахтинское дело вскрыло методы этой контр-революционной борьбы, с одной стороны, и ее чрезвычайно опасный характер,— с другой. Интуиция пролетариата и творцов Уголовного Кодекса 1922 года оказалась, увы, блестяще оправданной реальной живой действительностью. Классовый враг, сумев проникнуть в поры нашего государственного аппарата на одном из участков нашего хозяйственного фронта, сумел в течение ряда лет укрепиться настолько, что де-факто управлял в своих классовых целях, прямо направленных против советского строительства, одним из основных центров нашей промышленности, господствовал на одном из важнейших участков нашей экономики. Судебный процесс, вскрыв методологию деятельности вредителей, вскрыв и парализовав деятельность вредительской организации, еще раз показал, насколько живучи классовая природа и классовые интересы в среде, казалось бы, уже пришедших к нам на службу представителей старого мира, насколько политически важным представляется в дальнейшем стоять на страже интересов охраны советского государства, в частности, и органам юстиции. Классический пример экономической контр-революции показал еще раз жизненность и целесообразность, как самой 58[7] статьи, так и тех мероприятий карательной санкции, которые она влечет за собой.

Единственно, чем можно себя утешить, это то, что повышение бдительности наших сторожевых постов даст, быть может, возможность думать, что к судебным процессам, в роде шахтинского дела, нам не придется возвращаться, по крайней мере, в ближайшем будущем.

А. Аграновский

ТИХОЙ САПОЙ.

(Зарисовки)

1. Невинные агнцы-вредители и невинные умонастроения защитников.

Один из защитников по делу о шахтинской контр-революционной организации так охарактеризовал состояние умов и вредительские дела подсудимых:

Что представляли собой до революции эти люди?—Самый привилегированный слой интеллигенции, баловни[1]) промышленного капитала. Капитал символизировал для них культуру, науку и гармонию жизни.

Вдруг над головой этих беззаботных людей разразился октябрьский ураган. Оглушило на миг. Потом ураган унесся на север, а к ним пришли люди, защищающие «священные» права собственников. Потом опять пришел красный ураган.

Потом инженеры вернулись и сели на советских островах. Трепещущие обыватели без дела и без пищи сидели... и не верили в будущее могущество Советской власти...

В 1921 году пришел голод, одновременно с ним новая экономическая политика и слухи о концессиях. Заграничные хозяева зашевелились и робко осведомились у своих бывших служащих, цело ли хозяйское добро. Просили поберечь и прислали немножечко денег для «голодных деток». Просьба была исполнена. Так началось преступление.

В 1925 году—наступает поворот. Совегское хозяйство стало на путь индустриализации. Донбасс работает полным ходом. О концессиях нечего и мечтать. Злобно взвывали зарубежные хозяева и потребовали интервенции. А своим инженерам скомандовали: обдумать принятие мер «на случай интервенции».

Но ни один из них не верил в эту интервенцию. Надо быть кретином двора его императорского величества и пьяным сумасбродом, чтобы поверить в успех интервенции в Советской России. Но за сообщение о принятии мер хозяева платят. Можно написать им, что, мол, меры приняты.

---

[1]) Все подчеркивания принадлежат нам. А. А.

«Подсудимые не верили в интервенцию и врали хозяевам». Мы привели так подробно речь защитника для того, чтобы показать, как далеко зашло заблуждение оратора в определении истинных мотивов поступков шахтинских контр-революционеров. Мы говорим: «заблуждение», ибо не хочется допускать, что советский защитник, призванный помогать суду выяснять истину и долженствующий стоять всецело на советской точке зрения при оценке политических явлений,—чтобы советский защитник умышленно отошел от правильной политической установки и умышленно неправильно излагал положение вещей.

По защитнику получается так. Некие высококвалифицированные специалисты «обыватели» сидят у моря и ждут погоды. Они «трепещут». Ураганы несутся то вверх, то вниз,—то на север, то на юг. Иногда ураганом уносит и их... но всякий раз, почему-то «все-таки» по тому направлению, где обитают, «так называемые», белые. Поскольку обыватели—обыватели, а не политики, они не в состоянии об'яснить происходящих вокруг них событий, почему все для них и в их понятиях случайно, и «вдруг»...

«Вдруг» начинаются разговоры о концессиях. «Вдруг»—посылаются заграницу сведения. «Вдруг»—обнаруживается, что советская страна не только вышла из полосы голода, а индустриализируется даже. «Вдруг»—начинается переписка об интервенции, и также «вдруг» шахтинские вредители и контр-революционеры перестают быть трепещущими обывателями и «пьяными сумасбродами»,—сразу убеждаются в «нелепости» надежд на интервенцию.

Вывод: «подсудимые не верили в интервенцию и врали хозяевам», подсудимые обманывали, по существу, не Советскую власть, а хозяев. Подсудимые, в частности некоторые из них, ревностно работали и им чут-ли не следует дать орден Трудового Знамени.

Вот и вся схема, по защитнику, контр-революционной организации, — с Харьковским, Московским и заграничным центрами и периферийными вредительскими ячейками, разбросанными почти по всей командной части союзной промышленности... Вот, мол-де, что было на самом деле.

Сейчас, когда приговор вынесен уже, когда картина преступлений вредительской организации выявлена с исчерпывающей полнотой—полемизировать с защитником или с кем-либо другим, таким же образом представляющим положение вещей, больше чем бессмысленно. Однако, самая постановка проблемы вредительства, данная защитником, настолько характерна, что не может быть обойдена молчанием.

Конечно, нас эта постановка проблемы интересует вовсе не с точки зрения ее опровержения. Она чрезвычайно важна, но только в том смысле, что она отражает собой то представление о вредительской деятельности, которое

свойственно все же определенным социальным слоям населения, желающим найти хоть какое-нибудь оправдание для вредителей, родственные связи с которыми они ощущали, она важна, наконец, в том отношении, что определяет собой определенный метод борьбы с исторической классовой правдой, которую усвоили себе те же социальные слои в тех же интересах,—усиления своей политической позиции и оправдания своего сочувственного отношения к вредителям.

Именно поэтому такой постановке мы считаем нужным противопоставить картину того, что действительно было и как было, чтобы никто не мог говорить, что здесь были случайные люди, чуть ли не случайная и невинная по существу деятельность. Наша задача—показать, что здесь, наоборот, был налицо глубоко задуманный и удачно проведенный в определенной своей части план завоевания советского государственного аппарата со стороны об'единенного международного капитала методами медленного, но верного обволакивания его своими агентами, медленной, но верной, попытки взять Советскую власть «тихой сапой», и в то же время мертвой хваткой вредительской контр-революционной петли.

Именно эту сторону жесткой жизненной классовой правды мы и хотим подчеркнуть в нашей заметке.

2. Кто они такие или о том, как «робкий» Дворжанчик «просит» Горлецкого.

Прежде всего надо установить политическую физиономию шахтинских вредителей—кто они по своим политическим воззрениям.

Этот вопрос важен потому, что правильный ответ на него вскрывает одновременно и ответ на более существенный вопрос: на какие силы опирался в истории шахтинский заговор и может впредь опираться мировой капитал.

Шахтинская панама—не первый и не последний эпизод из истории борьбы мировой буржуазии с рабочим классом. Попытки удушения Советского Союза будут продолжаться—такова логика классовой борьбы, и знать, доподлинно знать, на какие силы общественные слои, группы или группки могут наши враги впредь надеяться, чрезвычайно важно.

Ибо надо самым категорическим образом отвергнуть всякие попытки с чьей бы то ни было стороны отделываться от этого вопроса легкомысленным ответом. Здесь требуется точнейший анализ. Разговоры в духе цитированного выше защитника затемняют ясность вопроса, отвлекают внимание рабочего класса от основных выводов о его кровных врагах, т. к. способствуют ослаблению нашей мощи.

Кто такие шахтинские вредители? —трепещущие обыватели, которые испугались вихря Октября, и, не разобравшись, подались к белым, или это—сознательные слуги мирового

капитала, прекрасно понимавшие в 1917—1918 гг., какие ветры дуют и каких бурь надо ожидать.—Это первое.

И второе: случайно ли, «вдруг» ли оказались эти люди пособниками и агентами мирового капитала или все их прошлое подготовляло их к вступлению в активную борьбу с рабочим классом в тот момент, когда этого потребует от них хозяин—капитал.

Мы попробуем ответить на этот вопрос их собственными словами. Это очень важно.

— «Мы,—говорил Элиадзе,—пошли к Советской власти работать, но не искренне. Некуда было нам деваться, и поэтому пошли, держа на всякий случай камень за пазухой. Весь технический персонал, воспитанный в духе старого времени, за очень малым исключением, одним миром мазан и одинаково ненадежен для советского строя».

Хотя Элиадзе допустил грубо неправильное обобщение, определенная и большая доля правды в его замечаниях все же есть. Старая техническая интеллигенция, воспитанная в духе старого времени, действительно не была и не могла быть надежной опорой для советского строя. Отсюда, ведь, вырос нынешний лозунг «здорового недоверия» к специалистам в противовес «нездоровому доверию», практиковавшемуся в Шахтинском районе; отсюда вырос лозунг о максимальном внимании молодым советским техническим силам—красным специалистам.

— «Октябрьская Революция перевернула всех вверх дном. Мы не могли отнестись к ней положительно,—говорил Матов (осужден к расстрелу).

— Нас не надо было инструктировать,—говорил другой обвиняемый Потемкин о первых шагах вредительской деятельности шахтинских инженеров.—Мы сами знали стоящие перед нами задачи и были вполне солидарны между собой.

— Вопрос стоял тогда (1918—1919 гг.) так,—рассказывает Березовский — капиталистический строй в Западной Европе крепок, у нас в России крестьянство инертно, а рабочий класс незначителен. Вершителем должен быть в конечном итоге капитал, а Советская власть потерпит поражение. И если хозяева наши временно отторгнуты от своих владений, надо сделать так, чтобы по возвращении хозяев предприятия представляли ценность.

— Мысль о том, что Советская власть провалится, укрепилась во мне, когда я получил письмо от Дворжанчика,—говорит Детер.

— Февральскую революцию я принял с удовлетворением. Но Октябрьская Революция... я видел, что она грозит полным потрясением уклада жизни и моей собственной, в том числе,—говорит Сущевский.

Значит, не «вдруг» и не «случайно», и не как гром с ясного неба, а наоборот, в результате того, что они видели, предвидели и понимали, явилась у них уверенность в том, что

Советская власть—чужая власть, несущая потрясения,—«укрепилась» в их сознании и готовность вредить, укреплявшаяся затем с каждым новым письмом от Дворжанчика.

Так обстояло дело и обскакивать такие места в показаниях подсудимых даже гарцующим защитникам по меньшей мере неудобно. Сами подзащитные могут запротестовать...

Чтобы покончить с этой частью вопроса и продемонстрировать, что Дворжанчики всех мастей хорошо знали, к кому они обратились за помощью, когда «робко» «просили» сведений о своих рудниках, приведем в заключение политическую часть допроса Горлецкого государственным прокурором т. Крыленко.

— Скажите, каковы ваши политические воззрения сейчас в 1928 году,—спрашивал прокурор.

— Я считаю, что теперь существует такая же единая неделимая Россия, о которой думали тогда. Она существует только под другим названием.

— Единый и неделимый СССР?

— Примерно, так.

— Почему же, в таком случае, белые и красные воевали?

— Были еще другие точки расхождения...

— Эти точки расхождения касались, может быть, национализации земли, национализации рудников, изгнания помещиков, конфискации частной собственности?

— Да, и из-за этого шла война.

— А вы как относились к этому?

— Не сочувственно.

— Как вы об'ясняете Октябрьский переворот?

— Тем, что власти тогда не было и ее не трудно было взять.

— Может быть так, что власть валялась на земле и что ее подобрали большевики. Если бы нашлись такие же твердые люди из белых, которые бы эту власть подобрали, то большевикам ничего бы не досталось?

— Я думал о людях, которые могли бы разумно примирить противоположные интересы.

— Какие интересы?

— Можно, например, оставить собственность, но в ограниченных размерах...

— Значит, вы стояли за сохранение принципа собственности. Вы так же думаете и теперь?

— Я считал и считаю, что институт частной собственности должен быть сохранен и на землю и на предприятия. Это будет способствовать развитию государства более, чем...

— Социалистическое плановое хозяйство?

— Казенное хозяйство.

— Значить, вы принципиальный противник социалистического строя?

— Я не считаю социалистический строй совершенным. Чтобы его осуществить, надо переменить людей...

Горлецкий был прав: строить социализм с такими «людьми», как он, чрезвычайно трудно. Прав был также Дворжанчик, когда он, по выражению защитника, «робко» «попросил» Горлецкого дать ему нужные сведения: он знал к кому обращался.

Не из трепещущих обывателей складывалась верхушка организации, а из классовых врагов, сознательно бросавшихся на борьбу с Советской властью, и в угоду нанявшему их и хорошо знавшему их мировому капиталу.

Изумительно ясный и точный анализ их психологии и эволюции их практической деятельности дал в этом отношении общественный обвинитель тов. Гринько:

«От первоначальных антисоветских настроений они эволюционировали в своей программе вредительства к сложной контрреволюционной системе активного вредительства, к подрыву нашего хозяйства, к подрыву социализма, направленного к прямому свержению Советской власти. Линия их развития шла от экономического вредительства к прямой политической контр-революционной работе, которая, по словам самих подсудимых Казаринова и Матова, в 1927 году получила яркий политический характер».

Эту линию их развития также наглядно демонстрировало судебное следствие, и эти факты никому не удастся замазать никакими наскоро выдуманными гипотезами. На скамье подсудимых сидели не люди переломной эпохи, не запоздалые представители той части интеллигенции, которая не поняла Октябрьского переворота; это—не носители некоторой рефлекторной неприязни к советскому строю, а законченные «хозяйские» люди, это—люди, в плоть и кровь которых вошла система капиталистического производства, это—герои капиталистической эксплоатации или, как выразился картинно т. Гринько, «прямые бандиты капиталистической наживы».

Именно то обстоятельство, что они начинали видеть размах творческих сил пролетариата, именно то, что они видели, как неизбежно катится вперед наш экономический под'ем, как все более и более опасным конкурентом становится наш Союз для капиталистического мира,—именно это заставило их броситься на борьбу с Советской властью!

3. Програмная речь фон-Дитмара и первые скромные шаги.

Программа же их работы конкретно определилась еще в 1919 году.

Бывшие собственники и акционеры угольно-промышленных предприятий, уйдя из очищенного от белых армий Донбасса, собрались на совещание в Ростове на Дону, куда явились и многие

инженеры и техники с рудников, и здесь наметили на ближайший период времени основную программу действий, рассчитанную на недолговечность существования Советской власти и неизбежность ее скорого падения..

Сущность этой программы сводилась к тому, чтобы, несмотря на переход предприятий частных собственников к советскому государству, продолжать работу в пользу старых хозяев, сохраняя рудники и оборудование в целости, охраняя их от обесценения, скрывая от новой власти недра и отдельные целики, чтобы при возвращении бывших хозяев, принадлежавшие им предприятия могли быть им возвращены в неприкосновенности.

Произнесенная с трибуны Ростовского с'езда бароном фон-Дитмаром эта программа прозвучала героической гармонией в сердцах верноподданных слушателей. И работа вредителей, сначала в кустарных, неорганизованных формах, началась.

На квартире Калганова скромная, на первый вид, вечеринка. Сидят, балагурят. Вдруг Березовский, как бы невзначай, бросает:

— Не время сейчас заниматься проходкой шахт, не надо торопиться с разработкой старых..

— Эти слова я понял, как директивные,—говорит Самойлов.

Был однажды также разговор с Горлецким, тоже на вечеринке у Калганова.

— Хозяева уехали...—сказал Самойлов.—Где же следы этих людей, где их обломки, осколки. Рассыпались они или нет?

Горлецкий ответил:

— О Донецко-Грушевском обществе могу сообщить, что в Париже есть представитель, который следит за нашей работой, за каждым из нас и все знает...

Еще был один разговор с Горлецким.. Обходя рудник в порядке ревизии и увидев валявшиеся две или три машины, Горлецкий сказал тому же Самойлову:

— Будет время, когда эти машины пригодятся...

— Так,—заключает Самойлов,—будучи уже идеологически подготовленным к отходу от Советской власти, я постепенно приобщался к контр-революционной организации.

И началась вредительская работа. Выводились из строя турбины электрической станции, питавшие энергией целые рудоуправления, сознательно ослаблялось котельное хозяйство электрических станций, умышленно не проводились ремонты шахт и т. д., и т. д.

К тому времени относится и тот особый вид вредительства, за который инженер Петров получил от своих же товарищей кличку «классического саботажника».

— Я считал,—говорит он,—что Советская власть не удержит предприятий и должна их вернуть их владельцам. Я не мог с ней примириться. Я смотрел на Советскую власть отрица-

тельно... Я был к работе равнодушен, индиферентен, и если иногда работал, то это говорило во мне только профессиональное чувство.

Наконец, еще одним видом вредительства была особая тактика во взаимоотношениях с рабочими.

Специалистом на этот предмет был инженер Бояринов, у которого, по собственному выражению, были «колючие» отношения с рабочими. В результате этих «колючих» отношений рабочие его три раза хотели сбросить в шахту, один раз хотели бросить в печь и один раз хотели утопить в шурфе. Тем не менее, он «самоотверженно» продолжал работать.

Другой подсудимый описывает эту работу так:

— «У меня есть еще один последний пункт вредительства. Это в отношении рабочих. Я не скажу, чтобы это было системой, но, во всяком случае, вредительская деятельность заключалась в том, что мы старались понижать политическое настроение рабочих. Рабочие находились в тяжелых условиях труда и быта. Без всякого ущерба для производства можно было улучшить материальные условия шахтеров, но этого не делалось, и рабочие роптали. Точно также вызывала нарекания рабочих задержка проведения в жизнь коллективных договоров. У нас все время велась такая линия, чтобы как можно больше оттянуть их проведение в жизнь. Если взять переписку, которую вели по этому поводу шахты с рудоуправлениями, можно будет увидеть, насколько сознательно все это делалось. А в результате были нарекания, неудовлетворенность со стороны рабочих. Все это было. Оправдываться здесь нечего».

Таковы были первые скромные, навеянные фон-Дитмаром шаги вредителей. Они усилились к моменту установления регулярной переписки бывшими владельцами. Письма шли из Варшавы, из Берлина, из Парижа, и вредители с радостью сообщали друг другу о восстановленных связях. Сорганизовались и свои «почтовые конторы», устанавливаются первые связи и с так называемыми «некоторыми» иностранными учреждениями, по директивам из-за границы оформляется организация, все гуще и гуще становятся денежные посылки.

Так, «вдруг» создалась вредительская организация, так «вдруг» заговорили они о концессиях...

Картинно описывает этот период подсудимый Березовский.

— Организованное вредительство в ДГРУ начинается с 1922 г. Во второй половине 1922 года была учреждена должность районных уполномоченных... На эту должность по нашему райуправлению назначен был инженер Шадлун. В первый раз я видел его в Ростове в 1918 г., именно тогда, когда хозяева совещались с инженерами; хозяева давали инженерам директивы не покидать рудников и заботиться об их сохранении. Его политические воззрения мне были хорошо известны; мы были с ним единомышленниками.

Этот самый Шадлун во время одного из своих посещений меня похвастался передо мной, говоря, что его бывшие хозяева пересылают ему деньги из-за границы. Я заинтересовался этим и выразил сожаление, что не получаю денег от хозяев. Шадлун мне сказал, что это легко сделать через Горлецкого, и я буду получать деньги. Тогда же Шадлун мне сказал, что деньги эти являются вознаграждением со стороны хозяев за сохранение в порядке отобранных у них шахт, за переоборудование и улучшение их и, наконец, за сокрытие от совласти наиболее ценных месторождений с тем, чтобы наиболее важные подземные богатства к моменту падения Советской власти могли быть возвращены хозяевам нетронутыми и неистощенными. Я согласился принять на себя выполнение этих заданий, согласие мое отнюдь не было вызвано давлением со стороны Шадлуна.

После этого я получил от Горлецкого письмо с изложением директив по вредительской работе. Вскоре я переговорил с главным инженером Донецко-Грушевского рудоуправления Калгановым, который также без всякого давления с моей стороны согласился стать участником этой организации и выполнять ее задания. Немного времени спустя Калганов мне сообщил, что им завербованы в организацию: Самойлов, Андрей Колодуб, Емельян Колодуб, Бабенко, Башкин, Чернокнижников и Антонов.

Так «вдруг» создалась организация. По этому же типу создались ячейки будущей крупной организации на других рудоуправлениях.

4. Две концессионных политики.

Судебным следствием установлено, что к числу основных воротил контр-революционной организации за границей принадлежали: Ремо, б. директор французского об-ва Берестово-Богодуховского района, Сансе, б. член правления акц. о-ва по разработке угля и соли на юге России. Феррет, б. член правления акц. о-ва Криворожских копей, Прядкин, б. технический директор Криворожско-Каманецкого района и б. член Совета С'ездов горнопромышленников юга России, Фенин, б. владелец Кондратьевских рудников, товарищ председателя указанного Совета С'ездов, б. министр торговли и промышленности белого правительства Донского Круга Буроз, б. директор-распорядитель Екатерининского горнопромышленного общества Дворжанчик, б. директор акц. о-ва Каменного угля и соли на юге России, б. директор Ирменского рудоуправления, член Совета С'ездов Соколов Б. Н., б. секретарь Совета с'ездов горнопромышленников и консультант ряда бывших капиталистических каменноугольных предприятий Парамонов Н. К., б. крупный капиталист юга России и ряд других.

Судебным следствием установлено также, что бывшие капиталисты, собственники каменно-угольных предприятий и акционеры, действовали не в порядке своей индивидуальной инициативы и активности, а в качестве членов об-

разовавшихся и действовавших за границей учреждений и обществ, как, например, «Об'единение быв. горнопромышленников Юга России», «Общество кредиторов быв. старой России», «Польское об'единение быв. директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе».

Особую роль в этом отношении играли: «Об'единение быв. горнопромышленников юга России», во главе которого стояли быв. министр торговли и промышленности Фенин, Прядкин, Соколов, Штетинг и др., быв. владельцы и капиталисты, с одной стороны, и «Польское об'единение» во главе с Дворжанчиком,—с другой.

Роль «Об'единения быв. горнопромышленников юга России» оказывалась тем более серьезной, что под этим именем действовал осколок разбитого Октябрьской Революцией Совета С'ездов, представляющий собой центр, руководивший из Парижа сложившейся уже в 1923/24 г. в Донбассе контр-революционной вредительской организацией.

Соответственно в 1924 г. образовался, вернее, оформился Харьковский центр организации. Это тем более удалось, что и среди работников Донугля многие инженеры поддерживали все время личную связь с бежавшими за границу капиталистами и были им также по-своему «индивидуально» полезны.

Как же обстояло дело с «концессиями», о которых, якобы, «робко» осведомлялись бывшие хозяева?

В приговоре мы читаем по этому поводу вот что:

«Харьковская организация, находившаяся в непосредственной связи с Дворжанчиком и действовавшая в соответствии с получаемыми от него указаниями и инструкциями, в числе своих главнейших задач имела не только сохранение в возможно большей неприкосновенности наиболее ценных недр и машин, но и такое ведение рудничного хозяйства Донбасса, которое в максимальной степени открывало бы путь к возврату бывшим хозяевам утерянных ими в результате Октябрьской Революции предприятий, хотя бы и под прикрытием концессионных договоров, заключенных, однако, в условиях наибольшей выгоды для концессионеров.

Контр-революционная вредительская организация пыталась, таким образом, использовать для своей преступной деятельности советские «легальные возможности», опираясь на отдельные моменты, так называемой, новой экономической политики и, в частности, на нашу концессионную политику, извращая ее и приспособляя ее к своим контр-революционным замыслам и намерениям.

Этот пункт программы вредительской организации был сформулирован одним из подсудимых с достаточно обнаженной циничностью. Он гласит: «доведение рудничного хозяйства Донбасса до такого состояния, при котором советское правительство было бы вынуждено сдать рудники в концес-

сию иностранцам или вообще капитулировать перед капиталом»...

Хотя и по частному поводу, здесь, однако, нашло свое выражение самое основное, что характеризует существо вредительской организации, направлявшей, в конечном счете, свою деятельность на то, чтобы добиться капитуляции и ликвидации Советской власти, добиться ее свержения».

И опять-таки прекрасную оценку этой «идеологии» вредительской концессионной политики дал тот же тов. Гринько:

«Наша концессионная политика заключалась в том, чтобы, идя на ряд известных уступок, усилить приток капиталов к нам.

Их же «концессионная политика» заключалась в том, чтобы за счет последних наших скудных, нищенских ресурсов приумножить достояние быв. хозяев; последние ресурсы советского хозяйства направить на то, чтобы усилить отдельные индивидуальные шахты и богатства своих быв. хозяев, и чтобы к моменту, когда вернутся прежние хозяева, поднести им подарок, сделать им сюрприз и тем самым закрепить свой текущий счет в международном банке мирового капитала. Это—антисоветская, антиконцессионная политика врагов рабочего класса, рвачей капиталистического класса, которые пытались сорвать последний клок с советской страны, чтобы с букетом восстановленных, обновленных шахт достойно встретить победоносное пришествие сюда буржуазной власти, своих бывших хозяев».

Так обстояло дело. От вопроса о концессиях вредители перешли к обсуждению вопроса об интервенции и, создав сплоченную, оформленную мощную организацию в Донбассе, они, согласно выражению защитника, решили «врать своим бывшим хозяевам».

Посмотри же, кому, где и о чем они «врали».

5. Кому они «врали».

Как зародилась и создалась организация?—На вопрос, заданный Матову тов. Крыленко—кто был инициатором, в чьей голове зародилась мысль об оформлении организации, он дает совершенно точный ответ:

— Инициатива принадлежала заграница, в частности Дворжанчику.

И далее Матов подробно рассказывает, как Дворжанчик постепенно овладевал всем руководством организации, вплоть до того, что стал чуть ли не хозяином Донугля.

— В 1924 году,—показывает Матов,—я получил через Сущевского письмо от Дворжанчика. Здесь, надо сказать, что одно или два письма от Дворжанчика я получил уже через Быховского, но они существенного значения не имели. Письмо же, переданное через Сущевского, носило совершенно иной характер. Дворжанчик просил дать ему сведения не только официального

характера, но и давал инструкции вполне вредительского характера. Он сообщал, что надо не только сохранять ценные пласты, но и сокращать добычу, увеличивать себестоимость и ухудшать качество продукции, чтобы приблизить сдачу рудников в концессию.

Если 1924 год я считаю годом возникновения вредительской организации, вернее, той группы, которая впоследствии вылилась в организацию вредителей, то, начиная с 1925 года, организация меняет характер своей работы. Связь, которая раньше была с Дворжанчиком, представлявшим интересы группы бывших владельцев, промышленников, превращается в связь с бюро бывшего совета с'ездов горнопромышленников юга России, сорганизовавшегося в то время в Париже. Мы установили регулярную связь с этим бюро, получали от него подробные инструкции, посылали туда соответствующие сведения.

Весь 1925 год он характеризует дальше, как год развития организации. В числе организационных вопросов, разрешенных в течение этого года, стоял вопрос об овладении организацией всем аппаратом Донугля. На одном из совещаний было решено овладеть аппаратом более глубоко, чем это было до сих пор. Затем в том же году организация решила использовать заграничные командировки инженеров Донугля для укрепления связи с заграничными организациями.

В результате этого решения заграницу было командировано большое количество лиц, принадлежавших к организации.

— Можно ли из всего этого сделать заключение,—спрашивает обвиняемого тов. Крыленко,—что старые хозяева продолжали через бывших своих служащих управлять своими рудниками, давали точные указания насчет добычи угля, проходки шахт, оборудований и т. д.

— Тенденция такая была.

Впрочем, само назначение Матова руководителем УНС также произошло по директиве из Польши.

О том, что конкретно делали за тот же период вредители и как они реально «врали» своим хозяевам, показывают следующие факты.

Именно к этому времени относится нанесение ими нам самых сильных ударов по прямым директивам Дворжанчика и капиталистических об'единений. Мы имеем в виду совершение самых серьезных актов экономического вредительства в виде мелкого шахтного строительства, с одной стороны, и захвата управления новым строительством вредителями—с другой. Хронологически это относится к 1925 году, к моменту высочайшего под'ема контр-революционных вожделений за границей, который в международном отношении знаменуется приходом к власти консерваторов в Англии, Пуанкаре во Франции, Гинденбурга в Германии, моментом закрепления фашистов в Польше и Италии и

созданием единого блока европейской реакции под руководством Англии и Франции против нас.

К этому сложному и тяжелому для нас моменту политической международной кон'юнктуры относится попытка вредителей извратить весь план индустриализации страны путем искривления всей политики в каменноугольной промышленности и подготовки кризиса добычи топлива к 1930 году...

... Когда по расчетам контр-революционных вредителей должна была осуществиться ожидавшаяся ими интервенция.

Вот что по этому поводу показывает Матов:

— С мелким шахтным строительством у нас установка была такая: закладка шахт должна была давать наиболее отрицательные результаты.

В результате по директивам из-за границы в Донбассе начали закладываться явно нерентабельные шахты, миллионы ухлопывались на заведомо неправильное строительство, на добычу низкосортного угля. Производилась прямая растрата народных средств.

Вот какой размах получила работа, вот как «врали» они своим хозяевам, ибо «не верили» в интервенцию.

Следующим актом вредительства—опять по директиве из-за границы, на этот раз Парижского центра, в лице его представителя Прядкина,—был захват организацией в свои руки Управления новым строительством.

«Вредительская работа,—читаем мы в приговоре,—в деле нового капитального строительства заключалась в сознательном затягивании составления проектов, составлении многочисленных и излишних вариантов, пересоставления проектов, в бесконечных переделках уже составленных проектов.

Благодаря такому методу работы проекты находились в состоянии вечного заканчивания, благодаря чему ряд шахт задерживался эксплоатацией на весьма значительные сроки. Наряду с этим в Проектном Бюро УНС велись работы по заведомо фантастическим проектам, как, например, проект шахты «Американка» Джоя, стоивший, однако, значительных затрат, составлялись проекты с излишней по своей тщательности отделкой, но с прямым расчетом на возможно большее затягивание их окончания. Вместе с тем осуществлялись проходки шахт, заложенных без всяких проектов, без производства предварительных разведок; заказывалось оборудование без проверенного плана и проверенных расчетов».

О том, как в то же время Отд. Механизации Донугля заказывал машины за границей и что это давало в результате делу индустриализации,—неплохо рассказал Казаринов:

В Берлин,—говорит он,—приехал Билик для реализации лицензии на покупку большого количества оборудования для Донецкого Бассейна. По настоянию Рубановича я был включен в состав комиссии по реализации лицензий. Достаточно было одного взгляда на привезенную лицензию, чтобы сказать, что она носит на себе следы организации. Если бы мы придерживались исклю-

чительно лицензии, полученной из Харькова, составленной Техническим Отделом, мы или купили бы машины без запасных частей, машины без двигателей, двигатели без машин или, вообще, ничего не купили.

В полном контакте с вредителями работали и некоторые немецкие инженеры. Вот что показывает немецкий монтер Бадштибер о работе немецкого инженера Зеебольда:

— Через неделю после Троицы приехал Зеебольд; у нас была выпивка, и хотя я точного смысла не понял, но Зеебольд, примерно, сказал так:

— Конечно, иностранцы не так глупы, чтобы помогать большевикам.

Перед уходом Зеебольд дал мне два пакета и велел передать их Никишину и машинисту, чтобы они не препятствовали приемке скверных машин.

Когда же меня перебросили в Югосталь, в Сталино, я попросил его дать мне отпуск на несколько дней, чтобы посмотреть, как работает установленная мною на Шахте Воровского машина. Он ответил: «Твое дело — поставить машину, а дальше пусть хоть в мусорный ящик бросают».

И действительно, машины были, что называется, «на ять». Об их качестве тот же Бадштибер говорит:

«Качество машин, присланных из-за границы в Сталино, было очень плохое. В одном моторе я обнаружил даже дыру, забитую пробкой и закрашенную. Мне было стыдно за мою фирму. Затем машина была слишком широка по размерам, и я сказал русским инженерам: «Как так? Вы были ведь за границей, зачем Вы купили не то, что надо?»

На это, конечно, ему не ответили.

Так работали русские вредители и немецкие инженеры, так «обманывали» своих хозяев, вредителей. Так «врали» они им о своей деятельности.

Остается поставить вопрос об основных направляющих рычагах всей их работы.

6. Тихой сапой.

Судебное следствие с исчерпывающей полнотой установило не только каналы и линии движения денежных сумм, поступавших в распоряжение вредительской организации, но и основные источники этих поступлений. Такими источниками были — различного рода капиталистические об'единения эмигрантского образования, с одной стороны, и субсидировавшие их некоторые капиталистические круги и некоторые учреждения некоторых иностранных государств,—с другой стороны.

Перевозились эти деньги или лично членами организации при их возвращении из заграничных командировок или при содействии некоторых государственных иностранных учреждений.

Одним из источников финансирования вредительской организации были процентные отчисления от дававшихся германским фирмам через членов организации заказов, получаемые последними от заинтересованных фирм в размере от ½ до 3 процентов с суммы заказа.

Так «кустарная» на первых порах, на заре своего зарождения, в момент, когда в районе деятельности будущей мощной организации вредительства рвались еще снаряды отступающих белых банд,—организация становится к 1927 году подлинной политической опорой закордонной буржуазии в ее непрекращающихся попытках ниспровергнуть ненавистный им Рабоче-Крестьянский Союз.

Но классовая борьба имеет свои неумолимые законы: организация должна была докатиться до последнего—до постановки чисто политических вопросов, до намечения чисто политических действий. Организация докатилась ходом истории до обсуждения вопроса о... грядущей интервенции.

Инициатива постановки этого вопроса принадлежит опять-таки не исполнителям, а организаторам и вдохновителям, т.-е. заграница. Работой вредительской организации заинтересовались «некоторые» иностранные официальные учреждения.

Вот что рассказывает один из подсудимых о первых шагах организации в смысле установления связи с подобного рода учреждениями:

— На одном из заседаний донуглевской организации Шадлун заявил, что он получил письмо от Ремо, в котором последний пишет, что некоторые официальные органы узнали о той работе, которая ведется в Донбассе вредительской организацией и заинтересованы войти в непосредственную связь с этой организацией. На заседании тут же было поручено Шадлуну войти в связь и наладить дело. Шадлун согласился, и скоро ему удалось наладить эту связь через одного из своих знакомых.

Осенью 1924 г. в Париже при участии капиталистов Соколова, Прядкина, Буроза, Сансе и др. имело место и другое совещание.

— На заседании,—рассказывает Матов,—я сделал доклад, при чем в общих чертах охарактеризовал работу центральной московской организации, затем более подробно о работе донуглевской организации и достигнутых результатах за последний период.

После этого Соколов перешел к вопросам политического характера.

Он говорил, что в настоящее время во Франции почти закончился восстановительный процесс после немецкой войны и что теперь задачей всех бывших владельцев, акционеров и представителей их правлений является нажим на французское правительство с тем, чтобы принять решительные меры против Советской Рос-

сии, так как только борьба с ней и ее уничтожение могут им возвратить их благополучие, в виде прежних владений. Конкретно, как это должно произойти Соколов не говорил, но по его мнению «прежде всего надо провести разрыв с Советской властью и после подготавливать войну». Далее он говорил, что: «вредительские организации в России, в том числе Донецкая, являются передовыми отрядами капитализма в России».

От слов перешли к делу. И в других показаниях Матов подробно показывает уже о посещении им одного заграничного официального учреждения и об одном разговоре с «пожилым», довольно важным чиновником в штатском». Впрочем, с этими пожилыми и довольно важными чиновниками одновременно завязалась связь не только за границей, но и в Москве.

На знаменитом совещании Харьковского центра прибывший от Московского центра Скорутто так докладывал о связи с польским об'единением и польскими официальными учреждениями.

«...Представитель Московского центра Скорутто доложил предложение польского об'единения войти в связь с этим об'единением с целью получения целого ряда информационных сведений и выполнения некоторых директив, носящих экономический и политический характер».

И далее:

«...Через Московский центр посылались еще планы подземных работ и поверхности рудников с указанием на них электростанций... С этого времени получение денег из-за границы в общей сложности увеличилось процентов на 30 к суммам, полученным от Парижского центра и французов...»—так показывает тот же Матов.

— В связи с вопросами интервенции,—рассказывают члены Харьковской группы,—на заседаниях организации обсуждались другие вопросы, имеющие сюда отношение. Из-за границы была получена специальная инструкция о том, как вести пропаганду...».

Другая заграничная инструкция специально предусматривала необходимость выступлений против индустриализации, ибо «индустриализация укрепляет хозяйство страны, увеличивает численно количество пролетариата, укрепляет его мощь и способствует поддержанию и усилению диктатуры пролетариата, а, с другой стороны, превращая СССР из страны земледельческой в промышленную, умаляет значение страны, как житницы Европы».

Наконец, реальное значение получили и директивы заграничных центров о вредительстве на случай войны. Специальная директива говорила о подготовке организации к расстройству транспорта на случай войны. Показаниями Братановского устанавливается,

что на совещании членов организации было решено возложить ответственность за эту работу на зав. Транспортным Отделом Донугля.

Шахтинская контр-революционная организация превратилась самим ходом истории и логикой классовой борьбы в диверсионный отряд, брошенный эмигрировавшими капиталистами в наш глубокий тыл, чтобы оттуда творить дело предательства, измены и прямого ниспровержения существующего строя.

Так работала в течение ряда лет организация. Так на деле осуществляли вредители контр-революционные задания, так, тихой сапой, прокладывал себе дорогу к основным завоеваниям мирового Октября международный капитал.

Странным, нелепым, чудовищным даже кажется после всего этого приведенный выше отрывок из речи защитника. Как можно было разрешить себе, хоть и в «благородных» целях защиты «человеческих жизней», как любят говорить адвокаты, так легко жонглировать политическими фактами и явлениями исключительной и исторической важности!

Шахтинское дело есть не что иное, как экономическая интервенция западно-европейских антисоветских капиталистических организаций в деле нашей промышленности. Была в свое время интервенция военно-политическая, которую пришлось им ликвидировать в результате нашей победоносной гражданской войны.

В шахтинском деле мы имеем попытку экономической интервенции, для ликвидации которой нам не потребуется гражданской войны, но которую мы должны ликвидировать всеми доступными нам средствами.

Глупо было бы думать, что международный капитал оставит нас в покое. Это неверно. Классы существуют, международный капитал существует, и он не может смотреть спокойно на развитие страны, строящей социализм.

Мы не знаем, когда наступит очередная схватка рабочих с капиталом, но мы знаем доподлинно, что схватка эта должна наступить. Это тем более требует от нас максимальной осмотрительности, бдительности и наблюдательности.

Неудача Шахтинского заговора показала, что, если эта бдительность будет налицо, то мы также смело сможем продолжать нашу созидательную работу, перешагнув через ниспровергнутых в прах шахтинских слуг международного капитала.

Не сумев справиться с нами открытой вооруженной рукой, капитал не справится с нами, и тогда, когда будет действовать против нас «тихой сапой», через наши же учреждения.

Н. В. КРЫЛЕНКО.

Н. Крыленко.

УРОКИ ШАХТИНСКОГО ДЕЛА.

Мы печатаем в выдержках текст обвинительного акта и полностью приговор по «Шахтинскому делу». Они представляют собой исключительного характера «человеческие документы», свидетельствующие о героических усилиях рабочих масс, с одной стороны, и злостной, разрушительной, контр-революционной работе обслуживающего нашу каменноугольную промышленность инженерства и среднего технического персонала,—с другой. Уже в отношении обвинительного акта посвященная шахтинскому процессу статья «Правды» (см. № от 7/V) в свое время говорила, что он с наибольшей остротой вскрывает «особый участок классовой борьбы», борьбы, которая не прекращалась ни на одну минуту с момента утверждения Советской власти, не прекратилась и до сих пор.

В этом—значение всего шахтинского процесса, в этом, в частности, значение печатаемых документов, дающих в руки рабочим,—не только рабочим-партийцам, агитаторам-пропагандистам, но и всякому сознательному рабочему,—орудие фактического доказательства того, как много окружает нас врагов, на какие дьявольские козни они способны и с какой тем большей настороженностью и чуткостью должен относиться всякий сознательный пролетарий к окружающей его обстановке, окружающим его людям и собственному своему делу.

Отсюда вывод,—что необходимо извлечь из шахтинского дела все уроки во всех областях нашего общественного и хозяйственного строительства, нашей политической жизни и даже наших бытовых, личных отношений, поскольку и быта наших рабочих, интеллигенции и быта высококвалифицированного технического персонала касается этот процесс.

Классовая борьба в Шахтинском деле.

Что же для нас, прежде всего, представляет собой фактическая сторона и собранный в обвинительном акте материал и с какой точки зрения его надлежит изучать?

1) Прежде всего, это есть картина классовой борьбы, которую еще продолжает вести рабочий класс со своими врагами и после Октябрьской Революции, вернее, с врагом—с классом буржуа-

зии, как таковым. Вот тот, основной угол зрения, который должен быть усвоен каждым прежде всего при изучении материалов шахтинского дела.

2) Шахтинское дело, однако, есть не только эпизод из классовой борьбы рабочего класса со своими бывшими поработителями, подобной той, какую он ведет в других капиталистических странах и какую он вел у нас до Октября,—это есть участок классовой борьбы, которую он ведет в момент после свержения господства этих последних, эпизод из истории классовой борьбы, которую повела буржуазия против пролетариата после того, как было низвергнуто ее бывшее господство, когда была утверждена власть и диктатура рабочего класса и она, буржуазия, была поставлена перед выбором: либо исчезнуть, как класс, либо повести борьбу во что бы то ни стало и всеми средствами. Последнее придало этой борьбе чрезвычайно ожесточенный характер.

3) Третьей характерной чертой этой борьбы, вскрываемой шахтинским процессом, является то, что борьба эта относится к периоду, когда буржуазия вынуждена была повести ее в нелегальных формах после того, как попытка свергнуть пролетариат путем открытых форм борьбы, вплоть до гражданской войны, потерпела поражение, и в этой борьбе буржуазия была бита. Последнее вынудило буржуазию стать на нелегальный путь и бороться нелегальными средствами.

4) Самым значительным фактом, однако, который нужно отметить, при изучении Шахтинского дела, является то, что эту классовую борьбу буржуазия повела в хозяйственной области. Шахтинское дело отнюдь не представляет собой историю политического заговора, обычного и давно знакомого в истории классовых столкновений и перипетий классовой борьбы,—мы имеем здесь борьбу, которую повел класс против класса в области хозяйственного строительства, в области строительства экономических основ нового общества,—то, чего до сих пор не было в истории никогда.

5) Наконец, пятым и последним моментом, входящим составной частью в совокупность подлежащих изучению фактов, является то, что эту борьбу она повела путем: 1) вредительства, направленного непосредственно на разрушение производительных сил пролетарского государства, 2) путем саботажа, в виде ли прямо неисполнения распоряжений, в виде ли их извращения. Для этого она использовала свое,—что особенно важно подчеркнуть,—техническое превосходство, свои технические знания,—тот умственный багаж, которым она обладала и который накопила в результате своего предыдущего длительного господства, как класс, и которого не успели приобрести новые строители государства—пролетарии, и что, наконец, 3) в своей деятельности она ориентировалась на интервенцию, т.-е. на открытое вооружен-

ное столкновение двух миров—капиталистической Европы и пролетарского государства СССР.

Каждый из этих элементов должен быть специально подвергнут изучению по материалам шахтинского дела с тем, чтобы в каждой из этих областей рабочий класс извлек для себя определенные уроки, сделал определенные, конкретные организационные, политические и иные выводы.

В этой последовательности мы и попробуем разобраться в богатейшем материале, который дал процесс.

Мы определили выше, что шахтинский процесс вскрывает нам эпизод из истории классовой борьбы, которую повела буржуазия, как класс. Последнее сейчас уже не может оставлять никаких сомнений и доказывается:

1) Личным составом контр-революционных вредителей.

2) Организациями буржуазии за границей, с которыми эти непосредственные вредители были связаны и от которых они получали соответствующие директивы.

3) Программой их деятельности и теми целями, которых они стремились достигнуть как в ближайшем, так и в дальнейшем будущем, в результате своей работы.

4) Связью, которая была между этими вредителями и контр-революционной политикой классовых правительств буржуазии западной Европы, в частности, связью с органами этих классовых правительств за границей и у нас в СССР.

Каждый из этих элементов не является случайным,—каждый из них обусловливает один другой, представляет собой звенья одной цепи явлений, источником которых является классовая борьба.

Что говорят данные дела о личном составе вредителей?—К делу привлечено 53 обвиняемых. Из этих 53 обвиняемых мы имеем: инженеров 35 человек, техников 16 человек и служащих—1. Таким образом, по своему социальному положению обвиняемые представляют собой высшую техническую квалифицированную интеллигенцию—горное инженерство, лиц, каждое из которых имеет за собой десятки лет обучения в специальных буржуазных высших учебных заведениях, с их специфической программой идеологического воспитания для службы у буржуазии и десятки лет прямой работы вместе с буржуазией, рядом с буржуазией, под указку буржуазии, для интересов буржуазии; при чем,—что нужно отметить,—на командных постах: в подчинении у каждого из них десятилетиями находились массы рабочих.

Правда, лишь немногие из этих инженеров на вопрос об их бывшем имущественном положении на следствии показали, что они располагали определенным имуществом, как Березовский, показавший, что он имел сбережений до 20 тыс. рублей до революции, Владимирский—то же самое, Горлецкий—до 30 тыс. рублей, большинство показали, что они сбережений не имели и жили только на жалованье. Это обстоятельство как бы делает прежде-

временным вывод об их экономической заинтересованности или близости к буржуазии. Однако, данные показывают, что жалованье, которое они получали, было более, чем достаточное., Так, тот же самый Горлецкий получал жалованья 35 тыс. руб. в год, минимальное же жалованье любого из них было 6—10—15 тыс. р. в год. При этих условиях говорить о среднем уровне жизни в отношении их не приходится.

Одновременно, устанавливается и другой характер связи обвиняемых с буржуазным классом, и, что всего интереснее, как раз по линии мелких техников. Из этих последних бывшими шахтовладельцами являются оба Колодуба и Самойлов, при чем Андрей Колодуб, будучи техником, сверх того на деле был управляющим делами всего Донецко-Грушевского Управления Акц. О-ва «Антрацит». Обвиняемый же Рабинович был не просто акционером, а акционером весьма и весьма крупным, удосужившимся как раз перед революцией продать свои шахты за миллион рублей. Это уже одно показывает, с кем мы в данном случае имеем дело. Говорить о прямой связи этой второй группы обвиняемых со старым капиталистическим миром едва ли нужно,—она ясна сама собой.

Третью группу представляют те техники, которые были техниками в действительном смысле этого слова и не располагали ни высококвалифицированным интеллектуальным багажом, ни материальным достатком. К этим относится Кувалдин—«старый Парамоновский пес», по выражению рабочих. Эта группа старых служак, настолько срослась со своими бывшими хозяевами, что потеряла всякую возможность отделять свои интересы от интересов этих последних; для них старый строй и старые хозяева сделались неотъемлемой частью их собственного бытия, и во имя восстановления его они готовы были итти на все.

Лучше всего, впрочем, говорят о себе и своей связи со старым миром сами обвиняемые. Наиболее выпуклые места из этих показаний помещены в 1-й главе обвинительного акта—об исторических причинах, толкнувших верхушку инженерства на путь контр-революции,—показания Матова, Горлецкого, Калганова, Башкина, Ржепецкого, Элиадзе. Выдержка из показаний Матова, в этом отношении может быть применена ко всем:

> «...идеология буржуазного характера, в которой я был воспитан, вырос и работал до революции, не могла сразу быть изменена во мне при переходе страны из капиталистического в коммунистический строй...».

Более конкретно говорит об этих причинах обвиняемый Калганов:

> «...раньше мы принадлежали к категории работников, резко выделявшихся по уровню материального благополучия, наша служба давала нам покой и более или менее хорошее общественное положение, а после революции мы разделили общее положение со всеми».

И дальше:

«...при капиталистическом строе мы являлись в известной степени обер-офицерами капитала, если можно так выразиться, именно через нас капитал осуществлял свойственную, неизбежную при капитализме эксплоатацию рабочих, а это, в свою очередь, порождало уже известную идеологию, которая резко отделяла нас от рабочих, противопоставляла нас им...».

Так говорят инженеры сами о себе, об'ясняя, почему они оказались по ту сторону баррикад в дальнейшем развитии классовой борьбы. Наиболее характерными из этих показаний являются показания обвиняемого Калнина, бывшего социал-демократа, который оказался потом, как он сам говорит, «ближе к Парамонову, чем к революционным рабочим»:

«...я занимал ряд должностей в горно-промышленных обществах,—говорит он,—оплачивающихся довольно высоко, и ничто не побуждало меня вести политическую работу...».

В результате золотая цепь оказалась сильнее прежних идеологических связей.

Такой личный состав и такая историческая преемственность и послужили основой тому, чтобы контр-революция из этих людей быстро могла сделать свой авангард, пущенный в самую глубь тыла противника, и действовать при их помощи в течение р я д а л е т. Эти лица, перейдя к нам после окончания эпохи открытой гражданской войны, на деле только переменили методы своей работы, а, по существу, продолжали делать то, что делали и до гражданской войны—служили своим хозяевам. Обвинительное заключение устанавливает, что большинство из обвиняемых оказались кроме того активными сотрудниками контрразведки во время гражданской войны, агентами белых, насильниками, палачами рабочего класса, выдававшими рабочих десятками и сотнями на расстрел. Соответствующие страницы обвинительного акта, приводящие уличающие обвиняемых показания бывшего начальника шахтинской контр-разведки Прудентова и его помощников Клатько и Куприянова и других доказывают это с абсолютной точностью.

Следует привести еще одну характерную черту для обрисовки политическо-классовой физиономии обвиняемых-вредителей. Большинство тех из них, которые работали непосредственно на рудниках, оказались не только экономически тяготевшими к капиталистам, не только людьми, у которых руки были уже обагрены в крови рабочих в период гражданской войны, но и оказались людьми, которые, несмотря на весь свой интеллектуальный багаж, которым они так выгодно отличались от рабочих и из-за которого их приняло на службу советское государство, по уровню своей идейной культуры и этического развития сгояли на одной из самых низких ступеней, людьми, которые не гнушались по отношению к рабочим применять самое грязное рукоприкладство, самые отвратительные формы отношений, позорящих и унижающих человеческое достоинство, прежде всего, тех, кто подобные способы и методы отношений применяет. О мордобойстве по отно-

шению к рабочим, об избиении палками, о зуботычинах, которыми они наделяли рабочих в период, когда господствовали, как бесконтрольные хозяева на рудниках, обвинительный акт приводит целый ряд свидетельских показаний, при чем одинаково эти показания говорят, как о техниках Колодубе и Гаврюшенко, так и об инженерах Березовском, Башкине и др. Башкина рабочие обходили за версту; Березовского они в свое время вывезли на тачке; дом Колодуба они в 1905 году разгромили и сожгли; Васильева хотели сбросить в шахту.

Вот какой букет представляет собой личный состав Донецко-Грушевского рудоуправления, наиболее подробно разработанного в обвинительном акте. Такой же состав, однако, имелся и в других рудоуправлениях (см. состав Несветаевского р/у в лице инженера Некрасова и техника Кувалдина; Щербиновского р/у и др.).

Этот состав обвиняемых заставляет рабочий класс сделать сейчас, прежде всего, следующий основной вывод: классовая природа человека есть нечто в высшей степени устойчивое и определившееся, которое не так-то легко переделать, элементы которой отличаются чрезвычайной стойкостью и взаимной сцепленностью. Этим людям рабочий класс не вправе никогда абсолютно и в полной мере доверять, в отношении них, что бы то ни говорили, он должен всегда быть на-страже и всегда понимать о разделяющей их пропасти. Они не за страх, а за совесть раньше служили буржуазии и на службу к ней вернутся при первой представившейся к этому возможности.

С кем же связь держали эти люди?—С кем была связана контр-революционная организация за границей?—Вот точный перечень организаций, с которыми они были связаны по их собственным словам. По показаниям Братановского Московский центр был связан со следующими заграничными об'единениями, обществами и учреждениями:

> ...«1. Об'единением бывших горнопромышленников юга России... состоящим из следующих лиц: Б. М. Соколова, Штетинга, Фенина, Прядкина, Сергеева и др.».

Эти все крупнейшие шахтовладельцы, воротилы горной промышленности юга России имели в свое время в Харькове свой орган в виде так называемого «совета с'ездов южной горной каменноугольной промышленности», об'единявшего собой все крупнейшие предприятия и фактически являвшегося директором в области каменноугольной промышленности. Конечно, он теснейшим образом был связан с царским правительством и заграничными каменноугольными об'единениями и заграничными капиталистами, вкладывавшими в наши рудники достаточно крупные средства. (Всего было вложено в южную каменноугольную промышленность России 260 милл. рублей, из них 227 миллионов—английскими, французскими и бельгийскими промышленниками). Этот Совет С'ездов горнопромышленников весь перекочевал за границу, куда заблаговременно, еще в период Керенского, а может быть и раньше—в период первых лет войны,

они перевели свои основные денежные ресурсы. Этим об'ясняется их экономическая мощь и до сих пор, после того, как рудники и недра земли, при помощи которых они выкачивали свои средства, были об'явлены национализированной собственностью пролетариата. Совет С'ездов, возобновивший свою работу за границей, об'единял, однако, не только русскую промышленность, одновременно с этим работали и иностранные об'единения, с которыми также была связана контр-революционная организация. Сюда относятся, как показывает тот же Братновский:

...«2. Французское об'единение бывших владельцев и акционеров промышленных предприятий. В этом об'единении видную роль играет Буроз—бывший акционер и директор Екатерининского Горного Общества, Форрет, Тествен и Юрен.

3. Польское об'единение бывших директоров и владельцев горно-промышленных предприятий в Донбассе (Дворжанчик, Мьяновский, Цешевский)».

Эти три основные капиталистические группировки и являлись источником финансирования контр-революционной организации, руководящим центром, от которого исходили практические директивы по вредительству.

Организация, однако, сверх того, была связана с обществом кредиторов бывшей старой России или с об'единением всех тех лиц, разного происхождения и национальностей, которые давали деньги в долг прежнему царю и которые потеряли эти деньги с момента аннулирования государственных долгов.

Наконец, независимо от этого, эта организация была связана с целым рядом немецких фирм, хотя уже несколько в иной плоскости. Фирмы стремились через организацию эксплоатировать сундук пролетарского государства,—организация стремилась, в свою очередь, урвать из прибылей этих фирм и для себя кусочек медвежьего ушка путем обязательства этих фирм отчислять из сумм заказов определенный процент на нужды организации.

При таком составе руководящего центра и вредительской периферии основной тезис о классовом характере всего шахтинского дела представляется абсолютно доказанным. Он доказывается, однако, и дальнейшим.

Программа работ, практическая деятельность вредителей, цели, которые они себе ставили—также не оставляют сомнения в классовом характере этой борьбы. Эти цели в главнейшем сводятся:

1. К стремлению, во что бы то ни стало, сохранить недра и рудники для старых хозяев к моменту их возвращения;

2. Помешать в текущей работе советским органам и советскому правительству соответственно использовать эти недра;

3. Подготовить эти недра за счет Советской власти наилучшим образом в области их технического оборудования к моменту возвращения бывших хозяев и

4. Использовать свое положение и полномочия, которыми они располагали, для нанесения максимального вреда Советской власти в момент открытой вооруженной интервенции капиталистического мира на предмет непосредственного свержения Советской власти.

Этот перечень целей, о которых говорят сами основные обвиняемые, показывает, что расценивать эту организацию иначе, как орудие именно классовой борьбы буржуазии, в целях как защиты и обеспечения интересов отдельных буржуазных хозяев, так и всего класса буржуазии в целом, совершенно нельзя.

С откровенностью, достойной лучшего применения, показывают об этих целях обвиняемые Матов, Братановский, Соколов, Сущевский, Кржижановский, Ржепецкий, Казаринов и др. (л. д. 109 и следующие). В наиболее конкретной форме дает эти показания в частности Братановский:

...«главнейшими задачами организации были:

1) сохранение в неприкосновенном виде более ценных недр и машин для эксплоатации в дальнейшем прежними владельцами и концессиями,

2) доведение рудничного хозяйства Донбасса до такого состояния, при котором советское правительство было бы вынуждено сдать рудники в концессию иностранцам или вообще капитулировать перед иностранным капиталом,

3) в случае войны помогать врагам СССР расстройством тыла, прекращая добычу и разрушая или затапливая рудники шахт.

4) пропаганда против Советской власти».

По поводу последних двух пунктов обвиняемый Казаринов говорит следующее:

«...К числу прочих задач организации принадлежала также выработка специальных планов действия на случай возможной интервенции в смысле предохранения шахт от эксплоатации или, наоборот — их затопления, если таковое представлялось целесообразным и шахты впоследствии без труда и ущерба снова могли быть быстро откачены.

Наконец, в программу организации входила выработка специального плана искусственного сокращения добычи путем порчи механизмов и оборудования, добычи отдельных шахт, с целью создания затруднений Республике на случай войны с иностранными государствами».

Так же приблизительно формулирует Братновский эти задачи и в отношении Московского центра:

...«Задачи организации были:

1) постепенное, планомерное приведение хозяйства страны, главным образом, в крупной промышленности в такое

состояние, которое заставило бы сначала советское правительство сдать крупную промышленность в концессию иностранцам, а затем довести это хозяйство до такого состояния, чтобы Соввласти пришлось совершенно капитулировать перед иностранным капиталом.

2) На случай интервенции способствовать ее успехам, расстраивая хозяйство страны и дезорганизуя тыл.

3) Вести пропаганду против Соввласти, распространяя вокруг свое влияние постепенно на все больший и больший слой населения».

Обе цели—и цель индивидуальной помощи отдельным хозяевам путем сохранения их экономического богатства, и общая классовая цель—подготовка свержения Советской власти—здесь указаны с достаточной ясностью. При чем тот же самый классовый момент отражен даже в методах работы в направлении доведения советского каменноугольного хозяйства до такого состояния, когда Советская власть должна была бы передать рудники в концессию иностранцам.

Не забывали, впрочем, и себя, и своих маленьких шахтенок отдельные обвиняемые. В обвинительном акте имеется указание на то, что инженеры .Березовский и Калганов, работавшие в Донецко-Грушевском рудоуправлении, неоднократно говорили о том, как нужно вести работу на бывшей шахте обвиняемого Самойлова таким образом, чтобы Самойлову она досталась в наиболее оборудованном и наименее истощенном виде, за что Самойлов будет им благодарен. Конкретно для себя некоторые представляли свое будущее в виде должности, хорошо оплачиваемого управляющего рудоуправлением и т. д.

Наконец, последним моментом, определяющим классовый характер борьбы, которую вели обвиняемые, является связь, которую они имели непосредственно с легальными органами иностранных государств. Об этой связи они несколько раз говорят в своих показаниях, излагая отдельные эпизоды из своей работы в виде посещения некоторых учреждений во Франции и у нас в СССР. Характер сведений, которые они передавали, главным образом, чрезвычайно показателен. Сюда входят и сведения экономического характера и сведения политические—одним словом все то, что нужно и что стремится получить каждое буржуазное правительство о своем соседе, с которым оно находится на словах в архи-дружеских отношениях, но по отношению к которому каждое из них держит камень за пазухой и готовит войну.

Организация вредителей была таким образом классовой организацией, организацией буржуазии и по своему личному составу, и по своим связям, и по своим задачам, и по своим методам работы. Это первый основной политический урок, который должны усвоить из шахтинского дела все сознательные трудящиеся.

Методы хозяйственного вредительства контр-революционеров.

Мы сказали выше, что шахтинское дело является эпизодом классовой борьбы, которую вела и ведет буржуазия против пролетариата после свержения ее господства, после того, когда был закончен период открытой гражданской войны под прямым политическим лозунгом свержения Советской власти, после того, как буржуазия была разбита; что, в силу этого, борьба эта приняла законспирированные формы нелегальной работы, нелегальной деятельности и что, наконец, борьба эта проводилась, главным образом, в области хозяйственного строительства и методами вредительства, прямого и косвенного, саботажа, обмана и надувательства хозяйственников-коммунистов и рабочих.

Из всех этих обстоятельств практически важным для нас является лишь последний момент—каким образом проводилось это вредительство в области хозяйства, какими методами действовали в этом отношении эти агенты буржуазии на периферии и в центре, что надлежит усвоить из установленных фактов партийцам-хозяйственникам,—профессионалистам и вообще всем рабочим, в целях предотвращения повторения подобных явлений в будущем. Эти практические вопросы должны нас интересовать больше всего и прежде всего, поскольку изучение всех остальных моментов в деталях—как зарождалась организация, каково было ее строение во взаимоотношениях отдельных звеньев, как была налажена связь у нас в СССР между отдельными ячейками и организациями за границей,—все это будет иметь скорее исторический интерес, чем непосредственно практический. Впрочем, о политическом значении и этих последних моментов мы все-таки скажем несколько слов ниже.

Итак, каковы были основные методы работы контр-революционеров?

По показаниям самих обвиняемых эти методы работы различались в зависимости от того, где и на какой ступени иерархической лестницы находился тот или другой вредитель и какое место в общем хозяйственном аппарате Донугля он занимал. Различались эти методы и в зависимости от того, в какой период времени они применялись—один способ действий применялся в момент первого пятилетия хозяйственного строительства, непосредственно после того, как затихли громы гражданской войны, иные методы применялись в дальнейшем по мере роста и укрепления Советской власти и того, как блекли надежды на быстрое ее падение. И, наконец, иные, третьего порядка, методы применялись в самую последнюю пору—в ориентировке на возможную и близкую интервенцию. Четвертая категория средств и методов применена еще не была,—она предполагалась к применению уже в самый момент войны.

Различались эти методы, наконец, и по об'ектам, на которые они направлялись. Этими об'ектами были: шахты, машины, станки, непосредственно тот или другой сорт угля или продукции каменноугольной промышленности,—этими об'ектами, наконец, были и живые люди и целые организации, в виде ли отдельных хозяйственников-коммунистов, управляющих рудоуправлениями, в виде ли тех или иных профессиональных или политических организаций рабочего класса. Все, с чем приходилось сталкиваться вредителям, все они стремились привлечь на свою сторону, или, по меньшей мере, нейтрализовать. До каких тонкостей и до какой виртуозности они в этом отношении доходили, показывает последующее изложение.

Период первый—индивидуальное мелкое вредительство.

По времени методы хозяйственного вредительства разделяются на четыре этапа или периода. Первый период охватывает время с 1920, приблизительно, по 1923 год. Это—эпоха индивидуального мелкого вредительства отдельных инженеров, связанных с их бывшими хозяевами, вернее, не порвавших с ними окончательной связи или, если порвавших, то, тем не менее, сохранивших от них определенные указания о том, как надлежит поступать и действовать в рудниках в течение первого ближайшего периода времени.

В этом отношении наиболее характерными являются показания двух лиц: с одной стороны, инженера Шадлуна из Щербиновского рудоуправления, связанного с бывшим собственником французом Ремо, а с другой—инженера Сущевского, связанного с бывш. собственником Дворжанчиком (поляк); такие же показания мы имеем и обвиняемых из Несветаевского рудоуправления в лице главного механика Кувалдина и инженеров Андреева и др.

Уже в 1920 году, во время первого наступления красных на Ростов и занятия ими Донбасса, бежавшие в Ростов промышленники и инженеры имели там наскоро свое первое совещание. Об этом показывает обв. Матов и др. Тогда и были получены инженерами первые директивы—сохранить, во что бы то ни стало, недра и рудники от уничтожения, поскольку белые полагали, что красные войска и большевики придут на рудники за тем, чтобы там все разграбить и уничтожить. Цель, таким образом, была одна—до возвращения хозяев сохранить рудники во что бы то ни стало. Возвращение это мыслилось как имеющее наступить чрезвычайно скоро, через несколько месяцев, в худшем случае, может быть, через полгода.

Более дальновидные, однако, уже тогда ставили вопрос несколько иначе: кто знает, придется ли скоро вернуться,—пока что следует не только сохранить недра, не только оберегать хозяйское добро от того, чтобы его не растащили,—следует его и сохранить, спрятать. А это лучше всего сделать, затопивши шахты. Отсюда лозунг затопления шахт, в особенности

наиболее лучших шахт, делается в это время практическим лозунгом и директивой, по которой поступают отдельные инженеры. Так поступает, прежде всего, тот же самый Шадлун, затопивший лучшую шахту Берестовского рудника—шахту № 14; так поступает техник Бабенко, затопивший еще осенью 1921 г., по указанию Березовского, богатейшую шахту Ново-Азовской Компании. Эти шахты были наилучшими, они были механизированы на 100% еще при старых хозяевах, эксплоатация их была наиболее выгодна и уголь в них был лучшего качества. Эти шахты остаются затопленными и до сих пор.

Другим способом действий в тот же период было сокрытие данных об имеющихся залежах наиболее ценного угля в проектирующихся или начатых работами проходках и строительстве. Сюда относится факт сокрытия, так называемой, Бессергеневской проходки Донецко-Грушевского рудника; чертежи этой проходки так и остались неразысканными. Между тем, по показаниям рабочих и самих обвиняемых, здесь были наиболее лучшие и наиболее ценные залежи угля.

Тот факт, что сокрытие ценных местонахождений пластов, затопление наиболее ценных шахт, произведенное почти девять лет тому назад, оставались нераскрытыми до настоящего момента и возникновение шахтинского дела, несмотря на то, что об этих местонахождениях и об этих затопленных шахтах прекрасно знали старики-шахтеры рабочие, и не только знали, но и говорили—характеризует два момента: недостаточную связь их с массами рабочих, с одной стороны, и недостаточную связь этих последних с хозяйственниками-коммунистами—с другой. Такого положения не могло бы быть, если бы налицо было то, за что всегда ратует наша партия—тесная связь хозяйственников с массами. Только в условиях недостаточности этой связи могли так смело действовать контр-революционеры. Впрочем, этот последний вывод нам придется делать очень часто, когда мы будем говорить относительно материалов шахтинского дела. В этом был главный козырь контр-революционеров, и мы увидим дальше, что они прекрасно сознавали всю силу этого козыря и старались крепко держать его в руках. Вторым техническим способом вредительства этого периода было мелкое индивидуальное вредительство в виде заведомого оставления без надлежащего вмешательства со стороны технического надзора тех или иных частей шахтного оборудования, требовавших своевременного и обязательного ремонта.—Пусть так будет, пускай, разрушаются, чего нам об этом думать, чего нам об этом заботиться—вот был стереотипный ответ, который давали вредители на замечания более честных техников, указывавших на те или иные «неполадки».

Так, Чернокнижников, например, показывает:

«Начало моей вредительской деятельности я отношу к концу 1920 года, когда я был главным механиком на Власовке; приехал ко мне инж. Березовский, состоявший тогда в должности заведующего горно-техническим отделом Шахтин-

ского районного управления. Турбины на Власовке тогда были неисправны вследствие поношенности, я докладывал об этом Березовскому; я говорил ему о моих попытках организовать своими средствами изготовление испорченных диафрагм; когда я ему сказал, что одна из машин оставлена и разобрана и я дал обещание сделать новые диафрагмы, Березовский сказал, чтобы все оставалось по-прежнему. Это указание я понял, как директиву Березовского задержать работу, вредительная цель этой директивы для меня была ясна; при неисправности турбины рудник никогда не может считаться в безопасности. Директиву я выполнил в смысле замедления работ по приведению машины в исправное состояние. Задержка эта получилась месяца на 4 или 5».

Таких показаний по обвинительному акту можно найти много. Чрезвычайно интересно проследить процесс, как эти индивидуальные вредительства мало-по-малу получали, благодаря систематичности их, некоторый организованный характер. Так, например, главный механик Донецко-Грушевского рудоуправления обв. Башкин показывает:

«Первое мое вредительское действие заключалось в том, что я не установил конденсационные горшки на магистраль паропровода электрической станции, в результате чего турбина изнашивалась быстрее; сделано это было мною по наущению Калганова, это наущение выразилось в форме намека, не вызывавшего, однако, никаких сомнений в существе его. Второе мое вредительское действие относится также к 1920 г.,— я не усилил и не отремонтировал тягальную лебедку на первом пласте Петропавловского рудника; в результате добыча не могла нормально развиваться. Это было сделано по директиве заведывающего шахтой Самойлова. Третье вредительское действие относится к 1921 году, когда я умышленно с инженером Петровым допустил свалку шлаков возле шлакового под'емника в результате чего произошел пожар под'емника, а из-за этого затруднена была эксплоатация котельной станции. Сделано это было по директиве Калганова».

Тут уже согласованные действия нескольких лиц: одни подсказывают в форме намека, другие действуют, третьи смотрят и допускают. В результате создалось такое положение вещей, при котором взаимное укрывательство и как бы некоторая негласная, но очень твердая и прочная круговая порука связали всех инженеров в одну группу вредителей, пустить которую в дело уже как организованную группу, затем не представило труда.

По этому поводу Самойлов прямо говорит:

«Я бы сказал, что к вредительству организационному я и мои товарищи перешли как-то незаметно. Сначала это была общая халатность, халатность, так сказать, естественная, к ней привыкают, а от халатности обыденной, конечно, нетрудно было перейти и к халатности умышленной, а дальше и к активным вредительским действиям...

Сравнительно легкому появлению в нашем районе вредительской организации содействовало и то, что большинство работников знало друг друга с давних времен, работали на одних и тех же местах, оставались они в том же районе и после революции».

О том же самом говорит и обв. Казаринов:

«Это брожение, вылившееся сначала в саботаж и мелкое индивидуальное шкурничество, при которых часто вспоминалась хорошая жизнь при старом хозяине, стала постепенно принимать реальную форму благоприятной почвы для взращивания на ней всякого рода об'единений, и организаций, ставящих своей целью осуществление этих мечтаний. Своего апогея указанное настроение достигло во время голодного года, после которого атмосфера стала такой, что техперсонал только ждал своего организатора для того, чтобы слепо броситься на его призыв, лишь бы последней целью его было изменение к лучшему условий тяжелого быта и труда. Особенно сильно выявилось такое настроение в тех многочисленных участках Донбасса, где бывшие вчерашние хозяйчики стали в одну ночь преданными советскими чиновниками. Эта атмосфера быстро и правильно была учтена недремлющими врагами советского строя, в лице сидящих за границей бывших промышленников, нашедших деятельных проводников их чаяний и мечтаний в лице старшего технического персонала, психология коего с особенным трудом могла быть переломлена, так как в них она сидела особенно прочно подкрепляемая моментами коллегиальности, идеологическими и т. п.».

Период второй—вредительство принимает планомерный и организованный характер.

К моменту, когда отдельные инженеры спаялись таким образом на местах в маленькие контр-революционные группки, и относится начало второго периода деятельности контр-революционных вредителей. Если мы видели выше, что методы первого периода могли быть раскрыты своевременно и предупреждены лишь при наличии тесной спайки хозяйственников-коммунистов с рабочими массами и такой же связи местных партийных и профессиональных ячеек, то этот тезис еще большую силу получает в отношении второго периода, когда организовавшиеся на местах группки связались между собой и при помощи установившейся и более или менее налаженной связи с заграницей, начали получать финансовую базу и практические директивы от заграничных об'единений промышленников.

Борьба загорелась по всему фронту и приняла сразу более планомерный и организованный характер, в связи с чем необходимость такой же сплоченности и связанности со стороны партийных и профессиональных организаций с рабочими массами еще более выросла. Во весь рост встал теперь вопрос о взаимоотно-

шениях управляющего персонала коммунистов с техниками-специалистами,—во весь рост, ибо пришлось тем и другим на практике встречаться и скрестить оружие, как врагам, при чем должно сказать, что в этой первой схватке, как показывают шахтинские материалы, коммунисты-хозяйственники были биты.

Какие же методы использовала контр-революция в этот второй период?

Прежде всего, она использовала эти методы в плоскости стремления не только завязать всюду связи при помощи нашего же хозяйствующего, управляющего аппарата, но и посадить всюду своих людей.

Вот что говорит по этому поводу обв. Калганов:

«В 1922 г. был создан институт районных уполномоченных, а при них районные техруки; Березовский был таким районным инж. по шахтинскому району. Его район обнимал Власовку, всю Грушевку и Несветай. Он был моим непосредственным начальником и техническим и административным. В 1922 г., во время посещения моего по делам службы районного управления, он затеял со мной разговор на следующую тему: советский порядок непрочен, он обречен на гибель, Советская власть не только не может развить производство, но не может даже сохранить шахты, неизбежна перемена власти, возвращение капиталистического строя, а, следовательно, возвратятся и старые хозяева, перед которыми придется держать ответ за состояние шахт, от хозяев мы по-прежнему будем зависеть, кто бы они ни были, те же лица, или новые концессионеры, по существу это одно и то же; вернее, что это будут старые хозяева, ибо по мнению многих война неизбежна, а отсюда и последствия ее—реставрация. Естественной, в силу этого, явилась директива Березовского вести дело так, чтобы все возможности и средства были обращены на сохранение хозяйского достояния. По смыслу разговора я понял, что и сам Березовский имеет такое поручение, что, в силу этого, есть и вышестоящая организация. О существовании таковой я узнал позже из разговоров с ним же, Березовским. Уже при первой беседе Березовский дал мне задание привлечь к этому делу подчиненный мне технический персонал. Он обещал мне и всем лицам, которые примкнут к делу, денежное вознаграждение в размере от 50 до 100% получаемого оклада жалованья.

Обещал он также и другие блага, которые могут быть реализованы при реставрации, мне он обещал место управляющего рудниками Донецко-Грушевского о-ва (место это очень выгодное). Я согласился на предложение Березовского без какого-либо давления с его стороны. В первую очередь, я привлек к делу Самойлова, потом Бабенко, Гаврюшенко, Башкина, Колодуба Андрея, Колодуба Емельяна, Нашивочников привлек Бабенко, я привлек Чернокнижникова, после

того, как Башкина перевели на Власовку. Я не знаю, привлечен ли к делу был Антонов, во всяком случае немного».

Сам Березовский о своей деятельности, равным образом, говорит:

«Во второй половине 1922 г. была учреждена должность районных уполномоченных; эти районные уполномоченные являлись связующим звеном между районными управлениями и руководящими техническими органами Донугля. Районный уполномоченный являлся докладчиком в Донугле по делам своего районного управления, он передавал директивы Донугля, он, в известной мере, был и органом контроля со стороны Донугля; таким образом, заведующий техническим отделом районного управления являлся, в некоторой степени лицом зависимым от районного уполномоченного. На эту должность по нашему рудоуправлению назначен был инж. Шадлун».

И дальше:

«После этого я получил от Горлецкого письмо с изложением директив по вредительной работе. Вскоре я переговорил с главным инженером Донецко-Грушевского управления Калгановым, который также без всякого давления с моей стороны согласился стать участником этой организации и выполнять ее задания. Я тогда больше ни с кем из работников ДГРУ по этому вопросу не беседовал, отчасти из соображений конспирации, отчасти не желая вмешиваться в компентенцию Калганова, ибо он был там главным инженером, и технические работники были подчинены ему. Немного времени спустя Калганов мне сообщил, что им завербованы в организацию: Самойлов, Андрей Колодуб, Емельян Колодуб, Бабенко, Башкин, Чернокнижников и Антонов».

В дальнейшем Березовский показывает, что при назначении на должности им соблюдалась определенная система:

«В числе завербованных Калгановым лиц пятеро являются заведующими шахтами (Самойлов, Андрей Колодуб, Емельян Колодуб, Бабенко и Нашивочников), двое являются главными механиками (они служили не одновременно—один сменил другого), это Башкин и Чернокнижников и, наконец, один является инженером горного надзора, это Антонов. Сочетание этих лиц, отнюдь не является случайным, ибо при таком сочетании три необходимых элемента для организованного вредительства находятся в руках организации: 1. Шахта, 2. Механизмы, дающие энергию и 3. Контроль. Только при сочетании этих трех элементов вредительскую работу можно построить планомерно, не боясь провалов».

Так действовали контр-революционеры, ставя свою организацию в наилучшие условия. Люди понимали друг друга с полуслова, и иногда и без слов. Так, Калганов показывает, как был завербован он сам:

«Однажды, в начале весны 1923 г., в разговоре у меня в кабинете с Некрасовым, я ему сказал, что в данный момент нуждаюсь в деньгах, на что Некрасов мне ответил, чтобы я не беспокоился, так как деньгами он мне может помочь. Я у него тут же спросил, из каких источников и за что именно он собирается мне дать деньги, он ответил, что об источниках он мне ничего сказать не может, предложил деньги принять и особенно не напирать на новые работы и погрузку угля. Я ему на это ничего не ответил, деньги принял и на указанные отрасли работы в будущем особого внимания не обращал. В тот же день вечером, он мне передал 200 руб. червонцами, достоинством, кажется, по 1 червонцу, деньги были не новые. После этого, в течение того же лета 1923 г. я получал от Некрасова еще два раза деньги: один раз 100 р. и один раз 200 рублей. Эти два раза он принес мне без всяких с моей стороны напоминаний, что мне денег не хватает. При получении этих денег у меня с Некрасовым никаких разговоров не было... Второй раз, в начале лета 1926 г., незадолго перед моим отпуском, Некрасов принес мне в мой кабинет еще 200 рублей, и передал мне их, сказав, что деньги понадобятся мне на отпуск. О том, что мне делать и откуда у него эти деньги, он опять мне ничего не говорил. Это был последний случай получения мной денег от Некрасова. Всего, таким образом, я от него получил 1.000 р.».

Что же делали в этот момент хозяйственники, подписывавшие и утверждавшие эти назначения? — Подписывали и утверждали. Роль их в этом первом открытом классовом столкновении была пассивна. Но что они могли сделать?—Должно прямо сказать, что едва ли они и могли многое тогда сделать. При том положении, в котором была в то время Советская власть, поставленная перед необходимостью где бы то ни было найти инженерный состав,—приходилось использовать тот состав специалистов, какой имелся, других людей не было; своих инженеров, своих техников рабочий класс еще не создал.

Иначе, однако, обстояло дело дальше, когда вредительская работа развернулась во всю во втором этапе—с 1923, приблизительно, по 1925—1926 г. Если раньше оправдать хозяйственников-коммунистов еще было можно,—в этот второй период оправдать их уже было нельзя. Десятками и сотнями показаний рабочих рисует обвинительный акт эту вредительскую работу, проводившуюся непосредственно на периферии на местах, в этот второй период. Здесь уже дело шло не о назначениях,—шло дело о непосредственной прямой работе по проходкам шахт, по добыче угля, по прокладке новых подземных ходов, по укреплению стволов в шахтах, их ремонту, постановке вентиляции и пр., и пр., и пр. Эту работу знает каждый более или менее опытный шахтер; для того, чтобы видеть неправильности в этой работе, не нужно быть специалистом инже-

нером; во всяком случае, рабочие и на производственных совещаниях и в своих профессиональных и парторганизациях могли и должны были не только знать и указывать, но могли и должны были предупреждать неправильности в этой работе. А между тем мы имеем здесь картину, когда вредительская работа разворачивается во всю, рабочие старики, говорили и указывали, как на производственных совещаниях, так и непосредственно в процессе работы, но получали окрики—«не суйся не в свое дело». А хозяйственные партийные и профессиональные организации оказались совершенно неспособными вскрыть вредительскую работу.

Вот что показывает рабочий крепильщик Сизов о шахте «Воровского»:

«Работа всей этой компании,—говорит он,—сводилась к следующим фактам:

Имелся старый бремзберг № 8 с 8-го хода. В 1924 г. Самойлов В. Н. и техник Беленко В. И. начали закладку нового бремзберга № 8. Работа эта совершенно бесцельна и не оправдывала себя. Новый бремзберг был пройден на 100 мт. и метров до 100 от старого. Через новый бремзберг было взято незначительное количество углей и это ни в коей мере не оправдывало расходы на бремзберг. Весь уголь можно было выбрать через старый бремзберг; как Самойлов, так и Беленко это знали отлично, что уступом № 1 они бы уже дошли до сброса. Я лично Самойлову и Беленко говорил, что: «Вы делаете напрасную работу, нового бремзберга не нужно»—они мне отвечали: «Ваше дело работать, а нам нужно это сделать». Когда бремзберг был уже пройден, он оказался искривленным, благодаря чему уступы правильно проходить было невозможно. Уступы №№ 4 и 6 попали на пустоту, в уступе № 2 пришлось разогнать раскоску до 10 саж., работы для рабочих сделались невыполнимыми, рабочие волновались, я перед Самойловым и Беленко поставил категорический вопрос создать комиссию и поправить работы, я тогда работал артельщиком, когда Самойлов, без всяких оснований, взял и снял меня, а бремзберг сейчас же был заброшен.

С 1925 и по 1926 г. проходился 19 бремзберг. Бремзберг оказался ненужным, через него взяли незначительную часть угля—бремзберг, пройденный на 60 лет, забросили, бремзберговый инструмент не убран. 19 ход проходился с 1924 по 1927 г., пройден на 70—90 лет. Надобность в этом ходе с прохождением вспомогательного уклона пропала. Ход сейчас заброшен и заваливается. На него затрачены огромные средства—эти работы были выдвинуты и проводились штейгером Самойловым.

О том же показывает рабочий Пахомов:

«Вентиляция в дальнейших уступах была очень скверная, рабочие не довольствовали и, благодаря отсутствию воздуха, производительность определенно срывалась. Я лично технику Колодубу Константину заявил, что в уступах нет воздуха, что нужно пробить штречек в 23-м уступе,—эти заявления я делал весной 1927 г., Колодуб К. мне ответил—«это не твое дело», принял ли меры Колодуб к исправлению вентиляции—я не знаю, так как за настаивание перед Колодубом о вентиляции зав. шахтой Самойлов перевел меня на другой участок».

То же показывает рабочий—запальщик Ильин:

«Паление по распоряжению Самойлова всеми запальщиками мной производилось систематически все время от 20 до 32 бурок единовременно. Это паление угрожало жизни запальщиков и рабочих и были случаи, когда в 1926 г. в уступе № 4 запальщик Сергеев едва не остался под назами, а запальщик Клюшнев, он сейчас работает на шахте,—в 1926 г. угоревшим из 15-го штрека выдали на гора, палили в упряжку до 96 бурок, с таким палением было справляться невозможно и запалка систематически запаздывала, добыча срывалась, так как рабочим приходилось ждать, когда выйдет газ.

Благодаря массовому палению, было невозможно, в силу опасности, и некогда, в силу перегруза, следить за выпадом бурок, благодаря чему бурки не просчитывались и динамит попадал в уголь, угрожая жизни рабочих.

Самойлов никаких мер к устранению изложенного не принимал, когда запальщики просили увеличить штат, он ответил: «штат увеличивать не будут»; хотя Самойлов заведомо знал о всем указанном мной и последствиях».

Не все коммунисты, правда, молчали, но всякий раз когда они начинали говорить, в частности инженеры-коммунисты, прочие инженеры очень скоро их вышибали. Так, свидетель Пономарев показывает о таком случае «вышибания» инженера коммуниста Лившица из шахты № 2 и др.:

«С 15/VIII—1926 г., когда был переведен на шахту № 2, там работал член ВКП(б) инж. Лившиц, С. М., он заведывал участком литера «Б», бремзбергом № 1. Его, Лившица, всячески старались выжить, как, например, если у Лившица случалась какая-либо незначительная неполадка на участке, то ее всячески старались раздувать, в рудоуправление сыпались рапорты от Нашивочникова к зав. горными работами Теркану, Бабенко, глав. инж. Калганову, откуда уже переходили к управляющему, в этих рапортах указывалось, что Лившиц неправильно ведет работу. В то же время, если на участках техника Николаевского, или Башкина получались крупные недоразумения, как например, был случай на участке Николенко—завал главного хода и работы целиком стояли 4—5 часов, об этих случаях Наши-

вочников всячески замалчивал, и я не слышал, передавали ли куда-либо рапорты. Было это, приблизительно, в августе мес. с. г.

Осенью 1926 г. на шахту № 2 в качестве помощника зав. шахтой был переброшен член ВКП Домненко, по специальности горный техник. Против Домненко Нашивочников повел открытую борьбу. Нашивочников запретил Домненко давать какие-либо распоряжения по шахте или подписывать какие-либо бумаги и этим самым не только обезличил Домненко, но и не дал возможности работать. Один раз в отсутствие Нашивочникова Домненко подписал какое-то несерьезное требование, не относящееся к делу по шахте, Нашивочников отдал официальное распоряжение считать подписи Домненко, вообще, недействительными и Домненко вынужден был уйти; на эту тему Домненко говорил с управрудом Гончаренко, но сущность разговора мне неизвестна.

Аналогичная история получается сейчас с выдвижением члена ВКП(б) Очередниченко,—Нашивочников, Башкин, Николенко, стараются всячески доказывать рудоуправлению, что он никуда не годится. При чем здесь Нашивочников жалуется на Очередниченко, Башкин на Николенко, а уже последний идет дальше; характерно, что сейчас Очередниченко работает у нового техника и недоразумений с ним нет. Лично ко мне со стороны Нашивочникова, Башкина, Николенко, также была неприязнь, был случай, когда, чтобы уязвить меня, Нашивочников запретил мне мыться в технической бане, заявив: «каких-то монтеров напустили в баню». Это было сделано, несмотря на то, что непредоставление мне возможности пользоваться технической баней, отражалось на работе, и я не мог нормально посещать шахты, а рабочие бани работают только в определенные часы».

Так проводилась техническая вредительская работа. Как видим она велась уже иначе, широко и в полной мере организованно. Она оплачивалась из специальных средств, находившихся в распоряжении районного инженера.

Параллельно с этими чисто техническими методами вредительной работы, проводилась такая же работа и более утонченными способами. Сюда относится стремление восстановить рабочих против Советской власти, с помощью прижима в отношении рабочих и придирок там, где это ничем абсолютно не вызывалось. Одним из средств было искусственное снижение заработка. Об этом показывает в частности рабочий Широков.

«Недоплата рабочим заработка по шахте № 2 существует, как система. Костенко систематически без всякого согласования с РКК увеличил норму рабочего литера «Б» с 18-ти до 25 вагонов. Вследствие этого и расценка с 17-ти коп. от вагона понижалась до 12½ коп. На этой почве всегда

возникали конфликты, разрешающиеся в пользу рабочих. Из каких соображений Костенко увеличивал норму, я не знаю».

Другим способом восстановления рабочих против Советской власти было несоблюдение элементарных условий безопасности. Сюда относится случай с рабочим Кореньковым, окончившийся смертью Коренькова.

При более благоприятных обстоятельствах вредители переходили прямо к политической антисоветской пропаганде. Об этом показывает Братановский, как в Харькове на совещании центральной руководящей группы вредителей обсуждалась инструкция о пропаганде, полученная из-за границы, устанавливались методы этой пропаганды, при чем, по показаниям Братановского, рекомендовались 2 метода:

«Первый—это пропагандирование постепенно сверху вниз, от высшего служащего до среднего и низшего, уже соприкасающегося с рабочей массой, а второй метод—это непосредственное завоевание симпатий рабочих со стороны членов организации путем широкой общественной работы среди молодежи, в клубах, на курсах, школах и т. п., в целях внушения к себе уважения и получения возможности более тесного общения на началах доверия и наиболее активных рабочих. В первом случае инженеры должны были вербовать штейгеров и конторских служащих, штейгера должны были вербовать десятников, а служащие—табельщиков. Десятники и табельщики, а также мастера и монтеры, должны были вести уже пропаганду среди рабочей массы, как стоящие в непосредственной связи с нею. Пропаганда должна была вестись при помощи критики мероприятий советского правительства, сравнения положения рабочего класса в СССР с положением в капиталистических странах Европы и Америки, программа ВКП должна была критиковаться очень тонко, чтобы не возбудить чьего-либо подозрения. Оба метода пропаганды были приняты и многие инженеры пошли по этому пути и, как они докладывали, достигли хороших результатов, главным образом, первым путем. К таким инженерам относится Сущевский».

Вся эта область работы должна быть твердо изучена и усвоена нашими работниками-партийцами и профессионалистами. Отсутствие прочной спайки, связи между профорганизациями и широкими массами, отсутствие тесной спайки и связи между партийными ячейками и широкими рабочими массами, недостаточно чуткое и внимательное отношение к голосу рабочих—привели к тому, что голос рабочих остался неуслышанным хозяйственниками-коммунистами на производственных совещаниях, и привело к тому, что контр-революционеры осмелились проводить на глазах у профессиональных и партийных организаций методы работы этих партийных и профессиональных организаций в своих контр-революционных целях.

Эту работу на широкой периферии контр-революционная организация проводила до самого последнего времени. Интересно отметить здесь еще два обстоятельства, которые также должны быть учтены нашими работниками на местах. Во-первых, роль инженерно-технической секции; ИТС есть часть профсоюза горняков—на словах, на деле она оказалась классовым аванпостом буржуазии, организацией классовой борьбы, захваченной в руки контр-революционерами, в своих целях. Так они и ставили вопрос. Обв. Матов показывает, что в Харькове обсуждался вопрос о захвате ИТС и о выставлении своего кандидата, который должен был возглавлять ИТС, с тем, чтобы влиять по всей линии профсоюза. ИТС на местах играли ту же роль. В том же случае с рабочим Кореньковым, когда был арестован за халатность техник Беленко, председатель ИТС Антонов созвал совещание техников и инженеров, которому было предложено об'явить бойкот всякому, кто займет место Беленко. Так при союзе горняков была создана в виде одной из его секций,—инженеров и техников—организация, захваченная в руки классовыми врагами и сыгравшая в руках этих врагов достаточно значительную и серьезную роль.

В судебном производстве имеются интересные показания о том, как в отдельных случаях действовали вредители, когда на производственных совещаниях поднимались те или иные вопросы о новых работах, и рабочие партийцы начинали поднимать голос против технического персонала.—Мы вытаскивали,—говорит один обвиняемый,—партийные резолюции, говорящие о спецеедстве, и этим путем затыкали рты недовольным, при чем в этих случаях руководящие лица из рудоуправления—коммунисты-хозяйственники целиком стояли за нас и всячески нас поддерживали. Такую вредительскую работу они прикрывали директивами руководящего партийного центра.

Третий период—период централизованной вредительской деятельности.

Третий период работы наступает с момента образования уже организаций в центре—в Харькове и Москве.

К моменту образования Харьковского центра, организации на местах уже создались, индивидуальная связь с местами уже была налажена, индивидуальная связь отдельных мест и отдельных инженеров за границей также уже существовала. Эта связь была как случайная, проходившая через отдельных лиц, которые брали на себя риск служить передаточным пунктом связи между об'единениями капиталистов за границей и русскими инженерами, так и организованная—при посредстве легальных учреждений иностранных держав. Оставалось только оформить организацию, т.-е. правильно сорганизовать командную верхушку в Донугле, правильно поставить отчетность и инструктирование периферии,

укрепить и еще больше законспирировать связь с заграницей и, наконец, в самой заграница организовать руководящий центр, правильно поставить финансирование, отчетность и получение практических директив, как экономического, так и политического характера, ибо совершенно ясно, что по мере роста организации вопросы политики должны были выплывать на первый план, должны были превалировать и заслонять собой стоявшую в первый период вредительской работы на первом плане цель сохранения недр или рудников тому или другому бывшему хозяину. Буржуазия выступала теперь уже как класс, поэтому она выставила политические классовые цели, это еще раз подтвердило старую истину, что «всякое классовое выступление есть выступление политическое».

Построение организации, распределение отдельных функций в организации, изложены подробно на страницах обвинительного акта.

В противоположность местному вредительству, которое не могло итти дальше отдельных рудоуправлений, а в каждом рудоуправлении—отдельных шахт,—здесь уже задания организации распределялись немедленно на всю периферию и поэтому носили уже совершенно иной характер, по своему удельному весу приобретая гораздо большее значение. Это вредительство конкретно разбивалось на 3 крупных стороны деятельности Донугля:

1. вредительство по УНС—управлению новым строительством;

2. вредительство по закупке и распределению импортного оборудования и

3. вредительство при осуществлении текущей руководящей деятельности со стороны Донугля.

Во всех этих трех отраслях работы организация оказывала решающее влияние, при чем при этом особо должна быть отмечена роль ширмы, которую играл в этом отношении высший технический совет. Высший технический совет это было собрание наилучших квалифицированнейших знатоков горного дела, от которых в конце концов зависело,—хотя юридически они играли только консультативную роль,—решение практических вопросов нового строительства. Этот высший технический совет состоял сплошь из горных инженеров. Вполне понятно, что раз верхушка руководящая была в руках организации, технический совет должен был только санкционировать ее решение.

Очень конкретно об этой роли технического совета показывает обв. Братановский.

> «Соответствующее направление деятельности технического совета было отчасти также поручено мне и тут сильно помогли мне председатель технического совета Рабинович и профессора, а также главные инженеры рудоуправлений, постоянно поднимавшие прения по каждому даже незначительному вопросу, утверждавшие плохие варианты и отвергавшие то, что было сделано хорошо. В отношении проектиро-

вавших для Донугля американцев была инструкция придерживаться той же политики, что в отношении остальных проектов, т.-е. затягивание, нереальные проекты, использование инженерских сил не по назначению (Гарсия—плохой специалист по подземным работам—был загружен как раз проектированием горных работ), утверждение неосуществимых вариантов (проектов Джоя и т. п.). В деятельности моей по инструкции организации, непосредственно мне помогали инженеры... и Кржижановский»...

При таком положении вещей контр-революционеры могли считать себя вполне обеспеченными от того, что коммунисты что-нибудь разузнают,—авторитет технического совета был слишком высок, а своих соответствующих технических сил партия не могла выдвинуть.

Управление новым строительством было основано специально по заданию из-за границы. И таким путем основной вопрос, являющийся вопросом решающего характера для Советской власти,—что строить и как строить—был специально взят организацией в свое ведение.

Вот как пишет обв. Казаринов по поводу значения захвата организацией УНС:

«Я лично перед поездкой за границу присутствовал на одном заседании, на котором был, под председательством Матова, с участием Л. Г. Рабиновича, решен вопрос об учреждении и распределении ролей в управлении новым строительством. Этому органу организация справедливо придавала чрезвычайно большое значение. На заседании принимали, помимо Матова, участие следующие лица: Шишкин, Бахтиаров, Братановский, Детер, Рабинович и Сущевский. Я впервые присутствовал на подобном совещании и оно произвело впечатление. Второе совещание, на котором я присутствовал, состоялось вскоре после моего приезда из-за границы. Обсуждалась предстоящая поездка Матова за границу и программа работ УНС на 1927 г.».

По этому поводу Матов показывает:

«Также на одном совещании руководящей группы при общем составе участников ее было решение иметь влияние и делать подбор сотрудников по преимуществу из членов организации с тем, чтобы все главнейшие отделы Донугля работали по указанию и инициативе организации. Этот вопрос обсуждался неоднократно на совещаниях, начиная с 1925 г. Данное решение после подбора соответственного количества участников, членов организации, удалось почти полностью провести в жизнь».

В результате, все вопросы крупного строительства оказались разрешавшимся с точки зрения нанесения возможно большего вреда.

Матов, взявший на себя в 1926 году руководство УНС, сообщает:

«За этот период акты вредительской работы (в УНС) были следующие:

Допущение производства работ по новым шахтам, которые впоследствии должны были быть остановлены: шахта № 6 Брянского рудоуправления,—проводил через Детера и...

Допущение работ по проходке и откачке новых шахт без достаточного оборудования и при недостаточных технических средствах:

Хрустальное рудоуправление—шахта № 17: начата откачкой затопления шахта без наличия нужных нососов и без электро-энергии, вследствие чего в дальнейшем работы пришлось остановить и шахту вновь затопить.

Несветаевское Рудоуправление—шахта «Скачинский». Несмотря на значительный приток воды, шахта не была достаточным образом технически оборудована при начале проходки, вследствие чего продвигание ее было чрезвычайно медленным, а себестоимость прохождения 1-го погонного метра чрезвычайно высокой.

Допущение к работе шахт без достаточного геологического освещения: шахта им. Киселева Чистяковского рудоуправления. По выходам пластов мощность предположенного к разработке Ремонского пласта была первоначально определена в 1,1 метра. На основании этих данных была начата проходкой капитальная шахта без предварительного дополнительного освещения участка буровыми скважинами. В дальнейшем выяснилось, что мощность пласта при пересечении буровыми скважинами на глубине оказалась равной 0,85, 0, 0,60 и ниже метра. Таким образом, пришлось принять для проекта и для работы шахты не 1,1, а 0,70, что, конечно, должно в значительной степени удорожить уголь при эксплоатации.

Замедление при прохождении оборудования новых шахт:

Щербиновская новая шахта: допущение медленного темпа развития подготовительных работ, как под землей, так и в особенности на поверхности и замедленный темп при проектировании отдельных частей шахты. Изменение типа копра в проекте из трехногого в четырехногий и вследствие этого двукратное его проектирование. Все это вызвало значительные задержки и невозможность своевременного выполнения оборудования шахты.

Шахта «Карл» Хрустального рудоуправления: задержки в проектировании, задержки в установке подземной машины и оборудования шахты вообще, чем вызвана задержка в готовности шахты к эксплоатации.

Шахта № 29 Рудченковская: задержки в проектировании проводки поверхностного оборудования, а также запоздание с заказами на мелкое поверхностное оборудование, чем вызвано замедление пуска в ход шахты в эксплоатацию.

Шахта «Ильич» Кадиевского рудоуправления: задержки в составлении проекта переоборудования шахты «Ильич» следствием чего явилась невозможность переоборудовать существующий горизонт в 166 сажен, как предполагалось раньше, а явилась необходимость перенести переоборудование на следующий горизонт 201 саж. и, таким образом, увеличенная по проекту добыча сможет быть осуществлена с опозданием на 3 года, а выписанная под'емная машина новая из-за границы не будет использована...»

Помимо вышеперечисленных фактов, мною при посредстве Братановского и Крижажановского поощрялся и проводился в жизнь целый ряд разнообразных мероприятий, имевших задачей задержки или неправильное решение, как при проектировании, при составлении смет, так и при углубке, выдаче заказов и вообще оборудовании новых капитальных шахт».

По тому же поводу Соколов показывает:

«Заложенные шахты проходились в то время, когда проекты не были закончены, а разведки не произведены. Шахты встречали пласты меньшей мощности, чем ожидали—шахты им. Киселева и Лутугино—оборудование заказывалось без проверенного плана и недостаточно проверенное в расчете. В итоге полученные под'емные машины не подходили к намеченным шахтам и перебрасывались на другие. В общем работа велась по хорошо организованному плану, в целях бесполезно затраченных государственных средств для получения в итоге результатов гораздо менее ожидаемых».

Что всего характернее, это то, что по целому ряду проектов первоначально запрашивалось мнение бывших владельцев, при чем владельцы вносили свои изменения в проекты, выработанные советскими органами и эти изменения потом проводились в жизнь.

Вот как об этом показывает Шадлун:

«За работу по уменьшению добычи бывшие владельцы по заявлению Матова, охотно соглашаются платить всем тем лицам, кои это будут проводить в жизнь. Этот вопрос окончательно еще им не оформлен, но находится в стадии переговоров и в данное время по этому поводу ведутся переговоры Детером, который находится в Берлине, Матов сказал, что переговоры ведутся не только со Штетингом и Прядкиным, но назвал также и фамилии Нароновича и Дворжанчика, переговоры с коими должны происходить, точно не помню, не то в Берлине, не то в Варшаве, так как назывались оба эти города. На этом совещание закончилось по данному вопросу. Рассматривался каждый вопрос о переоборудовании существующих шахт. Этот вопрос, по заявлению Матова, также весьма интересовал Прядкина, и Штетинга. На совещании у Штетинга было выяснено, что бывшие владельцы хотят обязательно переоборудования Орлова-Ленинского рудника, входящего в Брянское рудоуправление, шахты № 1

капитальной, Чистяковского рудоуправления, Севрного и рудника Артема Щербиновского рудоуправления, а также Свято-Горовского рудника Гришинского рудоуправления. Вопросами капитального переоборудования названных рудников, по заявлению Матова, он предполагает заняться с будущего т.-е. 1928 г., своим отделом, т.-е. управлением нового строительства, чего в этом году провести нельзя будет, а можно будет лишь только по прохождении сметы на 1928 г. На этом уже заседании Матовым была дана директива, чтобы при составлении смет эти рудники обязательно были внесены в смету, а вопрос прохождения этих смет он берет на себя при их рассмотрении. Больше других разговоров я не припоминаю, а на этом разошлись».

Тот же метод фактического разрешения всех вопросов в целях нанесения большего вреда под прикрытием своего монопольного положения, как технических специалистов, проводили вредители и при разрешении вопросов импортного оборудования.

«Покупка и ввоз из-за границы оборудования начались с 1925 г., когда для этой цели были посланы специально две комиссии: о первой—т. Иванова,—я знаю лишь то, что она не была чужда влиянию организации (Сущевский). Что же касается второй,—членом которой я состоял, то работа всецело находилась под этим влиянием».

Казаринов показывает:

«1) Покупка ротационных пяти компрессоров хотя и хорошего качества, но по габариату своему не соответствующих сечению штреков, вследствие чего они не могли быть использованы для той цели, для которой предназначались и их пришлось размещать в других менее срочных работах.

2) Покупка десяти штук пневматических врубовых машин для подготовительных работ вне лицензии. Машины эти хорошего качества, но при общей установке Донбасса на электричество они оказались пока ненужными.

3) Покупка пяти насосов системы «Эгердосфера», новой, еще не применявшейся конструкции, вследствие чего насосы эти не нашли себе применения в Донбассе.

4) Заказ под'емной машины для шахты № 29 Рутченкова на производительность, несоответствующую производственной мощности шахты (расхождение на 40%), вследствие чего машину пришлось искусственно приспособить к ряду шахт, что в конце концов все-таки не дает полного ее использования. Вместе с этим, из-за необходимости неоднократной переделки ее сильно удорожалась ее стоимость и более чем на 2 года оттянулся срок ее установки и использования.

Для того, чтобы обрисовать вполне хаотическое состояние дел в аппарате треста, укажу лишь на то, что мне, преступнику, в план которого входило возможно большая

путаница, приходилось исправлять, дополнять и вырывать элементарные ошибки Харькова»

Кратко характеризуя, он дальше определяет, как метод, следующие способы работы:

«1. Включение в заявки предметов, изготовляемых промышленностью Союза, как, напр., котлы, турбины, трансформаторы и проч.

2. Включение в заявки предметов оборудования, приобретение коих не диктуется срочной необходимостью, как, напр., под'емные машины.

3. Включение в заявки в количествах, превышающих потребность треста.

4. В отсылке для реализации по требованиям отделов в виде уточненного заказа предметов не соответствовавших лицензионным заключениям, как, например, запасные части для автомобилей»

Наконец, чрезвычайно важным актом вредительства является та роль, которую организация сыграла при разрешении старого спора о так называемом мелком шахтном строительстве,—теперь уже ясно из показаний обвиняемых, что решение было продиктовано не интересами советского строительства, а интересами контрреволюционной организации. Вот, что говорит по этому поводу Матов.

«Во второй половине 1925 года на одном из совещаний был поднят вопрос о мелких шахтах. Совещание состоялось, насколько помню, в присутствии обычного числа и в составе всех членов руководителей центральной группы. Кроме того, присутствовал Рубанович. После обсуждения этого вопроса, который был поднят по инициативе Бояршинова и Рубановича, решено было использовать их в местах, недостаточно благонадежных, или представляющих те или другие затруднения в эксплоатации или закладывать их не на плохого качества пластах.

Приблизительно в это же время или, может быть, позже также на одном из совещаний было решено по возможности задерживать проведение в жизнь вопросов о переоборудовании старых капитальных шахт, а также вопрос о рационализации работы».

В другом показании Матов говорит, что:

«Решено было форсировать заложение шахт, поощряя их закладку на местах заведомо неблагонадежных или недостаточно благонадежных. В отношении переоборудования старых капитальных шахт, в виду того, что шахты старого Донбасса, почти все имеют устарелое оборудование, большинство этих шахт подлежат переоборудованию в техническом отношении. Однако, решено было, по возможности, это оборудование задерживать, дабы сохранить прежнюю стоимость угля, малую производительность рабочих и большой расход топлива на свои нужды».

Обвиняемый Сущевский по тому же поводу показывает:

«Под предлогом невозможности работ на капитальных шахтах развивали работы мелких шахт с производством капитальных вложений для этой цели. Такая постановка дает возможность получить на рынке значительное количество угля («Исполнение запросов страны»), и так как уголь этот в большинстве низкого качества—нанесение значительных убытков, прямых и косвенных, транспорту и промышленности государства. Восполняя суммарную потребность топлива в стране, эксплоатируются мелкие шахты, представляющие с точки зрения крупного капитала интерес скорее отрицательный (конкуренты, которые будут быстро и до конца уничтожены), крупные концессии благодаря этому соответственно предохраняются».

И дальше:

«Мне кажется, почти наверное, что, затративши те деньги, которые пошли на мелкие шахты, можно было бы путем дооборудования нескольких крупных, получить тот же результат по добыче тоже в течение какого-нибудь года, но только на более длительный срок»

Как теперь оказалось, директива о мелком шахтном строительстве, равным образом, была продиктована из-за границы бывшим хозяином Дворжанчиком. Сущевский по этому поводу говорит:

«Дворжанчиком еще в 1924 г. было высказано соображение о развитии на Щербиновке мелких шахт» (л. д. 150).

Таковы были методы работы организации. В целом они сводились к одному—сознательному обману руководителей, не располагавших, в свою очередь, средствами для его раскрытия. Организация считала себя безнаказанной, действовала смело, била наверняка.

Вывод из этого может быть только один: необходимость принятия наискорейших ударных мер к выпуску своих техников, своих специалистов. По этому поводу, уже принят ряд решений на последнем пленуме Центрального Комитета Партии, и теперь надлежит всем партийным организациям всячески стремиться к скорейшему их проведению в жизнь.

Связи контр-революционеров с заграницей.

Остановимся еще на политической связи контр-революционеров с заграницей.

Политическую связь обвинительный акт устанавливает двоякого рода: связь организации с иностранными органами—французскими и польскими—за кордоном и связь их с органами тех же государств в СССР.

Что говорит обвинительный материал по первому поводу?—Он говорит о том, что организация контр-революционных вредителей, по мере того, как она выросла и была вынуждена выйти, как орга-

низация, за границу, связалась там с организациями бывших промышленников, не могла обойти в своей работе и официальные правительственные органы иностранных государств. Впрочем, вернее будет иначе сказать: по мере того, как росла организация и росло ее значение, на нее не могли не обратить внимания правительственные иностранные органы. Буржуазия, как класс, отнюдь не отделяет себя в Западной капиталистической Европе, вернее, лишь на словах отделяет от себя так называемые «правительства», прячась за ширмы всеобщего народного голосования.

Куда пошли Матов, Братановский, Казаринов, будучи за границей, по указанию своей организации?—В некоторые французские и польские официальные органы. Зачем пошли они туда?—Для того, чтобы уговориться о деньгах—прежде всего, другими словами, о жизненном нерве для дальнейшей работы организации; во-вторых, для того, чтобы сообщить туда о своей работе и своей деятельности... Во всяком случае, не для удовлетворения простого любопытства, а для получения практических директив. Что они там получили в ответ?—То, что ожидали: деньги и директивы. Чем они обязались перед всеми органами?—Об этом они рассказали на закрытом заседании на суде. Достаточно одного показания, в котором они проговорились, что их заставили заполнить какие-то анкеты. Какие «анкеты» заполняются в таких случаях—думаем, не так трудно догадаться, а что заполняют в этих анкетах и зачем заполняют—об этом также не надо долго ломать головы. Всякий заполнивший такую анкету тем самым обязуется служить иностранному государству, т.-е. совершает акт государственной измены. Таких людей в просторечьи называют шпионами. Это есть та грань, до которой докатилась организация в своем максимальном развитии.

Какого рода задания они получали—это нам ясно из того, что уже говорилось выше о задачах организации в момент войны, в момент открытой интервенции—эти задачи, которые контр-революционная организация должна была выполнить в 4-й период своей вредительской работы, сводятся к следующему: 1. Порча электростанций. 2. Порча водоотливов. 3. Фактическая приостановка топливного снабжения промышленности, а следовательно и остановка производства необходимых средств обороны.

Вот каковы были эти методы, каковы были цели, каковы были последние конкретные задачи вредительской работы.

Что дело обстояло именно так,– свидетельствует работа тех же членов организации у нас внутри СССР. Об этом говорят эпизоды из судебного следствия, где описываются встречи и связь членов организации с различными таинственными анонимами—«Казимирами» и иными, с которыми они встречались на заранее назначенных конспиративных явках и передавали конспиративные материалы. В материалах имеются еще более интересные данные, в частности, указания на шифр, запасы вооружения, контр-революционную, агитационную работу.

Так, начав с индивидуальной вредительской деятельности, организация дошла до прямой диверсионной работы по указаниям иностранных контрразведок, до конкретной работы, политического шпионского характера.

Эта последняя работа, проводимая членами организации у нас в СССР, в прямой связи с указаниями, получаемыми от иностранных органов, является заключительным аккордом, который должен быть особо отмечен и изучен каждым для уразумения действительного существа и классовой природы шахтинских контр-революционеров. Из экономической здесь контр-революция превратилась в чисто политическую в ее наиболее обнаженной и яркой форме.

Эпизод с немецкими инженерами должен интересовать нас лишь с одной точки зрения. Важен тот факт,—а этого факта отрицать уже никто не сможет,—что некоторые немецкие фирмы доставляли средства вредительской организации путем процентных отчислений за дававшиеся членами организации заказы в размере ½—3%% с суммы заказа.

Вывод из всего изложенного ясен сам собой. Шахтинское дело есть акт классовой борьбы буржуазии, которая ведет эту борьбу всеми мерами и всеми средствами, в том числе и помощью лиц, состоящих на службе у пролетарского государства—инженеров и техников.

Эта борьба раскрыта, пресечена, но не закончена. По материалам дела имеются указания на такие же организации в других отраслях промышленности. То, что эта борьба имела место, для нас, конечно, не новость и в нас не могло вызвать никакого удивления. Так оно должно быть, пока есть еще буржуазия, как класс, пока она, как класс, окончательно не уничтожена. Но то что эта организация так долго могла существовать, может быть об'яснено только слабостью политических и профессиональных организаций. Вот почему трижды правильно решение пленума Центрального Комитета, указывающее, что здесь коренятся и причины и об'яснения возможности работы этой контр-революционной организации, и методы дальнейшего лечения установленного зла.

Теснейшая спайка рабочих масс и сплочение их вокруг Партии и профсоюзов. Теснейшая спайка и сплочение профессиональных организаций и организаций наших хозяйственников вокруг Партии. Согласованная совместная деятельность всех этих трех основ нашего экономического строительства,—вот что одно только даст возможность не только пресечь контр-революционные козни там, где они есть, но исключит и самую возможность их появления или возрождения в дальнейшем.

Таковы основные, главные уроки шахтинского дела.

Г. Гринько.

ЧЕМУ УЧИТ ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО.

Было бы прямым преступлением, если бы из материалов Шахтинского дела не были усвоены все выводы и все уроки, которые буквально вопиют против политической беспечности и практического разгильдяйства в нашем хозяйственном строительстве.

В чем основные уроки этого процесса для советских хозяйственников?

1. Экономическая программа вредительства.

В обвинительном материале, в ходе судебного следствия, в речах обвинения и, наконец, в приговоре суда достаточно отчетливо и выпукло вскрыта экономическая программа вредительской контр-революционной организации и эволюция этой программы в соответствии с изменением политической и хозяйственной обстановки в нашей стране и меняющимися маневрами в наступлении на нас международного капитала. Затопление шахт, скрытие ценных пластов, ухудшение качества угля, удорожание его стоимости, порча механизмов и машин, сознательное замедление проектирования, система многочисленных вариантов, не имеющих другой цели, кроме затягивания проектировки, закладка шахт без достаточных разведывательных работ, составление явно нелепых импортных планов, преступная растрата народных средств, бесплодное разматывание валюты,—все эти художества вредительской работы в энергетическом сердце Советского Союза вскрыты и доказаны на суде с бесспорной, убийственной очевидностью. Это не требует ни повторений, ни новых доказательств.

Вся эта обширная программа вредительской работы и все эти до деталей продуманные методы ее были подчинены одной единой цели—срыву социалистической индустриализации нашей страны. И тысячу раз прав был об'единенный Пленум ЦК ЦКК, который еще в апреле 1928 года, т.-е. до Шахтинского процесса, со всей энергией указал Партии и стране именно на это общесоюзное значение Шахтинского

дела, которое «вскрыло новые формы и новые методы борьбы буржуазной контр-революции против пролетарского государства, против социалистической индустриализации». Судебный процесс, анализ устремлений и дел каждого из подсудимых и всех их вместе полностью подтвердили эту оценку Шахтинского дела.

Всем известны те гигантские трудности и идеологического и практического порядка, которые встали перед нашей страной на пути ее индустриализации. Всем известно, что эпигоны народничества, выразители настроений и чаяний так называемых «хозяйственно мощных», или, проще говоря, кулацких слоев деревни, систематически и упорно атакуют программу индустриализации. На глазах у всех Партия с величайшей настойчивостью развертывает программу социалистической индустриализации и упорно об'единяет на борьбе за ее осуществление творческие силы пролетариата, широкие кадры технической интеллигенции, вовлекает в это дело передовые слои крестьянства.

Характерной особенностью Шахтинского процесса является то, что он вскрыл активное гнездо врагов социалистической индустриализации в среде тех слоев технической интеллигенции, которые стоят в самой гуще индустриального строительства и которые, казалось бы, могучим ходом этого строительства могли бы и должны были бы быть увлечены. Новым и глубоко поучительным является то, что капиталистическим врагам Советского Союза удалось сохранить свое влияние на значительную группу высшей технической интеллигенции, удержать ее на капиталистической привязи и организовать на активное вредительство великому делу социалистической индустриализации и социалистического строительства вообще.

В ходе судебного процесса было в достаточной мере подчеркнуто, что суд над шахтинцами ни в коей мере не является судом над интеллигенцией нашей страны. Однако, огромные успехи в деле советизации интеллигенции за истекшие десять лет советского строительства, именно эти успехи и переходы на сторону пролетариата широких кадров деятелей науки и техники, явившиеся в свою очередь причиной того исключительного доверия, которое Партия и власть оказали технической интеллигенции, вручая им руль технического управления крупнейших решающих отраслей народного хозяйства, способствовали тому, что люди, вышколенные в ходе капиталистической индустриализации, основанной на порабощении и беспредельной эксплоатации народных масс, восстали против социалистической индустриализации, опирающейся на союз рабочих и крестьян, на союз труда и науки.

Этот урок должен быть крепко усвоен многочисленной армией советских хозяйственников. Из него должны быть сделаны настоящие выводы.

2. Обострить классовую бдительность.

Первый и основной вывод из этого тяжелого урока заключается в том, что необходимо всемерно усилить классовую настороженность, бдительность, обострить пролетарскую зоркость, теоретическую несгибаемость, выдержанность и морально-бытовую строгость на фронте хозяйственного строительства. И сделать это нужно не только не отталкивая, а напротив, еще ближе привлекая к передовому пролетарскому авангарду широкие слои лояльной и верной советской интеллигенции.

Шахтинский процесс показал, что мы порой не дооцениваем то упорство, с каким остатки капитализма в нашей стране сопротивляются ходу нашего социалистического строительства вообще и хозяйственного в частности. Силу собственного пролетарского увлечения строительством нового общества мы порой слишком поспешно приписываем сотрудничающим с нами общественным слоям. Не видя вокруг себя прямых врагов, мы порой разучаемся различать под маской советской лояльности контр-революционное лицо саботажа и предательства.

А между тем Шахтинское дело показывает, какие ядовитые змеи ползают в порах нашего хозяйственного строительства, как близко к командным высотам социалистической экономики подбираются холодные, расчетливые, на все способные враги, эти питомцы бывшего совета с'ездов горнопромышленников юга России. Медленно и упорно на всем протяжении советской истории складывали они активную вредительскую организацию. Изо дня в день они подтачивали, срывали, разлагали процесс народнохозяйственного строительства. Логика классовой вражды оказалась сильнее инженерских порывов, так называемой гражданской этики и т. п.

Такие вещи не могут и не должны быть забыты. Сантиментальному прекраснодушию, обывательской доверчивости, вере на слово, руководству без проверки и контроля должна быть об'явлена беспощадная война на фронте хозяйственного строительства. В нашей стране силы, верные капитализму и жаждущие его реставрации, не искоренены. Это все знают теоретически. Шахтинский процесс с бьющей в лицо резкостью показал, как это бывает практически в ходе повседневного хозяйственного строительства. Из этого нужно сделать выводы. И важнейший из этих выводов состоит в том, чтобы не забывать, что повседневное хозяйственное строительство есть вместе с тем и боевой фронт великой тяжбы социализма с капитализмом.

Несомненно, прав был об'единенный пленум ЦК и ЦКК, когда говорил: «Если, несмотря на это (вредительство, саботаж и т. п.) советское государство быстро шло по пути хозяйственного

восстановления и роста, то это является новым доказательством исключительных преимуществ и огромных внутренних сил советской системы, в частности, советской промышленности и ярко подчеркивает широчайшие возможности дальнейшего хозяйственно-культурного под'ема СССР под руководством рабочего класса». Сами организаторы контр-революционного вредительства устами Матова должны были признать, что под'ем пролетарского творчества преодолел их вредительскую тенденцию и работу. Это бесспорно. Но эта великая мощь советского строительства не может быть оправданием того разгильдяйства в руководстве, которое позволяет вырастать таким махровым цветкам вредительства, как Шахтинское дело. Как ни велики темпы нашего народно-хозяйственного строительства, но с точки зрения великой тяжбы между социализмом и капитализмом мы движемся еще слишком медленно, наши успехи еще крайне недостаточны. И наша мысль должна быть направлена, должна быть прикована к тому, какую потерю в темпе наших возможностей мы имеем благодаря большим и малым, вскрытым и незамеченным еще шахтинским делам. Мы много спорим о том, где лежат ресурсы для ускорения темпа нашего народно-хозяйственного строительства. Шахтинский процесс, с недопускающей сомнений очевидностью, показывает, какие значительные ресурсы и возможности открываются перед нами при условии изгнания вредителей и вредительства из пор нашего народно-хозяйственного организма. Пусть вспомнят все, сколько раз на протяжении последних лет Донуголь был чуть ли не накануне финансовых потрясений и срыва производства из-за недостка каких-нибудь пяти-десяти миллионов рублей. Пусть вспомнят, сколько раз он в порядке боевой срочности ставил такие вопросы перед правительством. И пусть сопоставят это с тем разматыванием народных средств, которое осуществлялось в том же Донугле контр-революционной вредительской организацией. Что, если бы тот напор и та энергия, с какой руководители Донугля требовали средств у правительства, был направлен на настоящую организацию хозяйства внутри треста, на мобилизацию в нем самом всех возможностей и ресурсов!

И еще один момент должен быть подчеркнут в этой связи. Среди осужденных по Шахтинскому делу есть ряд людей, которые виновны в том, что знали о существовании контр-революционной вредительской организации, не будучи ее активными членами. Сам технический директор Донугля, Бояршинов, отрицая свое участие в организации, признал, что он три года знал о наличии и работе этой организации и был у нее в плену. Среди раскаявшихся есть люди, которые уверяют, будто в последнее время вредительство их тяготило, будто они метались и не нашли способов порвать с организацией. Иные из них говорят, что порвать с организацией—это значило уйти из Донбасса, расстаться с Донуглем. Это прежде всего ставит перед широкими массами технической интеллигенции

вопрос о том, что же есть советская лояльность. Нужно потребовать по всей линии хозяйственного строительства и при содействии всех общественных организаций такого понимания советской лояльности, которую можно было бы различить от укрывательства государственных изменников и предателей рабочего класса. И, с другой стороны, от политических руководителей хозяйственными организациями нужно добиться такого режима их отношений с инженерами, техниками, экономистами, который гарантировал бы лояльным людям настоящую возможность бороться с враждебными и вредительскими элементами.

3. О руководящих технических кадрах.

Шахтинское дело резко обострило перед сознанием нашей Партии и советской общественности проблему командных кадров промышленности. В 1924 году Красная армия, под руководством покойного т. Фрунзе, провела так называемую, военную реформу, сводящуюся к выдвижению на ответственные командные посты целого слоя красных военных специалистов, выросших в буре гражданской войны и обученных в первые годы после нее. Нельзя закрывать глаза на то, что промышленность (а равным образом и другие крупные хозяйственные области) своего 1924 года в этом смысле еще не пережила. Шахтинское дело показывает, однако, как остро назрела необходимость в генеральной проверке командных кадров государственной промышленности (и, несомненно, транспорта) и выдвижения нового слоя рабочих-администраторов и красных технических руководителей.

На Шахтинском процессе с необычайной ясностью вскрылось, какое место в переживаниях отдельных слоев старой технической интеллигенции играет вопрос о предстоящей замене молодыми, о возможной утрате своего командного положения и своей доминирующей роли в техническом руководстве промышленности. Многие подсудимые рассказывали, как часто в своей среде они вели беседы об этом, как много своих внутренних сокровенных мыслей и сил отдавали тому, как бы отдалить эту печальную для них перспективу выдвижения молодых. И нет такого преступления перед задачами промышленного производства, перед задачами под'ема производительных сил страны и перед социалистическим строительством вообще, которого они не совершили бы во имя закрепления своих командных позиций, своей технической монополии в производстве.

И с этой точки зрения среди тех многочисленных вредительств которые были вскрыты перед Верховным Судом, особое место занимает оттирание молодых инженеров от творческой работы в Донугле, систематическое. выживание инженеров-коммунистов. Как это ни странно, но в течение ряда лет в круп-

нейшей промышленной организации страны все дело подбора, перемещений и выдвижений технического персонала находилось, как это вскрыто судебным следствием, в совершенно бесконтрольном ведении вредительской шайки, которая вольна была судить и миловать, от которой зависела служебная карьера любого инженера и техника. Как сильна была эта организация и как велико влияние ее было на судьбу инженеров и техников Донбасса, показывает поразительное по своему цинизму признание подсудимого Сущевского «... Сейчас я могу говорить об этом совершенно откровенно, что моя служебная карьера была бы совершенно другого порядка, если бы тогда я не пошел на предательство». Советская служебная карьера опытного и способного инженера целиком определяется степенью его участия в предательстве интересов советского государства! Это признание стоит того, чтобы над ним глубоко задуматься. Пусть печальный опыт Шахтинского дела научит широкие кадры советских хозяйственников так осуществлять руководство хозяйственными организациями, чтобы служебная карьера беспартийного инженера определялась степенью его преданности и полезности советскому государству, а не мерой его предательства.

Задача выдвижения молодых рабочих-администраторов и красных техников на руководящие роли в промышленном производстве стоит во весь свой рост, и во всей своей остроте процесс выращивания новых строителей и новых руководителей социалистическим хозяйством не может и не должен итти самотеком. Задача выращивания молодых кадров нисколько не менее важна, чем, 100%-ное выполнение намечаемых производственных планов. Уроки Шахтинского процесса обязывают во сто крат больше внимания уделить этому делу. И, разумеется, совершенно нелепыми являются опасения старых технических кадров о том, что этот под'ем молодых руководящих сил грозит им бесславным выходом в тираж, потерей возможности применять свои силы и знания. Хозяйственное развитие страны идет так бурно, перспективы строительства так необ'ятны, что ни о каком перепроизводстве, ни о какой избыточности технических сил не может быть и речи. В повседневном общении с технической интеллигенцией на работе, в самом режиме работы наши хозяйственники должны суметь убедить в этом, изгнать из обихода технической интеллигенции боязнь выдвижения молодых.

Есть еще одно обстоятельство, которое с особой настойчивостью должно быть подчеркнуто на опыте Шахтинского дела. Мы имеем в виду ту болячку постоянных реорганизаций хозяйственных аппаратов, на которые ухлопывается бесконечное количество времени и энергии и которые зачастую приводят лишь к окончательному запутыванию всей работы. Мы обычно видим в этом неумение и невозможность найти сразу подходящую организационную форму, ищем этому оправдание в новизне дела и неопытности наших хозяйственных кадров. Разумеется, все это имеет

место. Но Шахтинский процесс бросает и несколько иной свет на эту сторону дела. Сами подсудимые показали перед судом, что частая реорганизация аппарта Донугля была одним из существенных методов хозяйственного вредительства, входила составной частью в программу контр-революционной организации. Кто знает сколько других реорганизаций по всей системе нашей экономики прошло по таким же мотивам. И пусть особенно падкие на организационную новизну хозяйственники, весьма и весьма часто любящие начинать историю хозяйственного учреждения со своего собственного прихода туда, почаще задумываются и над этим уроком Шахтинского процесса.

Есть в материалах Шахтинского дела любопытный документ— это признание Бояршиновым, бывшим техническим директором Донугля, тех ошибок, которые он сам видит в своей работе по руководству этим крупнейшим в мире угольным трестом. «Считаю, пишет Бояршинов, что построение аппарата не давало возможности минимальным числом лиц технического персонала давать наибольшие результаты. Построение аппарата в значительной доле проходило по моим предположениям, на основании того представления, какое я имел ввиду в целях возможно более широкого охвата центральным аппаратом местных функций. Такая задача создала тенденцию аппарата быть громоздким, стремящимся постоянно доходить до мелочей в рудоуправлениях и, не давая фактически требуемого результата, задалживает много людей». Сколько раз именно эту систему бюрократического централизма, мертвящего хозяйственное дело и обрекающего на холостой ход огромную армию работников, вскрывали и осуждали ответственные документы Партии и правительства. И с каким упорством отстаивал, вероятно, сам Бояршинов и другие руководители Донугля преимущества своей донуглевской организации. Понадобились месяцы одиночного заключения, понадобился суровый процесс, чтобы технический директор осознал природу той организации, которую он строил. Нужно добиться того, чтобы такие осознания происходили не в камерах предварительного заключения, а в служебных кабинетах наших технических и хозяйственных руководителей.

«Работа, продолжает Бояршинов в своих любопытных записках, проходит без той ответственности, которая неизбежно должна вытекать из дела. Причина этого лежит в том, что аппарат весь состоит из начальствующих, но не работников. Отсутствие ответственности приводит к тому, что всякий прячется за формальную сторону дела, нагромождая бесконечную переписку и множество входящих и исходящих... В положениях об аппарате не была четко проведена линия ответственности для каждого работника, а всюду отмечалось в общих выражениях право требовать и согласо-

вывать». В результате «каждый работник, не имея у себя резко разграниченных и ему одному принадлежащих функций, за которые он несет ответственность, ожидает распоряжений начальства. Но тот же работник для изображения проделанной им работы изобретает требования на периферию, загружая ее работой... Получается бесцельное топтание на месте». Вот еще одно добровольное, по собственной инициативе сделанное, признание технического руководителя об аппарате, который он сам построил и которым он руководил в течение длинного ряда лет, а между тем и эту истину Партия твердит нашим хозяйственникам также уже целый ряд лет. Спрашивается, сколько еще технических и не только технических руководителей в нашей стране ожидают досуга в камере предварительного заключения, чтобы поразмыслить о характере ими самими построенных аппаратов и о тех дефектах, которые в них надлежит исправить. Не лучше ли было бы делать это в ином порядке.

И дальше. «Направление работ аппарата, пишет Бояршинов, шло не в сторону техники, а в сторону, главным образом, статистической отчетности, следствием чего являлось неизбежное поглощение интересов техники у работающих на местах и в управляющем аппарате специалистов. Внимание (даже при переходе к новому строительству) было сосредоточено на ней (статистической отчетности), а техника оставалась сзади, на втором месте для всего технического персонала». Спрашивается, что это обстоятельство Бояршинов также понял и мог понять лишь в камере предварительного заключения? И все ли ответственные хозяйственники-коммунисты и сейчас ее отчетливо понимают? Или суть этого скрытия в море статистических цифр элементов реальной технической работы и политики еще не разгаданы и не поняты ими? И как колоритен был перед судом носивший высокое звание директора Донбасса в Главгортопе подсудимый Скорруто, который на все вопросы о том, как он мог не знать о безобразиях в Донбассе, отвечал: «Я знал лишь в порядке общих цифр». Это проклятое «в порядке общих цифр», как часто оно еще служит ширмой для живущих в тканях нашего народно-хозяйственного организма контр-революционных вредителей!

«Построение аппарата, пишет все тот же Бояршинов, на месте производства работ не дает органической связи с рабочими. Причина этого лежит в том, что не усвоено надлежащим образом начало, вытекающее из власти советов. Требуется перевоспитать сознание начальствующего надзора в направлении давать рабочим свой опыт и знание на деле просто, по-товарищески, а не по-начальнически: «я тебе сказал и ты делай, если ты не сделал, то на тебе все кары». Так сейчас пишет Бояршинов. Но нам кажется, что эти его признания прежде всего должны быть продуманы нашими хо-

зяйственниками, ибо Шахтинский процесс слишком ярко показал, как резко местами расходится у нас практика хозяйственных организаций с «началом, вытекающим из власти советов». И больше того, Шахтинский процесс показал, как сильно это расхождение обусловлено прямым контр-революционным вредительством, с невероятной наглостью творимым на глазах у всех.

Бояршинов враг и вредитель, но перед тем испытанием огнем, какое пережили подсудимые перед гласным судом пролетариата, мякнут и не такие характеры, как у Бояршинова. Та характеристика, которую он дал им же построенному аппарату Донугля, едва ли очень далека от истины. Другие подсудимые много раз называли этот аппарат хаосом, сумасшедшим домом и т. п. Лишь новый под'ем пролетарской энергии, лишь обострение классовой бдительности, лишь широкая волна неустанного пролетарского контроля над работой хозяйственных аппаратов и коренное изменение методов и тактов самих хозяйственников в смысле отказа от описанных Бояршиновым методов, способны изжить эти большие и малые язвы контр-революционного вредительства и просто бюрократизма, и дать полный ход тому могучему темпу хозяйственного строительства, для которого мы имеем все предпосылки в экономической системе социализма и в природных ресурсах нашей страны.

Особо стоит вопрос в материалах Шахтинского дела об использовании иностранных специалистов. Все помнят фигуру германского инженера Фоббе, который по собственной инициативе явился перед судом, чтобы поведать печальную повесть о том, как использовались в Донугле иностранные специалисты. Иностранный инженер с двадцатилетним производственным стажем, получавший от Донугля 350 долларов в месяц, месяцами ходил без дела, не мог получить приема у технических руководителей Донугля. Трудно придумать что-нибудь более чудовищное и преступное, чем это поведение технических руководителей Донугля в важнейшем вопросе об установлении связи с представителями передовой европейской техники перед лицом гигантских задач по строительству нового Донбасса. Однако, было бы неправильным считать это случайным и изолированным явлением, связанным с деятельностью контр-революционной вредительской организации. Есть немало оснований думать, что в ряде других хозяйственных организаций дело с использованием иностранных специалистов обстоит немногим лучше. Пусть и эту сторону нашего хозяйственного строительства мы внимательно проверим с учетом печального опыта Шахтинского дела. Ведь, никакому же сомнению не подлежит, что задача широкого использования иностранных специалистов перед нами стоит во всей своей актуальности и во всем своем большом значении.

4. Новое строительство и реконструкция производства.

Новое капитальное строительство вот уже несколько лет стоит в центре внимания советской общественности. Нарастающий размах его, размер капитальных вложений, определяющий характер нового строительства для всех дальнейших судеб нашего хозяйственно-политического развития приковывает к этому делу все более обостренное внимание правительства, Партии, всего рабочего класса. Неудачи нашего капитального строительства резко бьют в глаза и с беспощадной откровенностью вскрываются советской прессой и политическими руководителями страны. Причины этих недостатков, причины медленности и дороговизны строительства, мы ищем в собственной отсталости, в недостаточной культурности страны, в неумении дешево и хорошо строить.

Шахтинский процесс показывает, однако, что не только в этом заложены действительные причины тех частичных неудач, которые мы имеем на фронте нового строительства. Шахтинский процесс показывает, что именно против нового строительства направлены основные удары контр-революционных организаций, осуществляющих практику вредительства социалистическому хозяйству. Шахтинский процесс, на примере большой, крупнейшей хозяйственной организации показывает, как систематически и последовательно, как упорно направляли они свои вредительские стрелы именно против нового строительства. В Париже, в об'единении бывших собственников, возникает мысль об образовании единого органа УНС (управление новым строительством Донбасса), оттуда же исходит директива захватить все командные посты в этом новом управлении. И УНС сверху донизу оказывается в руках вредителей, становится штабом вредительской организации.

Пусть снова и снова перечтут наши хозяйственники материалы судебного следствия, пусть снова и снова вдумаются они в то, какими методами и с какой настойчивостью тормозила вредительская организация дело нового строительства в Донбассе. Проектное бюро, все дело проектирования оказывается в руках вредителей, вредители с прохладцей учатся за счет Советской власти, возобновляют теоретические знания, накапливают опыт, не торопясь ездят за границу и на-ряду с этим затягивают, замедляют самый ход проектирования. Матов в своих показаниях дает замечательное определение вредительской роли Братановского, который был «уполномоченным по медленному проектированию». Как горячим хлыстом должны эти слова бить по нашим нервам. В эпоху бурного строительства, когда проблема темпа оказывается решающей, когда промедление «смерти безвозвратной подобно» для судеб социалистического строительства, в наших хозяйственных аппаратах учреждаются должности «уполномоченных по медленному проектированию».

Но это не все. Проверка и экспертиза проектов проходит в техническом совете, который оказывается в известной своей части прямым соучастником «медленного проектирования», а в другой части игрушкой в руках врагов. Перед судом прошли протоколы этого технического совета. Это замечательные документы. Сухой перечень участников заседания, краткая формулировка темы и краткая формулировка принятых решений. Где доклады, где прения, в которых накапливается и конденсируется опыт технической мысли, в которых зафиксированы ответственные технические отзывы ответственных людей и которые могли бы стать и источником поучения для молодых инженеров и способом общественного контроля и проверки? Ничего этого нет в природе. Десятки и сотни мелких пустых заседаний стенографируются и увековечиваются. А за сухими протоколами технического совета Донугля, т.-е. той хозяйственной организации, которая, по выражению Матова, начала такое шахтное строительство, какого «никогда, ни в одном бассейне, ни в одной стране одновременно не начиналось», за сухими протоколами технического совета, направлявшего это грандиозное строительство, нельзя разглядеть ничего. Казалось бы, ясно, что технические советы крупных хозяйственных организаций в развертывающуюся эпоху большого строительства должны быть организованы с величайшей ответственностью, где мнение каждого крупного специалиста фиксируется отчетливо и точно, казалось бы, что эти советы должны быть настоящими трибунами технической мысли и технической общественности. Вместо этого контр-революционная организация сумела превратить технический совет одной из крупнейших хозяйственных организаций в темную ширму, которая скрывает потемки нового строительства в Донбассе. Здесь уже не только дело правильного административного руководства и надзора. Здесь на карту поставлен вопрос технической чести тех инженеров, профессоров и экспертов, именем которых действуют технические советы. Опыт работы технического совета Донугля также должен многому научить наших хозяйственников.

Не менее поучительной оказывается работа, так называемого, иностранного отдела Донугля, вопиющая повесть о деяниях которого была рассказана перед Верховным Судом. Если в проектном бюро были уполномоченные по «медленному проектированию», то в иностранном отделе были своего рода уполномоченные по быстрому разматыванию валюты, по скоропалительным и необоснованным заказам. Все помнят, как настойчиво некоторые наши крупные хозяйственные организации атаковали систему наших торгпредств за границей и настаивали на предоставлении права непосредственно осуществлять торговые закупки. Работа иностранного отдела Донугля и его специальной комиссии за границей, то сращивание, которое произошло между ним и капиталистическими фирмами, та система куртажа и взяток, которая там царила, наконец, та прямая контр-революционная работа,

которая через иностранный отдел осуществлялась, показывают, что передача права крупным хозяйственным организациям на непосредственные закупки далеко еще не является гарантией не только политической надежности, но и прямой технической целесообразности осуществляемых затрат. Шахтинское дело обязывает поэтому с особой бдительностью пересмотреть и проверить всю цепь тех организаций, через которые осуществляется импорт оборудования в нашу страну и особенно тщательно подумать над такой системой контроля, которая гарантировала бы и политическую лояльность и технико-экономическую целесообразность этого важнейшего дела.

В свете этих данных о порядке и ходе проектирования, о раобте технического совета, о характере и организации импорта в несколько ином свете выступают те мытарства практического строительства, которые испытывает едва ли не каждая хозяйственная организация. Наши враги направляют против нового строительства свои ожесточенные удары. Мы должны ответить на это удесятеренным вниманием к новому строительству, мы должны собрать и бросить на него наши лучшие силы. Успех нового строительства на каждом серьезном участке хозяйственного фронта имеет не только изолированное, местное значение. Новое строительство решает вопрос о судьбах социалистической индустриализации, оно впервые по настоящему использует гигантские преимущества обобществленного хозяйства. На удары контр-революционных вредителей мы должны ответить удесятеренной энергией в борьбе за качествоо нового строительства.

Было бы невероятным, если бы вредительская контр-революционная организация не поставила себе целью исказить задачи социалистической рационализации производства, искривить ее ход и вызвать против нее недовольство рабочих. Партия много раз и настойчиво подчеркивала о необходимости бдительно следить за ходом социалистической рационализации производства и охранять ее от вольных или невольных буржуазных и бюрократических извращений, от попыток направить рационализацию против рабочих. Правильность этих предостережений блестяще доказана Шахтинским процессом. Контр-релюционные вредители прекрасно понимали, что основной залог успешного хода советской промышленности заключен в творческом под'еме рабочих масс, в их преданности делу социалистического производства. Контр-революционная организация настойчиво стремилась сорвать программу социалистической рационализации и направить ее на расшатывание той связи между Советской властью и пролетариатом, которая лежит в основе всего нашего хозяйственного развития.

Наконец, много поучительного дают также развернувшиеся перед судом страницы механизации угольного произ-

водства в Донбассе. Здесь нет нужды повторять все то, что было рассказано на суде и что нашло отражение в нашей прессе о направлении врубовых машин на несоответствующие пласты, о варварской порче и ломке машин, о всей этой практике, которую даже один из подсудимых не счел возможным иначе назвать, как вандализмом. Но одно обстоятельство здесь следует особо подчеркнуть—это судьбу врубовой машины краматорского завода. Все известно, как скудны наши импортные возможности, каким препятствием стоят они в развертывании нашего производства и нового строительства. А между тем, краматорская врубовая машина, созданная донецким же заводом и оказавшаяся весьма удовлетворительной по своим качествам, была долго саботируема группой вредителей. Пусть опыт краматорской врубовой машины, с таким трудом пробивавшей себе путь к угольным пластам, усилит наше внимание к нашим собственным техническим достижениям и заботу о них.

5. Планирование в свете Шахтинского процесса.

Но все эти частные вредительства приобретают свой настоящий смысл и встают во весь свой настоящий рост лишь в свете тех больших задач контр-революции, которым они были подчинены. Нельзя уже теперь, после судебного процесса, отрицать того факта, что контр-революционная организация планомерно подготовляла кризис угледобычи в Донбассе, где-то около 1930 г., т.-е. к моменту ожидаемой ими интервенции. Двумя рычагами действовали они в этом направлении,—рычагом знаменитого мелкого шахтного строительства, с одной стороны, и рычагом затягивания крупного шахтного строительства—с другой. Старый Донбасс должен был, по их расчетам, сдать и ослабить углеснабжение страны, новый Донбас должен был, по их планам, отстать и не притти во-время на помощь нашему народно-хозяйственному развертыванию. Это уже не вопрос частных вредительств, или отдельных неполадок. Это коренной вопрос всего народно-хозяйственного планирования в нашей стране. И позволительно поставить вопрос о том, как случилось так, что контр-революционная вредительская организация села на скамью подсудимых в результате мелких провалов своих на периферии, а не в результате разоблачения их крупного маневра по подготовке кризиса Донбасса? Неоднократно в наших планово-регулирующих органах подымалась за последние годы тревога в связи с ходом и мелкого и крупного шахтного строительства в Донбассе. Неоднократно, еще до Шахтинского процесса, возникали сомнения в надлежащей согласованности этих элементов в развертывании Донбасса и вставал призрак возможных кризисных моментов где-то около 1930 года. И однако, в наших анализах условий работы и перспектив Донбасса не хватало той тщательности и глубины, той остроты, которая дала бы возможность

сорвать маску с лица засевших в Донбассе вредителей.

Шахтинский процесс показывает, как недостаточна еще степень охвата нами даже крупнейших хозяйственных участков, как велика еще наша доверчивость. Шахтинский процесс не должен пройти бесследно и для наших центральных планирующих организаций. Со всей ответственностью и тщательностью должны быть продуманы и выработаны такие формы работ, которые гарантировали бы нас от неожиданных ударов на решающих участках хозяйственного фронта.

И последнее замечание. Враги направили свои удары в энергетический центр нашей страны. И это не случайно. Энергетика является решающим звеном в хозяйственном (и не только в хозяйственном) строительстве. На удары врагов мы должны ответить стократно умноженным вниманием к делу под'ема и укрепления энергетических основ СССР.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу о контрреволюционной организации инженеров и техников, работавших в каменноугольной промышленности СССР,—Рабиновича, Скорутто, Именитова, Матова, Сущевского, Бояршинова, Березовского и др.*).

ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ.

В официальном сообщении Прокурора Верховного Суда СССР от 12 марта 1928 года, напечатанном в № 60 «Известий ЦИК и ВЦИК», было указано:

«На Северном Кавказе, в Шахтинском районе Донбасса, органами ОГПУ при прямом содействии рабочих раскрыта контрреволюционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности этого района.

Руководящий центр этой организации, как подтверждается несомненными данными следствия, находится за границей и состоит из бывших капиталистических собственников и акционеров каменноугольных предприятий Донецкого бассейна, имеющих тесные связи с отдельными агентами некоторых германских промышленных фирм и польской контрразведкой...

Следствием установлено, что работа этой контрреволюционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злостном саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольного хозяйства методами нерационального строительства,, ненужных затрат капитала, понижения качества продукции, повышения себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов и т. д. При этом задача злоумышленников в случае интервенции, на которую они неизменно рассчитывали, состояла в том, чтобы организовать катастрофический срыв всей промышленности, резко понизить обороноспособность страны и тем помочь интервентам одолеть сопротивление Рабоче-Крестьянской Красной армии...

Следствием установлено, что участники организации финансировались заграничным белогвардейским центром»...

Это сообщение о раскрытом контрреволюционном заговоре ряда лиц, поставивших своей целью борьбу с Советской властью путем экономического вредительства в каменноугольной промышленности, было основано на направленных своевременно в прокуратуру Верховного Суда СССР сообщениях ОГПУ.

По мере того, однако, как развивалось дальнейшее расследование по делу, оно обнаружило, что контрреволюционная организация на деле представляла собой гораздо более сильную и сплоченную группу лиц, центр которой лежал отнюдь не в пределах Шахтинского района Донбасса, как равно и гораздо более опасную с точки зрения не только конкретных целей, которые ставила себе эта организация, но и с точки зрения тех методов и приемов, помощью которых она добивалась осуществления этих целей.

---

*) В виду крайней обширности обвинительного заключения (до 15 печатных листов) мы приводим его лишь в выдержках.

Подсудимые. На переднем плане защитники.

Нижеприведенные данные устанавливают, что эта организация:

1. Охватывала собой не только наиболее крупные рудоуправления Донбасса и руководящий центр Донугля, но имела своих сторонников и активных членов среди высшего руководящего технического персонала каменноугольной промышленности в Москве.

2. Была связана с такими же организациями в других отраслях промышленности.

3. Одновременно была связана не только с осколками прежних организаций частнокапиталистического характера бывших собственников и владельцев каменноугольных предприятий СССР, но и с органами и деятелями иностранных держав, не имеющих никакого отношения к каменноугольной промышленности, как таковой.

4. Ставила своей задачей не только экономическое вредительство, но и прямое оказание помощи неприятелю в момент грядущей подготовляемой капиталистическим миром интервенции.

ГЛАВА I.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ, ТОЛКНУВШИЕ ВЕРХУШКУ ИНЖЕНЕРСТВА НА ПУТЬ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ.

Все это, подтвержденное прямым сознанием самих участников организации, заставило предварительное следствие прежде всего поставить вопрос о совокупности тех причин, которые именно из высшего квалифицированного инженерства горной промышленности сделали авангард, на который оперлась контрреволюция, и которые в своей совокупности создали возможность не только возникновения этой организации, но и длительного, чуть ли не в течение шести лет, нелегального существования ее под боком у Советской власти, на глазах профессиональных и партийных организаций рабочего класса.

Независимо от коренной, определявшей все, причины — классовой борьбы старого мира против пролетарского государства, этими сопутствующими причинами, толкнувшими инженерство на путь контрреволюции, по их собственным словам, явились:

а) теснейшая связь верхушки квалифицированного инженерства Донбасса, частью бывших акционеров капиталистических предприятий, со своими бывшими хозяевами;

б) идейное классовое единство с буржуазией и наличие старых психологических навыков у остальных, не позволившее им сразу целиком и полностью искренно встать на сторону пролетарского государства, и

в) резкое ухудшение материального положения инженерства в первые годы после Октябрьской революции, непосредственно толкнувшее его на путь борьбы с Советской властью.

Идеология инженерства.

В результате, при первой же возможности это внутреннее классовое единство, старые навыки, экономическая заинтересованность и личные связи дали себя знать, и незначительного толчка извне сплошь и рядом было достаточно для того, чтобы толкнуть того или другого инженера в ряды контрреволюционной организации.

Вот что показывает по поводу причин, толкнувших к вступлению его в эту организацию, обвиняемый Матов:

«... идеология буржуазного характера, в которой я был воспитан, вырос и работал до революции, не могла сразу быть изменена во мне при переходе страны из капиталистического в коммунистический строй.

Новые отношения, условия жизни и работы при советском строе были не только непривычны, но и противоречили всему привычному и, как следствие этого, вызывали отрицательное к себе отношение, и не было веры в возможность развития сил страны при условиях советского строя. Так, в общих чертах, может быть определено мое отношение к Советской власти в первые годы ее существования. В дальнейшем к сказанному надо добавить

чувство неуверенности, бывшее у меня и у членов организации, или, вернее, отсутствие веры в возможность развития промышленности страны в условиях советского строя» (п. Матова л. д. 134—135).

О том же показывает обвиняемый Горлецкий:

«Часть инженеров выбыла за границу, часть осталась, но все думали, что Советская власть долго не продержится. Настроение у данной группы, во всяком случае у большинства, было выжидательное и антисоветское. Мои сочувственные настроения не отличались от большинства остальных специалистов, я тоже не верил в то, что Советская власть просуществует долго. Все мы думали, что Советская власть (большевики) не сумеет восстановить промышленность и сельское хозяйство... Я считал, как и многие из интеллигенции того времени, что развалившуюся промышленность и хозяйство страны советская система и власть восстановить не смогут» (л. д. 19 и 40).

Обвиняемый Калганов, как бы дополняя эти показания, говорит:

«...раньше мы принадлежали к категории работников, резко выделявшихся по уровню материального благополучия, наша служба давала нам покой и более или менее хорошее общественное положение, а после революции мы разделили общее положение со всеми; особых привилегий не давалось, а нужда, имевшая место в годы гражданской войны и в первый период восстановительной работы, не могла нас настроить благоприятно. Влияние имело и следующее обстоятельство: техническая интеллигенция по сравнению с другими группами интеллигенции была гораздо ближе к промышленному капиталу по самому своему положению... даже не имея собственных капиталов, мы все же как-то интенсивнее интересовались существом именно капиталистических отношений в тех предприятиях, в которых мы работали... при капиталистическом строе мы являлись, в известной степени, обер-офицерами капитала, если можно так выразиться, именно через нас капитал осуществлял свойственную и неизбежную при капитализме эксплоатацию рабочих, а это в свою очередь порождало уже известную идеологию, которая резко отделяла нас от рабочих, противопоставляла нас им. Радикальное изменение этого порядка после революции многих из нас выбило из колеи, для многих из нас переменить свое мировоззрение и особенно проявить его на деле было очень трудно. Все эти причины и предпосылки создали для меня и других те побудительные мотивы, которые заставили нас стать на враждебный для пролетариата и Советской власти путь» (л. д. 22—23).

Так показывает главный инженер Донецко-Грушевского рудоуправления Калганов, интеллигент по происхождению.

О том же самом, хотя несколько иначе, более замысловато показывает бывший собственник и шахтовладелец Самойлов. Конечно, прямо сказать, что его толкнуло вступить в организацию стремление вернуть свою бывшую собственность, он не считает возможным, и он ссылается поэтому на более «благородные» мотивы:

«Я вступил в организацию не потому, что я бывший предприниматель, состоятельный человек, на меня воздействовало другое, и это другое, я уверен, свойственно было и большинству моих товарищей по работе. Эти побудительные мотивы, вернее, подготовляющие предпосылки, были различные, они действовали не все одинаково, но все вместе подготовляли и неудержимо толкали нас на путь, враждебный Советской власти,—эти предпосылки, если можно так выразиться, шли по различным каналам.

Надо сказать, что дух корпоративности, дух взаимной солидарности всегда был силен среди технического персонала и особенно среди квалифицированного дипломированного инженерства. После революции эта корпоративность еще более усилилась... Инженерство чувствовало себя после революции несколько ущемленным. Чувствовало себя как бы в чужой среде, в которой меры самозащиты, а значит, и сплоченности должны быть более интенсивными. После революции эта корпоративная солидарность попросту выразилась во взаимном укрывательстве. Ошибки старались не выявлять, если они все же были таковы, что их не замечать было нельзя, искусственно подбирались так называемые об'ективные доводы и соображения...».

До чего доходили в частности эти психологические настроения и навыки, насколько чувствовала себя в своей среде, «своими людьми» определенная группа инженеров, показывают факты, в возможность которых на 10-м году Советской власти едва ли можно было поверить, если бы о них не показывали сами обвиняемые. Сюда относятся: пение во время товарищеских вечеринок царского гимна, систематические, считавшиеся признаком хорошего тона, антисоветские и антисемитские выходки и т. д.

Главный механик Власовского рудоуправления инж. Башкин показывает:

«Вспоминая отдельные факты из внутренней жизни среды, окружавшей меня, под влиянием которой я находился, я вспоминаю вечер у инж. Калганова по случаю какого-то торжественного события. Тогда собралось много технического народа ДГРУ—Самойлов, Гаврюшенко, Бабенко, Нашивочников, Колодубы, Беленко и много других из этой компании. Я слышал, как злорадно говорили о скорой гибели Донецко-Грушевского рудоуправления. Подвыпив, произносили тосты за скорое падение власти, пели «боже, царя храни», «Всколыхнулся, взволновался тихий Дон» и др. казацкие песни».

Еще более откровенно о мотивах, толкнувших его к вступлению в контрреволюционную организацию, показывает обвиняемый инженер Березовский:

«Основной моей службой в дореволюционное время я считаю службу мою в Донецко-Грушевском акц. о-ве, где занимал должность зав. шахтой Петропавловской, получая жалованье 400 руб. в месяц, бесплатное помещение, освещение, отопление, выезд, содержание, домашних животных, пользовался и отпусками, получал и наградные, составлявшие в год двухмесячный оклад содержания. Моя служба давала мне право рассчитывать на дальнейшее продвижение, и я твердо полагал, что по истечении некоторого периода времени я получу должность управляющего рудником; эта последняя должность давала бы уже 750 руб. в месяц, тантьему, соответствующие наградные и проч. Общественное положение управляющего рудниками считалось тогда значительным, я был бы непосредственно связан с правлением, а это открывало еще большие перспективы. К моменту революции у меня были сбережения около 20.000 руб., я их держал в Азовском банке; в результате революции я потерял эти деньги».

Если таково было квалифицированное инженерство, то говорить об идеологии и политических настроениях того персонала, который составился из бывших шахтовладельцев, таких, как Андрей и Емельян Колодубы, конечно, не приходится. На очной ставке свидетель Вайлов следующим образом в лицо характеризует обвиняемого Емельяна Колодуба:

«Я говорю факты, это сидит передо мной кровавый вампир, угнетатель рабочего класса, непримиримый враг и враг, опасный Советской власти, много сирот, вдов и матерей плачут от действия этого палача при царизме и при власти его соратников-белогвардейцев...»

И дальше показывает Вайлов:

«Пусть он скажет, как обдирал рабочих и загонял их в могилу. Пусть он скажет, как нажитые эксплоатацией рабочих 30.000 денег отправил в Германский банк» (л. д. 96—97).

Эта нелестная характеристика, общая Колодубу, Емельяну, Васильеву, Беленко и др., подтверждена была на следствии опросом десятков рабочих, еще очень хорошо помнящих, как Колодубы, Гаврюшенки, Васильевы и др. лица среднего технического персонала били их по физиономии, раздавали направо и налево зуботычины и т. д. Среди этих лиц контрреволюционные тенденции не нужно было культивировать, они были всегда налицо.

Несколько особое место занимала среди контрреволюционного инженерства та его часть, правда, немногочисленная, которая в своей молодости была близка к рабочему классу и его революционной борьбе и которая сохранила к моменту прихода Советской власти и организации пролетарского государства хотя бы некоторые намеки на благожелательное отношение к пролетариату. Представителем этого типа инженерства является обвиняемый Калнин, быв-

ший социал-демократ-меньшевик, следующим образом обрисовавший причины, толкнувшие его на вступление в контрреволюционную организацию:

«Из российской социал-демократической партии (меньшевиков) я вышел в 1907 г. в связи с тем, что мне угрожал надзор полиции. С этого момента я постепенно отошел от партийной работы, хотя в 1917 г., после Февральской революции, я вновь вступил на руднике в с.-д. кружок. Должен признать и заявить, что за период времени с 1908 г. и по 1917 г. я не только отошел от партийной с.-д. работы, но я политически совершенно разложился. За это время я занимал ряд должностей в горно-промышленных о-вах, оплачивающихся довольно высоко, и ничего не побуждало меня вести политическую работу. События февраля 1917 года встряхнули меня, я вновь полевел и опять начал с.-д. работу. За дальнейший период с 1917 г. по 1921 г., период самых отчаянных колебаний в моей личной политической установке, я все же не определил точно своей политической физиономии.

Такое свое колебательное состояние я об'ясняю влиянием предшествующих годов своего политического разложения, в силу чего я оказался ближе к Парамонову, чем к революционным рабочим» (л. д. 21).

Наконец, особую разновидность представляют собой инженеры-шкурники, для которых, по существу, совершенно безразличны были «белые» и «красные», Советская власть и капиталистическая организация, которые не возражали против того, чтобы способствовать реставрации капитализма, но отнюдь не хотели упускать и синицу из рук в виде жалованья, которое платила инженерам Советская власть, карьеру, которую можно было сделать при ней. К числу таких относятся обвиняемые: Ржепецкий, Кузьма и др. Вот что говорит о себе и причинах, толкнувших его ко вступлению в организацию, Ржепецкий:

«Такое уже свойство человека, что он зачастую старается угодить двум хозяевам, хотя расчеты этих хозяев направлены в противоположные стороны. Хотелось и Советскую власть не обидеть, и заслужить внимание на будущее (старых хозяев)». (л. д. 24).

Такова была почва, на которой выросла контрреволюционная организация, куда вошли, по словам Гаврюшенко:

«Монархисты и кадеты,—конгломерат, которому необходимо было только одно — свержение Советской власти и восстановление вместо нее капиталистического порядка».

Обстоятельством, значительно способствовавшим процессу оформления контрреволюционной организации среди инженерства, было то, что советское правительство допускало вернувшихся инженеров на те самые рудники, где они работали раньше, благодаря чему они оседали на старых местах такой же спаянной и крепко сработавшейся группой, какую они представляли собой и при старых хозяевах. Это обстоятельство сыграло значительную роль в момент, когда организация начала принимать более устойчивый и оформленный вид. По отдельным рудоуправлениям такие «оседания» инженеров целыми кустами на старых местах имели место почти по всему Донбассу. В частности же внимательный анализ личного состава Донецко-Грушевского «куста» показывает, что при таком составе инженерства ненормальным должно считаться не то, что среди него возникла контрреволюционная организация, — ненормальным явилось бы, если бы таковая не возникла в такой среде.

Если сопоставить кадр ответственных служащих, работавших в Донецко-Грушевском о-ве до 1919 года, с кадром, оставшимся и работавшим после революции, то получится следующая картина:

До 1919 года в о-ве работали следующие лица: Емельян Колодуб, управляющий этим о-вом, носившим название «Грушевский антрацит», он же акционер антрацитно-промышленного товарищества: его брат Андрей Колодуб — управляющий шахтой «Красненькая»; сын Емельяна Колодуба работал на «Бессергеневской проходке», на шахте № 2 работал родственник Емельяна Колодуба — Гаврюшенко, на той же шахте № 2 работал другой родственник Емельяна Колодуба — Бабенко, на шахте «Красненькая» работал Самойлов (совладелец шахты и пайщик «Антропрома»), родственник Емельяна Колодуба, на шахте «Антропром» работал и Верескунов (совладелец шахты), на шахте «Петропавловской» под руководством Емельяна Колодуба

Тов. Крыленко допрашивает подсудимого Братановского.

работал его бывший знакомый Калганов, на шахте № 2 под руководством Гаврюшенко работал учившийся на средства Емельяна Колодуба преданный ему человек — техник Васильев, на руднике «Благовещенском» ставленник Е. Колодуба — Нашивочников, на руднике «Петропавловском» работал Березовский.

Таким образом, до революции высший технический персонал состоял из 7 акционеров и 6 человек, связанных родственными отношениями.

После 1919 года в Донецко-Грушевском рудоуправлении, в состав коего вошли упомянутые выше национализированные предприятия, продолжают работать:

Калганов — главный инженер, Е. Колодуб — зав. рационализацией, Колодуб. А. — зав. шахт., а затем проходкой «Аюта», Гаврюшенко — зав. шахтой, Бабенко — зав. шахтой, Васильев — техник, Нашивочников — пом. зав. шахтой, Самойлов — зав. шахтой, Березовский — техн. руководитель, также работают Константин Колодуб и Верескунов.

Таким образом, после революции в Донецко-Грушевском рудоуправлении продолжают работать 3 бывших акционера и 6 родственников. Идеология этой группы уже достаточно обрисована приведенными выше показаниями. Родственные же связи и долголетняя совместная работа привели к тому, что толкнуть этих лиц на определенные вредительские действия не стоило особого труда.

Индивидуальные характеристики обвиняемых по их прошлой деятельности.

Факты же из недавнего прошлого этих же лиц, приводимые многочисленными допрошенными в качестве свидетелей рабочими-шахтерами, много лет работавшими под их началом на рудниках, показывают, что перед нами не только контрреволюционеры, но и махровые черносотенцы, мордобойцы и эксплоататоры времен и методами чуть ли не эпохи первоначального накопления.

О Гаврюшенко мы имеем следующее показание. Горнорабочий Твердохлебов, Сила Ефимович, показывает:

«Я Твердохлебов, знаю Гаврюшенко, Николая Андреевича, еще до империалистической войны. Он служил на шахте № 2 техником, я там работал. Гаврюшенко в тот момент дерзко обращался с рабочими и бил их по щекам. Лично мне по щекам не попадало, но утверждаю, что других Гаврюшенко бил. При власти белых Гаврюшенко, как и я, продолжал служить на рудниках в шахте № 2. Гаврюшенко при белых еще хуже бил рабочих. Мне известно, что на шахте № 2 был десятником Илья Чурсин, который вел активную работу за Советскую власть среди рабочих и читал им революционную литературу и газеты. В одно из таких чтений техник Гаврюшенко спустил в шахту контрразведчика Клатько, но я в шахте опознал Клатько, заговорил с ним, а в это время все разошлись, и Клатько вылез на гору ни с чем, а после Чурсина взяли в контрразведку и затем расстреляли. Когда белые были разгромлены, Гаврюшенко бежал и скрывался. Через несколько времени он появился на шахтах, его рабочие хотели убить, заявляя открыто, что Гаврюшенко — контрразведчик, и Гаврюшенко вновь скрылся и появился несколько времени спустя» (л. д. 12).

Бывший в то время начальником шахтинской контрразведки свидетель Прудентов Павел, показывает:

«Я знаю Гаврюшенко, Николая Андреевича, с которым меня познакомил помощник мой по контрразведке Филатов. Я знаю Гаврюшенко, Николая Андреевича, очень хорошо да и он меня должен знать... Гаврюшенко, Николай, неоднократно посещал наше управление. Посещения эти имели характер дачи того или иного сведения, нужного для нас, ценного по нашей контрразведывательной деятельности... Работал Гаврюшенко, Николай, добровольно, секретным сотрудником у нас не состоял, денег я ему не платил, да он и не нуждался в них, так как зарабатывал службой достаточно, вдобавок был интеллигент, разговора об оплате его услуг у меня с Гаврюшенко никаких не было. По данным Гаврюшенко сведениям, например, был извлечен

из шахты № 2 один красногвардеец, который по произведенному контрразведкой дознанию был присужден военно-полевым судом к расстрелу. Можно указать еще на дело рабочего Чурсина, Селянина, из которых первый также был расстрелян, и ряд других сведений, которых я не упомню...» (л. д. 88).

А вот что показывает о связи с шахтинской контрразведкой других работников ДГРУ сотрудник контрразведки Клатько, Константин:

«Припоминаю, что контрразведку посещали и были связаны с ней специалисты с рудника Петропавловского — механик-инженер Абрам Борисович Башкин, техник Калганов, Николай Ефимович, и инженер Николай Николаевич Березовский. Все эти лица были связаны лично с головкой контрразведки — ротмистром Прудентовым и его помощниками Филатовым и Монастырским. Эти лица безусловно давали ценные для контрразведки сведения о лицах, сочувствующих Советской власти, и об активных борцах за дело советов. Контрразведка по этим донесениям принимала меры арестов и расстрелов рабочих. Рабочие расстреливались пачками, до 50 человек расстреляно около хутора Поповка, 150 чел. — около Карьера, 300 человек — за кладбищем, 300 человек — около бойни, расстреливали пачками по дороге в Новочеркасск; творилась кровавая бойня, расправа углепромышленников и их ответственных служащих с рабочими, расстреливались рабочие даже только за то, что имели винтовку, за отдельные слова и фразы против белых углепромышленников. Указанная мной цифра расстрелянных не исчерпывается полностью. Расстрелов было больше. Всего примерно 3—4 тысячи рабочих. Все эти рабочие были выданы контрразведке главным образом указанными мною ранее и в данном протоколе специалистами...» (л. д. 70).

Бывший нач. шахтинской контрразведки Прудентов, Павел, говоря о Калганове, также свидетельствует о его связи с контрразведкой:

«Инженер Калганов имел тесную связь и с шахтинской контрразведкой, и не один раз его экипаж останавливался у под'езда, где помещалась наша контрразведка. В свои посещения контрразведки Калганов делился с нами сведениями о настроении рабочих в Петропавловске, указывая на тех рабочих, которые выделялись среди последних или как агитаторы, или как большевистки настроенные...» (л. д. 74).

Если Прудентов, таким образом, подтверждает показания Емельяна Колодуба о Калганове и др., то целый ряд допрошенных в качестве свидетелей рабочих-шахтеров не менее красочно показывает о самом Емельяне Колодубе.

Рабочий Куропаткин, Федор, говорит об Емельяне Колодубе, что «он всегда ходил с толстой палкой, что он рабочих считал за собак, сам избивал рабочих». Эта палка Колодуба, — свидетельствует он, — в 1913 г. ходила и по моей спине...» (л. д. 78).

О связи Емельяна Колодуба с шахтинской контрразведкой свидетельствует тот же Прудентов.

«Колодуб, Емельян, был связан с контрразведкой, давал добровольную информацию о лицах, сочувствующих Советской власти, и по этой информации контрразведка, начальником которой был я, принимала карательные меры... Е. Колодуб был свой человек в контрразведке...» (л. д. 87)

Для характеристики А. Колодуба чрезвычайно показательным является факт, о котором показывает свидетельница Февронья Савина:

«С белыми ушел и А. Колодуб вместе со своей семьей, не успев захватить всех своих вещей. Моя подруга — прислуга Колодуба — Поля, желая сохранить вещи хозяев на случай их возвращения, спрятала вещи к своим родственникам на шахте № 2. После занятия г. Шахты белыми белопогонниками пришел и Андрей Колодуб. Жена потребовала с Поли вещи... Поля принесла Колодубу вещи, и Колодуб заявил, что недостает одного зеленого бархатного платья». По заявлению Колодуба «Поля была арестована, ее судил военно-полевой суд... и она была расстреляна». «Я лично ходила смотреть ее, — показывает свидетельница, — уже расстрелянную, уже за кладбищем. Она лежала незарытой, с простреленной головой и вся избитая штыковыми ударами. Полю выдали в руки белых палачей А. Колодуб и его жена, она была расстреляна, а ей было только 16 лет...» (л. д. 336).

Так использовал Андрей Колодуб свои связи с контрразведкой. Характерным, однако, является то, что нравы Колодубов отнюдь не были свойственны только им. И высококвалифицированные инженеры не гнушались ни рукоприкладствовать, ни дружить с контрразведкой.

Вот какие показания мы имеем об инженере Березовском. Рабочий Доровский, Григорий, показывает, что когда «на рудник «Октябрьская Революция» были присланы для работы пленные красноармейцы... то каждый раз, приходя на работу, я видел, как пленные красноармейцы, голые и босые, зимой на морозе гоняют вагонетки, а Березовский избивает то того, то другого красноармейца. Эту картину я видел ежедневно. Не лучше Березовский относился и к другим рабочим, тоже их избивал» (л. д. 10).

Другой рабочий Сапрунов показывает, что Березовского «рабочие выгнали с рудника, как эксплоататора, дерзко обращающегося с рабочими» (л. д. 20).

В результате после Февральской революции обвиняемый Березовский был вывезен из рудника на тачке. О связи Березовского с контрразведкой, кроме вышеуказанных бывш. контрразведчика Прудентова и Клатько, свидетельствует и бывш. писарь контрразведки Данил Костин и сотрудник контрразведки Куприянов.

Следующим из той же плеяды является техник Васильев, примыкавший, по его показаниям, одно время к РСДРП меньшевиков.

Рабочий Вахличев, Николай, показывает:

«Васильев весьма грубо обращался с рабочими и занимался мордобитием, бил даже девушек, раз хотел ударить и меня, но я убежал... Рабочие за грубое отношение в дни революции хотели убить Васильева, но ограничились тем, что вывезли его на тачке из рудника...» (л. д. 48).

Другой рабочий Янченко также рассказывает о том, что «рабочие шахты категорически требовали убрать Васильева. На этом руднике Васильев служил в дореволюционное время и за грубость был выгнан рабочими, а в дни революции был вывезен на тачке» (л. д. 56).

Состав Власовского рудоуправления.

Точно также и на Власовском рудоуправлении сгруппировалась часть старых служащих, работавших еще у собственника этих рудников, известного в Донецком бассейне капиталиста Парамонова.

Целый ряд рабочих, допрошенных в качестве свидетелей по делу, приводит вопиющие факты из прошлого инженера Абрама Борисовича Башкина.

«При владычестве белых банд на руднике, Башкин дерзко поступал с рабочими; вечные оскорбления, угрозы и сплошные издевательства над рабочими,—вот действия Башкина. На руднике при белых работала группа пленных красноармейцев, часть из них была в ведении Башкина, его издевательства над пленными заканчивались избиением пленных. Я лично был свидетелем, когда однажды Башкин вскочил в кочегарку и ни с того, ни с сего набросился на пленного красноармейца и ударил его по щеке, красноармеец заплакал» (показание рабочего Чебатова) (л. д. 12). О том же показывает и рабочий Жуков: «И без того грубый Башкин стал еще грубее и самым бесчеловечным образом издевался над пленными красноармейцами. С наступлением красных войск и занятием ими Донецко-Грушевского р-на Башкин вторично бежал с белыми и вернулся, кажется, в 1921 г. на 1-й Гос. рудник (б. Парамонова). Башкин во время военных действий был связан с белыми» (л. д. 15).

Не уступал Башкин Калганову и Колодубам и по связи с контрразведкой.

Бывш. агент контрразведки Куприянов показывает:

«Служа в контрразведке в г. Шахты в 1919 г. в течение около 5 месяцев в должности агента, а затем стражника, я наблюдал, что гр-н Башкин, Абрам Борисович, очень часто посещал шахтинскую контрразведку как в дневное, так и в вечернее время; приходя в контрразведку, он обращался к нач. контрразведки, непосредственно к Прудентову, а иногда к его заместителю, с которым вел о чем-то разговоры, о чем именно, не знаю» (л. д. 26).

Состав Несветаевского рудоуправления.

На Несветаевском рудоуправлении, принадлежавшем до революции уже упомянутому углепромышленнику Парамонову, точно также в качестве наиболее ответственных руководителей рудника и после революции остались «свои», парамоновские люди: Калнин Петр — главный инженер, Некрасов, Ал-др — зав. горными работами и Кувалдин, Владимир — главный механик.

О главном инженере Несветаевского рудоуправления Калнине уже выше упоминалось.

Другой рабочий Василий Прудников показывает, что Некрасов «рабочим был известен, как зверски обращавшийся с ними, и даже ходили слухи, что он палкой избивал рабочих. Уже в период революции и пребывания на Дону белых, Некрасов многих рабочих выдавал белым, которых арестовывали, уводили, и после таковые не возвращались. Одного рабочего, Чернова, Николая, по указанию Некрасова, несколько раз арестовывали и, в конце концов, расстреляли... Среди рабочих Некрасов был грозой. Все его боялись, так как за малейшее слово, которое не нравилось Некрасову, рабочий подвергался аресту...» (л. д. 53).

Что собою представлял главный механик Кувалдин, в свое время, как и Парамонов, примыкавший к партии меньшевиков, за что был арестован в 1903 г., показывает свидетель Голохвостов:

«Кувалдин—старый ставленник Парамонова, исполнял роль доносчика и наблюдателя за жизнью и действиями рабочих и технического персонала. До последнего момента ждет прихода другой власти и Парамонова, заявляя, что этим «босякам», т.-е. Советской власти и коммунарам, не существовать. Скоро придут наши, тогда покажем, как крепка эта власть...» (л. д. 54).

Щербиновское рудоуправление.

Та же картина была и на Щербиновском рудоуправлении, где сгруппировалось значительное количество старослужащих, после революции на этих же рудниках занявших командные должности. Обвиняемый Сущевский при старых хозяевах был главным инженером, таковым оказался он и после революции.

Работавший на Щербиновке до революции обвиняемый Одров в 1923 г. по приглашению Сущевского занимает должность зав. шахтой «Центральная».

На рудниках сгруппировались, таким образом, в качестве верхушки старые служащие, бывш. собственники, об'единенные общим мировоззрением, общими политическими взглядами, связанные между собой близким знакомством, стародавней дружбой, а иногда и родством и свойством. В этих условиях уже можно было отдельным более активным контрреволюционным работникам из инженерства строить и развивать контрреволюцию, назначать и насаждать, где нужно, под видом деловых служебных назначений своих агентов, вести разрушительную работу.

Вот что показывает по этому поводу обвиняемый Березовский:

«Мне непосредственно подчинялись зав. рудниками всего района, а через них и зав. шахтами. Фактически от меня зависело назначение и зав. рудниками, и зав. шахтами. Я рекомендовал назначить Самойлова зав. Петропавловским рудником, ныне рудник им. «Октябрьской революции». Емельяна Колодуба я назначил на рудник им. Воровского, возможно при моем посредстве был еще кто-нибудь назначен, сейчас я затрудняюсь точно припомнить. С целым рядом работников, которых я застал в Шахтинском р-не и которые при мне были приняты на работу, я хорошо знаком был еще с дореволюционных времен. К числу таких лиц я могу отнести: Башкина, Бабенко, Колодуба Емельяна, Колодуба Андрея, Самойлова; с Калгановым я близко познакомился в 1920 г. и у меня сложились с ним очень хорошие отношения. Когда я поступил на службу в Шахтинский р-н, я знал, что там найду много работников, которых я знал, которые меня знали, с которыми у меня найдется общий язык; и не только в сфере узко-специальной, но и в области общих вопросов, интересов и воззрений политических, я мог иметь уверенность, что

из этого круга вряд ли что может просочиться наружу неугодное власти, проще говоря, я не боялся сплетен и доносов».

Бывший шахтовладелец, обвиняемый Самойлов, об'ясняя причины возникновения организации вредителей, показывает следующее:

«Я бы сказал, что к вредительству организованному я и мои товарищи перешли как-то незаметно. Сначала это была общая халатность, халатность, так сказать, естественная, к ней привыкают, а от халатности обыденной, конечно, не трудно было перейти и к халатности умышленной, а дальше и к активным вредительским действиям...

Сравнительно легкому появлению в нашем районе вредительской организации содействовало и то, что большинство работников знало друг друга с давних времен, работали на одних и тех же местах, остались они в том же районе и после революции».

О том же показывает обвиняемый Казаринов.

«Особенно сильно выявилось такое настроение в тех многочисленных участках Донбасса, где бывшие вчерашние хозяйчики стали в одну ночь преданными советскими чиновниками. Эта атмосфера быстро и правильно была учтена недремлющими врагами советского строя в лице сидящих за границей бывших промышленников, нашедших деятельных проводников их чаяний и мечтаний в лице старшего технического персонала, психология коего с особенным трудом могла быть переломлена, так как в них она сидела особенно прочно, подкрепляемая моментами коллегиальности, идеологическими и т. п.» (л. д. 373).

Таково было настроение инженерства. Оно, конечно, еще не означало, что все сплошь инженерство было контрреволюционно, или все сплошь представляло собой готовый материал для контрреволюционной организации. Анализ личного состава, данный выше, показывает, что наиболее контрреволюционную группу представляло собой высшее инженерство, сплошь и рядом экономически связанное с капиталистическим миром (бывш. шахтовладельцы, акционеры и пр.), но средний и низший технический персонал привык к ним, привык их слушаться, сам не доверяя еще полностью Советской власти. Все это облегчало работу контрреволюционерам.

Первые опыты формирования контр-революционной организации.

И действительно, на отдельных рудоуправлениях, уже начиная с 1920 г., начали образовываться контр-революционные группы инженеров, связанных между собой общим мировоззрением, общим прошлым и общими надеждами на лучшее будущее. В первое время, однако, эти попытки формирования контр-революционных организаций были раз'единены и носили кустарный характер индивидуальных связей, индивидуальных группировок.

ГЛАВА II.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВРЕДИТЕЛЕЙ.

Исходным пунктом для возникновения всех этих организаций послужили указания, полученные от бывших хозяев непосредственно после захвата красными войсками Донбасса на совещании бывших владельцев и инженеров в Ростове-на-Дону в 1920 г. во время последнего с'езда совета горнопромышленников.

Первые директивы.

Обвиняемый Березовский, однако, показывает, что обсуждался не только вопрос о том, оставаться или ехать, а и о том, что делать в случае, если оставаться:

«Целая группа инженеров и техников с рудников приехала в Ростов, так как рудники были заняты красными. Из приехавших техников и инженеров я помню следующих: Гаврюшенко, Иванова, Башкина, Гор-

лецкого, Рисса, Кузьму, Спельд, Ильинича, Некрасова, Калнина, Свицина, Игнатьева, Логина, Игнатович, Скорутто, Пряткина Дмитрия, Рутченко, Эйлера, Айэрбаха, Татарова и Оловягина. У техников, находившихся в Ростове, была уверенность, что Советская власть просуществует очень недолго, и поэтому твердо вопрос об организации между техниками и инженерами не ставился. Но все разговоры между лицами, связанными между собой по производству, муссировались приблизительно таким порядком, что при той или другой передвижке рудников, т.-е. при занятии их красными войсками, мы должны работать в пользу старых хозяев по сохранению рудников и оборудования в целости, чтобы их не обесценивать, т.-е., чтобы при переходе рудников обратно к белым они не были взорваны красными войсками и повреждены так, чтобы их нельзя было восстановить. Таковы были задачи» (л. д. 198).

Весь первый период, приблизительно, по 1923 г. включительно, и представляет собой период изолированной деятельности отдельных инженеров, направленной к исполнению такого рода директив. Лишь к 1923 г. относятся первые шаги по установлению разорванной, потерянной связи с бывшими хозяевами и первые индивидуальные попытки установить систематическую переписку и получать более точные указания, как же быть теперь, после того, как Советская власть просуществовала пару лет.

Изолированное вредительство первого периода с 1920 по 1923 гг.

Одновременно по мере того, как у оставшихся инженеров блекли надежды на скорое возвращение белых, инстинктивная враждебность по отношению к Советской власти начала претворяться уже в прямые акты вредительской деятельности, и стремление не только исполнить в точности директивы по сохранению рудников начало перекрещиваться со стремлением по возможности тормозить, задержать работу по восстановлению рудников, вплоть до стремления отдельным вредительством нанести прямой ущерб укреплявшейся власти пролетариата.

Вот что показывает об этих актах неорганизованного вредительства первого периода обвиняемый Бабенко:

«Еще осенью 1921 г. я, по указанию Березовского, затопил шахту бывшей Ново-Азовской кампании, входящую в Донецко-Грушевское рудоуправление, я был тогда заведующим этой шахтой. Березовский мне тогда говорил, что это надо сделать в интересах бывших хозяев, которым было нежелательно, чтобы ее эксплоатировали. Шахта эта была на ходу, эксплоатация была бы выгодной, она и до сего времени затоплена. Затопление это я произвел путем поднятия насосов». (Показание обв. Бабенко, л. д. 29).

Обвиняемый Березовский, сознаваясь, в затоплении Ново-Азовской шахты, показывает, что мероприятие это было произведено с явно вредительной целью и притом по его, Березовского, распоряжению.

Бывший главный механик Донецко-Грушевского рудоуправления Башкин, сознаваясь в своей вредительской деятельности, следующим образом показывает о первых своих вредительских действиях:

«Первое мое вредительское действие заключалось в том, что я не установил конденсационные горшки на магистраль и паропровода электрической станции, в результате чего турбина изнашивалась быстрее; сделано это было мной по наущению Калганова, это наущение выразилось в форме намека, не вызывавшего, однако, никаких сомнений в существе его. Второе мое вредительское действие относится также к 1920 г., я не усилил и не отремонтировал тягальную лебедку на первом пласте Петропавловского рудника; в результате добыча не могла нормально развиваться. Это было сделано по директиве заведывающего шахтой Самойлова. Третье вредительское действие относится к 1921 г., когда я умышленно с инженером Петровым допустил свалку шлаков возле шлакового под'емника, в результате чего произошел пожар под'емника, а из-за этого затруднена была эксплоатация котельной станции. Сделано это было по директиве Калганова» (л. д. 40 об.).

О том, какими мотивами руководились отдельные вредители, показывает обвиняемый Самойлов. О Березовском он говорит:

«На меня лично подействовало, в известной мере и поведение в отношении меня инж. Березовского. Мне было ясно, что он хотел так или иначе подготовить свое участие в Антропроме (дореволюционное предприятие, под фирмой Антрацитно-Промышленное т-во, участником коего был Самойлов). Это я заключаю из следующих трех эпизодов:

Давая в моем присутствии задание «хорошенько» отремонтировать копер на шахте Воровского (быв. Антропром), он сказал, что надо это сделать хорошо, чтобы Самойлов и К° в будущем, если им придется хозяйничать, не были на нас в претензии; это было в конце лета 1920 г.

Второй раз, в конце 1920 г., имел место такой случай: он пригласил меня к себе на квартиру и заговорил о следующем: возможно, в близком будущем предстоит отбор наиболее интересных для государственной промышленности шахт и оставление других для сдачи в аренду, и он, Березовский, постарается шахту Воровского поместить во вторую категорию с тем, чтобы я с моими компаньонами принял и его, Березовского, в дело, конечно, негласно, а он сможет, благодаря своему служебному положению, быть полезным.

Третий разговор был в моем кабинете на шахте «Октябрьская Революция», когда он посетил шахту и зашел ко мне; я тогда затеял разговор о продолжении Бессергеневской проходки; он мне сказал, что для этого нет времени, нет денег и людей; мне и раньше было ясно, почему он не хочет производить работу по Бессергеневке, я во время этого разговора только лишний раз убедился в моем предположении» (л. д. 16).

Организованное вредительство. Начало организации в ДРГУ.

Организованное вредительство в ДРГУ. начинается с 1922 г. Вот как показывает об образовании донецко-грушевской организации обвиняемый Березовский, бывш. районный инженер по Шахтинскому району:

«Во второй половине 1922 г. была учреждена должность районных уполномоченных; эти районные уполномоченные являлись связующим звеном между районными управлениями и руководящими техническими органами Донугля. Районный уполномоченный являлся докладчиком в Донугле по делам своего районного управления, он передавал директивы Донугля, он, в известной мере, был и органом контроля со стороны Донугля; таким образом, заведывающий техническим отделом районного управления являлся, в некоторой степени, лицом, зависимым от районного уполномоченного. На эту должность по нашему райуправлению назначен был инженер Шадлун; в первый раз я видел его в Ростове в 1918 г.; именно тогда хозяева совещались с инженерами; в надежде, что красные будут отброшены, хозяева давали инженерам директивы не покидать рудников и заботиться об их сохранении. В 1920 г. я встречался с Шадлуном на собраниях инженеров; его политические воззрения мне хорошо были известны; мы были с ним единомышленниками. Этот самый Шалдун во время одного из своих посещений меня похвастался передо мной, говоря, что его бывшие хозяева пересылают ему деньги из-за границы [1]); я заинтересовался этим и выразил сожаление, что я не получаю денег от хозяев; Шалдун мне сказал, что это легко сделать через Горлецкого, и я буду получать деньги. Тогда же Шалдун мне сказал, что деньги эти являются вознаграждением со стороны хозяев за сохранение в порядке отобранных у них шахт, за переоборудование и улучшение их и, наконец, за сокрытие от Совласти наиболее ценных месторождений с тем, чтобы наиболее важные подземные богатства к моменту падения Советской власти могли быть возвращены хозяевам нетронутыми и неистощенными. Я согласился принять на себя выполнение этих заданий, согласие мое отнюдь не было вызвано давлением со стороны Шадлуна. После этого я получил от Горлецкого письмо с изложением

*) Об истории и источниках финансирования Шадлуна см. ниже

директив по вредительской работе. Вскоре я переговорил с главным инженером Донецко-Грушевского рудоуправления Калгановым, который также без всякого давления с моей стороны, согласился стать участником этой организации и выполнять ее задания. Я тогда больше ни с кем из работников ДГРУ по этому вопросу не беседовал, отчасти из соображений конспирации, отчасти не желая вмешиваться в компетенцию Калганова, ибо он был там главным инженером, и технические работники были подчинены ему. Немного времени спустя Калганов мне сообщил, что им завербованы в организацию: Самойлов, Андрей Колодуб, Емельян Колодуб, Бабенко, Башкин, Чернокнижников и Антонов». (л. д. 9 об.).

Построение и финансирование организации.

Так создалась организация в Донецко-Грушевском рудоуправлении, и дальнейшие показания Березовского обрисовывают ее дальнейший рост на основе тех предпосылок, о которых писал выше, с одной стороны, и на базе денежной помощи, получаемой со стороны, из-за кордона,—с другой. Обвиняемый Березовский сообщает:

«До конца 1923 г. я получал деньги от Шалдуна не только для себя, но и для распределения по периферии. Деньги я передавал Калганову, и последний мне сообщал, что распределял их между членами организации. После расформирования института райуполномоченных я деньги получал непосредственно от Горлецкого; последний, как и Шадлун, деньги передавал мне лично, эти передачи происходили в правлении Донугля. Расписок не требовалось, отчеты были устные: Калганов отчитывался передо мной, я — перед Горлецким. Лично я получил в свою пользу за все время от 15.000 до 20.000 руб. Горлецкий инструкции о направлении вредительской работы давал мне устно, точно так же и я устно сообщал ему о всем проделанном.

Еще Шадлун мне говорил, что деньги идут из-за границы от хозяев Горлецкому, но каким путем, Шадлун мне не сказал. Как-то раз в беседе с Горлецким я поинтересовался, какими каналами пользуются бывшие хозяева для перевода этих денег, но Горлецкий решительно и твердо отказался мне дать какие-либо сведения на этот предмет; больше я и не спрашивал. Всего за все время через меня прошло на нужды организации около 175.000 руб.

В числе завербованных Калгановым лиц пятеро являются заведующими шахтами (Самойлов, Андрей Колодуб, Емельян Колодуб, Бабенко и Нашивочников), двое являются главными механиками (они служили не одновременно, один сменил другого), это—Башкин и Чернокнижников и, наконец, один является инженером горного надзора, это—Антонов. Сочетание этих лиц отнюдь не является случайным, ибо при таком сочетании три необходимых элемента для организованного вредительства находятся в руках организации: 1) шахта, 2) механизмы, дающие энергию, и 3) контроль. Только при сочетании этих трех элементов вредительскую работу можно построить планомерно, не боясь провалов» (л. д. 10).

Показание Березовского подтверждается и показанием Калганова.

Вступление Самойлова, Бабенко, Башкина, Колодуба, А., Колодуба, Е., Нашивочникова, Чернокнижникова, Антонова.

«Я согласился на предложение Березовского без какого-либо давления с его стороны. В первую очередь я привлек к делу Самойлова, потом Бабенко, Гаврюшенко, Башкина, Колодуба Андрея, Колодуба Емельяна, Нашивочников привлек Бабенко, я привлек Чернокнижникова после того, как Башкина перевели на Власовку. Я не знаю, привлечен ли к делу был Антонов, во всяком случае немного» (л. д. 23).

Насколько широко были поставлены работа и финансирование в Донецко-Грушевском рудоуправлении, свидетельствуют показания обвиняемого Калганова:

«Всего за все время на нужды вредительства я получил до 100.000 р.; всем переименованным моим подчиненным, за исключением Е. Колодуба, я передавал деньги».

Обв. Самойлов подтверждает приведенные выше показания:

«Всего через мои руки на нужды организации прошло тысяч 16 или 17».

О том же показывает обв. Бабенко:

«За свою вредительскую работу по шахте № 2 я от Калганова за все время получил тысяч 9, из этих денег я тысячи 2 роздал другим лицам за выполнение моих заданий...» и далее: «За свою вредительскую работу по должности пом. заведующего горными работами рудоуправления—около тысячи рублей» (л. д. 31).

История возникновения контр-революционной организации на Власовском рудоуправлении.—Чернокнижников о себе.

Аналогичная картина развития вредительства и образования вредительской контр-революционной организации наблюдается и на Власовском рудоуправлении.

Уже в 1920 г. главный механик Власовского рудоуправления Чернокнижников занимается вредительством. Вот как он сам об этом показывает:

«Начало моей вредительской деятельности я отношу к концу 1920 года, когда я был главным механиком на Власовке; приехал ко мне инж. Березовский, состоявший тогда в должности заведывающего горно-техническим отделом Шахтинского районного управления. Турбины на Власовке тогда были неисправны вследствие поношенности, я докладывал об этом Березовскому; я говорил ему о моих попытках организовать своими средствами изготовление испорченных диафрагм; когда я ему сказал, что одна из машин остановлена и разобрана, и я дал обещание сделать новые диафрагмы, Березовский сказал, чтобы все оставалось попрежнему. Это указание я понял, как директиву Березовского задержать работу, вредительная цель этой директивы для меня была ясна; при неисправности турбины рудник никогда не может считаться в безопасности. Директиву я выполнил в смысле замедления работ по приведению машины в исправное состояние. Задержка эта получилась месяца на 4 или на 5» (л. д. 35).

Насколько смело, беззастенчиво и в то же время уверенно работал в этом отношении Березовский, свидетельствуют дальнейшие показания Чернокнижникова.

«Следующим моим вредительским действием, произведенным также по директиве Березовского, является разборка механизмов на брикетной фабрике, что разрушало механическую часть фабрики; я считаю это особо важной вредительной работой, так как вскоре из Донугля поступила директива восстановить фабрику, для чего приезжал инженер Данчич, но фабрика бездействует и поныне.

Это вредительное действие относится к весне 1921 г. Сделано это было мной с полным сознанием и пониманием причиняемого вреда.

Вскоре после этого разговора он мне у себя в кабинете передал 5.000 руб., пять ассигнациями по 1.000 руб. каждая. Я ясно видел, что эта получка не обычная, и мне не трудно было вывести заключение, что эти деньги являются вознаграждением за вредительство» (л. д. 35).

В бытность Чернокнижникова во Власовке, организация, однако, еще не успела создаться,—Березовский лишь закладывал ее фундамент, окончательно она возникла с момента перевода на Власовку Башкина, через Калганова, поддерживавшего связь с Донецко-Грушевской организацией.

Кузьма, Овчарек, Горлов.

В контр-революционную организацию на Власовке вошли: главный инженер Кузьма, главный механик Башкин, зав. горными работами Овчарек и зав. шахтой Горлов.

Денежным источником явился тот же Березовский, показывающий: «Главным лицом в организации на Власовке был Кузьма... Деньги для работы организации Калганов и Кузьма получали лично от меня... В отличие от других членов организации, они получали единовременно по 1.000 рублей. ... Я передал лично Кузьме пять—семь тысяч руб.» (показания Березовского, л. д. 183).

По показаниям Калганова, главный механик Башкин получил за вредительство около 10.000 рублей.

Организация на Несветаевском рудоуправлении.

Вредительская контр-революционная организация на Несветаевском рудоуправлении возникла в 1923 году.

В организацию вступили: главный инженер Калнин, заведывающий горными работами Некрасов и главный механик рудоуправления Кувалдин.

Все они также получали деньги от Березовского, но через Некрасова.

По этому поводу Калнин, явно не договаривающий всего, что ему известно, показывает:

«Однажды, в начале весны 1923 года, в разговоре у меня в кабинете с Некрасовым я ему сказал, что в данный момент нуждаюсь в деньгах, на что Некрасов мне ответил, чтобы я не беспокоился, так как деньгами он мне может помочь. Я у него тут же спросил, из каких источников и за что именно он собирается мне дать деньги, он ответил, что об источниках он мне ничего сказать, не может, предложил деньги принять и особенно не напирать на новую работу и погрузку угля. Я ему на это ничего не ответил, деньги принял и на указанные отрасли работы в будущем особенного внимания не обращал. В этот же день вечером он мне передал двести рублей червонцами, достоинством, кажется, по одному червонцу, деньги были не новые. После этого я получал от Некрасова деньги: один раз сто рублей и один раз двести рублей. В конце лета 1925 г. Некрасов, явившись ко мне в кабинет, поздравляя меня с началом работ по проходке ш. «Скачинского», сказал, что это начало надо вспрыснуть, и передал мне двести руб.,—попросил меня особенно не нажимать на проходку ш. «Скачинского». Я деньги принял и ничего ему не ответил. В начале весны 1926 г., еще до таяния снега. Некрасов, явившись ко мне в кабинет, передал мне двести рублей, ничего при этом не говоря. Деньги он передал также мне помятыми червонцами, какого достоинства,—не помню. Второй раз, в начале, лета 1926 г., незадолго перед моим отпуском, Некрасов принес мне в мой кабинет еще двести рублей и передал их мне, сказав, что деньги понадобятся мне на отпуск. О том, что мне делать и откуда у него эти деньги, он опять мне ничего не говорил. Это был последний случай получения мной денег от Некрасова. Всего, таким образом, я от него получил тысячу сто рублей».

В то же самое время Березовский показывает:

«Разновременно мной было передано Некрасову до 1925 г. около 4.000 р. Первая сумма, около 500 руб., была мной передана Некрасову вскоре после нашего с ним разговора о его работе в организации в 1923 г. Деньги были переданы мной Некрасову на руднике на поверхности.

Передачу денег я производил при об'ездах по шахтам» (показания Березовского, л. д. 107).

ГЛАВА III.

ВРЕДИТЕЛЬСКИЕ ДЕЙСТВИЯ НА МЕСТАХ.

Возникновение организации позволило ее руководителям перейти уже к более энергичному и организованному вредительству. Методы и об'екты вредительства были в большинстве случаев идентичными; следствие уже в начальной своей стадии обратило внимание и на схожесть методов вербовки

и привлечения членов, на единообразный способ оплаты вредителей, а также на единого проводника средств—Березовского. Именно эти обстоятельства навели расследование на следы гораздо более обширной организации, о которой будет указано ниже.

При расследовании вредительских действий, совершенных местными организациями, следствием допрошено было значительное число рабочих. Все они единодушно показывают о систематических «неполадках» в производстве, неполадках, свидетельствующих о неуклонном стремлении к вредительству лиц технического персонала.

Отношение к коммунистам.

Чрезвычайно характерно было отношение всей этой группы к коммунистам. Так, свидетель Понамарев показывает:

«На шахте № 2 существует явное нежелание иметь коммунистов со стороны зав. шахтой Нашивочникова В. Н., и техника Башкина, Б. Ф, Николаенко, Д. М., (сейчас последний в ДПИ).

С 15/VIII 1926 г., когда я был переведен в шахту № 2, там работал член ВКП (б) инженер Лифшиц, С. М., он заведывал участком литера «Б», бремсбергом № 1. Его, Лифшица, всячески старались выжить; так, например, если у Лифшица случилась какая-нибудь незначительная неполадка на участке, то ее всячески старались раздувать, в рудоуправление сыпались рапорты от Нашивочникова к зав. горными работами Теркану, Бабенко, главному Калгнову, откуда уже переходили к управляющему; в этих рапортах указывалось, что Лифшиц неправильно ведет работу. В то же время, если на участках техника Николаевского или Башкина получались крупные недоразумения, как, например, был случай на участке Николаенко завала главного хода, и работы целиком стояли 4—5 часов, об этих случаях Нашивочников всячески замалчивал, и я не слышал, передали ли куда-либо рапорты. Было это приблизительно в августе месяце с. г.».

О том же показывает электромонтер Кузин:

«Ярким примером его отношения к коммунистам могут служить его слова, сказанные им при поступлении на шахту техника Лифшица. Когда Лифшиц был уже назначен, то Нашивочников, кажется, в нарядной, обращаясь к Костенко, сказал: «Какую-то жидовню к нам назначают». Кто присутствовал при этом, кроме меня, я сейчас уже не помню. После этого мне Лифшиц неоднократно жаловался, что Костенко и Нашивочников грызут его, хотят выжить с рудника, что впоследствии им и удалось. Какие обстоятельства заставили Лифшица уйти из шахт, я сейчас точно сказать не могу» (л. д. 50).

Отношение к рабочим.

Одновременно проводилась система возбуждения рабочих искусственным снижением их заработка; об этом также показывают многочисленные свидетели.

Рабочий Широков показывает:

«Недоплата рабочим заработка по шахте № 2 существует, как система. Костенко систематически без всякого согласования с РКК увиличивал норму вагонщикам литера «Б» с 18 до 25 вагонов. Вследствие этого и расценка с 17 коп. от вагона понижались до 12½ коп. На этой почве всегда возникали конфликты, разрешавшиеся в пользу рабочих. Из каких соображений Костенко увеличивал норму—я не знаю» (л. д. 77).

О возмутительно небрежном отношении этой группы к вопросам личной безопасности рабочих, что также входило в систему вредительства, показывает целый ряд рабочих. Так, запальщик Володин показывает:

«Работаю я на шахте № 2 в качестве запальщика с 1924 г. С тех пор и до середины 1927 г. я, как и другие запальщики, с ведома участковых техников, я всех не помню, но с ведома всех и последнее время с ведома зав. шахтой Нашивочникова и зав. горработами Костенко и по их распоряжению производили паление бурков во время крутильных смен и особенно в центральном литере. От такого паления, мне известно, в литере, прошедшим летом этого года угорел рабочий Ключинский, ходовщик шахты № 2, он был выдан из шахты на гора, второй раз при палении в 9-м бремсберге

угорело трое крутилей,—я их не знаю. Я лично, считаю, что падение во время крутки опасно для жизни, но нам приказывали палить, и мы безоговорочно палили, так как это вошло в систему» (л. д. 79).

Особо возмутительный случай имел место в деятельности заведывающего проходкой шахты им. Красина—Беленко, который послал на подрывные работы заведомо пьяного рабочего-запальщика, неквалифицированного, в результате—смерть рабочего, погибшего от взрыва.

Рабочий Антипов показывает об этом случае следующее:

«В день несчастного случая 13 апреля 1927 г. я, Антипов, спускался с Кореньковым на одной бадье в проходку для того, чтобы отнять шлангу, а Кореньков спускался заряжать бурки, следом за ним спускался в шахту десятник Толмачев. Я заметил, что от Коренькова сильно несло водкой. Я, Антипов, сказал Кореньков: «Ты еще не проспался, несет водкой, а едешь палить». Кореньков ответил: «Выпил бутылку, но я палил и не такой, был случай—не помнил, как палил». О том, что Кореньков—пьяный, я заявил Толмачеву уже в самой шахте, когда заряжались бурки. Толмачев пожал плечами и ничего не ответил,—с одной стороны, было уже поздно, так как бурки заряжались, а с другой стороны, по-моему мнению, Толмачев ничего не мог сделать, так как Беленко никого не слушал и хорошо знал, что Кореньков—ненормальный. После я из шахты вылез, за мной следом выехал Толмачев. Считаю, что сейчас в смерти Коренькова виноват только техник Беленко, так как Беленко отлично знал Коренькова, как неопытного и алкоголика» (л. д. 164).

История с Кореньковым чрезвычайно характерна, однако, не только в начальной своей стадии, до катастрофы, но и по дальнейшей судьбе всего дела и по содержанию переписки между различными органами ДГРУ, которая по этому поводу имела место. Дело о несчастном случае, поступило на расследование шахтинского отдела ОГПУ, который, допросив целый ряд свидетелей, установил наличие со стороны Беленко явного нарушения элементарных требований правил техники безопасности, арестовал Беленко и привлек к ответственности по обвинению в халатном отношении к своим обязанностям. Тогда за своего работника вступилось местное инженерство. Представители горного надзора во главе с Антоновым, дали техническое заключение, в котором указывают, что несчастный случай произошел по вине самого погибшего и во всяком случае без вины со стороны Беленко; с другой стороны, что сам Кореньков, согласно акту технического заключения, являлся-де весьма опытным запальщиком, в доказательство чего заключение приводит факт необычайной ловкости Коренькова, когда однажды он сумел выпрыгнуть из одной бадьи в другую во время под'ема из шахты, когда бадье грозила авария. Эти явно несоответствующие истине утверждения были подписаны представителем горного надзора Антоновым. Так как, однако, Беленко продолжал содержаться под стражей, тот же Антонов, на обязанности которого лежало наблюдение за проведением правил техники безопасности, созвал совещание ИТС Шахтинского округа, где поставил на обсуждение вопрос о бойкоте всякого из членов секции, который позволил бы себе занять место арестованного Беленко.

Уличенные этими показаниями обвиняемые были вынуждены признать свою вредительскую работу.

Вредительская работа.

Приведем лишь показания двух обвиняемых.

Главный инженер Донецко-Грушевского рудоуправления Калганов следующим образом показывает о произведенном под его руководством вредительстве на рудниках ДГРУ:

«Перехожу к изложению технических способов и приемов причиненного нами вреда.

Сокрытие ценных участков:

1. Был скрыт, вернее, задержан, выемный участок лит. «Б» шахты «Пролетарская Диктатура», сделано это по-моему заданию зав. шахтой Бабенко.

2. На шахте им. Воровского задержан разработкой второй пласт, это сокрытие или задержка начата Березовским, выполнено мной через заведующего шахтой Гаврюшенко.

3. На шахте им. Крыленко задержана откачка воды из нижних работ, чем задержалась выемка ценного 2-го пласта. Сделано это по-моему приказанию при помощи главного механика Башкина.

4. Березовский дал мне задание не поднимать вопроса о Бессергеневке, она на учете у нас даже и не состояла. По сведениям Березовского, там имеются выгодные участки пластов.

Упомянутые мной и задержанные разработкой первые три участка могли давать 12 или 13 миллионов пудов угля в год, задержаны они были на срок от двух до трех лет. Государство не получило от 25 до 30 миллионов пудов лучшего угля. Об'ективные условия и все возможности для своевременного пуска этих шахт были налицо.

Пуск в ход нерентабельных шахт:

1. По распоряжению Березовского и Бояршинова пущена была шахта «Красненькая», она явно нерентабельна, это было известно, уголь был худшего качества, условия разработки дорогие, себестоимость на две коп. дороже. Пущена моим приказом заведующим Андреем Колодубом, на нее затрачено тысяч до ста.

2. По распоряжению Березовского и по-моему приказанию была пущена в ход шахта «Покровская», им. Землячки, при таких же условиях, как и шахта «Красненькая», затрачено на нее также до 10.000 руб. Шахта «Покровская» еще до революции Ропитом была заброшена из-за невыгодности.

3. Также по распоряжению Березовского и по-моему приказанию была пущена шахта быв. Слатина, ныне имени Фрунзе, шахта явно нерентабельна вследствие дорговизны выемки угля; затрачено было на нее 120.000 руб.

4. По распоряжению Березовского и по-моему приказу пущена была шахта «Тавро» б. Таганрогского о-ва, последним брошенная. Шахта явно нерентабельна вследствие тонкости пласта, крепости зарубки, качество угля плохое. Затрачено на нее было тысяч 80, работала она только до двух лет. Ныне она опять брошена. Заведывающие шахтой очень часто менялись.

Ко всем этим шахтам хозяева интереса, конечно, не могли проявлять и в случае возвращения вряд ли упрекнули бы нас за пуск этих шахт. Ущерб от пуска этих шахт заключается в отвлечении государственных средств от использования их на шахтах выгодных.

Неправильное использование механизмов.

1. Установка несоответствующих сортировок, вследствие чего они часто ломались и, кроме того, портили качество угля. Во время их ремонта рядовой антрацит валился в отвал, для пересортировки которого приходилось ставить дополнительные рабочие руки, что ложилось на себестоимость. Это имело место: а) на шахте Воровского, б) на шахте им. Пролетарской Диктатуры.

Делалось это по уговору с заведующими шахтами Гаврюшенко и Бабенко. Все это резко понижало качество угля и загружало транспорт перевозкой некоторого процента пустой породы в угле. Была полная возможность, и финансовая, и техническая, иметь надлежащие сортировки, и притом в надлежащем состоянии. На сортировки отпускалось до 100.000 руб. в год, что вполне достаточно.

2. Энергия рудоуправления была централизована, действовала турбинная установка, дававшая электрическую энергию для всех рудников рудоуправления. Установка состояла из двух турбин по 1.000 клвт. каждая одна рабочая, другая запасная. Поломка второй турбины произошла в 1924 г.; механиком тогда был Чернокнижников, заменивший Башкина, ушедшего на Власовку. Порчи турбины можно было избежать, если бы была урегулирована нагрузка, но этого не было сделано умышленно сначала Башкиным, а потом Чернокнижниковым, произведено это было по моей директиве. В результате турбина совершенно вышла из строя, и ее пришлось отправить в ремонт в Ленинград. Это заставило брать энергию с Власовки, что для последней в то время было тяжело.

3. Вредительство проявлялось и в применении врубовых машин; машины по своей системе должны соответствовать твердости пласта для работы, на

котором они установлены; сознательно допускалась в отношении машин Джефри установка их на твердых пластах, что влекло за собой быстрое изнашивание машин и неудовлетворительную их работу; я об этом ставил в известность Горлецкого, но он из 17 машин забрал только две машины, несмотря на то, что я писал об этом Березовскому официально. С моей стороны, конечно, было сознательное попустительство, ибо я знал, для чего это все делается, и имел возможность самостоятельно пресечь это, просто прекратив работу этих машин. Я не сделал этого, ясно понимая, что такое применение машин есть один из методов вредительства. Это имело место почти на всех шахтах. Все заведующие все это знали, так как о действительной цели установки неподходящих машин я им говорил при посещении шахт. Всего на рудоуправлении работало до 50 таких машин, каждая машина с принадлежностями стоит 10.000 р. Старые хозяева врубовых машин не применяли; правильная установка и работа врубовых машин дает громадный экономический эффект, рубль на тонне или на пуде 1—1½ коп. Врубовые машины требовали постоянного ремонта, однако, от отдела механизации Донугля исходила директива Горлецкого относительно машин Джефри—ремонта не производить, а это влекло за собой вывод машины из строя, что имело место.

4. Кроме перечисленных методов вредительства, применялся еще один способ: на рентабельных шахтах умышленно разрабатывались пласты неценные, что искусственно понижало рентабельность шахты; это имело место на шахте «Октябрьской Революции», где по моему приказанию был пущен Самойловым рыхлый пласт» (л. д. 24—25).

Заведывающий шахтой Самойлов еще точнее показывает о произведенном им вредительстве:

«Вредительство проявлялось и осуществлялось мной сознательно. Главные об'екты вредительства: 1) механизмы, 2) продукция, 3) горные работы, 4) рабочие, 5) врубовые машины.

1. Механизмы: а) Турбина электрической станции, питавшей энергией все ДГРУ, была выведена Чернокнижниковым из строя умышленно, и притом, с моего ведома, сделано это было путем создания неправильной системы обслуживания и турбины, и кочегарки. Сделано это было в 1923 или в 1924 г. Калганов знал, что порча неизбежна при такой системе обслуживания.

б) Котельное хозяйство при электрической станции было ослаблено благодаря отсутствию своевременного ремонта и необращения внимания на качество воды. Причины, вызвавшие ослабление, можно было устранить. Это произошло в течение 1923 и 1924 гг. Сделано это было сначала Чернокнижниковым и закончено механиком Андреевым с моего ведома, Калганов также знал об этом, механики сделали это по указаниям Калганова.

в) Резервный мотор Чернокнижниковым умышленно не ремонтировался, это было в 1923 г. при Чернокнижникове и в 1924 г. при Андрееве. Отсутствие резервного мотора грозило в случае порчи основного мотора частичным затоплением шахт. Сделано это с моего ведома, знал об этом и Калганов, ибо по его распоряжению мотор и был переброшен на шахту им. Крыленко.

г) На вверенной мне шахте не ремонтировалась золотниковая коробка под'емной машины вплоть до 1927 г.; отсутствие ремонта грозило сокращением добычи; это отсутствие ремонта произошло по моей вине и по вине механика Андреева, сделано это было и мной, и Андреевым сознательно. Отремонтировать было нетрудно. Знал об этом и Калганов.

На вверенной мне шахте не были установлены предохранители для копровых штивов, вследствие чего постоянно угрожало падение клетки в шахту, установка имела место только в 1927 г.; сделано было мной, Чернокнижниковым, Петровым и Андреевым сознательно. Калганов также знал об этом.

2. Продукция: а) сортировки находились в неудовлетворительном состоянии, своевременного ремонта им не производилось. В результате уголь или обесценивался, или своевременно не пересортировывался, убытки от этого получались значительные. Это имело место в течение всех семи лет моей службы, делал я это сознательно, моими соучастниками в этом деле были Чернокнижников и Андреев; они в этом содействовали мне сознательно. Об

этом знал и Калганов, но мер не принимал. Ремонтировать сортировки своевременно труда не представляло.

б) Начиная с 1922 г. по 1927 г. (с некоторыми перерывами) мной допущена была выдача низкосортной части пласта, которая до революции забрасывалась, это увеличивало количество угля и понижало его качество. Делал это я с Петровым умышленно по заданиям Калганова.

3. Горные работы: а) прохождение хода № 19 и бремсберга № 19 произведено было умышленно нецелесообразно, так как полная их ненадобность была очевидна. Совершенно даром было выкинуто тысяч 10 рублей. Началось это в 1924 году, кончилось в 1925 г. Сделано это мной умышленно совместно с инженером Петровым по заданиям Калганова, который понимал ненужность работы.

б) Наоборот, нужный бремсберг № 27 проведен был умышленно с большим опозданием и вследствие этого наполовину потерял свое значение. Сделано это было мной, начиная с августа 1926 г. по июль 1927 г. Калганов об этом знал. Работу производил Колодуб.

в) Умышленно не поддерживался ход № 16 к уступу за тем же номером, что вызвало завал хода. Это имело место в 1924 г., сделано мной умышленно по инициативе Петрова.

г) С ведома и поощрения Калганова было задержано прохождение центрального уклона, что нарушало нормальное соотношение между подготовленными работами и работами эксплоатационными, и именно это причиняло и затрудняло возможное развитие шахты. Сделано мной и Петровым сознательно. Это имело место с 1920 по 1923 г.

д) Начиная с 1926 г., я по заданиям Калганова начал восстанавливать разработку рыхлого пласта. Это было делом заведомо невыгодным. Сделано мной сознательно.

4. Врубовые машины: а) на шахту машины через Рудоуправление поступали сверх нужды, целиком не использовались, машины сплошь и рядом устанавливались в неподходящих условиях, я это знал и мер никаких не принимал. Это имело место особенно в 1926 и 1927 гг.

б) Мне было известно, со слов Горлецкого, что врубовые материалы устанавливаются в таком количестве и таким способом с той целью, чтобы старые хозяева по возвращении могли получить ценное оборудование, которого раньше не было. Разговор имел место в 1927 г. в здании электрической станции. На таком размещении постоянно настаивал и Калганов.

5. Рабочие: вредительная деятельность ставила одной из своих задач понижение политического настроения части рабочих. Это производилось следующими главнейшими способами:

а) Людей оставляли в тяжелых условиях труда и быта, там, где была возможность улучшить материальные условия без ущерба для производства, этого не делалось. Рабочие сознавали эти возможности и роптали; это не было постоянным явлением, но поскольку я в своих показаниях стремился чистосердечно выявить все отрицательное, я не могу не коснуться и этого обстоятельства. В отношении коллективных договоров все время велась линия— как можно дальше оттянуть проведение их в жизнь. В результате отсутствовала достаточно четкая регламентация условий труда, что создавало постоянную почву для конфликтов. Могу сказать, что это была политика Калганова. Все это в отдельные моменты у отдельных рабочих вызывало нарекания и на Советскую власть, и на ВКП(б)» (л. д. 17—19).

Не менее конкретно и согласно с предыдущими показаниями излагает и бывший зав. шахтой № 2 Бабенков.

Главный механик ДГРУ Чернокнижников также показывает о своем вредительстве.

«Во время ремонта турбины я замечал, что этот ремонт производится неправильно, и даже делал некоторые указания производившему ремонт инженеру Морозову; после пуска машины было обнаружено, что ремонт действительно произведен неправильно, так как машина продолжала вибрировать; я это предвидел во время ремонта уже, но никаких решительных мер я не принял; в результате машина вышла из ремонта не вполне исправной. Мы пытались устранить это дрожание, но оно осталось.

Как я уже указывал, мне было ясно вредительское направление и моей деятельности, и деятельности других лиц, мне было ясно существование определенной организации, задачи которой я так или иначе осуществлял; участие мое, однако, вызвано было, главным образом, вследствие зависимости моей от вышестоящих лиц, также участников организации» (л. д. 36—37).

О том, как препятствовали вредители проводимой механизации процесса выработки угля, показывает член организации, инструктор по врубовым машинам Никишин:

«Машины по распоряжению Калганова устанавливались в таких местах, где они никакой пользы принести не могли. Я снова об этом говорил Горлецкому, когда приехал в Харьков, но он иронически мне сказал: «Не смотрите на это, как смотрят товарищи», ясно подразумевая под словом «товарищи» коммунистов и вообще советски настроенных людей. Этот разговор имел место в 1926 г., тогда мне вредительская цель таких инструкций стала вполне ясной, мне также стало ясно, что это проводится сверху, что внизу Калганов это осуществляет через меня. Мне ясно стало, что и все заведующие шахтами заодно, ибо ни один зав. шахтой, хоть сколько-нибудь понимающий в деле и желающий добросовестно работать, никогда не допустил бы такого применения врубовых машин, ибо они при правильном их использовании дают очень большой производственный эффект. Тем временем мне начали повышать вознаграждение. В течение периода времени с 1924 по 1 января 1928 г. вознаграждение мне было повышено до 300 руб. в месяц; прибавки эти делались официально, в виде повышения заработной платы, других видов вознаграждения (за исключением премиальных) я не получал» (л. д. 54).

Нашивочников (бывший помощник у Бабенко) дает чрезвычайно конкретные показания о проведенном на шахте им. Пролетарской Революции вредительстве.

Чрезвычайно яркой фигурой является другой вредитель—инж. Петров, состоявший пом. зав. шахтой «Петропавловская». Сами вредители называли его «классическим саботажником» (показания Самойлова). Это свое прозвище Петров принимал без всяких протестов, «что об'ясняется,—как показывает Петров,—упадочным отношением к делу» (?).

Чрезвычайно интересна характеристика инженеров, которую дает обвиняемый Элиадзе.

«Сначала начну с того, что мы, технический персонал, в общем представляли для Советской власти, насколько она может опереться на нас как в момент мирного строительства государственной промышленности и других отраслей техники, так в особенности в момент международных и внутренних осложнений. Этот вопрос обобщаю и говорю, что весь технический персонал, воспитанный в духе старого времени, за очень малым исключением, одним миром мазан и одинаково ненадежен для советского строя. Протестантов по этому поводу найдется много, посыплется целое море громких резолюций о порицании отщепенцев и отмежевании от них, но это будет на бумаге, а в душе другое. Я сам один из первых подписался под такой резолюцией 14 марта в Тифлисе, а 15 марта очутился уже перед столом следственных властей, как один из вредителей промышленности» (л. д. 6). И далее:

«Потому я такой же, как и остальные. Ведь явление Шахтинского района не единичное, это можно обнаружить во всех районах, где только копнете лопатой, конечно, в той или иной мере, в зависимости, кроме всего, и от об'ективных и суб'ективных условий. Шахтинский случай выплыл на свет благодаря только особой работе следственных властей, которым после долгих и многолетних усилий удалось проследить всю разрушительную работу шахтинских руководителей с начала прихода Соввласти до дня их ареста. Если следственные власти приступят к изучению материалов в других районах, то и там будут обнаружены те же результаты как раз у тех, которые теперь рассылают по всему СССР громкие резолюции про-

теста. Вместе с ними мы обманывали советскую власть и клялись в лойяльности на ее призыв... Мы пошли работать, но неискренно, некуда было нам деваться и потому пошли, держа на всякий случай за пазухой камень. Сначала предполагали, что Советская власть недолговечна, до прихода другой власти кое-как, через пятое-десятое, проработаем, и тем кончится...» (л. д. 6 об.—7).

Дальнейшее показание Элиадзе указывает на директивы Березовского и Калганова о вредительстве.

Данные обвинительного акта указывают также на вредительные действия, последовательно проводившиеся на рудоуправлениях ДГР, Власовском, Несветаевском, Щербиновском, Гришинском, Кадиевском, Селезневском, Байракском и др. Все эти факты подтверждены либо сознанием, либо показаниями рабочих. Вот некоторые из этих данных.

Власовское рудоуправление.

Вредительная организация во Власовском рудоуправлении, как говорит инженер Башкин, образовалась в 1925 году. Это подтверждает и заведующий шахтой «Артем» Горлов, также показывающий:

«Вредительство началось с 1925 года, когда главным инженером назначен был Кузьма».

И действительно, на Власовке, как и на ДГРУ, главой вредительной организации был также главный инженер; Березовский показывает следующее о руководящей роли Кузьмы во вредительной организации на Власовке:

«Я знаю, что в организацию входил Кузьма, я вел все переговоры только с ним».

При чем тот же Березовский указывает, что Кузьма был на Власовке главарем, как Калганов в Донецко-Грушевском рудоуправлении.

«Как Кузьма, так и Калганов,—показывает далее Березовский,—проводили директивы, которые я им давал, или которые, может быть, они получали из Донугля. Они подбирали себе, по моему мнению, необходимый контингент работников для организации и руководили всйе работой по своему усмотрению с тем, чтобы это не вызывало ни в ком подозрений...» (л. д. 180).

О том, как распределялись эти деньги между вредителями, и показывает инженер Башкин.

«За вредительскую работу Л. Б. Кузьма платил за каждое выполненное задание от 150 до 300 рублей. Я слышал от зав. шахтой И. Г. Горлова, что он получил за 1925/26 год от Кузьмы 1 500 рублей и за 1926/27 г.—2 000 руб., при чем самую крупную сумму получил М. А. Овчарек, так как он по заданиям Л. Б. Кузьмы прорабатывал все проекты, как-то: введение новых систем работ, механизации, способов вентиляции, новых капитальных работ, проходка и оборудование шахты Бухарина и эксплоатации всех горных работ. За все время М. А. Овчарек получил от Л. Б. Кузьмы 7 000—8 000 руб.».

В отличие от методов вредительства, применявшихся на ДГРУ, Кузьма проводил вредительство на Власовском рудоуправлении весьма тонко, таким образом, чтобы вред не только не мог быть сразу замечен, но, наоборот, чтобы рудник производил впечатление цветущего предприятия.

Горлов об этом показывает следующим образом:

«Работу по вредительству... проводили Кузьма, Башкин и Овчарек очень осторожно, всегда прикрывая ее какими-нибудь эффектными достижениями в роде перехода на цепные топки, которые несколько раз переделывали, или же большей добычи грязного угля...» (л. д. 50, 51).

Показания Горлова о вредительской работе Кузьмы как в области механизации, так и в области горных работ дополняются показаниями другого вредителя—Башкина, который следующим образом показывает о руководстве Кузьмы всей вредительской деятельностью организации на Власовском рудоуправлении:

«...При мне на квартире у инженера Л. Б. Кузьмы в феврале месяце 1927 года к нему приезжал инженер Горлецкий и давал инструкции Л. Б. Кузьме о вредительных методах работ по рудоуправлению, о плохом применении механизации, посылке машины «Джоя», по вентиляции, очистным и прочим работам».

Главный механик Несветаевского рудоуправления Кувалдин, который руководствовался в своей работе неоднократно провозглашавшимся им лозунгом: «С большевиками работать нельзя, надо им не помогать, а портить», действительно, проводил этот лозунг в жизнь.

Характерной чертой вредительской организации на Несветае является то обстоятельство, что официально подчиненный Калнину Некрасов является по линии вредительской начальником своего официального начальника.

Не менее яркую иллюстрацию работы вредительской организации на местах дает деятельность щербиновской контр-революционной группы.

Вредительская работа на Щербиновке проводилась в жизнь под руководством инж. Сущевского указанными выше завербованными им ответственными техниками рудоуправления.

Свою роль сам Сущевский определяет, как роль главы щербиновской группы:

«Я был в курсе работы и руководил вообще всеми работами на рудниках как по части эксплоатации, так и по новым и новейшим работам. Под моим непосредственным руководством происходила вся работа по проектированию. По части мелкой промышленности я предоставлял инициативу и ближайшее руководство Стояновскому...» (л. д. 204).

Во исполнение задач, стоящих перед щербиновской вредительской группой, по показаниям Одрова:

«Сущевский устраивал беседы, редко собирал всех, получивших по спискам деньги, но вызывая каждого в отдельности и корректируя работу отдельных единиц».

Яркое показание о вредительской работе Сущевского по закладке новых шахт дает свидетель Чернышенко, Андрей Леонтьевич, работающий в качестве десятника шахты № 9 того же рудоуправления.

«С перерывом я работаю на Щербиновских рудниках с 1907 года.

Шахту № 10 начали проходить в начале 1926 г. при главном инженере Сущевском без всяких планов и проектов. В то время я был помощником заведующего 4-й дивизии, куда входила и эта шахта. Вокруг этой шахты № 10 были старые выработки, затопленные водой с 1918 года, о чем Сущевский знал великолепно, так как имелись чертежи этих выработок. Были старые рабочие, как-то: Романов, который ведал прежней старой шахтой, на которую натолкнулись при проходке этой шахты, и др. К тому же Сущевский и сам, работая на этих рудниках около 20 лет знал прекрасно о старых выработках.

Проходить шахту № 10 в этом месте ни в коем случае нельзя было, так как ее затопит водой из старых выработок, на которые неминуемо должны были натолкнуться при проходке этой шахты, что впоследствии и подтвердилось. Об этом говорили старые рабочие,—Барбах, работающий на шахте № 12,—на собраниях и проч., но администрация рудоуправления не считалась ни с какими мнениями и предполагала шахту проходить, таковую и прошли 55 метров.

Вся изложенная вредительская работа щербиновской группы вредителей компенсировалась регулярно получаемым членами группы жалованьем. У Сущевского—главы группы,—сверх того, в перспективе была должность директора рудника.

Финансирование группы.

Сущевский, как он сам же показывает, «имел уверение от имени Сансе (член правления указанных рудников до революции), что в случае, если дело с возвращением хозяев на рудники выгорит, он будет назначен директором рудников...». Указанное сообщение было сделано Сущевскому Дворжанчиком в одном из писем (л. д. 169).

Выдачу вознаграждения членам щербиновской группы вредителей Сущевский излагает следующим образом:

«Первые разы я раздавал деньги сам, при чем получали: Одров, Люри, Семенченко, и, по поступлении, Стояновский... Возможно, получал еще кто-нибудь из средних служащих, но этого я не могу припомнить.

После раздачу делал по моему поручению Мартьянов, а в 1926 г., когда Мартьянов ушел, повидимому, сам Будный. Тогда общая сумма ко мне не поступала, и, вообще я не проверял и не интересовался, как эта выдача тогда производилась... Обычная сумма составляла 8—10 тысяч рублей. Сумма эта распределялась автоматически по получаемому жалованью или, вернее, по тому, какое жалованье получалось при начале поступления... Указать отдельные суммы я не могу, равно как не припомню, сколько я получал сам, но, кажется, это было не больше, чем получали заведующие шахтами...». (л. д. 134, 135).

Аналогично щербиновской группе на Кадиевском рудоуправлении также работала контр-революционная группа.

Возглавлял эту группу инженер Соколов. Он работал в качестве главного инженера. Инженер Соколов еще до прихода на работу в Кадиевское рудоуправление состоял членом вредительской организации.

По этому поводу инженер Соколов показывает следующее:

«Начиная с 1924 года, на Чулковском руднике организовалось отделение контр-революционной организации, во главе которой стоял инженер Матов, куда относился и я...» (л. д. 16).

Инженер Матов, описывая деятельность кадиевской группы, говорит:

«Соколов привлечен мною в организацию в 1925 году, я к нему обратился, так как давно его знал лично и считал, что по своим взглядам он будет симпатизировать данной организации. В дальнейшем он привлек к работе Бояринова и Некрасова. Задачами указанных лиц было: Соколова—проведение идей организации по всему руднику, Бояринова—по шахте «Ильич», Некрасова—по электрохозяйству рудника, а впоследствии— электрокольца...» (л. д. 87).

И тут вся работа по вредительству оплачивалась. По этому поводу Матов показывает, что он давал деньги Соколову для распределения среди других членов кадиевской организации, а также и для него самого.

Соколов указанное подтверждает, показывая:

«... мною было получено от Матова при поездке в Харьков в 1926—27 г. 3.000 и 2.000 рублей, из которых в 1926 году было роздано Бояринову, Некрасову по 600 рублей, а в 1927 году—только двум последним по 500 рублей, а остальное оставалось у меня» (л. д. 38).

Инженер Бояринов не отрицает получения им денег от инженера Соколова (летом 1926 года) в размере 500 рублей (л. д. 183).

Аналогичная вредительская группа работала также и по бывш. Селезневскому рудоуправлению, ныне «Паркоммуна».

Говоря о вредительстве и о тех директивах, которые он имел, Детер показывает, что ему было предложено, чтобы он —

«... делал все возможное на Селезневском руднике для того, чтобы на шахте № 1-бис сохранились запасы угля».

За проводимую вредительскую работу Детер получил вознаграждение в размере 750 долларов, каковые деньги Детер оставил за границей у своего шурина Мяновского (л. д. 78). Детер не признает получения денег от Матова в сумме 1.000 рублей (л. д. 97).

Тот же обвиняемый Детер организует контр-революционную группу на Брянцевском рудоуправлении, каковая входила в его ведение в бытность его групповым директором Донугля.

На Екатерининском рудоуправлении также проводилась работа ячейкой к-р. организации по вредительству. Возглавлял эту работу главный инженер Екатерининского рудоуправления Братановский.

Описывая свою вредительскую работу, Братановский показывает следующее:

«С приездом Детера было принято общее решение разрабатывать на шахте «Шмидт» Берестовский пласт, имеющий уголь худшего качества, а пласты Алмазные, Макарьевский и Екатерининский задержать».

Вся изложенная вредительская работа компенсировалась и тут выплатой вознаграждения от заинтересованных владельцев. За время работы на Екатериновке инженер Братановский несколько раз получал деньги, о чем он показывает:

«Деньги я получал от Сущевского в конвертах с подписями на машинке на русском языке. Кроме денег, никаких писем или директив в пакетах не было. По внешнему виду конверты были заграничные. Первый денежный пакет был получен осенью 1923 г. Деньги были в новых купюрах, червонного исчисления в 100 рублей каждая...» (л. д. № 35).

Гришинское рудоуправление.

Работала контр-революционная группа и в Гришинском рудоуправлении, где ею руководил инженер Казаринов, Алексей Иванович, зав. горными работами Гришинского управления.

Организована группа была уже неоднократно упоминавшимся Бахтиаровым.

Вот что показывает по этому поводу инж. Казаринов:

«Впервые Бахтиаров заговорил со мной об организации в 1924 г., когда он был назначен директором района. В то время дела каменноугольной промышленности шли на убыль, не было оборудования, работа была чрезвычайно трудной и не было перспектив на улучшение. Приезжая в район, Бахтиаров обычно останавливался у меня, и мы с ним беседовали на темы о Донбассе, его будущем и настоящем. В один из своих приездов Бахтиаров завел разговор о том, что при существующих способах хозяйствования рудники идут не только не к обновлению, но к гибели, примером этому служат случаи многочисленных затоплений шахт, рост заваленных запасов, закрытие ряда шахт и пр.

Через некоторое время разговор возобновился, при чем Бахтиаров уже указывал на общую директивную линию, заключавшуюся в том, что следует, по возможности, до передачи рудников б. владельцам подготовить шахты путем устройства большого числа подготовительных работ, ведя их хотя бы в ущерб очистной выемке, задерживать развитие добычи и т. п.».

За вредительство Казаринов получал вознаграждение; об этом он показывает следующее:

«Раздавая деньги, Казаринов проводил определенную агитацию, указывая членам организации на то, что если бы организации не было, то не было бы и денег, причем членам организации при распределении мной было дано некоторое преимущество перед не-членами ее».

Байракское рудоуправление.

На байракском рудоуправлении вредительскую работу проводил обвиняемый инженер Бояринов. Согласно полученным им инструкциям он ставил целью проведение «мер, тормозящих развитие промышленности. Такими мерами, в частности для Байрака, было указано тормозить всячески откачивание затопленных горизонтов, дорабатывать существующие запасы угля, и т. п.»...

ГЛАВА IV.

ОБРАЗОВАНИЕ ХАРЬКОВСКОГО ЦЕНТРА И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Индивидуальная связь с заграницей отдельных инженеров.

Более детальная разработка привела к установлению как центра, так и источника финансирования. О его местонахождении нетрудно было умозаключить уже из показаний Березовского, Шадлуна, Сущевского и др. группировок инженеров, в свою очередь структурно об'единявшихся в Донугле.

Центром организации об'ективно оказался Харьков, и руководящий состав надлежало искать в отдельных управлениях Донугля.

Допрошенные по этому поводу обвиняемые целиком подтвердили как наличие такого центра, так сообщили и историю его зарождения и источники финансирования. Он развивался аналогично тому, как развивались организации и на периферии, начиная от индивидуальных связей отдельных инженеров с бывшими хозяевами и кончая созданием единой стройной организации, тесно связавшейся, с одной стороны, с периферией и с закордонными организациями бывш. собственников—осколками старого совета с'ездов промышленников, юга России—с другой.

Следствие установило, сверх того, что, кроме руководства вредительской работой на периферии, харьковский центр проводил большую вредительскую работу в Донугле и самостоятельно, взяв в свои руки У. Н. С. (строительство нового Донбасса), отделы механизации и импорта (иностранный отдел).

Если источником финансирования оказались бывшие собственники, то передаточным каналом денег и инструкций—официальные учреждения совершенно иного порядка, легально действующие у нас на территории СССР и имеющие официально совершенно иные задания.

Некоторые инженеры, несмотря на развитие гражданской войны, сумели сохранить и в те времена свои связи с бежавшими хозяевами. Одним из таких инженеров был Шадлун, управляющий Берестово-Богодуховским рудником (вошедшим при Советской власти в Щегловское рудоуправление); правление Берестово-Богодуховского рудника возглавлялось в свое время бежавшим директором Ремо. Этот Ремо оказался политически более дальновидным, чем многие другие хозяева, и, не надеясь на быструю реставрацию, дал Шадлуну инструкцию затопить самую большую шахту (№ 14) Берестово-Богодуховского рудника.

Шадлун об этой директиве показывает следующее:

«При окончательном от'езде из Харькова Ремо опять говорил со мной о поддержании рудника вообще, кроме того, о затоплении шахты № 14, т.-е., чтобы ее затопить. По моему мнению, затопить эту шахту он давал распоряжение для того, чтобы не выбирались недра Советской властью» (л. д. 214).

Шахта № 14 самая большая шахта Берестово-Богодуховского рудника, во исполнение распоряжения Шадлуна была затоплена в 1920 г.

«За это поручение относительно неоткачивания шахты № 14 Некрасов должен был получить от меня 1.000 руб. золотом, но я ему дал всего 600 руб. золотом, а остальные 400 р. не дал, потому что их не дослали...» (л. д. 166).

Действительно, связь с Ремо оказалась налаженной, ибо спустя некоторое время после первого письма Шадлуном было получено второе письмо:

«Второе письмо получено мною от Быховского (работал на Ирминском рудоуправлении и уже при Советской власти эмигрировал в Польшу, а затем в Германию). Это письмо не сопровождалось никакими деньгами, денег не было. В письме Ремо просил прислать ему сведения о Голубовке, Берестовке и Горловке...».

Так продолжалось, однако, только до 1923 г., когда характер переписки Шадлуна и Ремо приобретает иное значение, производится в иной обстановке, в сферу этой переписки входят новые лица из высшего инженерского состава Донбасса, являющиеся членами руководящей группы контр-революционной организации Донугля.

Переписка с этого момента Шадлуна с Ремо перестает быть их индивидуальной перепиской и превращается в переписку центра бывших углепромышленников, осевших за границей, своему агенту, работающему на ответственной должности в Советской России, при чем Шадлун выступает уже как член определенной контр-революционной организации, о чем ниже.

Такую же эволюцию пережили и другие инженеры-организаторы, как Матов и Сущевский, также не надолго прервавшие свои связи с их бывшим хозяином—Дворжанчиком—директором-распорядителем рудников Щербинского и Нелеповского (ныне Артемовский), рудников Об-ва Никитовских копей, Ирминских рудников и части рудников «Золотое», принадлежавших до революции «Об-ву для разработки каменного угля и соли на Юго-России». Дворжанчик эмигрировал в 1919 году в Польшу и устроился там в ка-

честве члена правления одного из польских каменноугольных предприятий (показания Матова и Сущевского).

Матов, однако, не сумел подобно Шадлуну сразу установить связь с бывшими хозяевами.

Прекратив связь с Дворжанчиком в виду его от'езда за границу, после занятия Советской властью Донбасса, Матов, состоя на службе в 1921 году в правлении Донугля в качестве члена комиссии по составлению плана восстановления Донбасса, начиная с середины 1921 г., встречается с инженером Быховским, служащим на Первомайском руднике.

Матов, признав в своих показаниях свой разговор с приехавшим из-за границы Быховским о Дворжанчике, в дальнейших своих показаниях признает свою связь с Дворжанчиком через этого Быховского.

Далее Матов показал:

«Я передавал Дворжанчику сведения, касающиеся состояния шахт рудника «Золотое». Сведения эти я передавал через б. сотр. Донугля Быховского» (л. д. 45).

Получая сведения от Матова о состоянии рудников, которыми интересовался Дворжанчик, Быховский с той же целью поддерживал связь с инж. Сущевским, который по этому поводу показал:

«Когда Быховский уехал за границу первый раз в 1921 г., мною, по его просьбе, было дано ему письмо Дворжанчику со сведениями о состоянии рудников, о добыче и числе рабочих и других некоторых вопросах, касающихся Щербиновки» (л. д. 148).

Совершенно организованный характер приняла связь с заграницей в 1923 г., уже когда в Харькове окончательно сконструировался руководящий центр, взявший на себя все сношения между периферийными организациями и бывш. промышленниками за границей, и когда посредствующим звеном между заграницей и инженерством стал член организации инженер Будный, с конца 1922 и 1926 гг. получивший и переславший не менее 40 пакетов членам организации.

Возникновение центра.

Обвиняемый инженер Матов о возникновении этой центральной организации показывает:

«... Однажды в Донугле ко мне подошел Сущевский и сказал, что у него есть для меня письмо от Дворжанчика, которое ему привез Будный. Я прочел это письмо, в котором Дворжанчик пишет, что предлагает мне периодически давать сведения о шахтах и принять участие в работе в Донбассе, подробности мне расскажет Сущевский. Я спросил последнего, в чем дело, и он об'яснил, что у него также письмо от Дворжанчика и инструкция, согласно которой и предлагается проводить работу на шахтах, при чем добавил, что уже образовано ядро организации, в которое вошли он (Сущевский), Бахтиаров, Будный, Одров, Штельбринг. Я сказал, что это надо обдумать, и взял у него инструкцию для ознакомления; в общем инструкция сводилась к даче сведений о шахтах информационного характера и о проведении в жизнь ряда мероприятий на шахтах, которые должны были задерживать рост добычи и чинить всякого рода расстройство нормальному развитию работ.

Я сказал, что хотел бы несколько подробно обсудить это дело с ним и Бахтиаровым, что мы и сделали, не помню, в тот же или на следующий день в Донугле же. Меня интересовал вопрос, насколько рискованно такое проявление деятельности, на что Бахтиаров сказал, что если осторожно подбирать публику участвующую, то риска мало, в то же время представляется возможность получать деньги. Оказалось, что Дворжанчик предлагал довольно большое денежное вознаграждение за такую деятельность, а именно: несколько менее получаемого нами жалованья от Донугля, при чем оплата предполагалась ежемесячная.

Я решил примкнуть к организации, при чем мы тут же условились, не откладывая, обсудить порядок и план нашей работы в ближайшем будущем. Кажется, в тот же день Бахтиаров говорил об этом же с Казариновым, и мы решили собраться на следующий день по вопросам организации. Это

совещание было, насколько помню, в квартире Бахтиарова. Там были: Сущевский, Будный, я, Бахтиаров и Казаринов. Прежде всего мы занялись рассмотрением инструкции: она в общем разделялась на две части: первая касалась информационных сведений, в вторая—проведения в жизнь мероприятий вредительского характера. На этом же совещании прежде всего решено было рассмотреть вопрос развития организации, привлечения новых членов, отношения к периферии и создания там ячеек, выяснения связи с Москвой. Прежде всего нужно было наметить новых членов-руководителей и расширение организации в центральном аппарате Донугля. Тогда же намечено было, что удобнее всего привлечь к деятельности организации остальных районных директоров (тогда, кажется, инженеров). Это обеспечило связь с местами, порядок распределения денег, получения сведений и проч.» (л. д. 234, 235, 236).

Намечая задачи организации, вышеуказанное совещание в основу положило упомянутую инструкцию Дворжанчика, о которой Матов показывает:

«1. Сведения информационного характера.

Добыча донецкого топлива, отправка и запасы по рудникам и Донуглю в целом. Такие же сведения по выжегу кокса. Данные о прохождении главнейших подготовительных выработок—уклонов, квершлагов, углубке шахт и пр. Движение рабочих и их количество по рудникам. Программа капитальных работ по всему Донуглю. Список шахт, находящихся в эксплоатации, на консервации, ликвидированных и предполагаемых прохождением, программы развития этих шахт. Эскизы горных работ.

2. Программа вредительской работы при эксплоатации рудников и при их восстановлении.

В этой части инструкция обнимала всякого рода мероприятия, имеющие своей задачей причинение того или иного вреда работающим шахтам. Конечно, целью такой деятельности должно было явиться сокращение добычи, ухудшение качества топлива, увеличение себестоимости, нерациональное расходование средств. Выполнение должно было осуществляться путем устройства завалов выработок, затопления шахт или уклонов, ухудшения состояния выработок и пр., путем неправильного ведения работ, путем неправильного выписывания материалов, путем неправильного использования рабочей силы» (л. д. 106).

Первая программа и первое внесение в нее чисто политических моментов государственной измены.

Другой обвиняемый, Братановский, в своих показаниях о задачах организации не расходясь с показаниями обвиняемого Матова в основном дополняет, их, однако, весьма существенными пунктами.

«Главнейшими задачами организации были:

1) Сохранение в неприкосновенном виде более ценных недр и машин для эксплоатации в дальнейшем прежними владельцами или концессиями.

2) Доведение рудничного хозяйства Донбасса до такого состояния, при котором Советское правительство было бы вынуждено сдать рудники в концессию иностранцам или вообще капитулировать перед иностранным капиталом.

3) В случае войны помогать врагам СССР расстройством тыла, прекращая добычу и разрушая или затапливая рудники Донбасса.

4) Пропаганда против Советской власти» (л. д. 150).

Обвиняемый Казаринов, входящий в состав инициативной группы харьковского центра, о задачах организации также подтверждает эти дополнения:

«К числу прочих задач организации принадлежала также выработка специальных планов действия на случай возможной интервенции в смысле предохранения шахт от эксплоатации или наоборот их затопления, если таковое представлялось целесообразным, и шахты впоследствии без труда и ущерба снова могли бы быть быстро откачены.

Наконец, в программу организации входила выработка специального плана искусственного сокращения добычи путем порчи механизмов и оборудования, добычи отдельных шахт с целью создания затруднений Республике на случай войны с иностранными государствами» (л. д. 392).

То же подтверждают обвиняемый Соколов, обвиняемый Сущевский, обвиняемый Кржижановский и обвиняемый Ржепецкий.

Вовлечение членов и деятельность центра по расширению и укреплению организации.

С этого периода начинается широкое вовлечение бывших старослужащих в организацию (л. д. 378).

О своей деятельности по вербовке членов организации, а также о деятельности других членов организации в этом же направлении Матов показывает:

«Братановский был привлечен мною еще в 1925 году, после перехода его в Донуголь с Екатерининского рудника, до этого он, насколько я знаю, об организации не знал.

Детер, А. В., привлечен мною в организацию в 1925 году. Я к нему обратился, так как давно знал лично и считал, что по своим взглядам он будет симпатизировать данной организации. Об'яснив ему цель и задачи организации, я получил его согласие работать.

Соколов, В. О., привлечен мною к работе в 1925 году, когда он служил на Кадиевке в качестве главного инженера, после того, как я убедился из разговоров с ним, что он будет сочувствовать данной организации; в дальнейшем он привлек к работе Бояринова и Некрасова.

Кржижановский привлечен мною к работе в 1926 году, когда я перешел в УНС, а он был в проектном отделе сперва по составлению проектов шахт № 6 и 12 Брянского рудника, а в дальнейшем в отделе по составлению проектов с иностранцами, здесь он должен был замедлять темп работы по проектировке.

Валиковский, А. К., привлечен мною к работе в 1925 году, когда он был групповым инженером (директором Донугля). Я остановился на нем потому, что он бывший собственник; он отнесся сочувственно к идеям организации и согласился вступить в нее. Задача его была проводить организации в антрацитном районе, коим он ведал.

Файерман, П. М., привлечен мною к работе в организации в 1926 году, когда он работал в топливном отделе Донугля; на нем я остановился, как на бывшем собственнике, компаньоне одной из шахт Лисичанского района. Он также отнесся сочувственно к идеям организации. Его задачей было проводить их сперва по топливному отделу, а потом по новым шахтам его района (Несветай, Сорокино).

Что касается остальных лиц, то мне сейчас трудно установить, кто из основной группы кого привлекал, но, насколько помню, Бахтиаров привлек Березовского, Чинокала, Юсевича, Шадлуна, остальных привлекал или Сущевский и остальные члены, или они привлекались при посредстве членов не основной группы, а дополнительными после членами».

Матов, однако, добавляет:

«К сказанному считаю нужным добавить, что не исключена возможность что лица, коих я привлек, были привлечены ранее или вели переговоры с другими членами основной группы, при чем я мог этого и не знать» (л. д. 89, 90).

Соколов о вовлечении им в члены организации других лиц показывает, что он:

«В свою очередь завербовал Бояринова по Чулковке и Некрасова по Кадиевке. Кто был завербованный и кто стоял во главе каждой группы или рудника, я не знаю. Я кроме завербованных приблизил к себе и инструктировал по Чулковке, не посвящая их в дела организации более детально» (л. д. 51).

Обвиняемый Кржижановский о вербовке его в члены организации показывает:

«В 1925 году, весной или летом, точно не помню, во время работ в проэктном отделе Донугля, в конце занятий инж. Братановский, С., вызывал меня в кабинет инж. Матова, Ю. Н. Войдя туда, я застал инж. Матова, Братановского. Они были уже одеты к уходу после занятий, и инж. Матов сделал там короткое конфиденциальное сообщение о том, что, основываясь на ненормальном положении инженерства в Донбассе, инженерного аппарата Донугля и его рудоуправления, решили организовать сопротивление путем ослабления своей работы вообще, а по рудникам—в нужных случаях и активными действиями. Решение это принято не всем инженерством, а основным образом старшими его слоями. Такая организация возникла на местах и сейчас проводится в аппарате Донугля. Такая организация подерживается за границей бывшими концессионерами и владельцами рудников, и в случае нужды можно иметь материальную или финансовую помощь. Кроме того, эта организация имеет также свое выражение и в Москве, среди горных инженеров...».

Показание Кржижановского чрезвычайно характерно, так как он еще раз показывает, что верхний слой инженерства доверял все же вполне только людям «своего круга»,—низшему слою техников они не доверяли.

Штаб организации.

О том, как вошел в организацию ряд инженеров ДГРУ, Власовки и Несветая, указывалось уже выше. Сама собой сложилась, таким образом, руководящая группа. Ее состав, однако, не был никогда точно фиксирован. Штаб составляли для каждого данного момента наиболее активные, наиболее связанные с заграницей и преемственностью в контр-революционной работе члены.

«Первоначально руководящая группа, по показаниям Матова, состояла: Сущевский, я, Бахтиаров, Одров, Штельбринг, Будный и Казаринов» (л. д. 101).

А затем в 1925 г., по его показаниям, состав руководящей группы начал меняться, так:

«Выбыли: Одров, Штельбринг, последний, как переехавший на рудник, а первый и с самого начала не принимал участия в работе, так как жил на руднике. Взамен их вошли, как руководители, Бояринов, Детер, а впоследствии Братановский, Березовский; кроме того, часто присутствовали Мешков и Валиковский, хотя последние два не проявили себя достаточно активно. В конце концов в течение этого года выявился состав руководящей группы: Бахтиаров, Бояринов, Братановский, Березовский, Детер, я, Казаринов, Сущевский, как наиболее активный, и, кроме того, Мешков, Валиковский почти постоянно присутствовали. Будный же также выбывает из числа активных руководителей, так как выехал сперва на рудник, а потом в Москву» (л. д. 238).

В свою очередь Братановский показывает, что в руководящую группу входили Ю. Н. Матов, Детер, Мешков, Бахтиаров, Шадлун, Братановский, Березовский, П. Н., А. И. Казаринов, Н. А. Рубанович, Д. М. Сущевский (Н. А. Рубанович одно время), Б. В. Белавинцев (скончался) (л. д. 102).

Инженер Казаринов показывает, что в руководящую группу входили Матов, Ю. Н., председатель, Бахтиаров, А. Н. (Донуголь), Братановский, С. П. (Донуголь), Березовский, Н. Н. (Донуголь), Детер, А. В. (Донуголь), Юсевич (Донуголь), Казаринов А. И. (Донуголь) (л. д. 376).

Распределение функций.

Руководящая группа, как это будет видно из приведенных ниже показаний, детально разграничила сферу вредительской компетенции каждого из членов руководящей группы.

Характеризуя роль каждого члена организации, Матов показывает:

«Начиная с 1925 г. обязанности распределялись следующим образом. Сущевский ведал денежными суммами и работами по Щербинке. Матов—председательствовал на совещаниях и проводил работу по Алмазно-Марьевскому р-ну и УНС по оперативному отделу. Ржепецкий, В. С., сперва по

Ирминскому руднику, затем по Байравке, Казаринов по импортным операциям за границей и в Донугле, а затем по новому строительству в его районе (Кадиевка, Ирминс, Золотниковка)» (л. д. 86).

«Валиковский был районным директором одного из районов Донугля, а затем районным инспектором или инженером после организации директората. Он не был членом-руководителем, однако, очень часто посещал совещания руководителей организации в качестве одного из ответственных техников Донугля. На его обязанности, как члена организации, лежало получение денег и раздача их инженерам своего района. Деньги он получал по всем четырем линиям работы организации для заграницы».

«Мешков — районный директор Сталинского района, а затем помощник заведующего эксплоатационной частью Донугля. Вступил в организацию, кажется, в 1925 году».

«Файерман вступил в организацию в начале 1926 года. Приглашен мной. Получал деньги по всем четырем направлениям как равноправный член организации. В руководящей группе не состоял. В 1927 году, по моему настоянию перешел в УНС в качестве районного инженера, где в это время производил проходку шахт Несветаевской и Сорокинской. Продолжал установленную политику в отношении шахты им. Скачинского, Несветаевского рудоуправления, в смысле замедления темпа работы по этой шахте, недачи своевременно оборудования, способствуя тем самым задержкам и удорожанию производства. Затем имел задание совместно с Кузьмой переменить проект шахты с тем, чтобы задержать ее готовность для эксплоатации».

«Чинокал привлечен мной в число членов организации в 1926 г. Имел задание руководителей организации проводить вредительскую работу по вопросам механизации всего Донугля совместно с Горлецким и Завацким Николаем. Будучи заведующим отделом, организовал у себя и распределял работу вредительского характера. Получал деньги как для себя, так и для своего отдела. Затем ему было дано задание стремиться разрабатывать более легкие пласты и более мощные пласты машинным способом, оставляя для ручной работы более тонкие и более твердые пласты с тем, чтобы таким образом содействовать понижению производительности рабочих».

«Горлецкий,—сотрудник и подчиненный Чинокала. Член организации, не помню с какого года, проводил совместно с ним работу по отделу механизации как в Донугле, так и в шахтах. Отдельных фактов их вредительской работы указать не могу, так как они были в распоряжении Чинокала, получали от него поручения, и мне известно, какая часть работы выполнена ими. Получали деньги, как указано выше, от Чинокала».

Не менее детально другой обвиняемый, инженер Братановский, рассказывает о своей роли и роли других лиц в организации:

«Деятельность моя в организации разделяется на три периода: 1) в течение времени, когда я был главным инженером Екатерининского рудника—с 1923 по 1925 г.; 2) время работы моей в Харькове в качестве помощника группового директора Л. Н. Мешкова—апрель-август 1925 г.; 3) время работы моей в проэктном отделе Донугля—сентябрь 1925 г. до от'езда моего за границу, т.-е. август 1927 г.

Третий период моей деятельности в организации начинается со времени назначения меня на должность заведующего проектным бюро (впоследствии отделом) Донугля по проектированию новых крупных шахт. Назначение это состоялось по постановлению организации. С этого времени я стал принимать более близкое участие в организации, так как, сидя в одном кабинете с Матовым и фактически будучи его помощником по службе, я стал исполнять его распоряжения не только служебные, но и по делам организации и постепенно силой обстоятельств втянулся в более деятельную работу...

Соответствующее направление деятельности технического совета было отчасти также поручено мне, но тут сильно помогли мне председатель технического совета Л. Г. Рабинович и профессора—члены организации, а также главные инженеры рудоуправлений, постоянно подымавшие прения по каждому, даже незначительному вопросу, утверждавшие плохие варианты и отвергавшие то, что было сделано хорошо... К этому периоду моей деятельности относятся, как я уже упоминал раньше, вхождение мое в руково-

дящую группу, как руководителя одного из крупных и важных отделов, каковым является отдел проектный. Кроме того, вследствие загруженности работой Ю. Н. Матова я стал исполнять все его поручения по делам организации. Поручения эти были следующие:

а) сбор сведений, предназначенных для отправки за границу или на московский центр;

б) составление по черновикам списка лиц, получавших деньги с указанных сумм;

в) передача денег членам организации в отдельных случаях;

г) в нескольких случаях получение денег от московского центра через Скорутто;

д) два раза распределение денег по указанию Ю. Н. Матова;

е) передача сведений лицам, командируемым за границу» (л. д. 165, 166).

О роли инженера Матова в организации Казаринов показывает:

«Все нити организации по Донуглю сосредоточивались в руках Матова, созывавшего по мере надобности донуглевскую или харьковскую организацию. Однако, такие совещания при мне бывали редкие, обычно дело сводилось к переговорам Матова с отдельными членами организации, передача им директив, разговоры с приезжими, все это делалось точно так же, как и согласование вопроса с Москвой. Иногда, и чаще всего, вопросы решались в составе нескольких лиц, но во время отсутствия Матова, например, во время его заграничной поездки, жизнь организации замирала» (л. д. 379).

Бояршинов после перехода на Кадиевское рудоуправление, по его показаниям, осуществлял связь организации с заграницей:

«После перехода моего в проектное бюро Кадиевки в январе-феврале 1926 года Матов во время одной беседы по поводу проекта предупредил меня, что мне придется принять участие в организации связи, а именно в передаче сведений за границу».

Совещание центральной руководящей группы.

Показаниями Матова устанавливается, что первая директива заграничного центра о ведении работ в Донбассе рассматривалась на квартире Бахтиарова в присутствии Матова, Сущевского, Будного, Казаринова и Бахтиарова. Об этом совещании указано выше (л. д. 135—136).

Обвиняемый Братановский, подтверждая показания Матова, рассказывает, как организация проводила свои собрания:

«Никаких больших многолюдных собраний не устраивалось; собирались 5-6-8 человек как бы, случайно, никаких протоколов не велось. Обыкновенно мне говорил Матов или кто-либо из директоров коротко: «Зайдите в кабинет Матова или в библиотеку» (где, насколько припоминаю теперь, действительно собирались два-три раза). На этих собраниях при мне большей частью обсуждались не принципиальные вопросы, а вопросы тактики, как поступить в том или ином случае. Из принципиальных вопросов помню такие: отношение к интервенции, отношение к увеличению зарплаты, к нормированию труда, хронометражу. Из тактических вопросов могу указать на следующие: чем об'яснить неудачи с закладкой мелких шахт, следует ли инженерам занимать посты управляющих рудоуправлениями или целесообразнее оставаться на втором плане, как проводить программу капитальных работ. Несколько коротких летучих собраний было в кв. Бахтиарова, о чем я уже писал в предыдущих показаниях. Какие именно и где решались вопросы, я точно не помню.

Повторяю, конспирация была чрезвычайная, большинство не знало друг про друга. Разговаривали между собой на тему дел организации лишь при благоприятных обстоятельствах, помня, что и стены иногда имеют уши» (л. д. 67—68).

Захват УНС и др. командных высот в Донугле.

По поводу инструкции, полученной от Прядкина, и того совещания, где распределялись роли членов организации, Казаринов дальше показывает:

«Я лично перед поездкой за границу присутствовал на одном заседании, на котором был решен под председательством Матова, с участием Л. Г. Рабиновича, вопрос об учреждении и распределении ролей в управлении новым строительством. Этому органу организация справедливо придавала чрезвычайно большое значение. На заседании принимали, помимо Матова, участие следующие лица: Шишкин, Бахтиаров, Братановский, Детер, Рабинович и Сущевский. Я впервые присутствовал на подобном совещании, и оно произвело впечатление. Второе совещание, на котором я присутствовал, состоялось вскоре после моего приезда из-за границы. Обсуждалась предстоящая поездка Матова за границу и программа работ УНС на 1927 год» (л. д. 379—380).

Несколько совещаний организации было посвящено вопросу захвата командных высот и распространения своего влияния. По этому поводу Матов показывает:

«Также на одном совещании руководящей группы при общем составе участников ее было решено иметь влияние и делать подбор сотрудников по преимуществу из членов организации с тем, чтобы все главнейшие отделы Донугля работали по указанию и инициативе организации. Этот вопрос обсуждался неоднократно на совещаниях, начиная с 1925 года. Данное решение после подбора соответственного количества участников, членов организации, удалось почти полностью провести в жизнь» (л. д. 112).

Связь с другими отраслями промышленности.

Что касается распространения влияния организации на другие тресты, то по этому поводу Братановский показывает:

«Такую директиву привез из Москвы, насколько помню, Скорутто или Именитов. После заседания вместе с московским представителем решено было завязать связь пока-что со следующими трестами.... с..... войти в сношения было поручено мне, а с...—Бахтиарову, так как он имел в обоих трестах хороших знакомых в лице инж. К... в первом и в лице инж.....— во втором» (л. д. 106).

По показаниям того же Братановского видно, что от... присутствовали на собраниях организации Донугля... а от...—...О роли этих инженеров Братановский показывает:

«Эти инженеры присутствовали на собраниях, на которых рассматривались более важные вопросы, например: о пропаганде, о методах проведения в жизнь директив заграничных центров, об отношении к интервенции и т. д. В свою очередь каждый из трестов делал короткие информационные доклады о своей деятельности».

Влияние на заграничные командировки.

Организация также оказывала влияние на выдвижение кандидатур из числа членов организации, едущих за границу. Матов показывает:

Этот вопрос решено было проводить перед правлением через Бояринова. Он обсуждался на совещании в 1925 г. и был решен еще до поездки Сущевского за границу и затем неоднократно ставился на обсуждение в дальдейших совещаниях. Таким образом, ряд кандидатур,, в том числе Сущевский и Юсевич, получили заграничные командировки, вследствие указанного решения центральной группы организации (л. д. 111).

С привлечением... совещания организации носили иногда пленарный характер. По этому поводу и вообще о вопросах, рассматривавшихся на совещании организации, Братановский показывает:

«Из обсуждавшихся вопросов и заслушанных мною докладов помню следующие»:

Вопрос об интервенции.

«Об интервенции и деятельности членов организации на случай таковой. Здесь, помню, мнения разделились, и некоторые высказывались против содействия интервенции, речь шла об интервенции со стороны поляков. Кто

именно был против,—я не помню; я лично также придерживался этого мнения, но из осторожности, так как большинство явно было на стороне интервенции, промолчал.

Вопрос был решен в том смысле, что директивы заграничных об'единений о вредительской деятельности в случае интервенции нужно принять и предложить на местах составить план работ и распределение ролей» (л. д. 154—156).

Об антисоветской пропаганде.

«О пропаганде против Соввласти» Инструкция была получена из-за границы. Обсуждался вопрос о принципиальной точке зрения и обсуждался метод проведения пропаганды в жизнь, при чем рекомендовались два метода: первый—это пропагандирование постепенно сверху вниз, от высшего служащего— до среднего и низшего, уже соприкасающегося с рабочей массой, а второй метод—это непосредственное завоевание симпатии рабочих со стороны членов организации путем широкой общественной работы среди молодежи, в клубах, на курсах, школах и т. п. с целью внушения к себе уважения и получения возможности более тесного общения на началах доверия с наиболее активными рабочими. В первом случае инженеры должны были вербовать штейгеров и конторских служащих, штейгеры должны были вербовать десятников, а служащие табельщиков. Десятники и табельщики, а также мастера и монтеры должны были вести уже пропаганду среди рабочей массы, как стоящие в непосредственной связи с нею. Пропаганда должна была вестись при помощи критики мероприятий советского правительства, сравнения положения рабочего класса в СССР с положением в капиталистических странах Европы и Америки, программа ВКП должна была критиковаться очень тонко, чтобы не возбудить чьего-либо подозрения. Оба метода пропаганды были приняты, и многие инженеры пошли по этому пути и, как они докладывали, достигли хороших результатов, главным образом первым путем. К таким инженерам относится Сущевский (л. д. 88—89 и 154—156).

О лозунге индустриализации страны.

«Об отношении к индустриализации страны». В виду того, что индустриализация, с одной стороны, укрепляет хозяйство страны, увеличивает численно количество пролетариата, укрепляет его мощь и способствует поддержанию и усилению диктатуры пролетариата, а с другой стороны, превращая СССР из страны земледельческой в промышленную, умаляет значение страны, как житницы Европы, решено было не поддерживать индустриализацию, сдавая заказы на машинное оборудование рудников преимущественно за границу.

По вопросу о методах вредительской деятельности, помню, обсуждались директивы на одном или двух заседаниях, давались добавления и поправки (подробно изложено выше)» (л. д. 154—156).

«При мне также обсуждался вопрос о забастовках рабочих. Решено было возбудить недовольство рабочих установлением высоких норм, введением хронометража, понижением расценок, но так как ко всему этому нужно было подходить весьма тонко, то рекомендовалось действовать через профсоюзы и инженерно-технические секции с той целью, чтобы истинным организаторам этого дела остаться в стороне» (л. д. 83).

«Вообще вопросу интервенции организация уделяла много внимания, поскольку заграничный центр подчеркивал важность этого вопроса, а с другой стороны потому, что организация усматривала в этом возможность свержения Советской власти. Директивы заграничного центра о вредительстве на случай войны уже проводились. Следует добавить, что от заграничного центра поступила по этому вопросу специальная директива о подготовке организации к расстройству транспорта на случай войны. Показаниями Братановского устанавливается, что на одном совещании членов организации было решено возложить ответственность за эту работу на Неелова, зав. транспортным отделом Донугля» (л. д. 82).

О мелком шахтном строительстве.

Матов подтверждает показания Братановского и пополняет их следующими пунктами:

«На одном из совещаний во второй половине 1925 г. был поднят вопрос о мелких шахтах. После обсуждения этого вопроса решено было использовать существовавшую тогда тенденцию к усиленному заложению мелких шахт, форсировать закладку этих шахт, стремясь развить их в местах, недостаточно благонадежных или представляющих те или другие затруднения в эксплоатации, или закладывать их на плохого качества пластах. На том же совещании или немного позже обсуждался вопрос о возможности проведения в жизнь вопроса о переоборудовании старых капитальных шахт. Было решено задерживать проведение в жизнь этого вопроса, а также задерживать работы по рационализации.

Отчетность о связи с заграницей и заслушание директив бывш. хозяев по поводу текущего строительства. Доклады Матова.

Совещание давало директивы и Матову, когда он ездил за границу. По возвращении своем из-за границы Матов сделал доклад организации о результатах своей поездки. Присутствовавший на этом собрании член организации Шадлун показывает:

«На этом совещании Матов передал кое-какие свои впечатления о поездке. Кроме того, передавал свои разговоры со Штедингом и Прядкиным, какие он имел в Париже.

Матов передавал, что на квартире у Штединга он был два раза, где обсуждались следующие вопросы: закладка новых шахт, вопросы добычи старого Донбасса, вопросы сокращения добычи и вопросы переоборудования шахт. По всем этим шахтам он имел суждение со Штедингом и Прядкиным, с которым пришел приблизительно к соглашению.

За работу по уменьшению добычи бывш. владельцы, по заявлению Матова, охотно соглашаются платить всем тем лицам, кои это будут проводить в жизнь. Этот вопрос окончательно еще им не оформлен, но находится в стадии переговоров, и в данное время по этому поводу ведутся переговоры Детером, который находится в Берлине».

По тому же вопросу Казаринов показывает:

«После его, Матова, доклада на парижском совещании о деятельности и размерах организации, там, будто сильно, увеличился авторитет и значение организации; вопросы финансирования, встретившие вначале некоторые затруднения, разрешены вполне, что намечается возобновление прерванных было переговоров французов с Соввластью в отношении довоенных долгов; если состоится соглашение, то за его счет финансирование будет усилено, но что и организации с своей стороны придется усилить свою работу, так как, повидимому, приближается момент усиленного натиска на СССР. Матов называл мне много фамилий, а французских имен я не помню, но, между прочим, он охарактеризовал два названных им лица, как представителей комиссии о долгах» (л. д. 402).

Вредительство, проводимое самим центром. Захват УНС.

Организация, однако, не ограничивалась руководством вредительства на периферии,—она поставила перед собой ряд практических заданий по организации такого же вредительства в самом центральном аппарате Донугля, благодаря чему она могла бы сразу оказывать свое влияние на периферию в масштабе всего Донугля. Захватив в свои руки самые ответственные руководящие посты в Донугле, организация обратила внимание на проведение системы вредительства в крупнейшем вопросе, занимавшем советское правительство, именно в вопросе о восстановлении нового Донбасса и организации нового строительства, для чего по инициативе самих вредителей этот вопрос был выделен в специальное управление новым шахтным строительством.

Конкретные акты вредительства.

О конкретных формах вредительства, проводимого через УНС, показывает зав. УНС Матов:

«В 1926 году я перешел в качестве зав. УНС, где оставался до последнего времени.

За этот период акты вредительской работы (в УНС) были следующие:

«Допущение производства работ по новым шахтам, которые впоследствии должны были быть остановлены: шахта № 6 Брянского рудоуправления,—проводил через Детера и...

Допущение работ по проходке и откачке новых шахт без достаточного оборудования и при недостаточных технических средствах:

Хрустальское рудоуправление—шахта № 17: начата откачкой затопленная шахта без наличия нужных насосов и без электроэнергии, вследствие чего в дальнейшем работы пришлось остановить и шахту вновь затопить.

Несветаевское рудоуправление—шахта «Скачинский»: несмотря на значительный приток воды, шахта не была достаточным образом технически оборудована при начале проходки, вследствие чего продвигание ее было чрезвычайно медленным, а себестоимость прохождения 1 погонного метра чрезвычайно высокой.

Допущение к работе шахт без достаточного геологического освещения: шахта им. Киселева Чистяковского рудоуправления. По выходам пластов мощность предположенного к разработке Ремонского пласта была первоначально определена в 1,1 метра. На основании этих данных была начата проходкой капитальная шахта без предварительного дополнительного освещения участка буровыми скважинами. В дальнейшем выяснилось, что мощность пласта при пересечении буровыми скважинами на глубине оказалась равной 0,85, 0,60 и ниже метра. Таким образом пришлось принять для проекта и для работы шахты не 1,1, а 0,70, что, конечно, должно в значительной степени удорожить уголь при эксплоатации.

Шахта № 16 Буденовского рудоуправления. Шахта предположена к оборудованию для работы на двух пластах коксового угля мощностью 0,70 и 0,60 метра. Предварительной геологической разведки глубокой не было. При прохождении шахты и при пересечении обоих пластов нижний оказался мощностью 0,45 метра, и хотя верхний пласт работается и самостоятельно, однако, производственные возможности шахты оказываются значительно меньше.

Замедление при прохождении оборудования новых шахт:

Щербиновская новая шахта: допущение медленного темпа развития подготовительных работ как под землей, так и в особенности на поверхности и замедленный темп при проектировании отдельных частей шахты. Изменение типа копра в проекте из трехногого в четырехногий и вследствие этого двукратное его проектирование. Все это вызвало значительные задержки и невозможность своевременного выполнения оборудования шахты.

Шахта «Карл» Хрустальского рудоуправления: задержки в проектировании, задержки в установке под'емной машины и оборудовании шахты вообще, чем вызвана задержка в готовности шахты к эксплоатации.

Шахта № 29 Рутченковская; задержки в проектировании проводки поверхностного оборудования, а также запоздание с заказами на мелкое поверхностное оборудование, чем вызвано замедление пуска в ход шахты в эксплоатацию.

Шахта «Ильич» Кадиевского рудоуправления: задержки в составлении проекта переоборудования шахты «Ильич», следствием чего явилась невозможность переоборудовать существующий горизонт в 166 саженей, как предполагалось раньше, а явилась необходимость перенести переоборудование на следующий горизонт 201 саж., и, таким образом, увеличенная по проекту добыча сможет быть осуществлена с опозданием на 3 года,

а выписанная под'емная машина новая из-за границы не будет использована в течение года...».

Вредительство по проектированию, по показаниям Матова, сводилось к замедлению при составлении проекта новых шахт, к числу каковых в особенности должны быть отнесены следующие проекты: шахта № 17 Рутченковская, шахта № 29 Рутченковская, шахта новая Щербиновская, шахта Ирминская, шахта «Ильич», шахта «Карл», шахта «Американка».

«Помимо вышеперечисленных фактов, мною при посредстве Братановского и Кржижановского поощрялись и проводились в жизнь целый ряд разнообразных мероприятий, имевших задачей задержки или неправильное разрешение как при проектировании, при составлении смет, так и при углубке, выдаче заказов и вообще оборудовании новых капитальных шахт» (л. д. 124 — 127).

Целиком подтверждает показания Матова заведующий проектным бюро управления новым строительством Братановский.

Обвиняемый Соколов, говоря по этим же вопросам, не расходится с показаниями Матова и Братановского.

Сущевский о вредительстве в УНС.

Инженер Сущевский о вредительстве организации УНС показывает:

«Вредительство проявлялось в проведении крупных затрат для восстановления предприятий, безнадежно затопленных, с тем, чтобы результаты этого по возможности не так скоро можно было использовать (шахта Яковенко, Горско-Ивановская), в соответствующем выборе об'ектов для проектирования работ. Об'екты эти должны были, отвлекая внимание Донугля, не давать в конце концов выгодных результатов, а в то же время отвлечь внимание от лучших участников. К шахтам, которые являются непроизводительными и нерентабельными, в достаточной степени нужно отнести №№ 16 и 17 Мушкетовского рудоуправления, Киселево, Лутугино и по части плохого качества угля №№ 19 и 20 Горловки».

Использование временного закрытия шахт для их полного выведения из строя.

Инженер Сущевский по этому поводу показывает:

«В смысле первоначальной стадии — затоплений — центральный район, за исключением Щербиновских рудников, полностью дал исполнение «программы»: рудники Байракские № 8, №№ 1, 8, 5 бывш. Ауэрбаха и дальше быв. Русско-Бельг. были затоплены в большей или меньшей степени каждый, и, кажется, кое-где еще и сейчас есть невосстановленные под эксплоатацию участки, во всяком случае восстановительные работы продолжались в 1925/26 г., что показывает, насколько существенным был первоначальный удар. В Горловском рудоуправлении шахта № 8 была затоплена основательно, и, чтобы давать «добычу», пришлось обратиться «к выборке старых участков под травой» на самых верхних горизонтах; таким образом, создалось впечатление, что рудник работает еще с 1922 года, по существу же это была работа тех же мелких шахт».

Исполнение мелкого шахтного строительства.

В связи с изменением кон'юнктуры рынка, когда спрос превысил предложение и страна потребовала уголь в количестве, превышающем запасы Донугля, возник вопрос о закладке мелкой и средней промышленности.

Эту работу организация использовала также в своих целях. Матов по этому поводу приводит следующее решение организации:

«Во второй половине 1925 года на одном из совещаний был поднят вопрос о мелких шахтах. Совещание состоялось, насколько помню, в присутствии обычного числа и в составе всех членов—руководителей центральной группы. После обсуждения этого вопроса, который был поднят по инициативе Бояршинова и Рубановича, решено было использовать существовавшую тогда тенденцию к усиленному заложению мелких шахт, форсировать

закладку этих шахт, стремясь развивать их в местах, недостаточно благонадежных или представляющих те или другие затруднения в эксплоатации, или закладывать их на плохого качества пластах.

Приблизительно в это же время или, может быть, позже также на одном из совещаний, было решено по возможности задерживать проведение в жизнь вопроса о переоборудовании старых капитальных шахт, а также вопроса рационализации работы» (л. д. 110).

Следствие установило, что строительство средней и мелкой промышленности проводила организация по прямым указаниям по этому поводу лично Дворжанчика:

«В 1928 г. через Матова опять было письмо от Дворжанчика с указанием, что он надеется, что на этот раз будут проведены мелкие шахты. Действительно, к этому времени была получена директива Донугля о мелких шахтах».

Об этом же говорит Сущевский:

«Дворжанчиком еще в 1924 г. было высказано соображение о разбитии на Щербиновке мелких шахт» (л. д. 160).

Вредительство при закупке импортного оборудования.

Исключительная по размерам убытков разрушительная работа организации проведена в области закупки импортного оборудования.

Основным принципом, направляющим всю работу по завозу импортного оборудования, являлся принцип заведомо злостного вредительства при определении качества, технических спецификаций, сроков и проч., заказываемых механизмов.

Переходя к конкретным фактам вредительства, Казаринов указывает на следующие:

«1) Покупка ротационных пяти компрессоров .хотя и хорошего качества, но по габариту своему не соответствующих сечению штреков, вследствие чего они не могли быть использованы для той цели, для которой предназначались, и их пришлось размещать в других, менее срочных работах.

2) Покупка десяти штук пневматических врубовых машин для подготовительных работ вне лицензии. Машины эти хорошего качества, но при общей установке Донбасса на электричество они оказались пока ненужными.

3) Покупка пяти насосов системы «Эгерсдорфера», новой, еще не применявшейся конструкции, вследствие чего насосы эти не нашли себе применения в Донбассе.

4) Заказ под'емной машины для шахты № 29 Рутченкова на производительность, не сооответствующую производственной мощности шахты (расхождение на 40 проц.), вследствие чего машину пришлось искусственно приспособить к ряду шахт, что в конце-концов все-таки не дает полного ее использования. Вместе с этим из-за необходимости неоднократной переделки ее сильно удорожалась ее стоимость и более чем на 2 года оттянулся срок ее установки и использования.

5) Заказ без достаточных технических данных двух реемоек. Хотя мойки по системе хороши, но построены без предварительного испытания углей, которые будут ими промываться, что отразится на их работе. Заказ был обусловлен сроком в 10 месяцев, но завод не мог закончить их выполнение вследствие недостаточности технических данных в срок, в силу чего получение моек опоздало почти на 2 года.

6) Заказ целого ряда электромоторов, станков, бурильных молотков и проч. хотя и хорошего качества и нужных Донбассу, но не помещенных в лицензии и заказанных, таким образом, в обход существующих законов об импорте. Если искать фактических виновников перечисленных преступлений, нельзя обойти, не упомянув составителей спецификаций и заказов в тресте как в смысле их неясности, так и в отношении последующей недачи указаний и ответов на запросы фирм. Указать конкретно на этих виновников в аппарате Донугля нет возможности, имя им—организация, обнимающая собой весь много-

ликий аппарат технического отдела Донугля. Отделять здесь суб'ективные причины от об'ективных, и притом способствующих первым, нельзя.

Для того, чтобы обрисовать вполне хаотическое состояние дел в аппарате треста, укажу лишь на то, что мне, преступнику, в план которого входило возможно большая путаница, приходилось исправлять, дополнять и выравнивать элементарные ошибки Харькова» (л. д. 434—435).

«Полученная вторая лицензия в отношении неясности и неопределенности, главное, в отношении выставленных в ней стоимостей, не только не отличалась от первой, но, наоборот, превосходила ее. В нее были включены предметы, абсолютно ненужные Донбассу, например, воздушные экономайзеры, газогенераторы, стекла для ламп Вольфа, асбестовые прокладки, конные рашпили и т. п.

Я не являюсь специалистом по турбинам,—продолжает Казаринов,—но достаточно в них разбираюсь, чтобы понять, что турбины куплены неэкономные в смысле расхода пара. Но главное преступление в этой закупке заключается в том, что для Власовки куплена турбина 5.000 киловатт, по габариту своему не вмещающаяся в тамошние станции и притом отличающаяся от принятого для Донбасса типа (3.000 и 6.000 клв.)».

«К преступному влиянию организации следует отметить заказ оборудования в Америке ряда механизмов без достаточного количества запасных частей. Сюда относятся буровые станки Сулливан, врубовые машины Джефри и ряд других предметов, таким образом обреченных на бездействие.

Я не могу выразить в суммах убытки, нанесенные республике действиями организации в деле импорта, они измеряются сотнями тысяч рублей и делятся на две группы: непосредственные убытки от закупки ненужного или несоответствующего оборудования и убытки от затоваривания средств в оборудование, лежащее без использования» (л. д. 423 и об.).

Работа иностранного отдела.

Характеризуя вредительскую работу организации в части, касающейся импортных заказов, и обращаясь непосредственно к аппарату треста, Казаринов указывает, что главным проводником этой работы были технический и иностранный отделы:

«Пост заведующего иностраным отделом я занял по директиве организации и против своего желания. Для проведения в жизнь того, что поручено мне было организацией, достаточно было лишь не противоречить и покрывать то, что, с одной стороны, в качестве материала для составления заявок давалось отделами-заказчиками, а с другой—то, что делал Берлин, стараясь по возможности придать этим средствам и результатам преступлений видимость, порядок, план и т. д. Так я и поступал. Я затрудняюсь сказать, где в работе ИНО кончалась халатность, обусловленная вошедшими в систему беспорядком и разгильдяйством в отношении заказов импортного оборудования, и где начинались его преступления.

Преступления, ответственность за которые сообща падает на ИНО и на отделы, работавшие по директиве организации на протяжении всех этих операций, заключаются в следующем:

1. Включение в заявки предметов, изготовляемых промышленностью Союза, как, напр., котлы, турбины, трансформаторы и проч.
2. Включение в заявки предметов оборудования, приобретение коих не диктуется срочной необходимостью, как, напр., под'емные машины.
3. Включение в заявки предметов в количествах, превышающих потребность треста.
4. Отсылка для реализации по требованиям отделов в виде уточненного заказа предметов, не соответствовавших лицензионным заключениям, как, например, запасные части для автомобилей».

Вредительство при механизации. Чинокал, Горлецкий.

Заведующий отделом механизации Чинокал кратко перечисляет моменты вредительской деятельности организации в этой области:

«Явно вредительской была деятельность:

а) Заказ 9 врубовых машин фирме Кнапп, в котором были заинтересованы Бояршинов и его пособник Быховский.

б) Заказ нового недостаточно испробованного типа машины фирмы Эйкгоф, рискованный в силу новизны типа и вносящий нестроту и осложнения со снабжением запасными частями. Сказанное относится и к другим типам машин.

в) Явно вредительским актом была история с заказом на моторы и скреперные лебедки; виновником этого дела я считаю берлинское представительство.

г) Вредительской была политика наводнения наших рудников машинами Джой и Сискол, без достаточной подготовки рудников, что и привело к ряду перебоев в работе.

д) Явно вредительской деятельностью было руководство Бояршиновым отделом механизации, выразившейся в разгоне хороших работников, в загрузке отдела бессмысленными заданиями и дача явно абсурдных сроков для выполнения. Так, например, выполнение в один день пятилетнего плана механизации, которым мы не пользовались и который только вводил в заблуждение другие отделы.

е) Весьма подозрительной была деятельность Горлецкого в области распределения машин по рудникам» (л. д. 84).

Вредительство путем постоянных изменений структуры Донугля.

4 июня инженер Матов отмечает также вредительскую деятельность организации в вопросах руководства и разработки организационной структуры Донугля:

«Руководители организации, вполне отдавая себе отчет, что частые изменения организационной структуры какого-либо предприятия, а в особенности такого крупного, как Донуголь, должны чрезвычайно вредно отражаться на общей работе предприятия, постановили на одном из заседаний стремиться к возможно частому изменению структуры технического управления Донугля. Следствием этого явилось установление территориального принципа руководства рудоуправления из центра (районный директорат) в 1925 году, его ликвидация и замена функциональной системой управления в 1926 году, восстановление принципа территориального управления в 1927 году, при чем были учреждены должности районных инспекторов с чрезвычайно неопределенными правами и обязанностями. Вполне естественно, что указанные структурные изменения вызвали целый ряд затруднений как в сношении с рудоуправлениями Донугля, так и вообще в деле управления Донбассом и этим самым подрывали правильность производства работ центрального управления» (л. д. 116).

О вредительстве в бухгалтерии.

Размер производимого вредительства заставил предварительное следствие поставить перед собою специальный вопрос об уточнении источников финансирования вредительской организации и вознаграждения самих вредителей и наиболее полном выявлении тех каналов, по которым деньги проходили от источника к организации. Тем более, что уже имелись данные, указывавшие, что финансирование организации было расплатой не только за производимое вредительство, но и за услуги политического характера, оказываемые некоторыми членами организации не только бывшим своим хозяевам, но и иным заинтересованным в этом организациям.

Следствием установлено, что до 1923 г., т.-е. до создания организации и ее руководящей группы, вознаграждения члены организации получали от бывших промышленников России непосредственно через круг лиц, прямо или косвенно связанных с польскими органами. С момента образования руководящей группы деньги начинают поступать преимущественно из-за границы через эти органы к отдельным лицам руководящей группы и последними

распределяются между членами-руководителями, а теми в свою очередь— между членами организации.

После создания Московского центра деньги начинают поступать оттуда.

Организация, как оказывается, субсидировалась парижским об'единением бывших углепромышленников Юго-России, французским об'единением бывших владельцев предприятий в России, польским об'единением бывших владельцев предприятий в России, а также германскими фирмами, коим давались заказы на импортное оборудование, и, наконец, непосредственно органами капиталистических государств.

Об этом подробно показывает обвиняемый Братановский:

«Сначала деньги поступали только от парижского об'единения бывших горнопромышленников Юго-России через инженера Дворжанчика, бывшего директора Ирминского рудника, проживающего ныне в Польше. Деньги, насколько мне было известно со слов Сущевского и Детера, поступали нерегулярно и в небольших суммах. После установления связи с обществом французских промышленников и через них с французскими официальными учреждениями, после установления связи с польским офиц. учреждением деньги стали поступать также и от этих учреждений и в значительно больших суммах (по нескольку тысяч и даже десятков тысяч рублей единовременно).

Деньги эти пересылались или через французские, или через польские легальные учреждения, а также перевозились отдельными лицами и передавались или непосредственно организации Донугля, или впоследствии через московский центр. Помню, инж. Матов и Юсевич вместе привезли сумму около 30.000 р., было поступление в 12.000 р., в 6.500 р. и 8.000 р. Кроме этого, деньги поступали от немецких фирм, заинтересованных в получении заказов для рудников Донбасса на машины и предметы оборудования и от желающих подчинить своему влиянию рудники Донбасса. Деньги от немецких фирм поступали в виде процентов за сделанные заказы и пересылались через представителей фирм, инженеров и монтеров, ездивших в СССР по делам фирм, для установок и монтажа машин, а также передавались через русских инженеров, возвращавшихся из командировок в Германию. Помню, была получена довольно крупная сумма от АГГ через заведующего русским отделом инж. Блеймана; привозил какую-то сумму инженер одной из проходческих фирм Кестер, от Эйкгофа, привозил деньги инж. Бегман, от Сименса и Шуккерта, должен был везти деньги инж. Кифер, о чем я узнал, будучи проездом в Берлине. Получались деньги и от других фирм, названий которых я сейчас не помню.

Распределялись деньги обычно Ю. М. Матовым или Н. П. Бояршиновым, за отсутствием их—Бахтиаровым или мной. Лично я распределял, насколько помню, два раза, один раз 8.000 руб., другой раз 6.500 руб. Распределение производилось среди гл. руководителей, директоров и заведывающих отделами, пропорционально числу членов организации, подчиненных соответствующему заведывающему или директору и сооответственно установленных коэфициентов... Список лиц, коим раздавались деньги, примерно соответствует списку лиц членов организации, работавших в центральном аппарате Донугля» (л. д. 160—161).

По вопросу о получении денег от польского об'единения инж. Братановский показывает:

«На одном из собраний в конце 25 г. представитель московского центра— Скорутто доложил предложение польского об'единения войти в связь с этим об'единением с целью получения целого ряда информационных сведений и выполнения некоторых директив, носящих экономический характер. Под директивами политического характера подразумевались директивы на случай войны и дача сведений на мирный период экономического характера. Скорутто не называл суммы, которую поляки обещают платить за эти сведения, но говорил, что платить за это будут они. Совещание приняло это предложение, насколько помню, без возражений (см. выше). С тех пор стали поступать деньги и от поляков, но, в каком точно размере, не знаю; ориентировочно сумма полученных донуглевцами денег от поляков за год составляла 40—50 тысяч рублей» (л. д. 109).

Общая сумма регулярного финансирования.

О финансировании организации и о распределении денег между членами таковой конкретно показывает и обвиняемый Матов:

«Деньги распределялись Сущевским через членов основной группы между всеми вышеперечисленными рядовыми членами на основе месячной оплаты. Деньги поступали не всегда регулярно, но в сумме этот принцип выдерживался. Деньги поступали с 1924 по 1927 г. включительно. Допускаю возможность, что некоторые лица оставляли деньги на текущих счетах за границей. Не исключена также возможность получения сумм за границей от бывших владельцев непосредственно. Ориентировочно считаю 50 чел. членов организации по 400 в среднем—оклад жалованья, при чем около 250.000 руб. в год, а за три года 700—600 тыс. руб. Откуда эти суммы получались бывшими владельцами, я не знаю, но полагаю, что располагать ими они не могли, а субсидировались или группами капиталистов, или французским правительством» (л. д. 71).

Обвиняемый Матов лично во время пребывания в служебной командировке в Париже получал для организации деньги от Соколова—бывш. промышленника России. По этому поводу инж. Матов показывает:

«Недели через две мы с Юсевичем зашли к Соколову в помещение с'езда, при чем там был поставлен вопрос о заместителе Юсевича, и я сказал, что таковой будет прислан при первой возможности, однако, фамилия его еще не может быть названа, так как я не имел в то время определенной кандидатуры. После этого мы получили деньги, причитающиеся организации, и ушли. Полученные деньги мы поделили приблизительно пополам для перевозки их в Россию, при чем нам было выдано 300 или 400 тысяч франков» (л. д. 132).

Финансирование иностранными правительствами. Польша и ее задания.

Организация субсидировалась, как указано выше, польскими и французскими учреждениями за доставку им интересующих сведений и иностранными фирмами за дачу им заказов импортного оборудования. По этому поводу инженер Матов показывает:

«В 1924 г., в период связи организации с Дворжанчиком, после от'езда Ружицкого, после одной из поездок в Москву с сведениями, отправленными для Дворжанчика, на заседании руководящей группы организации Будный сообщил, что он в Москве получил от... предложение давать сведения о состоянии шахт Донбасса и вести вредительскую работу в Донбассе» (л. д. 104).

«Совещание, обсудив данные предложения и уже работая по аналогичным заданиям для бывших владельцев, решило принять и данное предложение и поручило тому же Будному войти в более детальные переговоры с ... в одну из ближайших поездок в Москву.

В одно из следующих заседаний, приблизительно в перечисленном выше составе, Будный сообщил, что он переговоры закончил. Совещанием было принято и одобрено соглашение Будного с... и было решено давать требуемые сведения и выполнять программу вредительства с указанным дополнением.

Сведения собирались при посредстве членов организации.

Вредительская работа велась установленным порядком членами организации.

Связь также была установлена уже существовавшим порядком, т.-е. обычно через Будного и в отдельных случаях через Бояршинова, как указано было мною выше.

Получение денег и распределение их производилось также установленным ранее порядком» (л. д. 104—105).

«Деньги также получались через Будного, затем Сущевского который был главным распорядителем денежных сумм и передавал их членам-руководителям, а последние или сами их распределяли, или передавали районным инженерам Донугля для раздачи по периферии» (л. д. 237).

«Во второй половине 1925 года или, может быть, в первой половине 1926 года ко мне обратился инженер Шадлун и сказал, что он получил письмо от одного из бывших владельцев французских предприятий в России, кажется, от Ремо, в котором последний спрашивал, нельзя ли иметь сведения, могущие интересовать французские официальные органы, о состоянии шахт и рудников Донецкого бассейна. Я ответил, что этот вопрос нужно поставить на разрешение центральной группы нашей, существовавшей уже тогда, организации. Указанное выше предложение в одно из ближайших заседаний было поставлено, не помню мною или Шадлуном. Состав заседания был обычный, т.-е. Бояршинов, Братановский, я, Бахтиаров, Детер. не помню был ли Сущевский, и там же присутствовал Шадлун. На этом заседании решено было принять предложение, полученное через Шадлуна, и решено было давать сведения, аналогичные даваемым уже польским учреждениям, о чем и предложено было снестись Шадлуну и установить связь. Через некоторое время на ближайшем заседании руководящей группы организации Шадлун сообщил, что он вошел в сношения по поводу дачи интересующих сведений, что сведения, даваемые нами, их удовлетворяют и что он условился о сумме вознаграждения. На том же заседании все это дело сношения с французскими органами было поручено вести Шадлуну. Для собирания сведений были использованы все члены организации и вся организация в целом. Шадлун получал нужные сведения от членов организации, приготовлял их для отправки в Москву и отсылал через указанных выше лиц. Таким же способом он получал и денежные суммы из Москвы. В нескольких случаях, насколько помню, два—три раза, получения денег проходили через меня. Размер полученных сумм каждый раз равнялся 20—30 тысячам рублей. По скольку получал Шадлун, я сейчас не помню. Деньги получались 6—8 раз. Лично мною по нескольку раз деньги, получаемые от французов, выдавались Детеру, Братановскому, Мешкову, Кржижановскому, Воликовскому и некоторым другим. В большинстве же случаев распределение и раздача производилась Шадлуном» (л .д. 121—122).

«Вскоре после моего возвращения в Россию, кажется, в январе или феврале 1927 г., я был в Москве с Бахтиаровым, как упомянул выше. Мы с ним решили зайти в... во-первых, чтобы получить причитающиеся организации взносы денег, а затем, чтобы переговорить вообще о делах организации. Я взял у Юсевича письмо, полученное им в Париже для Москвы, и будучи в Москве, кажется, через день после приезда, мы с Бахтиаровым отправилась по адресу в...

После этого разговор наш был прекращен и мы перешли к вопросу о деньгах.

Очередная получка составляла, как мы выяснили еще в Париже, 60 000 р. (в Париже мы говорили о 900 000 франков)» (л. д. 158—159).

При образовании Московского центра деньги для организации начинают поступать через Москву. По показаниям Матова, порядок получения был таков:

«Получение денег из Москвы тоже выполнялось посредством членов организации. Часто такие пересылки производились через Именитова или Бояршинова при его поездках. Разверстка производилась Братановским, который составлял списки для оплаты. Для Москвы писалась записка с обозначением требуемой суммы за подписью Бояршинова, моей или иногда Братановского» (л. д. 260—261).

Кржижановский показывает о том, что организация получала деньги и от польских учреждений, при чем получение денег по поручению Братановского было возложено на него. Всего, по показаниям Кржижановского, им было получено:

«5 000 р., из коих 1 500 руб. получил Братановский, 3 000 руб. получил Матов, я получил 350 р.

Получки по посещениям были разные: 1 раз—1 000 руб. 2 раз—800 руб., 3 раз—650 руб., 4 раз—750 руб., 5 раз—1 000 руб. 6 раз—не было, 7 раз—800 руб. Всего получено было 5 000 руб. (л. д. 263).

Особо показывает инженер Казаринов по вопросу о финансировании организации немецкими фирмами при получении ими заказов:

«Источники получения организацией средств исчерпывающе мне неизвестны. Я знаю, что получались они как от Дворжанчика и Прядкина, так и после осуществления директивы о взятках от Башкина. Так как принятие постановления этого совпало по времени с заминкой в закупочной деятельности Донугля, то я вступил в переговоры с фирмами, с которыми уже были заключены сделки; я придерживался примерно тех размеров взяток, о коих шла речь на описанном выше совещании; я требовал от фирмы Эйкгоф—13 500 марок, от фирмы Вольф—6 000 марок, от фирмы Вейзе—4 000 марок и от фирмы Демар— 20 000 марок. Из означенных фирм только Эйкгоф согласился уплатить 8 000 м. Фирма Вольф соглашалась платить, но только от новых заказов, а за совершенные сделки давать взятки не соглашалась, как и остальные фирмы. После получения заказа на 15 000 ламп Вольф выплатил около 7 000 м. на текущий счет Башкина».

Далее Казаринов показывает, что сообщил:

«Башкину данные о переговорах, ведшихся инж. Рубановичем с фирмой Отто, ф. Копперс, Грекель, Бомаг и Ошац. Не дождавшись конца переговоров, я уехал из-за границы. Поехавший вскоре после этого за границу инж. Матов, ведший ряд крупных заказов на под'емные машины, закончил начатое мною гнусное дело. По возвращении своем он говорил о том, что ему удалось наладить связь между Башкиным и представительством Донугля и что материально дела организации процветают. Называвшиеся им фирмы и суммы я не помню.

О точных суммах, получаемых организацией, и их распределении я не могу дать исчерпывающих показаний, так как вопрос этот всегда тщательно был законспирирован Матовым и Братановским, коего я считал казначеем организации, так как о деньгах я всегда говорил с ним».

Не отрицает получения денег от Сущевского и от Будного и Одров. Его показания по этому поводу приведены выше.

Обв. Люри также не отрицает получения денег от Сущевского.

Начиная с 1925 г. Шадлун начинает получать деньги непосредственно от Сущевского или Матова.

Наконец, Некрасов получение денег от Шадлуна также подтверждает.

ГЛАВА V.

РОЛЬ НЕМЕЦКИХ ИНЖЕНЕРОВ ВО ВРЕДИТЕЛЬСТВЕ И СВЯЗЬ К.-Р. ОРГАНИЗАЦИИ С ПРОМЫШЛЕННЫМИ и ПОЛИТИЧЕСКИМИ КРУГАМИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Роль немецких фирм и немецких инженеров во вредительстве.

В разделе, посвященном описанию источников, из которых вредительская организация черпала свои средства, указывалось, что целый ряд иностранных фирм был не только связан с отдельными членами организации, но и с самой организацией в целом; в цитированном показании Казаринова уже приводились факты предоставления иностранными фирмами вознаграждения вредителям, при чем, как указывает упомянутый обвиняемый, суммы получались непосредственно организацией, а последняя уже распределяла эти деньги между своими членами. Обвиняемые Матов и Братановский подтверждают показания Казаринова и об'ясняют, что это является некоторым видом куртажа за предоставляемые фирмам заказы.

В то же время целый ряд обвиняемых в приведенных выше показаниях с полной определенностью устанавливает, что вредители заказывали не только ненужные, но и негодные предметы оборудования и машины. Одновременно в несколько своеобразном виде обрисовывается роль немецких инженеров и техников по сдаче этих машин.

Братановский показывает:

«...Деньги от немецких фирм поступали в виде процентов за сделанные заказы и пересылались через представителей фирм инженеров и монтеров, ездивших в СССР для установок и монтажа машин...» (л. д. 161).

Выше также приводились подробные показания обвиняемых о том, какие пред собой задачи ставили контр-революционеры в деле срыва механизации каменно-угольной промышленности. Эти показания находят себе полное подтверждение в показаниях низовых работников, непосредственно связанных с производством. В особенности эти показания относятся к врубовым машинам, поставленным германской фирмой «Кнапп», договор с которой на поставку врубовых машин был заключен одним из вредителей—заместителем зав. отделом механизации Донугля Горлецким. Другой вредитель зав. шахтой «Октябрьская Революция» Самойлов, на шахте которого эти машины устанавливались, показывает:

«Я хорошо помню, что летом 1926 г. у нас на шахте появился представитель фирмы «Кнапп»—инж. Кестер. Он предлагал нам машины... Вскоре после его от'езда к нам на шахту прибыли две машины по жел. дороге. Машины Кнаппа для наших работ оказались непригодными, так как они были очень громоздки» (л. д. 66.)

Инструктор по врубовым машинам, член вредительской организации Никишин, дает не лучший отзыв о машинах Кнаппа:

«В 1926 году, кажется, весной или летом у нас, на рудоуправлении, находился немецкий инженер, фамилии его не помню, которого я знал, как представителя фирмы «Кнапп». Мне было поручено рудоуправлением сопровождать его для обследования шахты «Октябрьская Революция», так как он предполагал снабдить нас машинами. После осмотра шахты этот немец заявил мне в присутствии Самойлова и др., что его машины на шахте «Октябрьская Революция» работать не смогут. Через некоторое время на шахту «Октябрьская Революция» поступили присланные две машины Кнаппа. Заявляю, что я их не требовал, и в смете на 1926 год они мною не указывались. Долго ли находились эти машины на шахте «Октябрьская Революция»,—я не помню, знаю лишь, что их по распоряжению главного инж. перебросили на шахту им. Воровского. Через некоторое время на шахту прибыли двое монтеров Кнаппа, кажется, с Власовки, где они работали, осмотрели шахту, и один из них, по фамилии Бадштибер, остался для установки машин. Сначала мы установили одну машину на втором пласту шахты им. Воровского, но ее первая же проба показала полную негодность машины в условиях нашей зарубки. Такое же «испытание» и проба продолжались около месяца, результат был тот же: машина не шла, ее вытащили на поверхность и больше никуда не применяли. Вторая машина дала также отрицательные результаты, вследствие чего ее вытащили на поверхность... Качество машин было низкое, уступающее всяким другим, напр., Суливану, и общее мое впечатлене было, что машины—старого типа... В механической части как в конструкции, так и в качестве был ряд дефектов» (л. д. 64).

Член вредительской организации, зав. горными работами Власовского рудоуправления, инж. Овчарек показывает:

«В механической части машины были грубы и вместе с тем хрупки, так как имели слабый корпус, в электрической части был также ряд дефектов по сравнению с Суливаном. Припоминаю, что осенью 1926 г. ко мне в кабинет зашел немец-монтер, который предложил мне написать анкету, а, может быть, и акт о работе машин; эту анкету я заполнил и подписал. Она была подписана немцем, и с ней он направился в кабинет главного инж. Кузьмы. Отзыв о машинах я дал удовлетворительный». (л. д. 33).

Об'ясняя применение и приемку этих машин, Кузьма принужден признать это ошибкой.

Однако, в свете дальнейших фактов, выявленных предварительным по делу следствием, приемки и применение этих машин об'ясняются отнюдь не ошибочным суждением об их качестве и пригодности, но причинами несколько иного порядка; эти «причины» в значительной степени выяснены были уже результатами очной ставки, данной на следствии обвиняемому Никишину и монтеру фирмы «Кнапп», обвиняемому Бадштиберу.

Никишин на очной ставке показал:

«Я вообще не хотел допускать машины на рудник, так как считал работу машины при наших технических условиях и существующих у нас правилах не соответствующей предписаниям и опасной. Бадштибер, однако, отвечал мне, что я плохой специалист, он отозвал в сторону и попросил присутствовавшего при этом заведующего Гаврюшенко распорядиться о том, чтобы машина была, несмотря на мои протесты, спущена в шахту... Я знал, что поставленные Кнаппом машины вообще никуда негодны» (л. д. 102—103).

Бадштибер в своем показании на очной ставке установил:

«Никишин знал о том, что машины непригодны для этой шахты, но, несмотря на это, способствовал тому, чтобы машины были приняты, и ничего не сделал против этого, хотя это и являлось его долгом» (л. д. 101).

Оба, таким образом, прекрасно были осведомлены о негодности машин и оба тем не менее настаивали на их приемке.

Далее Бадштибер показывает:

«Кестер достиг путем подкупа назначения новой комиссии, которая безоговорочно признала негодные машины хорошими и приняла их. Пролетариату был этим нанесен убыток в 40 тысяч рублей. За приемку машин председатель комиссии инж. Кузьма получил две с половиной тысячи рублей от Кестера... Точно так же обстоит дело с приемкой машин на руднике им. Воровского, где зав. Гаврюшенко и инспектор Никишин высказались за приемку врубовых машин, в то время как эти машины были негодны. Я был вынужден по приказанию Зеебольда постоянно выявлять хорошие стороны машин фирмы «Кнапп» и расхваливать их. Для усиления этого аргумента зав. шахтой Гаврюшенко получил перед приемкой лично от инженера Зеебольда в два приема 700—1 000 руб., а от меня 300 руб., которые я передал ему по приказанию Зеебольда. Кроме того, я был вынужден по приказанию Зеебольда наладить дружеские отношения с инспектором Никишиным, устраивать ему выпивки и передать ему 400 р., чтобы он при приемке высказался в благоприятном смысле относительно машин фирмы «Кнапп» и облегчил таким образом приемку. Следствием этого снова явился убыток для государства, по крайней мере, на 10 тысяч рублей» (л. д. 107, 108).

Таковы были обстоятельства, окончательно решившие вопрос о машинах. Этим, однако, еще не разрешается вопрос о причинах,—почему, исходя из каких соображений, немецкая фирма «Кнапп», немецкие инженеры и русские поставщики стремились внедрить в каменноугольную промышленность СССР неподходящие и заведомо негодные машины.

По показаниям Бадштибера, цель сдачи, с одной стороны, и приемки—с другой, негодных машин была двояка:

«Эта систематическая вредительская работа проводилась Кестером и Зеебольдом и мной невольно с целью:

1) сдать негодные машины и после быстрого их разрушения получить новые заказы;

2) осуществить этим путем их цель, т. е. падение хозяйства единственного пролетарского государства...» (л. д. 108).

Последнее показание, ставящее деятельность немецких поставщиков и русских приемщиков в цепь однородных, связанных определенным внутренним единством действий, не могло не привлечь специального внимания следствия и не поставить перед последним вопроса об искании еще иных доказательств обоснованности этого утверждения Бадштибера.

В этом отношении важно отметить прежде всего следующее показание обв. Башкина, который подтвердил, что

«со слов Кестера инж. Кузьме было дано 2.000 руб. и это решило участь машин»—и вместе с тем сделал ряд сообщений, которые не могут не быть поставлены в связь с приведенным выше заявлением Бадштибера.

Раньше, однако, должно указать одно соответствующее показание Бадштибера:

«Когда я во время моей работы на шахте Гаврюшенки жил у последнего, Зеебольд часто приходил туда. На квартире Гаврюшенки часто бы-

вали вечеринки... Зеебольд произносил во время этих собраний речи антисоветского характера... Я хорошо помню, что он в одном случае сказал, что иностранцы не дураки и не станут поддерживать хозяйственное строительство большевиков путем поставки хороших машин, и что они, напротив, будут тормозить это строительство поставкой старых негодных машин» (л. д. 114).

Такая постановка вопроса Зеебольдом ясно указывает на согласованность в их действиях, и тот факт, что речь Зеебольда имела место на вечеринке у заведомых вредителей, членов организации, не вызывая протеста с их стороны, показывает, что здесь была не случайная встреча лиц, у которых развязались языки «по пьяной лавочке», а согласованные действия заговорщиков, обсуждавших вместе результаты своей работы.

Сопоставление же этих показаний с рядом сообщений других обвиняемых, данных по другому поводу и для выяснения иных обстоятельств, придает утверждению Бадштибера совершенно определенное значение.

Связь с германскими фирмами и совещание в Берлине.

Обвиняемый Башкин, говоря о своих связях с лицами, находящимися за границей, в первую очередь упоминает о своем брате, инженере Башкине, Исае Борисовиче, эмигранте, бежавшем за границу в 1922 году. Этот Башкин устроился на службе в Берлине в «Русском отделе АЕГ». Директором этого отдела считался Блейман,, уже упоминавшийся не раз выше в показаниях ряда обвиняемых, членов вредительной организации. О том, что собой представлял этот «Русский отдел АЕГ» и как этот русский отдел был связан с вредительной организацией, показывает инженер Казаринов:

«Я участвовал на одном из совещаний в «Русском отделе АЕГ», на котором присутствовали Башкин, Блейман, Пель и Дворжанчик. Совещание это происходило в начале марта 1926 года, и обсуждались на нем следующие вопросы: 1) сообщение Казаринова о полученных им директивах из Харькова; 2) сообщение Дворжанчика об ожидающемся об'единении всех бывших русских торгово-промышленных кругов за границей; 3) установление, по предложению Башкина, связи с Юсевичем и 4) предложение Башкина о методах усиления средств организации...».

По сделанному Казариновым сообщению о полученных им из Харькова директивах совещание приняло это предложение к сведению, отметив, что специальных мер по поводу полученных директив предпринимать не придется, если не поступит каких-либо коренных изменений в организации и ходе закупок.

Дворжанчик сообщил совещанию, что в ближайшем будущем намечается об'единение всех бывших торгово-промышленных кругов и предприятий дореволюционной России. Точных данных об этой организации еще не было, предполагалось лишь разбить это об'единение на секции, с созданием, между прочим, специальной угольной секции. Цель этого об'единения сводилась к отстаиванию интересов бывших промышленников и укреплению их позиции, требованию компенсации за понесенные от Соввласти убытки. Организация эта должна была быть международной и быть связана с обществом кредиторов б. России. Дворжанчик предлагал организации инженеров связаться с этим об'единением, сговорившись с ним о финансировании и прочих вопросах. Казаринов возражал против такой связи, впредь до выявления точки зрения организации на этот вопрос, мотивируя тем, что для принятия столь ответственного решения нужны специальные директивы. Точка зрения Казаринова была поддержана Блейманом и Башкиным и решено по этому вопросу запросить Харьков. Дворжанчик высказывал мысль, что если такое об'единение помимо воли организации состоится за границей, то финансирование организации может прекратиться (л. д. 384 и 385).

Вопрос об установлении связи с Юсевичем (Юсевич, член организации, находился в командировке во Франции, где поддерживал связь с б. советом с'езда горнопромышленников юга России и через него с парижской группой, с тем, чтобы преломлять работу через берлинский аппарат), был выдвинут на совещании Башкиным; Дворжачик находил это лишним, поскольку намечалось об'единение русской промышленности. Казаринов

также высказался против, указывая, что поскольку организация находит пребывание Юсевича правильным, то не следует поднимать этого вопроса, тем более, что никто не знает полученных Юсевичем директив. С Казариновым согласились, и предложение Башкина было отклонено (л. д. 414—386).

Наконец, по поводу предложения Башкина о методах усиления средств организации. Башкин указал, что в виду предстоящих крупных закупок Донуглем оборудования и вероятности их в дальнейшем, целесообразно было бы облагать все фирмы, продающие Донуглю машины и прочее, незначительным процентом от продажной стоимости в пользу организации. Зная германскую промышленность, он уверен, что она на это охотно пойдет, и брался лично вести переговоры с фирмами, если ему будет сообщено, с кем Донуголь ведет переговоры и собирается заключить сделки. Башкин указал, что Харьков одобряет этот шаг и сообщил об этом соответствующим письмом. Предложение Башкина встретило поддержку Блеймана, из'явившего согласие от имени «АЕГ» облагать свои будущие продажи 1—½% в пользу организации. Казаринов информировал Башкина о фирмах, с которыми ведутся переговоры, и у которых приобрели оборудования, для пред'явления им требований об обложении себя в пользу организации. Приняв предложение Башкина, ему было дано поручение хранить и пересылать получаемые деньги организации, в чем ему обещал свою помощь Блейман (л. д. 386).

Что следует из этого показания? Этим показанием устанавливается:

1) что «русский отдел» фактически служил явкой, организационным центром связи между вредительской организацией инженеров и об'единением капиталистических хозяев за границей;

2) что на этих совещаниях обсуждались вопросы дальнейшей тактики стратегии этих капиталистических организаций—об'единение их и координация действий;

3) что немецкие предприниматели пошли на добровольное обложение в пользу к.-р. организации.

Не может быть, однако, никакого сомнения, что, каковы бы ни были мотивы согласия Блеймана, как представителя немецкой фирмы «АЕГ», на этот платеж, самый факт его участия в этом совещании доказывает:

а) полную осведомленность его, Блеймана, о существовании контрреволюционной организации;

б) неменьшую осведомленность его о практических методах работы этой организации.

Этот факт придает показаниям Бадштибера, действовавшего на территории СССР от имени хотя и другой фирмы («Кнапп»), но имевшего дело с членами той же самой вредительской организации,—что представители ее фирмы в России во всяком случае знали об иных целях, которые преследовались поставкой негодных машин, кроме целей чисто коммерческих, — определенное обоснование.

Факт непосредственных сношений руководителей этой организации с директором «русского» отдела фирмы представляется безусловно установленным.

Показания обвиняемых: Казаринова о связи «Русского отдела» «АЕГ» с вредительской организацией и о роли служащего этого отдела Башкина, Исая Борисовича, в деле осуществления этой связи, находят себе подтверждение и в показаниях вредителя на Власовском рудоуправлении, главного механика Башкина, Абрама Борисовича (брат Башкина из «АЕГ»):

«Впервые мне стало известно, что мой брат связан с центром предительской организации, находящейся в Берлине, от приезжавшего представителя фирмы Зейферта, инж. Гесслера, на Власовский рудник летом 1926 г. Этот инженер, познакомившись со мной ближе, передал мне приветственное письмо от брата, которое, по его словам, он, Гесслер, с большими трудностями и с риском провез через границу СССР. В этом письме мой брат, между прочим, намеками сообщал, чтобы я не удивлялся некоторым сообщениям, лично передаваемым мне приезжающими иностранными представителями, и оказывал бы им доверие...» (л. д. 44, том Майера).

Дальнейшие события, имевшие место уже с другими немецкими инженерами, показали, что сообщения Исая Башкина Абраму Башкину не остались без результатов.

21 или 22 августа фирмой «АЕГ» был командирован в СССР на Рутченковское и Горловское рудоуправления инженер «АЕГ» Отто для организации работ по электрическим установкам для коксовых печей и химического завода (л. д. 8).

8 марта 1927 г. в Рутченково прибыл монтер той же фирмы «АЕГ» Мейер для монтажа турбин (л. д. 19). Как показывают даты прибытия в СССР обоих служащих «АЕГ» Отто и Мейера, их командирование имело место после состоявшегося в Берлине упомянутого выше совещания в «Русском отделе АЕГ» в присутствии Блеймана, Башкина, Дворжанчика и Казаринова.

О действительной цели командирования Отто и Мейера в СССР показывает обвиняемый Башкин:

«В сентябре 1927 г. у нас на Власовке появился инж. Вегнер, выполнявший обязанности по устройству подстанции. С этим Вегнером я вскоре близко познакомился. Он был осведомлен о моем брате и о германском центре и о нашей местной организации и, между прочим, указывал мне, что он сам, затем инж. Отто и монтер Мейер имеют задание по вредительской работе и ее увязке с нашей местной вредительской организацией...» (л. д. 12, т. Отто).

Тот же Башкин рассказывает, что:

«...кроме Вегнера, об участии Отто мне рассказывал и монтер Мейер...».

Говоря о Мейере, Башкин показывает:

«Последний появился у нас на Власовке в конце октября для работы по электрической установке. С ним я также близко познакомился и имел беседу, из которой видел, что он также обо всем осведомлен хорошо. Мне известно, с его собственных слов, что он (Мейер) имел поручение подыскать кого-либо для нанесения вредительства турбине электрической станции путем пуска сырого пара в турбину во время ее стоянки...» (л. д. 12).

Уточняя это показание, Башкин сообщает:

«Когда монтером Мейером была подготовлена к пуску новая турбина в 5.000 килоуатт на Власовской электростанции, то, давая мне подробное об'яснение о назначении всех деталей турбины и указывая способы управления ею как при пуске, так и при остановке, обходя со мной все места турбины, указал мне, что если при остановке турбины допускать проникновение пара в холодную турбину, то этим конденсирующимся паром будут быстрее изнашиваться лопатки турбины, так как они будут сильно окисляться и таким путем долговечность турбины будет сокращаться, т.-е. вместо нормального срока службы лопаток в 8—10 лет они износятся в 3—5 лет. Давая такое пояснение, монтер Мейер рекомендовал держать открытыми при остановленной турбине пароотводный вентиль, устанавливая его так, чтобы небольшое количество пара все же могло проникнуть внутрь холодной турбины... Разговор этот являлся следствием откровенных разговоров с монтером Мейером, как и с монтером Вегнером, о вредительских работах вообще и в частности по электростанции. Вышеуказанное сообщение являлось прямым заданием нанесения вредительства, так как это совпадало с вредительской работой организации вообще.

На проведение этой работы я получил от Мейера 500 руб., так как нужно было подготовить из обслуживающего персонала исполнителя» (л. д. 47 и 48).

Допрошенный по этому поводу на очной ставке с Башкиным Мейер признал, что:

1) он часто бывал с Башкиным в подвале электростанции и

2) «при этом неоднократно говорил также о способах возможности нанести вред турбине» (л. д. 96).

Делал это он, однако, по его показаниям, по долгу службы, как обязанный показать не только, как следует пользоваться турбиной, но и каким образом машина может быть разрушена.

«Я утверждаю, что в уставе сказано, что я должен обращать внимание обслуживающего персонала как на то, каким образом содержать машину в порядке, так и на то, каким образом машина может быть разрушена» (л. д. 96).

И, наконец:

«Я часто бывал с ним (Башкиным) в подвале электростанции и при этом неоднократно говорил также относительно возможностей нанести вред турбине. Я часто бывал с г-ном Башкиным у нового охладителя из смеси воды с воздухом и подробно показывал ему обращение с аппаратом и регулирование тока воды. Фильтр имеет в турбине очень большое значение, так как когда с ним неправильно обращаются, генератор начинает потеть и портиться» (л. д. 96).

На прямой вопрос следователя: «Отрицаете ли вы, что давали инженеру Башкину указания и инструкции относительно того, каким образом турбина может быть разрушена, с поручением, чтобы он рекомендованным вами способом испортил турбины?»—Мейер ответил:

«Я признаю, что вел с инженером Башкиным вышеприведенные переговоры, но отрицаю, что давал ему поручения испортить турбину указанным мною способом» (л. д. 97).

В ответ на это Башкин сказал:

«Я категорически утверждаю, что монтер Мейер дал мне конкретное поручение разрушить и испортить турбину».

Равным образом Мейер, отвергает утверждение Башкина, что он, Мейер, передал ему 500 руб. на вредительские работы.

Что касается обвиняемого Отто, то факты, установленные в отношении его, сводятся к следующему:

Обвиняемый Отто проживал в свое время—с 1896 по 1906 год — в России, затем вторично приехал в Россию уже перед войной и в момент, об'явления войны был арестован царскими властями, когда якобы были арестованы все немцы, проживавшие в Москве. Приехал вновь в Россию он, по его словам, в начале 1914 г., перед империалистической войной, с ведома германских военных властей и располагая специальной отсрочкой от военной службы на 3 года.

Сам Отто показывает лишь, что после трехнедельного ареста в Москве он был выпущен под негласный надзор полиции и жил в Москве до марта 1915 года, после чего ему было предложено полицией выехать в Уфу, где он и пробыл до августа 1917 г. когда был вторично арестован уже после революции по обвинению в том, что он ведет работу среди крестьян с целью вызвать бунт и крестьянские волнения. Основанием для его ареста, по его собственным словам, была агитация среди крестьян о том, что, мол, так помещикам и нужно, и действия крестьян правильные, при чем делал он это вовсе не из революционных целей, а потому, как он и говорил, что это—Германии на руку, так как он в революционном движении видел фактор, ослабляющий Россию и облегчающий, следовательно, победу Германии.

Перед самым приездом в СССР в 1927 году Отто состоял одновременно членом «Стального Шлема» в Германии и членом «О-ва друзей новой России» там же.

Не только Башкин устанавливает роль обвиняемого Отто в связи вредительской организации с заграницей и передаче через него организации корреспонденции, подтверждение этой роли Отто дает и обвиняемый Казаринов, показывающий:

«Сообщаю пути и лица, перевозивших корреспонденцию (для организации из-за границы), проходивших через меня и писавшуюся мною (за границу)... «АЕГ»—монтер—Отто. Лето 1927 г. Башкин (АЕГ) Матову—содержание мне неизвестно...» (л. д. 344).

Дата этого показания Казаринова, допрошенного не специально по поводу Отто, целиком совпадает с моментом действительного приезда Отто в СССР, что не может быть не признано имеющим значение.

Еще категоричнее показывает Казаринов в другом месте:

«Монтеры «АЕГ», приезжая в Харьков, являлись ко мне в ИНО и заявляли: «Почта для Матова». После чего я направлял их к Матову, которому они лично передавали письма. В одном случае (Отто) я получил от него и передал письма Матову...» (л. д. 412).

Отто отрицает, однако, это обстоятельство.

Наконец, еще одно обстоятельство должно быть здесь приведено. Это—тот факт, что в записной книжке Отто оказались три фамилии—Казаринов, Рубанович и Черченко, при чем, по показаниям Отто, эти фамилии он получил от Блеймана до 1 января 1928 года (момент, к которому относится начало ведения им записной книжки), и именно к этим лицам он должен был явиться непосредственно по приезде в СССР. Полное совпадение этих показаний Отто с показаниями Казаринова не возбуждает сомнения в вопросе о том, кто из них утверждает в данном случае истину.

Связь с заграничными торгово-промышленными и политическими кругами.

Приведенные выше факты показывают, что организация вредителей располагала в достаточной мере разветвленными и серьезными связями с заграницей, с различными торгово-промышленными кругами не только торгово-промышленного, но и иного, чисто-политического характера. Это последнее в особенности имело место по отношению к некоторым официальным органам, польским и французским. Следствие остановилось поэтому с особым вниманием на выяснении этих связей, куда они ведут, и выяснило следующее:

Если в первое время связь вредительских организаций с заграницей была связью отдельных организаций с отдельными лицами, находившимися за границей, то с 1923 г. эта связь должна была быть характеризована, как связь организаций с организациями.

Шадлун показывает, что письмо, полученное им от Дворжанчика в 1923 году, было следующего содержания:

«М-е Шадлун, бывш. горнопромышленниками юга России, организовано бюро совета с'езда горнопромышленников Парижа. Руководителями бюро являются Соколов, Борис Николаевич, Ремо, Буров и, кажется, была фамилия Тостьевена (бывш. директор о-ва «Унион» в Макеевке). Кроме того, указывалось, что в бюро принимают участие не только бывшие французские предприятия, но и вообще владельцы бывш. предприятий, при чем были указаны фамилии: Лаврентьев, бывш. директор Рудченковских рудников, Штетинг, бывш. директор многих рудников, Ландсберг, бывш. директор рудников и др...» (л. д. 220).

Следующим звеном организованного парижского центра с донуглевской организацией явился Матов.

Во исполнение директивы Ремо, Шадлун на следующий же день обратился к Матову, которому и сообщил содержание письма, на что Матов сказал, что он знает об этом и что нужно будет по этому поводу подробно побеседовать.

«Через несколько дней, точно не припомню, Матов пригласил меня в кабинет Бояршинова, где уже сидели Бояршинов, Бахтиаров, Братановский, Мешков, Воликовский и, кажется, Березовский и Детер, точно не припомню. На этом заседании первым начал говорить Матов о том, что скрывать нечего того, что многие из инженеров имеют сношения со своими бывшими хозяевами и что во избежание недоразумений и могущих быть больших неприятностей мы, инициативная группа, решили по этому поводу обменяться мнениями... На этом заседании Матов сообщил, что им установлено и налажено регулярное сношение с бюро с'ездов Парижа, где принимают участие чуть ли не все бывшие владельцы рудников Донецкого бассейна...» (л. д. 222).

По мере, однако, роста и развития организации к 1926 г. она достигла такого размаха и такой организационной сплоченности, что этой деятельностью заинтересовались и отдельные органы французского правительства.

Матов приоткрывает завесу и над этой другой стороной деятельности Шадлуна. По его показаниям:

«...в начале 1926 г. на одном из заседаний донуглевской организации в обычном составе, в присутствии Шадлуна, последний заявил, что он получил письмо из Франции от Ремо, в котором последний пишет, что французские официальные органы узнали о той работе, которая ведется в Донбассе вредительской организацией, и заинтересованы войти в непосредствен-

ную связь с этой организацией. На заседании тут же было поручено Шадлуну войти в связь и наладить все дело. Шадлун согласился. На этом заседании были: Бояршинов, Бахтиаров, Братановский, Березовский, Детер, Казаринов, Сущевский, Воликовский, Мешков, Шадлун и он, Матов. В дальнейшем Шадлуну удалось эту связь наладить через одного из своих знакомых.

...После того, как взаимоотношения с французскими органами были налажены в начале 1926 г., на одном из заседаний организации было решено послать поручение Юсевичу, который был в это время в Париже, зайти в соответственное учреждение для установления непосредственной связи с заграницей. При этом на заседании кто-то поднял вопрос, куда же зайти, и собрание решило, что Юсевичу надо побывать в ..... чтобы выяснить, с кем связываться в дальнейшем, в случае надобности в непосредственной связи при посещении представителями организации в Париже. Это письмо было переслано в общем порядке. На заседании присутствовали все обычные члены совещания...» (л. д. 247).

Упомянутый выше Юсевич, которому было дано задание установить связь с соответственным французским учреждением, являлся, по показаниям Казаринова, связующим звеном между организацией и бывшей франко-бельгийской группой владельцев предприятий (л. д. 382). На первоначально данном показании Юсевич признал, что в конце лета 1925 года перед его от'ездом за границу Матов пригласил его на заседание харьковской руководящей группы, которая обсуждала вопрос о связи с парижским об'единением бывш. владельцев горнопромышленных предприятий и о налаживании дела с получением средств. Ему, Юсевичу, и было предложено осуществить связь с парижским об'единением, во исполнение чего он отнес врученный ему Матовым пакет с материалами по крупным шахтам и вручил его в Париже Соколову. По приглашению Соколова он, Юсевич, на заседании об'единения сделал доклад о привезенных им материалах (л. д. 77).

В дальнейшем ходе следствия Юсевич от данного им показания отказался, однако, его показания совпадают с показаниями Матова, из которых явствует, что в конце 1925 г. был намечен для длительной поездки в заграничную командировку член организации Юсевич, который за несколько месяцев до этого был им, Матовым, введен в организацию.

Связь Юсевича со с'ездом бывш. горнопромышленников находит свое полное подтверждение в показаниях Казаринова, Матова и Братановского.

По показанию Матова, задания, с которыми он поехал за границу от организации, были следующие:

«... прежде всего нужно было заехать в Центральное бюро организации в Москве и получить задания оттуда для заграницы. Помимо того, в Берлине надо было совместно с бывшим там Рубановичем посетить наиболее видные промышленные предприятия, с которыми находилась в связи организация, затем в Париже совместно с Юсевичем, посетить бывш. с'езд горнопромышленников и затем одно офиц. учреждение. При этом было решено, чтобы я информировал это учреждение о ходе работ, положения на местах, о мерах, кои могут быть приняты на шахте, на случай об'явления войны и т. д.

«Проездом через Москву, где я пробыл несколько дней, я посетил московский центр, где застал группу руководителей в лице Рабиновича, Скорутто, Именитова и несколько других лиц. Я заявил, что еду за границу и буду в Париже. Тогда мне Рабинович сказал, что я должен посетить там бывш с'езд горнопромышленников и, кроме того, офиц. учреждение, которое должен информировать о положении дел в московской центральной организации.

...В Париже я встретился с Юсевичем, членом нашей организации, который уже несколько месяцев был в Париже и был в курсе всех интересующих там меня лиц и учреждений. Прежде всего мы решили побывать в бывшем с'езде горнопромышленников. Юсевич сговорился с Соколовым, там решено было созвать небольшое совещание из бывших в Париже

представителей с'езда. В условленный час мы пришли и застали там Соколова, Прядкина, Бурова, Штетинга, Сансе и еще нескольких лиц, коих я не знал.

На заседании я сделал доклад, при чем в общих чертах охарактеризовал работу центральной московской организации, о ее развитии и приобретаемом значении, о развитии там вредительской работы, затем более подробно я доложил о работе донуглевской организации и достигнутых результатах за последний период...».

После этого Соколов перешел к вопросам политического характера.

Он говорил, что в настоящее время во Франции почти закончился восстановительный процесс после немецкой войны, и что теперь задачей всех бывших владельцев, акционеров и представителей их правлений является нажим на французское правительство с тем, чтобы принять решительные меры против Советской России, так как только борьба с ней и ее уничтожение могут им возвратить их благополучие в виде прежних владений. Конкретно, как это должно произойти, Соколов не говорил, но, по его мнению, «прежде всего надо провести разрыв с Советской властью и после подготавливать войну». Далее он говорил, что вредительские организации в России, в том числе донецкая, являются передовыми отрядами капитализма в России. Этими приблизительно словами закончилось совещание. После этого с Юсевичем говорили и Соколову о наших денежных взаимоотношениях, и он сказал, что нам следует получить около 30.000 руб., но что это, повидимому, последняя уплата донуглевской организации непосредственно в виду перехода в центр.

Еще через день или два я с Юсевичем и сотрудником торгпредства, решил зайти в офиц. учреждение по делам организации, как московской, так и донуглевской. Оказалось, что или тот, или другой уже были там раньше. Сговорившись предварительно по телефону, мы зашли туда втроем.

В большой приемной оказалось довольно много народа и нам пришлось подождать минут 10—15, пока подошел к нам чиновник, спросил, по какому мы вопросу, после чего повел нас по коридору и ввел в кабинет, где за столом сидел пожилой, повидимому довольно важный, чиновник в штатском. Он очень любезно с нами поздоровался, сказал, что осведомлен, по какому вопросу мы пришли и тотчас приступил к делу, прося меня сообщить о последнем периоде. Я опять-таки начал о работе и расширении деятельности московской организации, затем о положении дел у нас. Он спросил, как я смотрю на слияние и не отразится ли это на продуктивности работы в Донбассе. Я сказал, что по-моему—нет. После этого он стал меня подробно спрашивать о наиболее уязвимых местах на рудниках и заводах, я ему рассказал, что это электростанции и что мы послали уже планы шахт с указанием местоположения шахт. Он спросил еще о некоторых деталях работы московской организации, на что я ему не мог ответить. Затем он перешел к деньгам и спросил, не нужны ли нам деньги, я сказал что нет и что мы их получим в Москве. При этом выяснилось, что это, повидимому, последняя уплата непосредственно донуглевской организации, вследствие перехода всего в Москву. После этого мы простились и ушли. Когда мы все выходили, то подошел тот же человек и попросил нас заполнить анкеты, где были вопросы, кто мы, откуда и по какому делу. Затем он передал, что относительно перевода денег будет дано на-днях распоряжение, и мы вышли. Недели через две после этого мы с Юсевичем перед от'ездом из Франции зашли к Соколову за деньгами, получили около 500.000 ф., поделили их пополам для перевоза до Берлина, где затем переменили их на доллары для перевозки их в Россию, куда и возвратились в начале декабря» (л. д. 253—255).

По приезде Матова и Юсевича из-за границы ими был сделан доклад харьковской организации, затем по приезде Матова в Москву вместе с Бахтиаровым они согласно показаниям Матова:

«Отправились в московскую центральную организацию, при чем Матов предварительно сговорился по телефону с Рабиновичем. Было устроено собрание руководителей... Я сделал доклад о моем посещении в Париже».

Если отношения с Францией приняли такой характер в 1927 году, то официальные связи вредителей с официальными органами другого государства завязались гораздо раньше, гораздо теснее.

Интерес этих официальных органов, мог быть тем легче удовлетворен, чем ближе к ним находился осуществитель связи между обеими организациями, неоднократно уже упоминавшийся в показаниях обвиняемых, Дворжанчик, который, как установлено, имеет место пребывания в Польше, непосредственным же помощником Дворжанчика в деле поддержания им связи с вредительскими организациями в СССР является упоминавшийся выше член организации Будный.

Это же подтверждается показаниями самого Будного, который с 1923 г. переотправлял письма Дворжанчику и получал от него ответы.

По показаниям Будного, за время с 1922 по 1926 гг. он получил от Дворжанчика 40 пакетов (л. д. 88).

О содержании даваемых Дворжанчиком через Будного директив приведены выше показания ряда обвиняемых.

Характер этих сведений уже однажды цитировался выше при описании посещения в конце 1925 г. Скорутто совещания харьковского центра. Они настолько важны и характерны, однако, что их должно привести здесь еще раз в более детализированной форме. По показаниям Братановского:

«... Представитель московского центра Скорутто доложил предложение польского об'единения войти в связь с этим об'единением с целью получения целого ряда информационных сведений и выполнения некоторых директив, носящих экономический и политический характер. Помимо одного экземпляра сведений для поляков через московский центр посылались планы подземных работ и поверхности рудников с указанием на них электростанций. Хотя Скорутто не говорил, что этими сведениями интересуется военное министерство, но по характеру сведений было ясно, что ими интересуется польский генеральный штаб. С этого времени получение денег из-за границы в общей сложности увеличилось процентов на 30 к суммам, полученным от парижского центра и французов...».

После принятия организацией указанного предложения польского об'единения связь с Польшей поддерживалась также через... это лицо. Он, именовавший себя «Казимиром», сообщил Бояринову, что собирает сведения для ... (л. д. 211). Указанный «Казимир»,— показывает Бояринов:

«... приехал на Кадиевку в феврале месяце 1926 г. и привез закрытое письмо от Матова, в котором последний сообщал, что податель письма — тот человек, о котором, он с ним, Бояриновым, говорил, Бояринов условился встретиться с «Казимиром» в марте месяце 1926 г. на ст. Дебальцево. Вскоре после от'езда «Казимира» приехавший на Кадиевку Матов спросил Бояринова, приезжал ли к нему посланный человек. Получив утвердительный ответ, Матов вручил Бояринову в запечатанном виде два об'емистых пакета и предложил их передать «Казимиру». По состоявшемуся условию Бояринов встретился с «Казимиром» на ст. Дебальцево и вручил ему пакеты. Тогда же они условились встретиться в конце апреля 1926 г. на Байракском рудоуправлении. Местом встречи была названа квартира Сватковской. В середине апреля 1926 г. Соколов возвратившийся из Харькова, вручил Бояринову без всяких надписей один об'емистый пакет и указал, что это от Матова для дальнейшей переотправки. В обусловленное время Бояринов вручил этот пакет «Казимиру» на квартире Сватковской, условившись встретиться в конце мая, или в начале июня, при чем в целях конспирации местом встречи была назначена станция Никитовка. Приблизительно в конце мая 1926 г. на Кадиевку приехал групповой директор Донугля Е., который вручил Бояринову пакет, тоже без всяких надписей, и сказал, что пакет от Юрия Николаевича (Матова). Встретившись с «Казимиром» на ст. Никитовка, Бояринов вручил ему этот пакет, условившись встретиться на той же станции в августе месяце. Примерно в половине июня 1926 г. Е. привез Бояринову один пакет для дальнейшей переотправки, а затем тот же Е. в начале августа привез второй пакет. Оба они были вручены Бояриновым «Казимиру» на ст. Никитовка, условившись встретиться на той же станции в конце сентября. Примерно, 3—5 сентября Е. привез пакет Бояри-

нову, который он вручил «Казимиру» в конце сентября. В виду перехода Бояринова с Кадиевки на Байрак его связь по переотправке пакетов была прервана». Однако, «в ноябре 1926 г. на Байрак приехал «Казимир» с письмом Матова, в котором последний просил оказать содействие подателю письма в сборе технических сведений. «Казимир» заявил, что ему нужны следующие сведения по Байраку и Щербиновке: статистические сведения о добыче, производительности, задания за прошлые три года, перспективный 5-летний план, перечень главнейших капитальных работ, как произведенных, так и намеченных к производству. Бояринов, собрав эти сведения по Байраку, вручил их «Казимиру» на шахте. Вместе с «Казимиром» Бояринов приехал на Центральную шахту Щербиновского рудоуправления, где застали Одрова, замещавшего Сущевского, Бояринов, указав на «Казимира», сказал Одрову, что по поручению Матова нужно собрать сведения по Щербиновке и передать их. Все сведения были собраны и к 7 часам вечера вручены «Казимиру», которого Бояринов отвез на Никитовку...» (л. д. 207—211).

За период с 1923 до 1926 г. связь организации с... приняла совершенно организованный и оформленный характер.

ГЛАВА VII.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР И ЕГО РАБОТА.

История возникновения Московского центра.

Показания, которые мы приводили выше, говорят уже о работе не только Харьковского об'единяющего центра вредителей, но и о наличии и деятельности такого же центра в Москве. Это последнее обстоятельство не могло, конечно, явиться случайным. Организация развилась настолько, в частности, в сфере заграничных своих связей, что рационально могли быть разрешены все задания, которые себе начала ставить организация, лишь при наличии соответствующего аппарата в командной верхушке всего управления промышленностью СССР—ВСНХ в Москве. К этому толкало и установление связи с другими отраслями промышленности и крупная роль, которую осуществляла организация в деле реализации заграничных заказов по закупке импортного оборудования, наконец, в той области, где организация соприкоснулась с работой чисто-политического характера. Только Москва могла удовлетворять здесь требованиям, которые ставились логикой внутреннего развития организации и, что главное, логикой классовой борьбы. Все это толкало и толкнуло организацию на создание руководящего центра в Москве и передачу ему основных, по меньшей мере, и наиболее опасных и ответственных функций—финансирования из-за кордона, связи с другими отраслями промышленности. Начало образования такого центра датируется 1926 годом.

Интересно, что образование такого центра было также продиктовано из-за границы—Парижским центром.

Московский центр, по показаниям Матова, был сформирован в следующем составе: Рабиновича, Ф....., Н....., Скорутто, П....., Именитова, кажется (относительно последнего Матов не уверен), и ряда других лиц (л. д. 118).

О составе Московской организации дали, кроме Матова, показания Братановский и Казаринов:

Братановский:

«Непосредственное руководство группа организации Донугля получала от Московского центра, состоявшего из инженеров Рабиновича, Скорутто, ... Именитова .....

Во главе об'единения стоял Рабинович (л. д. 102)».

Казаринов:

«Я ограничиваюсь персональным перечислением тех лиц, об участии коих в рядах организации мне доподлинно известно. Председатель Московского центра—Рабинович, Л. Г.» (л. д. № 376).

О существовании Московского центра было известно и инженеру Березовскому, который по этому поводу показал:

«Горлецкий сообщил мне, что, кроме Харьковского центра, существует еще центр в Москве, в котором состоит горный инженер Именитов» (л. д. № 124—об).

Московская организация впоследствии расширилась в своем составе и налаживала связи с местами, о чем свидетельствует Матов.

О связи Московского центра с организациями явствует также из показаний Братановского:

«Связь организации Донугля с Московским центром поддерживалась через Скорутто или Именитова... На собраниях Московского центра от донугольской организации бывали и делали доклады Бояршинов, Белавинцев и Матов (раза два). Насколько знаю со слов Матова или Скорутто,, Рабинович и... поддерживали связь с другими подобными об'единениями в других отраслях промышленности» (л. д. 103).

Задачи Московского центра, по показаниям Матова и Братановского, состояли в следующем:

Матов:

«Задачей центра являлось об'единение существующих уже организаций, создание новых, инструктирование и руководство общих вопросов местными организациями. Кроме того, задачей его являлось влияние на центральные правительственные органы и связь с инженерно-техническими организациями, к числу коих относились: клуб горных деятелей, ВАИ, Центральное бюро ИТС. Работа Московской центральной организации велась в следующих направлениях: связь с заграницей по соответствующим отраслям промышленности в смысле дачи информации и проведения вредительской работы как в центральных учреждениях, так и в правлениях трестов, имевшихся в Москве. Инструкции, которыми руководствовалась Московская центральная организация, при помощи которых она руководила работой в отдельных отраслях промышленности, были аналогичны донуглевским, а так как к тому времени в донуглевской организации уже имелись достаточно подробные инструкции, то Московская организация воспользовалась ими, приспосабливая их, по мере надобности, в различных случаях при работе на производстве; для работы в центральных правительственных учреждениях там были выработаны специальные инструкции» (л. д. 118—119).

Более рельефно обрисовывает задачи организации Братановский:

«Задачи организации были:

1) Постепенное и планомерное приведение хозяйства страны, главным образом в крупной промышленности, в такое состояние, которое заставило бы сначала советское правительство сдать крупную промышленность в концессию иностранцам, и затем довести это хозяйство до такого состояния, чтобы Соввласти пришлось совершенно капитулировать перед иностранным капиталом.

2) На случай интервенции способствовать ее успехам, расстраивая хозяйство страны и дезорганизуя тыл.

3) Вести пропаганду против Соввласти, распространяя вокруг свое влияние постепенно на все больший и больший слой населения» (л. д. 80—81).

Такой разветвленной деятельностью Московский центр не ограничился, а связался с рядом государственных учреждений, с которыми происходили совместные заседания. Вот как об этом свидетельствует Братановский:

«После заседания вместе с московским представителем решено было «завязать связь пока-что со следующими трестами: с ...войти в сношение было поручено мне, а с ...—Бахтиарову, так как он имел в обоих трестах хорошо знакомых в лице инжен. ..—в первом и в лице инж. ..—во втором. Поручение мы с Бахтиаровым исполнили, и связь завязывалась. Помню, на собрании кто-то спросил Скорутто, имеется ли или следует завязать связь с организациями . . . . . промышленности в Харькове. На это Скорутто или Именитов ответил, что об этом должна позаботиться .... и что об'единять следует лишь предприятия однородной промышленности. С этого времени на собрании членов организации Донугля стали присутствовать представители указанных выше трестов:

от ....—....
от ....—....
от ....—....

Эти инженеры присутствовали на собраниях, на которых рассматривались наиболее важные вопросы, например, о пропаганде, о методах проведения в жизнь директив заграничных центров, об отношении к интервенции и т. п.» (л. д. 106—107).

Наличие централизованной связи устанавливается также показанием Братановского:

«Скорутто привозил из Москвы инструкции о том, чтобы связь осуществлялась исключительно через Московский центр, и докладывал об установлении прочной связи с заграничными об'единениями через..» (л. д. 157).

Подчинение себе Московским центром Харьковских организаций, по показаниям Матова, было осуществлено:

«Начиная со второй половины 1927 г., Московский центр начинает и для Харьковских организаций играть роль настоящего центра. Туда направлялись сведения и все данные, и оттуда же получались причитающиеся денежные суммы» (л. д. 163).

Представители Московского центра принимали участие и в заседании донуглевской организации. Казаринов показывает:

«Я лично перед поездкой за границу присутствовал на одном заседании, на котором был решен, под председательством Матова, с участием Л. Г. Рабиновича, вопрос об учреждении и распределении ролей в УНС. Этому органу организация справедливо придавала чрезвычайно большое значение. На заседании присутствовали, помимо Матова, Бахтиаров, Братановский, Детер, Рабинович и Сущевский. Я впервые присутствовал на подобном совещании, и оно произвело впечатление» (л. д. 379—380).

Со стороны Донугля Московский центр посещал Матов. Он показывает:

«Я был на заседании Московского центра несколько раз... Проездом через Москву, где я пробыл несколько дней, я посетил Московский центр, где застал группу руководителей в лице Рабиновича, Скорутто, Именитова и несколько других лиц. Я заявил, что еду за границу и буду в Париже. Тогда мне Рабинович сказал, что я должен посетить там бывший с'езд горнопромышленников и, кроме того, офиц. учреждение, которые должны информировать о положении дел московской центральной организации» (л. д. 163 и 253).

Членам Московского центра Рабиновичу и Скорутто была дана очная ставка: Рабиновичу—с Братановским, Казариновым и Матовым, Скорутто—с Братановским и Матовым.

На очной ставке Братановский, Казаринов и Матов согласно подтвердили, что Рабинович и Скорутто состояли членами Московского центра.

Раскрытие шахтинского дела и энергичная работа украинского ОГПУ по ликвидации Донуглевского центра дали возможность органам ОГПУ ликвидировать работу Моск. центра раньше, чем он сумел действительно широко развить свою работу; следственные власти по настоящему делу ограничились преданием суду лишь лиц, по данному делу наиболее уличенных, выделив и направив к доследованию дело в отношении лиц, не игравших особой руководящей роли по вредительству на периферии, либо хотя и игравших руководящую роль в Москве, но не в отношении каменноугольной промышленности.

Нижепоименованные привлеченные к следствию в качестве обвиняемых показали:

1) Березовский Николай Николаевич, род. в 1887 г., не судимый, горный инженер, имевший до революции сбережений в сумме до 20 тыс. рублей—виновным себя признал;

2) Калганов, Николай Ефимович, род. в 1887 г., не судимый, горный техник, до революции имел сбережений в сумме до 5 тыс. рублей—виновным себя признал;

3) Самойлов Василий Никифорович, род. в 1880 г., не судимый, быв. собственник-шахтовладелец, горный техник—виновным себя признал;

4) Бабенко, Сергей Александрович, род. в 1888 г., не судимый, горный техник—виновным себя признал;

5) Чернокнижников, Степан Ефимович, род. в 1884 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

6) Башкин, Абрам Борисович, род. в 1887 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

7) Никишин, Михаил Ефимович, род. в 1892 г., не судимый, электротехник—виновным себя признал;

8) Петров, Василий Филиппович, род. в 1887 г., не судимый, горный инженер—виновным себя признал;

9) Потемкин, Григорий Петрович, род. в 1881 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

10) Матов, Юрий Николаевич, род. в 1882 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

11) Братановский, Сергей Павлович, род. в 1885 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

12) Соколов, Валентин Олимпович, род. в 1886 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

13) Казаринов, Алексей Иванович, род. в 1885 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

14) Шадлун, Георгий Акимович, род. в 1880 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

15) Бояринов, Николай Антонович, род. в 1890 г., не судимый инженер—виновным себя признал;

16) Детер, Александр Васильевич, род. в 1887 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

17) Кржижановский, Николай Константинович, род. в 1888 г., инженер, не судимый, виновным себя признал;

18) Файерман, Павел Маркович, род. в 1877 г., горный техник, не судим, виновным себя признал;

19) Одров, Владимир Клавдианович, род. в 1889 г., инженер, не судим, виновным себя признал;

20) Сущевский, Дмитрий Михайлович, род. в 1889 г., до революции имел сбережений около 30 тысяч р., инженер, не судимый—виновным себя признал;

21) Будный, Семен Захарович, род. в 1875 г., служащий, не судим—виновным себя признал частично;

22) Люри, Владимир Владимирович, род. в 1895 г., инженер, не судим, виновным себя признал частично;

23) Ржепецкий, Владислав Станиславович, род. в 1875 г., инженер, не судим—виновным себя признал частично;

24) Бояршинов, Николай Прокофьевич, род. в 1878 г., инженер, не судим,—виновным себя признал частично;

25) Мешков, Леонид Николаевич, род. в 1876 г., инженер, не судим,—виновным себя признал частично;

26) Калнин, Петр Эрнестович, род. в 1878 г., инженер, не судим,—виновным себя признал частично;

27) Горлов, Иван Григорьевич, род. в 1888 г., горный техник, не судим,—виновным себя признал частично;

28) Элиадзе, Александр Яковлевич, род. в 1880 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

29) Колодуб, Емельян Кирилович, род. в 1863 г., техник, б. шахтовладелец, не судим,—виновным себя признал частично;

30) Некрасов, Иван Иванович, род. в 1888 г., инженер, не судим,—виновным себя признал частично;

31) Стояновский, Иван Кириллович, род. в 1888 г., инженер, не судим,—виновным себя не признал;

32) Семенченко, Платон Иванович, род. в 1878 г., служащий, не судим,—виновным себя не признал;

33) Владимирский, Владимир Васильевич, род. в 1883 г., инженер, имел до революции сбережений до 20.000 р., не судим,—виновным себя не признал;

34) Овчарек, Мечислав Антонович, род. в 1890 г., инженер, не судим,—виновным себя не признал;

35) Кувалдин, Владимир Михайлович, род. в 1877 г., механик, не судим,—виновным себя не признал;

36) Некрасов, Александр Евдокимович, род. в 1882 г., горный техник, не судим,—виновным себя не признал;

37) Нашивочников, Василий Николаевич, род. в 1883 г., инженер, не судим,—виновным себя не признал;

38) Васильев, Федор Тимофеевич, род. в 1883 г., горный техник, не судим,—виновным себя не признал;

39) Беленко, Венедикт Иванович, род. в 1894 г., техник, не судим,—виновным себя не признал;

40) Колодуб, Андрей Кириллович, род. в 1874 г., техник, не судим,—виновным себя не признал;

41) Антонов, Петр Ильич, род. в 1890 г., инженер, не судим,—виновным себя не признал;

42) Кузьма, Леонард Бернгардович, род. в 1891 г., инженер, не судим,—виновным себя не признал;

43) Горлецкий, Николай Николаевич, род. в 1870 г., инженер, до революции имел сбережений до 30.000 р., не судим,—виноватым себя не признал;

44) Чинокал, Николай Андреевич, род. в 1887 г., инженер, не судим,—виновным себя не признал;

45) Валиковский, Андрей Константинович, род. в 1882 г., инженер, не судим,—виновным себя не признал;

46) Скорутто, Николай Иосифович, род. в 1877 г., инженер, не судим,—виновным себя не признал;

47) Рабинович, Лазарь Григорьевич, род. в 1860 г., инженер, б. углепромышленник, не судим,—виновным себя не признал;

48) Именитов, Соломон Григорьевич, род. в 1865 г., инженер, не судим,—виновным себя не признал;

49) Мейер, Макс Карлович, род. в 1876 г., рабочий, не судился, германский подданный,—виновным себя не признал;

50) Отто, Эрнст Эмильевич, род. в 1894 г., инженер, не судился, германский подданный,—виновным себя не признал;

51) Баштибер, Вильгельм Иоганнович, род. в 1892 г., рабочий, не судился, германский подданный, признал частично себя виновным;

52) Штельбринг, Виктор Эдуардович, род. в 1891 г., инженер, не судился,—виновным себя не признал;

53) Юсевич, Адриан Яковлевич, род. в 1884 г., инженер, не судился,—виновным себя не признал.

На основании изложенного нижеперечисляемые обвиняются в том, что они состояли членами вредительской контр-революционной организации, действовавшей с 1920 по 1928 гг., разновременно вступив в нее и поставив своей целью подрыв советской каменноугольной промышленности, в контр-революционных целях, для достижения чего производили:

1. Разрушение и срыв производства на местах.

2. Срыв работы организационного центра каменноугольной промышленности Донбасса—Донуголь.

3. Срыв работы центральных органов, руководивших каменноугольной промышленностью.

Для достижения этих целей означенная контр-революционная организация не только использовала аппараты советских учреждений, противодействуя их нормальной деятельности, но и связавшись с пребывающими за границей и на территории СССР враждебными СССР лицами, группировками и органами, выполняла их враждебные в отношении СССР задания, передавала им сведения об экономическом состоянии каменноугольной промышленности для использования этих сведений во вред СССР и получала от заграничных контр-революционных об'единений и иных органов денежные средства для продолжения и

дальнейшего развития своей контр-революционной деятельности, каковые действия предусмотрены ст. 58[7] Уголовного Кодекса РСФСР, в отношении: 1) Калганова Н. Е., 2) Бабенко С. Я., 3) Самойлова В. Е., 4) Чернокнижникова С. Е., 5) Петрова Ф. В., 6) Никишина М. Е. 7) Кузьмы Л. Б., 8) Горлова И. Г., 9) Горлецкого Н. Н., 10) Березовского Н. Н., 11) Кржижановского Н. К., 12) Сущевского Д. М., 13) Соколова В. О., 14) Воликовского А. К., 15) Штельбринг В. Э., 16) Мешкова Л. Н., 17) Чинокала Н. А., 18) Фаермана П. М., 19) Потемкина В. П., 20) Бояршинова Н. П., 21) Рабиновича Л. Г., 22) Колодуба Е. К., 23) Беленко В. И., 24) Колодуба А. К., 25) Васильева Ф. Т., 26) Нашивочникова В. А., 27) Овчарека М. А., 28) Калнина П. Э., 29) Некрасова А. Г., 30) Кувалдина В. М., 31) Элиадзе А. Я., 32) Антонова П. И., 33) Одрова В. К., 34) Семенченко П. И., 35) Люри В. В., 36) Стояновского И. К., 37) Некрасова И. И., 38) Ржепецкого В. С., 39) Владимирского В. В., 40) Именитова С. Г.;

58[7] и 58[3] в отношении: 1) Будного С. З., 2) Матова Ю. Н., 3) Братановского С. В. 4) Шадлун Г. А., 5) Детер А. В., 6) Юсевич В. Я., 7) Казаринова А. И., 8) Бояринова Н. А., 9) Скорутто Н. И., 10) Башкина А. Б. и

58[7] и 17 в отношении: 1) Бадштибера В. И., 2) Отто Э. К., 3) Мейер М. К.

На основании постановления Президиума ЦИК СССР от 25 марта 1928 г. все указанные лица подлежат суду специального присутствия Верховного Суда Союза ССР.

Ст. Помощник Прокурора РСФСР Н. Крыленко.

Прокурор Верховного Суда Союза ССР П. Красиков.

РЕЧИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ

Речь т. ГРИНЬКО.

Товарищи судьи, в течение больше, чем месяца, здесь перед вами с трибуны Верховного Суда перед рабочими и крестьянскими массами всей нашей страны, перед общественным мнением всего мира проходил процесс исключительной важности. На одиннадцатом году пролетарской диктатуры в советской стране, в эпоху развернутого социалистического строительства, мы видели шаг за шагом, упорно и последовательно развертывающуюся в совершенно конкретных и бесспорных формах деятельность контр-революционной вредительской организации, которая свила себе гнездо в энергетическом центре, в энергетическом сердце нашей страны—Донбассе.

Вы помните, товарищи судьи, что еще на XI С'езде Российской Коммунистической Партии тов. Ленин говорил так: «Вы знаете, что Донбасс основа нашей экономики. Ни о каком восстановлении крупной промышленности в России, ни о каком настоящем строительстве социализма,—ибо его нельзя построить иначе, как через крупную промышленность,—не может быть и речи, если мы не восстановим и не поставим на высоту Донбасс». Вот именно в это энергетическое сердце нашей страны были направлены удары той организации, многочисленные деятели которой фигурировали перед вами, и итог показаний которых мы должны здесь подводить. Затопление шахт, скрытие ценных пластов, ухудшение качества угля, удорожание стоимости угля, порча механизмов и машин, преступная растрата народных средств, бесплодное разматывание валюты и, наконец, прямой шпионаж в пользу враждебных нам капиталистических сил,—все это проходило здесь в чрезвычайно красочных и ярких формах. Это делали, в этом деле оказались замешанными многочисленные представители высшей технической интеллигенции Донбасса, многочисленные представители инженеров и техников этого района. Неудивительно, что к этому процессу, что к этому делу приковано было исключительное внимание трудящихся нашей страны и трудящихся далеко за пределами СССР, а также обостренное внимание враждебного нам капиталистического мира. Нет ничего удивительного в том, что вся советская общественность с глубочайшим интересом ждет приговора суда, и в этом приговоре авторитетной оценки итогов этого процесса.

И прежде всего, когда подходит дело к подведению итогов этого процесса, встает и не может не вставать вопрос о том, что мы здесь имеем,—суд над интеллигенцией нашей страны, или нечто совсем другое? Ни для кого ведь не секрет, что наши многочисленные враги за кордоном, вся белогвардейская пресса и реакционно настроенные элементы внутри нашей страны на эту тему шушукаются, эту мысль пускают в оборот, пытаются представить дело так, как если бы на скамье подсудимых на одиннадцатом году пролетарской революции сидела интеллигенция нашей страны. Мы могли бы, товарищи судьи, пройти мимо этих шушуканий и этой клеветы контрреволюционных и реакционных элементов, если бы со стороны самих подсудимых и, в частности, подсудимого Элиадзе, не была сделана попытка, в ходе

Общественные обвинители т.т. Осадчий, Шейн, Гринько, Крумин.

предварительного следствия, растворить свое преступное дело в общей массе интеллигенции, укрыться за интеллигенцию, потащить интеллигенцию на скамью подсудимых. Нет нужды доказывать, что не может быть и речи о том, чтобы шахтинский процесс рассматривать, как суд над интеллигенцией. Стоит только внимательно вдуматься в тот материал, который с широчайшей гласностью был развернут с трибуны специального присутствия Верховного Суда, чтобы понять, что линия развития интеллигенции нашей страны, ее отношения к Советской власти и линия развития программы и деятельности той группы наемников капитала, которая сидит на скамье подсудимых,—шли за эти годы в диаметрально противоположных направлениях. Да, интеллигенция нашей страны не сразу поняла и приняла Октябрьский переворот. Да, интеллигенция нашей страны прошла через тяжелую полосу саботажа, борьбы с Советской властью прежде, чем все более и более широкие ее кадры вовлеклись на путь советского социалистического строительства и бесповоротно, все крепче и теснее, связывали свою судьбу с судьбой рабочего класса, с судьбой социалистического строительства. Этот путь, великий путь установления нерушимого союза труда и науки, великий путь завоевания старых культурных слоев нашей страны мы прошли под гениальным руководством т. Ленина. И это является пройденным этапом, это закреплено нерушимо. Меж тем, как та группа вредителей, которая здесь печально демонстрировала свою работу, развивалась в совершенно противоположном направлении. От первоначальных антисоветских настроений, от первоначального полуактивного, полупассивного скрытия шахт, охраны добра только что ушедших хозяев в расчете на их скорый возврат, они эволюционировали в своей программе и в своей деятельности к развертыванию сложной контр-революционной системы активного вредительства, направленного на систематический подрыв нашего хозяйства, на подрыв социалистического строительства, направленного к прямому свержению Советской власти. В своей организации они эволюционировали от индивидуального вредительства, от полупартизанского вредительства мелкими группами к правильно построенной централизованной организации, которая наладила крепкую конспиративную связь сверху до низу в нашей стране, которая построила, не гнушаясь никакими путями предательства и измены, правильную связь с враждебными нам силами белой эмигрантщины и европейского капитала. Наконец, линия их развития шла от экономического вредительства к прямой политической контр-революционной работе, которая, по словам самих подсудимых (в частности, Казаринова и Матова), именно в 1927 году получила особенно яркий политический характер, когда элементы чистой политики стали преобладающими в их контр-революционной работе.

Вот почему эти две линии развития,—линия развития интеллигенции нашей страны и ее отношения к Советской власти и линия развития группы контр-революционных деятелей, сидящих на скамье подсудимых, не имеют между собою ничего общего. Они идут в диаметрально противоположных направлениях. Вот почему не удался и не мог удасться отвратительный маневр подсудимого Элиадзе потащить советскую интеллигенцию на скамью подсудимых, не удалось им укрыться за широкими плечами деятелей науки и техники в нашей стране, которые все более и более связывают свою судьбу с судьбой победоносного пролетариата. Нет никакого сомнения в том, что интеллигенция нашей страны, вместе со всем пролетариатом, извлечет уроки из этого процесса, глубоко задумается над тем, какие клетки еще живут в ее тканях. Этот процесс станет настоящей школой того, что есть советская лойяльность, и как малейшая нелойяльность ведет к соучастию в измене, тягчайших преступлениях против великого дела социализма, против величайшей задачи человечества.

Вот почему, товарищи судьи, я считаю, что нужно с категорическим отрицанием отнестись к той версии о переломе их настроений в 1926/27 году, которую развивали здесь многие подсудимые. Нужно развеять легенду о том, что в 1926/27 г. их деятельность начала близиться к концу, что они, увлеченные советским строительством, отходили от преступной организации. Ни одного факта, буквально ни одного конкретного доказательства, который указывал бы на действительный перелом в настроениях сколько-нибудь значительной группы

обвиняемых, приведено не было. Эта защитная теория перелома выростала пост-фактум, в процессе предварительного следствия и судебного разбирательства. Судите сами, товарищи судьи.

Подсудимый Калганов говорил здесь, что в 1927 году его мировоззрение уже переломилось, и он не вредил, что последний раз деньги он получил в 1926 году. Он уверял здесь, что перелом в его настроении начался в связи с ростом нашего народного хозяйства. Он поэтически описывал тот технический прогресс, который обозначался в его районе. «Если раньше считалось,—говорит Калганов,—что 500 саж. предел, то теперь мы работаем уже 550 саж. по уклону, уже такая откатка есть. Послужило этому, как я уже сказал, то, что на горную промышленность и, в частности, на наш район, были брошены большие материальные средства в виде: кабелей, электроэнергии, значительного усиления Власовской станции, врубовых машин последней марки Сулливановских, дающих прекрасные результаты, и т. д.». Донецко-Грушевское рудоуправление стало в 1927 г. давать 60 млн. пуд. против 30 млн. пуд. в довоенное время, стало первым по механизации в Донбассе... Но этот перелом Калганова, по его же собственным словам, не нашел своего об'ективного выражения. Он никому о нем не сказал, никаким актом с организацией не порвал. Больше того, он продолжал вредить, он продолжал, пуская под выработку одну сторону шахты, другую оставлять для старых хозяев, продолжал, вместе с Беленко, саботировать машины советского изобретательства (скрепер Лунценко) и т. п.

Подсудимый Самойлов, горный техник, бывший собственник, который, по собственному признанию, 5 лет вредил, и которому вменяется в вину связь с контр-разведкой, также пытался уверить здесь суд, что к концу он уже видел преимущества советской системы хозяйства (концентрация производства, единство электроснабжения и т. п.). Он уверяет, что, как техник, он видел и чувствовал развертывающиеся достижения. Но и он также никому не сказал об этом переломе, не разорвал с организацией, больше того—по инерции продолжал вредить. Что при этом стоят теперь его слова, сказанные на суде: «Наша беда в том, что мы люди переходного времени...»

Подсудимый Казаринов, который, по его собственным словам, в 1924 году радовался, что не опоздал вступить в организацию, которому по его собственным словам, в 1925 г. польстило, что его включили в Харьковскую центральную организацию,—и он толковал здесь о переломе. Он говорил здесь о том, что начало перелома относится к той беседе с Дворжанчиком, из которой он понял, что у организации есть иные, более важные, чем экономика, цели, который, вернувшись из-за границы, застал «правильно организованное преступное общество» с рельефно выраженными контр-революционными целями. Он уверяет суд, что к этому моменту он понял уже, что Советская власть доказала умение созидать лучше, чем концессионеры, что он «был в отчаянии, что как преступник, не может радоваться строительству», что он хотел уйти, но всюду наталкивался на организацию и не в состоянии был вырваться из ее цепких лап. Казаринов также никому не сказал о своем переломе, реально с организацией не порвал, и даже не сразу сознался после ареста. Он также по привычке, по инерции, продолжал вредить.

Подсудимый Братановский уверял здесь, что к концу своей работы в организации он уже склонялся к Советской власти, увлекался культурным ростом нашей страны, увлекался советской молодежью, «страдал, когда делал вредительство». Братановский уверяет, что у него много раз возникали тяжелые чувства, что он хотел все бросить, что у него возмущались и чувство порядочного человека, и чувство гражданина страны, и чутье инженера. Но и он, по собственному признанию, продолжал вредительство из «интеллигентской инерции», он уверяет, что «порвать с организацией—значило уйти из Донугля, из Донбасса, лишиться всего, начать все сначала». Больше того, Братановский откровенно признается, что эти сомнения возникали редко, что «слишком велика была привычка». Было бы вернее сказать, что это была не привычка, а настоящая натура вредительства, искони враждебная, навсегда враждебная социалистическому строительству.

Не то же ли самое мы слышали здесь от Березовского, который говорил, что малодушие не позволило ему выявить начавшиеся у него колебания,

который ждал подходящего случая, чтобы уйти из организации, но не дождался его вплоть до ареста. Не то же ли самое говорит Матов, которого, видите ли, бурное восстановление Донбасса также заставляло колебаться, но который, по его собственному признанию, «откладывал пересмотр своего мировоззрения. Занятый активным вредительством не удосужился найти подходящий момент, чтобы выявить свой перелом.

Я не говорю уже о таких людях, как Кржижановский, который, будучи вовлечен Матовым в 1926 году, «все ждал, пока представится момент высказать свое отрицательное отношение к первому разговору с Матовым, но момент не представился». А пока он продолжать вредительствовать и заниматься шпионажем в пользу враждебных государств. Я уже не говорю о таких людях, как «святой» Бояршинов, который отрицает свое участие в контр-революционной организации, но который, по собственному признанию, будучи главным директором крупнейшего в мире угольного треста, несколько лет знал о существовании контр-революционной организации в этом тресте, по собственному признанию, был в плену у этой организации и, однако, никому и никогда ничего о ней не сказал. Он, считающий себя лойяльным советским гражданином, не видел в советской стране той силы, которая могла бы его спасти от кошмара организации.

Вот они те, кто говорит о переломе. Версия о переломе, о затухающей кривой развития это организации, о выветривании этой организации—не имеет ни одного доказательства на процессе и должна быть отвергнута. Наоборот, мы имеем прямые доказательства того, что организация шла по восходящей линии своего развития. Могли быть отдельные колеблющиеся. Несомненно, в 1927 году, когда этот контр-революционный корабль получил первую пробоину в виде летних арестов в шахтинском районе, на нем появились свои крысы, которые заметались, нервничали, собирались бежать с поврежденного корабля. Но и они в советской стране не видели, куда бы им причалить, к советскому берегу плыть не собирались, ибо это для них чужая враждебная пристань. Нет, перед Верховным Судом не было приведено ни одного доказательства того, что мы имели затухающую кривую развития организации, перед советским судом не было представлено никаких материалов, которые дали бы право рассматривать настроение и работу этих людей, как некое запоздалое переживание того же порядка, какое имело место в начале Октябрьской Революции среди широких кругов интеллигенции нашей страны. Наоборот, многочисленные факты и показания самих подсудимых, в том числе таких, как Матов и Казаринов, прямо говорят о том, что именно в 1927 году организация получает отчетливо выраженный политический контр-революционный характер. Подсудимый Матов спокойно повествовал здесь, как от 1924 к 1925, от 1925 к 1926 и от 1926 к 1927 году шла нарастающая работа вредительской и предательской организации, как вопросы скрытия того или иного пласта заменялись на повестках организации вопросами о даче сведений шпионского характера враждебным капиталистическим силам, вопросами о подготовке интервенции и т. п. О том же говорит и подсудимый Казаринов, который, возвратясь из-за границы нашел в 1927 г. не аморфную организацию, которую он оставил, уезжая за границу, а правильно построенное преступное общество контр-революционного характера. Это подлинные слова Казаринова. К последнему же периоду относятся попытки этой организации протянуть руки от угля к металлу, к химии, к руде, все глубже внедриться в нашу тяжелую промышленность, по настоящему охватить командные высоты нашего народного хозяйства. К последнему же периоду относится и усиление их связи с Московским центром.

Не поможет здесь и теория шантажа, которая всплыла на судебном следствии и которую, как последний якорь спасения, пытался развивать в ходе судебного следствия защитник одного из обвиняемых. Конечно, стяжателей и шантажистов в этой организации не могло не быть, но это не может смягчить прямого контр-революционного характера этой организации, деятели которой достаточно красочно предстали перед судом, как заклятые политические враги советского строя. Товарищи судьи, это не люди переломной эпохи, это не запоздалые переживания того же порядка, какие были характерны для интеллигенции в начале Октябрьского переворота. Нет, это законченные хо-

зяйские люди, люди Дворжанчика, Прядкина, Ремо, Бурова, это люди, в плоть и кровь которых вошла система капиталистического производства, это герои капиталистической эксплоатации, или, как здесь выразился один из рабочих-свидетелей, прямые бандиты капиталистической натуры. Эти люди не знали колебаний, не знали перелома, холодно и расчетливо, из года в год, накапливали они свой вредительский опыт, накапливали свои связи, шли по пути развития вредительской деятельности, шли от экономического вредительства и прямой политической контр-революции, к прямому предательству советского государства в пользу враждебных капиталистических сил.

Спрашивается, какова же программа этой организации, под какими знаменами выступала она на различных этапах своего развития? Перед вами, товарищи судьи, программа этой организации вскрыта до деталей. Нет нужды повторять это, нет возможности останавливаться на частностях и мелочах. Мне важно подчеркнуть лишь эволюцию этой программы, ее трансформацию на протяжении существования организации и, самое главное, мне важно подчеркнуть, что эволюция этой программы чутко отражала те позиции, которые на разных этапах за последний период занимал по отношению к нам враждебный капиталистический мир. Программа и деятельность вредительской организации была прямой функцией различных этапов борьбы европейского капитализма против нас. Три этапа здесь грубо должны быть подчеркнуты.

Первый период—1920, 1921, 1922 и отчасти 1923 г.. Это был период, когда из Донбасса хозяева только что ушли, это было время, когда едва затихла гражданская война, когда Пилсудский и Врангель еще совсем недавно подогревали надежды на военное свержение Советской власти. Хозяева Донецких предприятий отбыли на это время в места более спокойные. Слуги остались хранить хозяйское добро. В этот период их программа сводилась к тому, чтобы уберечь недра от большевиков, сохранить их для хозяев. Затопление шахт, скрытие целиков, Бессергеневка, шахта Новоазовская, шахта «Карл», шахта Скачинского и многие другие прошли здесь перед глазами суда. Но не только это, стремились за счет Советской власти приумножить достояния своих хозяев, под этим углом зрения направить начальные шаги нашего экономического строительства. Хозяева присылали деньги верным слугам, неустанно напоминали им о том, что за ними следят, что каждый их шаг на учете хозяев. Это печальная повесть о людях, притаившихся в буре гражданской войны и исподтишка, исподволь осуществляющих свою контр-революционную работу мелкими партизанскими партиями, подтачивающими хозяйственное строительство пролетариата. Если бы их надежды увенчались успехом, если бы вооруженной рукой капитализма свергнута была бы Советская власть, можно быть уверенным, что каждый год пребывания этих вредителей в Донбассе был бы зачтен их хозяевами за 10 лет, подобно тому, как это делается по отношению к капитанам английского капитализма в тяжелых колониальных экспедициях. Их наградили бы, вероятно, особыми знаками отличия за охрану хозяйского добра от пролетариата в бурные годы гражданской войны и в первые героические годы нашего хозяйственного строительства.

Но этим надеждам не суждено было сбыться. 1923, 1924 и 1925 годы отмечают второй этап в развертывании организации. Хозяйство нашей страны бурно шло вперед, денежная реформа отмечала крупный этап наших хозяйственных достижений. Надежды на скорую реставрацию путем военной интервенции меркли. Как говорил белогвардеец Ольденбург в журнале «Русская Мысль» «надежды, возникшие было в связи с английским ультиматумом (Керзона), не оправдались». Подготовляется и развертывается так называемая пацифистско-демократическая эра и полоса признания нас со стороны капиталистической державной Европы. Это был крупный маневр европейского капитала в его борьбе против нас. Это была грандиозная попытка взорвать нас на путях хозяйственного строительства и демонстрировать перед всем миром неспособность социалистической системы хозяйства в ее борьбе против системы капиталистической.

В этот период мы видим сидящих на скамье подсудимых уже в несколько иной роли. Их контр-революционная работа трансформируется. Быстро склады-

вается и оформляется организация, период индивидуального вредительства и вредительства мелкими разобщенными партиями закончен. Хозяйские люди зашевелились навстречу хозяевам, бешено готовятся к концессиям и подготовляют их. Это именно в этот период Казаринов радовался, что не опоздал вступить в организацию. Именно к этому периоду относится признание Сущевского: «Прошел острый период жизни (1920—22 гг.), жизнь стала входить в русло повседневности и потянула из-за кордона струю из старого». Они оживленно шли навстречу тому маневру, который мировой капитал предпринимал против нас, поднялась и зашевелилась вся эта болотная гниль капитализма и, преступно используя доверие рабочего класса, завоевывая одну за другой позиции в техническом управлении Донбасса, они творят свое предательское дело, они готовят свою концессионную политику. Они пытаются подводить идеологическую основу под ту концессионную политику, которую они хотели было провести навстречу нажимавшему на нас иными методами европейскому капиталу. Вспомните, как говорил здесь Казаринов: «1924 год был переломный в жизни Донбасса, восстановление на веревочных вожжах кончено, дальше нужно другое... Стала поступать иностранная литература, приковывать к себе внимание блестящее восстановление северных департаментов Франции, работа в Америке...» Кругом же он видел только скептицизм, голоса о необходимости частной инициативы, о концессиях. Я прошу Вас, товарищи судьи, обратить внимание на этот момент 1924 года. К этому времени было уже преображено социальное лицо нашей страны, к этому периоду пролетариат в союзе с крестьянством не только победоносно отразил капиталистическую интервенцию, но и начал бурный под'ем народного хозяйства, к этому времени был уже утвержден и были развернуты работы по осуществлению великого плана ГОЭЛРО, к этому моменту пролетариат поднял на свои плечи гигантскую задачу по восстановлению сельского хозяйства, промышленности, транспорта. И вот в этот момент напряженной лихорадочной стройки Казаринов с великолепием барина оглянулся вокруг и ничего не увидел, кроме скептицизма, кроме неверия в способность Советской власти обеспечить под'ем народного хозяйства. Но вдумайтесь, товарищи судьи, в логику их показаний. Допустим, что они действительно не верили в возможность восстановления хозяйства при советском строе. Поверим в их любовь к Донбассу, и поверим, что они действительно хотели притока родной им частной инициативы для блага нашей страны. Но тогда разве такой должна была быть их концессионная политика? Наша концессионная политика заключалась в том, чтобы, идя на ряд уступок, усилить приток капитала к нам, чтобы форсировать таким образом темп нашего хозяйственного развития. Их же концессионная политика заключалась в том, чтобы за счет наших последних скудных нищенских рессурсов приумножить достояние своих хозяев, поднять и оборудовать отдельные хозяйские шахты, поднести им сюрприз к моменту их возвращения и, разумеется, тем самым обеспечить себе солидный текущий счет в одном из банков международного капитала. Разве это имеет что-нибудь общее с советской концессионной политикой? Нет, это антисоветская политика врагов рабочего класса, капиталистических рвачей, которые пытались сорвать последний клок с советской страны, чтобы с букетом восстановленных, обновленных шахт достойно встретить победоносное пришествие своей буржуазной власти, своих хозяев. Не неверие в творческие силы Советской власти, а боязнь этих развертывающихся на их глазах творческих сил пролетариата толкнула их хозяев и их самих на ту программу вредительства, которую они осуществляли в период 1923—1925 гг. и которая сводилась к тому, чтобы затруднить наше хозяйственное восстановление, чтобы замедлить и удорожить строительство, ухудшить качество угля и удорожить его стоимость и тем самым убедить в необходимости сдачи концессионерам. Затягивание проектирования строительства, заведомо неправильное строительство, порча механизмов и машин,—все это изведал Донбасс, могучий великан советской энергетики. И все это преодолел рабочий Донбасс.

Последний период—1926 и 1927 г.г. Всем известно, что к этому периоду происходит крутой перелом в европейской политике, в результате прихода к власти консерваторов в Англии, Пуанкаре во Франции, Гинденбурга в Гер-

мании, закрепления фашистов в Польше и Италии. Антисоветский блок европейской реакции под руководством Англии складывается и оформляется. Тяжелый дух Локарно дает себя знать. Новые времена, новые песни. Уже эта, отмеченная выше, своеобразная концессионная политика вредителей кажется недостаточной вершителям судеб европейского капитала и русской контрреволюционной эмигрантщины. Программа вредительства вступает в новую полосу, подымается на высшую ступень своего развития, где и настигаются вредители карающим мечем пролетарской революции. В этот период мы видим уже в их программе намерение всерьез и надолго искривить линию технической политики Советской власти. Жутко сказать, но знаменитое мелкое шахтное строительство развертывалось по прямой директиве Дворжанчика, создание и направление работ управления нового строительства Донбасса шло под контролем и по директивам Парижского об'единения бывших собственников. Основные вопросы политической жизни СССР не сходят с повестки дня вредительской организации. На повестке дня их работ все чаще стоит вопрос об организованном шпионаже, о подготовке к интервенции, о подготовке диверсионных актов на случай интервенции. Они пытаются подготовлять двумя рычагами: рычагом мелкого шахтного строительства и рычагом затягивания нового крупного строительства—кризис Донбасса где-то около 1930 года к моменту ожидаемой ими интервенции.

Товарищи судьи, эти три этапа в развертывании организации прошли перед вами и доказаны бесспорно. Мы имеем здесь организацию, которая чутко и интимно была связана с мыслями и вожделениями, с прямыми директивами организованной русской эмигрантщины и крупных воротил европейской капиталистической политики. Эта организация с правильной, убийственной для нее закономерностью в эволюции своей программы деятельности отражает этапы нашей борьбы с капиталистическим миром. И не даром, по их собственному признанию, один из их патронов, не то Прядкин, не то Соколов, деятели Совета С'ездов Горнопромышленников юга России, называли вредительскую организацию «передовым отрядом капитализма в СССР», который в тяжелой подпольной обстановке годы и годы вел здесь свою работу, дабы облегчить приход родной и близкой ему буржуазной власти. Только в этом аспекте следует воспринимать их слова о том, что неверие в творческие силы пролетариата толкало их на этот путь. Наоборот, именно то обстоятельство, что они начали видеть размах творческих сил пролетариата, именно то, что они видели, как неудержимо катится вперед наш экономический под'ем, каким все более и более опасным конкурентом для всей капиталистической системы становится наш Союз,—это именно подливало масла в огонь, это вливало в них энергию для борьбы с Советской властью.

Но этот основной скелет развития организации осложнялся рядом дополнительных, но весьма важных моментов. Они прекрасно понимали эти, по их же собственным словам, обер-офицеры капитала, этот передовой отряд залог нерушимости капитализма в России, что сила Советской власти кроется в интимной, глубочайшей связи с пролетариатом, кроется в прочном союзе рабочего класса с крестьянством. И вы видите, как они последовательно и упорно дают по организации директивы срывать отношения советского производства с рабочим классом, вы слышали здесь показания подсудимого Соколова, этого воспитанника Пажеского корпуса, о том, что он специально ставил на определенные работы Бояринова, который самой природой создан для того, чтобы раздражать рабочих. И это красной нитью проходит через всю их работу, это не могло не быть составной частью их политики, их программы. Вы видели, как они настойчиво били в одну точку: ухудшить качество угля, добиться повышения его себестоимости. Они прекрасно понимали, эти люди, воспитанные в капиталистических шахтах и на паркетах совета с'ездов горнопромышленников, что дорогой уголь и плохой уголь—это почти непреодолимая преграда для осуществления той политики снижения себестоимости и цен промышленных товаров, которую с такой настойчивостью, с таким самоотвержением и самоограничением ведет рабочий класс нашей страны. Они прекрасно понимали, что снижение себестоимости промышленной продукции—это вернейший путь для закрепления союза рабочих и крестьян, и этому они противостояли. Вы помните здесь прямой ответ

Березовского, что если бы их организация не работала, уголь стоил бы дешевле, и качество его было бы лучше.

Когда же иным из этих людей приходилось непосредственно сталкиваться с крестьянством, Вы видели на колоритной фигуре обвиняемого Антонова, как они это делали. Перед судом прошла блестящая иллюстрация отношения представителя горного надзора инж. Антонова к частному предпринимателю Мансурову, который во время взрывных работ на арендуемой им шахте закидывал камнями дворы соседних крестьян, угрожая ежедневно и жизни их жен и детей. Вы видели слезы этих крестьян-свидетелей, которые годами терпели эти измывательства от Мансурова и покрывающего его представителя горного надзора Антонова, друга Мансурова, получавшего от него борзых или лягавых собак и, вероятно, многое другое в благодарность за осуществление прямых обязанностей горного надзора. И это не случайная индивидуальная черта подсудимого Антонова—это настоящее существо этих героев капиталистической эксплоатации, которым чужд и непонятен язык Союза рабочих и крестьян на великих путях освобождения труда.

Вы слышали здесь, товарищи судьи, как они относились к достижениям Советского изобретательства, к завоеваниям советской индустрии. Они позорнейшим образом саботировали скрепер рабочего изобретателя Лунценко, хотя сами вынуждены были признать здесь его большие достоинства. Они преступнейшим образом саботировали врубовую машину Краматорского завода, только потому, что это советская врубовая машина, только потому, что это маленький шаг на великом пути закрепления индустриальной независимости нашей страны. Они упорно и систематически выживали инженеров-коммунистов из своей среды. Эти бывшие хозяева Донбасса, а многие из них члены совета с'ездов горнопромышленников, и даже почетные члены совета с'ездов, они не сдают своих позиций без боя. Опираясь на свои технические знания, на великую ценность, украденную ими у народа, они цинично глушили мельчайшие проявления технической инициативы рабочего класса и действительно советской интеллигенции.

Достаточно беглого взгляда на эту программу и ее эволюцию, чтобы убедиться, что она:

а) бьет по всем линиям социалистического строительства, с трезво взвешенным расчетом и с нарастающей силой;

б) прямо направлена к срыву социалистической индустриализации страны и к выдаче ее на милость капиталистам для той индустриализации, героями которой могут быть лишь большие и малые Колодубы или прожженные дельцы совета с'ездов горнопромышленников;

в) прямо направлена к срыву обороноспособности СССР и к облегчению интервенции; и

г) полностью соответствует программе и тактике борьбы с Советской властью русской белогвардейщины и международного капитала.

Вот почему, товарищи судьи, никакими версиями о переломе, о шантажировании своих хозяев, о шкурничестве и корыстолюбии (всего этого было вдоволь, больше, чем достаточно), не может быть закрыто политическое контр-революционное существо этой организации саботажников, предателей, вредителей и шпионов.

Мы привыкли проверять себя на каждом этапе нашего развития, перед каждым крупным фактом нашей деятельности. И мы невольно спрашиваем себя—может быть, действительно, советская система не давала выхода хозяйственному развитию, развитию производительных сил страны? Может быть, действительно, люди, сидящие на скамье подсудимых, прошедшие при капитализме бурную эпоху промышленного развития, пытались вырвать у нас хозяйство, чтобы отдать его в более умелые, более надежные руки? Однако, здесь, на гласном суде советской страны, никто из подсудимых не посмел поддержать эту версию. Здесь они не посмели выступить с открытым забралом и один за другим принуждены были склонить свои преступные головы перед советской системой хозяйства и признать ее преимущества.

И это неудивительно. Ведь общеизвестным является, что производство нашей страны, при советской системе хозяйства, вопреки отчаянному сопротивлению международного капитала, при наличии тех ядовитых змей, которые,

как показывает Шахтинский процесс, все еще ползают в порах нашего хозяйства, при всем этом наше производство перевалило за довоенный уровень и вступило в великую полосу реконструкции. Уголь дает на 24% больше, чем в 13-м году, нефть — на 20%, мощность электростанций поднялась с 1.078.000 киловатт в 13 г. до 1.700.000 квт. в 27 г. Подсудимые здесь много клялись в своей любви к Донбассу. Но в Донецкую каменноугольную промышленность в период 1910—1914 г.г. капиталисты вкладывали в новое строительство около 30 милл. руб. в год, между тем, как за последние 4 года Советская власть уже вложила в Донбасс свыше 350 милл. руб. Семиреченская жел. дорога, Днепрострой, металлургические заводы, тракторные заводы, заводы сел.-хоз. машиностроения начаты строительством. Подсудимые не могли этого не видеть, они стояли в центре хозяйственного строительства, на их глазах намечаются наши пятилетние перспективы с почти 20-миллиардным вложением в капитальные фонды страны только по обобществленному сектору.

Вот почему перед гласным судом Советского Союза они не посмели поддержать пущенную ими на предварительном следствии версию и изображать из себя защитников народного хозяйства, рыцарей народного хозяйства, которые пошли на борьбу, чтобы вырвать хозяйство из рук большевиков и передать его в более умелые руки. Здесь, по ходатайству защиты, к следственному материалу приобщен 23 и 24 номер «Вестника Донугля», трактующий о достижениях Донецкого бассейна за 10 советских лет. Я не буду цитировать этот журнал. Но на обложке его изображена кривая падения Донбасса в годы гражданской войны и его под'ема в период советского хозяйственного строительства. Донбасс перешагнул за довоенный уровень. Это великая кривая, которая изображает путь пролетарской революции, ее жертвы, ту неизбежную расплату, на которую вынужден был пойти рабочий класс, чтобы вырвать власть из рук капитала, и вместе с тем великий путь под'ема и семимильные шаги хозяйственного восстановления. И вот за ступени этого под'ема вверх, пытались теперь бесстыдно хвататься наемники капитала, в попытках сорвать восстановление Донбасса. Все, что они делали полезного, если таковое было, не может ни прикрыть, ни оправдать сознательного, холодного, расчетливого вредительства и предательства. Они из года в год упорно и систематически стремились к тому, чтобы ступени этой лестницы под'ема Донбасса были короче, чтобы размах развертывания был меньше, чтобы энергетическое сердце нашей страны билось с перебоями, чтобы оно не давало того разгона крови, который нужен молодому социалистическому организму для его великого победоносного движения вперед для сокрушения капиталистического мира.

Но может быть, товарищи судьи, мы вели это восстановление народного хозяйства, игнорируя интересы техников и инженеров, не давая надлежащего размаха их творческой деятельности? И этим можно оправдать их предательство? Тоже нет. И здесь подсудимые не найдут себе материала для оправдания.

Инженер—это конструктор и реконструктор. Мы живем в напряженной обстановке реконструкции старого и созидания нового общественного и хозяйственного строя. Советская власть открыла великие возможности инженерской мысли и инженерскому творчеству, она дала им возможность, опираясь на национализацию недр, на обобществление средств и орудий производства, освободиться от необходимости «искажать природу в пользу предвзятых теорий», как говорил Лаплас, и в пользу своекорыстных капиталистических интересов, как следует добавить теперь. Большинство из подсудимых за счет Советской власти побывали в Европе и Америке, получили возможность приобщиться к их техническим достижениям. Вы знаете, как они использовали эти командировки, вы знаете, что свое время и свои силы они убивали для закрепления контр-революционных связей, для создания сплоченной вредительской организации, для шпионажа, предательства и измены. Быть может нет надобности приводить дальнейшие примеры нашего отношения к техникам и инженерам. Но одного примера я не могу обойти молчанием. Всем известно, какая борьба шла между американскими и германскими фирмами за руководство строительством Днепростроя. Всем известно, что было мнение о необходимости отдать руководство более опытным заграничным техникам.

И, однако, Советское Правительство поставило во главе этого крупнейшего строительства нашей страны, во главе строительства крупнейшей электростанции в Европе беспартийного инженера Винтера, вручив ему единолично руководство этим делом, от которого зависит будущность огромнейшего и важнейшего хозяйственного района нашей страны. Сам подсудимый Матов говорил здесь, что «никогда, ни в одном бассейне, ни в одной стране не начиналось одновременно такое грандиозное шахтное строительство». Они могли бы создать здесь целую новую школу. Эти инженеры, сидящие здесь на скамье подсудимых, они могли бы покрыть себя неувядаемой славой в веках и поколениях, они могли бы создать действительно новый Донбасс, освобожденный от пут капитала, связанный единой сетью электроснабжения, единым центральным водопроводом, новый Донбасс, где шахтер был бы выведен из землянок и лачуг, в которых десятилетиями гноил его капитализм. Советская власть с величайшим доверием вручила это великое дело, это поистине славное дело старым Донецким инженерам. Ни при каком другом строе они не получили бы такой возможности. Чем они ответили на это? Не славой, а позором покрыли они свои головы, они стали инженерами-машиноборцами. Вы помните время на заре капитализма, когда первые машины обрекали на голод и холод огромные массы рабочих и когда измученные и пролетарски не воспитанные еще рабочие, массами уничтожали машины. Маркс говорил: «Требуется известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения, и вместе с тем переносить свои нападения с материальных средств производства на общественную форму их эксплоатации». У Эрнста Толлера, в его «Машиноборцах» есть фигура техника, беззаветно защищающего машины от голодной толпы, который сходит с ума при виде разрушаемой машины. Это было тогда, когда капитализм был еще передовой силой в человеческом обществе. Но вот перед вами, товарищи судьи, не голодная толпа обездоленных машиной рабочих, а сытые просвещенные инженеры, которым Советская власть открыла беспредельные перспективы творчества и которые из капиталистической ненависти против власти рабочих выбирают себе печальную участь инженеров-машиноборцев, уродуют электростанции, портят врубовые машины, затирают изобретательство. И это они делают потому, что не хотят социалистического применения машин. Вот уже, подлинно, люди эпохи загнивания капитализма. К счастью, это изолированная кучка, от которой с величайшим омерзением отвернулись широкие кадры советского инженерства. И еще одно нужно отметить. Мало того, что пролетариат оказал им исключительное доверие. Вы помните здесь показания свидетеля, настоящую исповедь старого рабочего Вайлова. Он говорил, мы их поставили, пусть учтут, насколько рабочий человек милостив. Нам наш вождь, т. Ленин, говорил о том, что техников надо использовать. И рабочие постарались забыть им все, и Колодубовскую палку, которая в этом же районе ходила по спинам рабочего класса, и жесточайшую эксплоатацию, и издевательства. Все это рабочие забыли, все это отвергли во имя строительства нового Донбасса, новой социалистической жизни. И это доверие рабочего класса подсудимые предали. Товарищи судьи, не только люди Донбасса, не только рабочий класс нашей страны, изуродованные шахты, скрытые пласты, сломанные машины, камни— вопиют об их преступлении. Во имя классовой зоологической вражды к социализму, они втоптали в грязь великое звание инженера.

Здесь подсудимые пытались найти себе оправдание в ссылках на неизбежные технические ошибки в таком большом строительстве. Неужели же в нашей стране кто-нибудь судит за технические ошибки, за ошибки, связанные с технической инициативой. Нет, в стране победоносного пролетариата, строящего социалистическое хозяйство, идущего неизведанным путем, расчищающего заросли прошлого, кующего новые формы будущего, за ошибки не судят, технический риск уважают. Здесь судят за холодный расчет капитала, за холодный расчет контр-революционной организации, которая шла к срыву советского хозяйства, которая осуществляла предательство советского государства.

Тридцать с лишним дней мы внимательно вслушивались в каждое слово обвиняемого, мы хотели понять побудительные пружины, которые двинули

их на их преступное дело, найти смягчающие обстоятельства. Но с каждым новым днем процесса, с каждым новым показанием подсудимого все яснее, неопровержимее становилось то, что это не люди переломной эпохи, запоздавшие со своим признанием советского строя, а законченные хозяйские люди, верные слуги современного капитала. Они сами говорят, что они жили здесь как бы изолированным островком в море рабоче-крестьянской советской стихии.

Товарищи судьи, эти люди никогда, ни одного дня не были связаны с советским строем. Они остались на нашем берегу, как обломки капитализма в великие годы революционных потрясений. В эпоху новой экономической политики, когда мы сознательно пошли на восстановление некоторых элементов частного хозяйства нашей страны, они приняли это за начало конца советской системы. Вы слышали здесь законченную общественную систему подсудимого Горлецкого, который уверен в том, что Советская власть неизбежно принуждена будет допустить к участию в управлении другие слои населения. Вот его слова: «Экономическое сотрудничество собственников и трудящихся я мыслю при их политическом сотрудничестве. Допустив частную собственность на земли и промышленность, государство неизбежно должно допустить эти группы населения к управлению государством. Я верю, что эволюционируя в дальнейшем, Советская власть к этому придет, у власти будут: частный собственник - капиталист, рабочий и крестьянин». Вот в каком направлении, по выражению Горлецкого, допускающего «парламентский строй даже и без монарха», стала играть мысль этих людей. Но они нетерпеливы, эти люди, путь перерождения Советской власти кажется им слишком медленным, и они поставили себе задачей форсировать реставрацию капитализма. Для этого годны все средства: саботаж, интервенция, экономическая контр-революция, шпионаж в пользу враждебных капиталистических сил, издевательства над лучшими завоеваниями пролетарской революции. Все средства хороши для завоевания желанной цели, заветной мечты этих людей—капиталистической реставрации.

Некоторые из них пытались изображать из себя патриотов нашей страны. Но позвольте спросить у этих патриотов, как вяжется их многократная и прямая измена нашей стране в пользу враждебных капиталистических государств с их патриотизмом? Позвольте спросить у них, есть ли у них хотя бы доля того патриотизма, который в 1920 году, в разгар наступления бело-поляков на СССР, заставил бывшего царского генерала Брусилова выпустить воззвание ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились, с призывом защищать страну от захватнических попыток Польши. Ведь деятели вредительской организации, сидящие на скамье подсудимых, и в те времена уже вредили нашей стране, уже предавали ее.

Нет, товарищи судьи, это законченные патриоты капитала. Наша страна близка им лишь постольку, поскольку они ее лучше знают, набили в свое время здесь руку на капиталистической эксплоатации. Эти люди не имеют ни малейшей связи с народом той страны, где они жили, кроме связи эксплоатации, предательства, измены и величайших преступлений, которые они совершили.

С трибуны VIII Всероссийского С'езда Советов Ленин звал инженеров, агрономов, техников на трибуны Всероссийских С'ездов Советов. Он ждал той поры, когда меньше можно будет заниматься политикой и когда на С'ездах Советов все чаще будут выступать инженеры, агрономы и техники, чтобы говорить о великих завоеваниях в хозяйстве, об экономическом и культурном росте страны, о великом под'еме технической мысли на путях социалистического строительства. И этот призыв не прозвучал напрасно, рабочий класс не ошибся, представители старой интеллигенции, носители старой культуры с каждым новым годом все теснее смыкают свои ряды в общем фронте советского социалистического строительства. Но не все.

Люди, сидящие на скамье подсудимых, не потянулись к С'ездам Советов рабочих и крестьян. Они потянулись в приемные обломков бывшего совета с'ездов горнопромышленников юга России, через него связывались они с мировым капиталом, которому они верят и которому они служат.

Это люди—законченные враги советского строя, они совершили великое преступление, и тяжелый меч пролетарского правосудия должен быть опущен на их головы.

Речь т. ШЕЙНА.

Товарищи судьи, процесс, который проходит перед вашими глазами, имеет большое значение для нашего Союза, но также знаменателен для пролетариата и всего мира. То гнездо бандитов-вредителей, среди инженерно-технических работников, что было обнаружено первоначально в Шахтинском районе, а затем выявлено в угольном районе в Донбассе и других отраслях нашего хозяйства, естественно заставило все профессиональные организации ревизионно отнестись как к деятельности технической интеллигенции в целом, так и, в частности, к деятельности этой группы и вынести по этому поводу ряд постановлений. Позвольте сослаться на соответствующие постановления о работе инженерно-технической секции и отдельных инженерно-технических работников в конце моего выступления, сейчас же перейти к тому как, вообще, ставили и ставят свою задачу инженерно-технические работники, в целом.

В статье «Успехи и трудности Советской власти» В. И. Ленин говорит: «...Специалисты науки и техники насквозь проникнуты буржуазным мировоззрением. Неимущий пролетариат от станка, крестьянин от сохи пройти университет не могли ни при царе Николае , ни при республиканском президенте Вильсоне. Наука и техника для богатых и имущих. Капитал дает культуру только для меньшинства, а мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас нет. Мы хотим строить социализм немедленно, но из того материала, который нам остался от капитализма со вчера на сегодня, теперь, же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этими побасенками. У нас есть буржуазные специалисты и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей и нам строить не из чего». Дальше В. И. говорит: «...Массовым весом своим заставить буржуазных специалистов служить нам трудно, но можно. Если мы сделаем это—мы победим».

Так ставился вопрос В. И. Лениным в 1918 г.—сейчас 1928 г. Каков же итог этих усилий рабочего класса и партии?

Основные трудности позади. Коммунистическая партия и массовым весом и авторитетом уже привлекла специалистов к работе для построения социалистического хозяйства.

Товарищи, еще в тот момент, когда центр Союза, тогда РСФСР,—еще был окружен белогвардейскими бандами и интервентами, когда на Донбассе только началась плестись шахтинская контр-революционная паутина, в центре наших энергетических рессурсов, в центре Союза ССР многие работники науки—техники с буржуазным мировоззрением из-за любви к тому народу, среди которого они живут, уже делали другую, действительно полезную работу. Припомните, тт., те трудности, которые переживала наша страна в 18—20 годах. Мы жили в голоде и холоде, наши фабрики и заводы не имели топлива, не было металла и запасных частей, а вместе с тем великая Красная армия на фронтах, делая свое дело, пред являла уже к промышленности свои законные требования. И рабочий класс с тем инженерством и с теми техниками, которые честно работали на фабриках, давал ей необходимое снабжение и помог таким образом, сразить интервентов, откинуть их далеко и надолго от нашего союза—первого рабочего государства в мире.

Я должен удостоверить, что тех трудных условий, что пережил центр, никогда не переживал Донбасс, там был уголь и там был хлеб; там не приходилось работать при двух-трех градусах тепла, однако, несмотря на это, многие из наших ученых и техников в центре вели свою плодотворную работу. Позвольте привести в пример проф. Стадникова, арестованного в Одессе, привезенного в Москву под конвоем, и отнюдь не социалиста, посмотрите, как он здесь в лаборатории имени Карпова занимался изобретением неза-

мерзающей смазки для наших военных аэропланов и др. работами. Он был и остался буржуа по своим убеждениям, но он любил свой народ, работал для него, и несмотря на свое мировоззрение, он интересы того народа, среди которого он живет, ставил и ставит выше всего в противовес сидящим на скамье подсудимых.

В результате, наше хозяйство поднялось таким темпом, с таким успехом, которого, конечно, не ожидали наши враги. Это было сделано трудом рабочего класса и тех техников и инженеров, которые честно и добросовестно работали вместе с Советской властью. Параллельно с ростом хозяйства шла дифференциация — расслоение инженерно-технической среды; среди ученых и специалистов народного хозяйства выделилась группа товарищей, целиком принявших социализм и построение социалистического хозяйства на советской платформе, как свою задачу, и отождествивших себя и свое дело с работой пролетариата. Больше года тому назад зародилась у товарищей, которые, действительно, не за страх, а за совесть работают во имя социализма, идея сгруппироваться в общество содействия социалистическому строительству.

Последний пленум ВЦСПС в июне месяце, заслушав мой доклад о работе инженерно-технической секции и критически оценив представленную работу ИТР вынес по этому поводу специально следующее постановление:

«...инженерно-технические работники в массе своей, хотя и не представляют из себя что-либо единое, идеологическое целое, тем не менее, в своем большинстве уже не только не враждебны рабочему классу, но и готовы добросовестно и лояльно работать совместно с ним и совместно с Соввластью. Среди общей массы инженерно-технических работников довольно значительная группа представляет из себя растущую силу, ставшую твердо на путь активной работы вместе со всем пролетариатом и его Советской властью».

После вышеприведенных примеров и резолюции пленума ВЦСПС, со всей серьезностью после шахтинских событий оценившего положение, излишне будет говорить что-либо в ответ на заявления гр. подсудимых, как Элиадзе и др., трактующих о контр-революционности всего инженерства и камне за пазухой против Советской власти.

Это первое, что мне поручило заявить здесь инженерство и что я с большим удовлетворением и констатирую.

Позвольте теперь аналитически осветить те обстоятельства, которые привели этих 53 человек на скамью подсудимых, и те моменты, что отличали их от всего инженерства в целом.

Построение капитала на юге России было несколько отлично от капитала, работавшего в центре России. На юге России в горной промышленности были преимущественно капиталы французских, бельгийских и английских граждан. По данным Зива в его труде «Иностранный капитал в русской горно-заводской промышленности», в 1912 г. из общей добычи угля в 806 000 000 пуд. — 769 000 000 пуд. (т.-е. свыше 95%) падало на 25 акционерных обществ почти преимущественно с иностранными капиталами (франко-бельгийский-английский). В этом районе раньше, чем где-либо, сложилась организация капиталистов: «О-во горнопромышленников юга России».

Капиталисты у себя в стране получили опыты и навык рафинированной эксплоатации рабочего класса. Совершенно естественно, что, чтобы проводить эти рационализаторские приемы эксплоатации в должной мере в жизнь, им требовалось подбирать для себя соответствующий, отвечающий их требованиям служебный персонал.

Проникнуть не «своим» людям на техническую службу в угольный район было невозможно. Инженеры и техники, оканчивающие школу, отсеивались здесь на таких же грохотах, на которых «вредители» портили до своего ареста качество угля и антрацита.

Что нам рассказывают обвиняемые о своих политических мировоззрениях за студенческие годы? Большинство из них оканчивало после 1905 года, когда студенчество уже резко диференцировалось по своему социальному положению и своим политическим мировоззрениям. Мы отлично знаем, что с этого времени школа резко изменила свою физиономию и перестала быть вечным очагом бунтарства; радикальные буржуазные группировки перестали быть

революционными, социалистический же элемент в школе оказался в значительном меньшинстве и в революции 1917 г. студенчество уже далеко не играло той роли, что в 1905 г. Чрезвычайно характерно, что даже те из обвиняемых, что теперь сознались в тяжких преступлениях, почему-то боятся сказать к каким буржуазным группировкам или партиям они примыкали в высшей школе. Они попросту лгут; кто не шел в то время с социалистическими партиями, естественно был в противоположном лагере и только такие и могли быть приняты на службу в каменноугольную промышленность. Другим туда дорога была закрыта. Случай с обвиняемым Калниным, называющим себя по окончании Института социал-демократ-меньшевиком, требует доследования: не разложился ли он морально еще до поступления на службу в угольный район.

Посмотрим, что же представляло из себя инженерство Донбасса и шахтинского района в дореволюционной обстановке. Даем характеристику на основе их собственных слов и показаний свидетелей (по Калганову). «При капиталистическом строе мы, инженеры, являлись до известной степени оберофицерами капитала; если можно так выразиться, именно через нас капитал осуществлял свойственную и неизбежную при капитализме эксплоатацию рабочих, а это в свою очередь породило известную идеологию, которая резко нас отделяла от рабочих, противопоставляла нас им».

Для использования инженеров для интересов капиталистов, последние покупали инженеров—платили им высокие оклады жалования 400—750—1.000 рублей и больше в месяц, давали наградные в размере 2-месячного оклада жалования, предоставляли месячные отпуска и хорошие квартиры, давали в личное распоряжение отдельные выезды.

Последнее вызывало, в свою очередь, не только идейную, но и экономическую связь верхушки инженерства Донбасса с капиталистами и укрепляло еще больше их классовую буржуазную психологию.

Инженерство, поставленное в привилегированные условия, не только отделяло рабочий класс от себя, но и косо смотрело на техников, удачей и случаем выдвинувшихся на высокие посты, не принимало их в свою среду. Они олицетворяли собой «высокую» касту инженерства.

В отношениях с рабочими применялись исключительно дикие приемы эксплоатации. Здесь и разговора не было об улучшении бытовых условий рабочего, повышения его материального благосостояния, культурного уровня и др. Чрезвычайно характерно, что защитник подсудимого Рабиновича, его заявление перед горно-промышленниками юга России о целесообразности некоторого увеличения жалования рабочим в интересах поднятия производительности труда, счел возможным выявить как светлое пятно на темном небе всего Донбасса.

И вполне в дополнение к этой идеологии и общей обстановке Донбассовского дореволюционного быта к «правам этого инженерства» надо отметить практиковавшиеся господами инженерами зверское обращение с рабочими: неприличную ругань и меры физического воздействия «мат» и «мордобитие» и «зуботычины».

Инженерство Донбасса в большей своей массе было чуждо и политической жизни. Это были типичные обыватели, интересы которых были в будничное время в известной части в работе, досуг же шел на игру в преферанс, сплетни, фестивальные развлечения и др. При всем этом, однако, «гордое» сознание «я, инженер, высшее существо, ко мне не подходи»—доминировало надо всем. Таковы были господа промышленники, таковы были и их верные слуги господа инженеры.

Обвиняемые говорили нам, что техническая школа, преимущественно Горный Институт, которую они кончили, дала им технические знания и целью их было эти технические знания использовать для усовершенствования предприятия. (Теперь мы знаем, что эти технические знания пошли на преступные цели).

Это едва ли так. Вернее, это совсем не так. Ведь не секрет, что иностранный капитал, ввел такую систему эксплоатации рабочего класса, быв. России, что те усовершенствованные орудия производства, которые применялись в Америке и Западной Европе, были ненужными в России:

они были бы не рентабельными при русском рабочем удлиненном дне и ничтожной зарплате.

Как была принята ими Февральская Революция 1917 г.?—В большинстве говорят, что восторженно. Возможно допустить, конечно, что значительное большинство инженерно-технических работников охотно отказалось от монархии, но едва ли также это большинство представляло себе также ясно, какой же именно строй должен быть в дальнейшем. Свою политическую ориентацию за промежуток времени февраль—октябрь Революции, когда политические симпатии не могли не выявиться, они, в большинстве, скрывают.

Начиная с первых же дней водворения Керенщины, большевистская партия ясно и определенно провозгласила свои лозунги и никто из работавших в фабрично-заводских предприятиях и рудниках, не мог не знать этих лозунгов. Здесь рабочий класс об'явил беспощадную борьбу капитализму, а обвиняемые говорят, что они как-то не учуяли, не заметили этой борьбы, не поняли, что рабочий класс идет дальше только что происшедшей революции, что он хочет взять власть в свои руки. Это опять-таки ложь. Невозможно допустить, чтобы у них не создавалось своего мнения, хотя бы по поводу тех новых условий работы, которые были введены после первой революции, когда были организованы фабрично-заводские комитеты, когда были организованы контрольные комиссии, когда эти новые условия поставили и их в новые для них условия, потребовали и от них, привыкших работать в капиталистических условиях, ответа, как они относятся к требованиям рабочих и здесь мы также не получили логического ответа, который мы имели бы право получить от них. Они предпочитают и тут вилять, так как подлинное их отношение было таково, что им страшно или трудно тут на классовом пролетарском суде признаться в нем. И уж, конечно, они не приняли Октябрьской Революции. Более того, все силы употребили на борьбу с ней.

Какие же идеологические предпосылки выставляют обвиняемые в отношении неперехода их на сторону Советской власти, а вступления в организацию. Я позволю себе привести показания некоторых обвиняемых.

Обвиняемый Калганов дает следующее об'яснение: «Раньше мы принадлежали к категории работников, резко выделявшихся по уровню материального благополучия, наша служба давала нам покой и более или менее хорошее общественное положение, а после революции мы разделили общее положение со всеми: особых привилегий не давалось, а нужда, имевшая место в годы гражданской войны и в 1-й период восстановительной работы, не могла нас настроить благоприятно. Влияние имело и следующее обстоятельство: техническая интеллигенция, по сравнению с другими группами интеллигенции, была гораздо ближе к промышленному капиталу по самому своему положению... При капиталистическом строе мы являлись в известной степени обер-офицерами капитала... радикальное изменение этого порядка многих из нас выбило из колеи, для многих из нас переменить свое мировоззрение и особенно проявить его на деле, было очень трудно. Все эти причины и предпосылки, создали для меня и других те побудительные мотивы, которые и заставили нас встать на враждебный для пролетариата — Соввласти—путь».

Обвиняемый Самойлов (собственник) называет себя низовым работником, отрицает, что мотивом вступления в организацию были собственнические инстинкты и указывает на три рода каналов, которые заставили вступить его во вредительскую организацию: первый—отношение к делу и к низовым работникам руководящих технических работников, их разговоры с ними; второй—дух корпоративности, дух кастовой солидарности инженерства, усилившийся после Октябрьской Революции. Инженерство чувствовало себя несколько ущемленным. После революции корпоративность выразилась во взаимном укрывательстве. Третий—это самый факт существования организации инженеров и техников ИТС. Об'единяемые ею инженеры нисколько не слились с массой, в некоторых случаях, даже наоборот, ИТС дал организационный выход присущему инженерству корпоративному духу. Призывы правительства и партии не захватывали должным образом всей массы, идеология в значительной мере оставалась прежней».

Обвиняемый Башкин дает и конкретные приемы влияния этой среды: вечер у инж. Калганова... собирались технические работники... злорадно говорили о гибели Донецко-Грушевского Рудоуправления... подвыпивши произносили тосты за скорое падение Советской власти... пели «боже царя храни»... казацкие песни и др.

Уже совершенно цинично о своем вступлении говорит обвиняемый Березовский. На суде он первый дает рассказ о своем грехопадении, что служит как бы прелюдией: он был заведующим шахтой Петропавловской ДГРУ, получал жалованье 400 руб., бесплатное помещение, отопление, выезд, содержание домашних животных, имел отпуск, получал наградные, что составляло в год двухмесячный оклад жалования. Он надеялся в скором времени стать управляющим рудниками, с окладом 750 руб. в месяц. Управляющему открывалась связь с Правлением и рисовались дальнейшие перспективы.

О методах вовлечения в организацию говорит Казаринов: «Средством для вербовки новых членов были: чувство товарищества, обещание в отношении продвижения по службе, поручение работ и, наконец, просто денежные посулы».

Несмотря на все оскорбления и унижения, что рабочим Донбасса пришлось пережить при царском режиме и во время белогвардейщины от инженеров и техников, рабочие, в отношении огромного большинства техперсонала, не применяли методов насилия. Ряд свидетельских показаний рабочих на суде говорит даже о предупредительности рабочих в отношении техперсонала и тем не менее инженерно-технические работники считали себя материально ущемленными, лишившимися привилегий, что имели при капиталистах и кастово замкнулись еще больше и не создали живой связи с рабочей массой. А бежавшие раньше от Советской власти инженеры, вернувшиеся постепенно в Донбасс? Эти инженеры вернулись обратно, конечно, также не из идейных соображений. Вернулись те, кто не имел возможности эмигрировать и вынужден был возвратиться. Здесь словам обвиняемых, трактующим иначе, не должно быть веры. Осев на рудоуправлениях, где они служили раньше, может быть, в несколько иной группировке, чем раньше, они принесли с собой и новые порции яда против рабочего класса и Советской власти, разложились еще больше и совершенно изолировались от окружающей среды. Так создалась эта чужая и чуждая строительству и творческому энтузиазму широких масс группа, так создалась почва для сформирования к.-р. организации. Так подготовлялось перерождение этой группы инженерства в группу к.-р. «вредителей». Инженерно-технические работники Донбасса замкнулись в инж.-техн. секциях профсоюза горнорабочих и сделали и их (ИТС) орудием для защиты своих узких корпоративных интересов, противопоставляя их интересам рабочего класса, превратили ИТС в места выработки методов борьбы против Советской власти, в контр-революционные гнезда на рудниках и рудоуправлениях.

Именно поэтому обвиняемый Самойлов и называет ИТС третьим каналом, который вел инженерство в организацию вредителей.

А теперь разрешите внимательно остановиться на делах их. Но они вернулись не без ничего. Бывшие капиталисты не могли допустить мысли о потере собственности в России, они не могли примириться с Советской властью, национализировавшей недра и орудия производства, и ни на минуту не задумывались о кратковременности власти рабочих. Своим инженерам некоторые из них выдали даже доверенности, под предлогом тяжелых материальных условий того времени, выдали высшему персоналу субсидии, и все до одного дали один наказ: «Берегите хозяйское добро». С'езд горнопромышленников юга России в Ростове н/Дону, где присутствовало достаточно инженеров, в достаточной мере расшифровал затем это лаконическое выражение. И наказ был выполнен: где возможно, шахты были затоплены, а где шла добыча, стали разрабатываться худшие пласты. Этот наказ привезли с собой вернувшиеся инженеры, и ему они остались верны все время. Предприниматели время от времени запрашивали «своих» инженеров о положении дела на рудниках, пересылали деньги и требовали выполнения ранее данных директив. Так развивалась вредительская работа в первый период их деятельности. Но время шло, под напором пролетариата и распоряжений из Москвы, нельзя было уже не откачивать шахт и не увеличивать добычу.

Наймиты капиталистов избрали тогда другой путь работы, они перешли на прямое вредительство: сознательно портили машины, останавливали вентиляции шахт, не стимулировали повышения производительности труда, одним словом, применяли все свои технические знания для искусственной задержки добычи топлива, ухудшения его качества и повышения стоимости.

Когда Советская власть поставила вопрос о возможности предоставления концессий, в частности и в угольном районе, работа бывш. собственников заграницей зашевелилась. К «своим инженерам» тогда летят в Донбасс распоряжения привести участки в более выгодное положение для приема концессий, произвести все подготовительные работы, механизировать шахты и принять все меры к завозу большего количества оборудования. Одновременно с этим, отделение вредителей и их группы об'единяются Харьковским Центром. В это же время осколки бывш. общества фабрикантов и заводчиков в Париже об'единяют интересы бывш. углепромышленников, создавая заграничный центр—единый адрес и одну волю.

Обвиняемые сами заявляют, что при их системе вредительства и его темпа к 1931 — 32 г.г., в в виду имеющихся истощений старых разработок и неподготовленности новых, добыча топлива должна была бы сильно сократиться и вызвать кризис всего народного хозяйства Союза ССР. Таков второй период их деятельности.

Дело с концессиями, однако, не выгорает. Жизнь берет свое. Несмотря на вредительство, живые силы пролетариата и всего Союза в целом берут свое—Донбасс развивается. Организованный французский центр, поднимает тогда вопрос о подготовке к интервенции и вслед за этим дает соответствующие инструкции Харьков.

Обвиняемый Матов так изображает основные этапы вредителей за эти года:

«1) сохранение в неприкосновении более ценных недр и машин для эксплоатации в дальнейшем прежними владельцами или концессиями (1920—1923);

2) доведение рудничного хозяйства Донбасса до такого состояния, при котором Советское Правительство было бы вынуждено рудники сдать в концессию иностранцам или, вообще, капитулировать перед иностранным капиталом (1923—1925);

3) в случае войны помогать врагам СССР расстройством тыла, прекращая добычу и разрушая и затапливая рудники Донбасса;

4) вести пропаганду против Советской власти» (1925—1927).

Это инженерство проделало, таким образом, из-за шкурных интересов, эпизодических и регулярных получек 100—400 р., из-за надежды в будущем занять теплые места у концессионеров—проделало весь цикл экономической и политической контр-революции. Из-за интересов капиталистов эти цепные собаки капитализма, людишки, с «буржуазной идеологией», продали свою родину иностранцам и поставили на карту интересы многомиллионных масс.

Как выяснилось в процессе судебного разбирательства, в первую очередь, в организацию вербовалась головка рудоуправления: зав. рудником, гл. инженер и гл. механик. На обязанности этой почтенной тройки была обработка остального подчиненного персонала.

Из показаний самих подсудимых мы видим, как идеологическая вербовка идет за чашкой чая, за выпивкой в процессе рассказов антисоветских и антисемитских анекдотов. Больше же всего действовал на массу подчиненных инженеров, конечно, пример самого начальства, его отношение к делу.

Все ли инженерство Донбасса было активными вредителями?

На мой вопрос одному из подсудимых удалось установить, что в наиболее разложившемся шахтинском районе 20% всего числа лишь инженерно-технических работников принадлежало к вредителям. Однако, возглавляющий состав технических работников был почти сплошь вредительский. Поступающие в рудники молодые инженеры с другой идеологией, естественно, подвергались гонениям, бойкоту, не мытьем, так катаньем вытеснялись с предприятий.

Как же ваши деяния,—спрашивал я обвиняемых,—не были заметны тем честным инженерно-техническим работникам, которые вместе с вами ра-

ботали? Очень просто,—отвечали подсудимые,—акты вредительства не носили такого характера, чтобы их можно было сразу заметить. Обычно это была неразработка того или иного целика, или нецелесообразная разработка пластов, уже бывших в эксплоатации. Если работа где-нибудь шла плохо, то мы обычно говорили, что Донуголь не дает денег, что без денег ничего сделать нельзя. Другие говорили: ведь горное дело—это есть искусство и здесь нужно тонко знать дело, чтобы можно было определить акт вредительства. Техник или инженер, работающий в том или ином уступе, не видя акта вредительства в другом месте, мог считать, что дело обстоит благополучно. Все эти росказни о скрытом виде вредительства, о вуалировании вредительства—это «Филькина грамота». Инженерство, как таковое, не могло не видеть, должно было реагировать на акты вредительства. Но вредительская организация, чтобы пресечь это в корне, пошла дальше: она подчинила себе ИТС, путем проведения в бюро ИТС своих кандидатов. Органы профсоюзов, долженствующие защищать материально-правовые интересы инженерства, долженствующие принимать активное участие в деле построения социализма нашей Республики, долженствующие установить братские отношения инженерства со всем пролетариатом,—были превращены в органы, исполняющие контрреволюционные задания. И инженерство смирилось, даже то, которое видело вредительство, даже то, которое не состояло в организации...

Если в рудоуправлении организация стремилась захватить командные высоты: управляющего рудником, главного инженера, и механика рудника, то по линии профсоюза вредители распространили свое влияние на ИТС.

Матов говорит: «Вопрос о проникновении в бюро ИТС, как в Харькове, так и на местах, был поставлен на заседании руководителем организации в обычном составе в присутствии Кржижановского в конце 1925 или в начале 1926 г. На заседании было решено возможно полнее охватить указанное бюро ИТС, с целью оказания содействия в работе организации, при чем тогда же поручено было заняться этим вопросом Кржижановскому. Затем, насколько помню, вопрос об ИТС поднимался еще раз в конце 1927 года, когда решена была кандидатура Фридмана в Харьковское бюро ИТС, в качестве председателя, что удалось сделать в конце 1927 г. Я лично вопросами ИТС недостаточно интересовался, однако, слышал от Кржижановского и Фридмана, что многие из членов бюро ИТС сочувственно относились к идее, проводимой организацией в Донбассе, из чего можно сделать вывод, что политические взгляды членов бюро ИТС были недостаточно устойчивыми». Подтверждая это, Братановский показывает: «Одной из задач организации было распространение своего влияния, по возможности, шире, чтобы быть в силе проводить свои директивы быстро, точно и безошибочно».

Акты вредительства сводились к затоплению шахт, замедлению добычи продукции и к неподаче энергии на рудники, порче вентиляции—созданию невозможных условий для работы и неправильным проходкам и несоответствию подготовительных работ темпу добычи, охватили и взрывные работы, практиковалась и непосредственная порча котлов (подача кислой воды) и машин (порча турбин).

Чрезвычайно характерна была в этой вредительской деятельности роль обвиняемого Антонова. По роду своей деятельности заместитель нач. горного надзора, обвиняемый Антонов не мог не знать всего происходящего. В его, правда, чрезвычайно редкие посещения рудоуправлений, ему, как горному инженеру, не могли не броситься в глаза все чинимые безобразия. Однако, он не обращал никакого внимания, во всяком случае мы не видим его актов воздействия. Тот же Антонов, одновременно был председателем бюро инженерно-технической секции, он же должен был подойти к этим вопросам и по профсоюзной линии. И в этом направлении им также не проявлено инициативы и не проделано никакой работы.

Будучи обязан в одну из первых очередей следить за техникой безопасности, в частности, за безобразным состоянием вентиляции, он ни разу не поднял этого вопроса ни в административном порядке, ни в общественном—через ИТС. Он чванливо гордился, что у него в шахтинском районе процент несчастных случаев меньше среднего Донугля и умыл руки. Характерен случай с арестом Беленко, по случаю взрыва в шахте и смерти рабочего.

Гр. Антонов, вместо общественного расследования этого случая и принятия мер предосторожности в будущем, повел агитацию в бюро ИТС и среди ИТС за бойкот должности, что занимал Беленко. Одновременно, Антонов ставит задачей защиту инженеров, во что бы то ни стало... и все свои заключения по несчастным случаям дает в одном смысле: виноваты лишь одни рабочие: «по вине рабочего», «по неосторожности», «в пьяном виде» и т. д. Даже когда смерть постигла рабочего из-за неизолированного кабеля, никто из администрации не был привлечен к ответственности.

Вредительская организация строго блюла кастовость и строго разлагала «белую» и «черную кость». На этом фоне злой иронией звучат те «рабочие вечера» раза 2, 3, 4 в год, о которых говорил Антонов. Хороша должна была быть культурная работа в руках вредителей,—контр-революционеров, ненавидящих пролетариат и пролетарское государство.

А когда из шахты вынесли в обморочном состоянии 50 человек угоревших рабочих, когда вынесли труп задохнувшегося рабочего Зайцева, формальные показания врача о смерти рабочего от разрыва сердца были для Антонова достаточны, чтобы умыть руки. Ибо для Антонова и его инженеров важны были другие цели. До известной степени это было на руку.

Подходим к Управлению Нового Строительства Донугля. Во всех хозяйственных органах, где желательно сделать ударным моментом ту или другую работу, выделяют для ударной работы особые управления. Донуголь пошел по этому пути. Как будто поступил правильно, но когда вы всматриваетесь в истинное положение вещей, в организацию УНС, вы видите новый этап серьезнейшей вредительской работы, всплывают вопиющие по своему безобразию картины. УНС имеет во главе вредителей, поставленных организацией и эти скрытые для честных глаз вредители принимают все меры к тому, чтобы затормозить строительство новых шахт, затормозить движение проектов, они прикрывают это хорошей качественной работой, применением новейших данных, которые через приезжающих из-за границы инженеров, или другим путем, попадают в их руки. Они ожидают возврата старых хозяев, предпринимателей, они хотят им преподнести хорошие шахты, но не хотят эти проекты выдать советскому правительству на руки, и для того, чтобы затянуть дело, с вредительской целью разрабатывают целую серию, огромное количество всякого рода вариантов. Все это задерживает работу, не дает возможности своевременно заложить шахты. Если же под давлением нужды шахты закладываются, они закладываются нерационально и не на тех пластах, где нужно, закладываются технически неграмотно.

А между тем, УНС имел в своем распоряжении технический совет. технический совет был консультативным органом. И вот здесь при допросе профессоров, которые стоят вне всякого подозрения, удалось получить такой ответ, что если бы УНС хотел вести вредительскую работу, он мог бы превратить технический совет—орган консультативный—в ширму, закрывавшую вредительство. А УНС вел такую работу.

Скрытые акты вредительства имели место в Донугле и в составляемых ежегодно производственно-финансовых планах и пятилетних планах капитального строительства. Сметы на новое строительство составлялись заведомо преувеличенные, раздувались затраты на капитальное строительство и увеличилась себестоимость топлива. Обвиняемый Матов не дал должного раз'яснения в этом отношении. Вместо него суду эту вредительскую работу раскрыл обвиняемый Скорутто.

Так рассчитали вредители, и в последние годы они перенесли свою работу и в угольные центры в Москву, мы встречаемся и здесь с вредительской работой. Неправильная работа Донугля вуалируется здесь, несоответствие одной части работы другой затушевывается и вредительская работа Донугля на месте представляется в таком виде, что о ней дается удовлетворительный отзыв.

Красной нитью через весь этот кошмарный процесс, процесс экономической контр-революции, проходит отсутствие всякой общественности у того инженерства, отсутствие всякого сознания какой бы то ни было общности с интересами народных масс, с интересами трудящихся, а остальные?—Остальные 80%—они также не проявили активности и позволили себя сделать слепым

орудием вредительской организации. И это самое печальное, что есть в этом шахтинском деле для остального инженерства.

Я кончаю.

Территория ныне великого Союза ССР знает много процессов, где были выявлены различными господствующими в свое время правительственными группировками различные типы преступников. Русский угнетенный народ дал им иное отражение, нежели правительственная оценка: русский эпос в былинах своих воспевает «Соловья Разбойника», в песнях народных мы слышим о Стеньке Разине и Пугачеве. Даже каторжные (уголовные преступники) находят снисхождение в представлении народа: песни каторжан одни из любимых песен.

Но те, что сидят перед судом, не найдут отражения в русском эпосе. Какое отражение найдут они в литературе?—Этим продажным шкурникам не поставит никто и могильного памятника. Нет, они продали интересы народа, среди которого выросли и из недр которого вышли. Они продавали себя капитализму оптом и в розницу. Все остальное инженерство с негодованием и омерзением отворачивается от них. Нигде ни у кого, ни в какой степени не встретят они ни поддержки, ни сочувствия.

Если бы мне задали вопрос: «какой худший вид преступника, можно вообразить себе? Не зная процесса, я бы задумался, но теперь скажу—смотрите на них—этих «вредителей» контр-революционеров Донбасса.

Товарищи судьи, от имени более стотысячной массы инженеров и техников, давших мне наказ на шахтинский процесс, уже после первого опубликования прокурорского извещения, подтвержденного целиком судебным разбирательством, я прошу вас применить жесточайшее наказание к преступникам, не находящим себе наименования. Пусть оно будет суровым предупреждением для всех, кто дерзнет срывать рост социалистического хозяйства, тушить зарю освобождения трудящихся всех стран.

Речь проф. Осадчего.

Товарищи судьи, из 53-х подсудимых, 36 инженеров, работавших восемь лет при Советской власти. Из них 2 — 3 окончили школу в последнее время, большинство окончили школы в дореволюционное время, большинство окончило Горный Институт. Старые — окончили Институт в эпоху реакции Александра III в 80-е годы, более молодые — в эпоху реакции после революции 1905 г. Это процесс инженеров дореволюционной формации, которые вышли из одной из старейших наших высших школ, существовавшей свыше 150 лет в худшие годы политической реакции. Уже это одно не могло не наложить на них своего отпечатка, не оказать своего влияния. Ибо инженерство старого времени, инженерство, выросшее и работавшее при капитализме, имело свои традиции, свои навыки и свои пороки. Инженерная профессия занимает одно из наиболее ответственных мест в хозяйственной жизни современного общества. Инженер — необходимый участник в движении технического и экономического прогресса. Инженерам вверяется руководство техникой всего мирового промышленного хозяйства. В обширной армии работников по развитию мировой материальной культуры, состоящей, в главной массе, из пролетариата, инженеры занимают командные высоты в техническом вооружении этой армии. Инженеры являются, таким образом, фактическими расходователями миллиардных капиталов, вкладываемых в мировое промышленное строительство. Инженер по самой идее своей профессии творец, созидатель новых форм материальной культуры, при капиталистическом хозяйстве об'ективно был поставлен в исключительно привилегированное положение. Инженер в частном капиталистическом хозяйстве был фактически доверенным своих хозяев по распоряжению капиталами, вкладываемыми в строительство, обладал знаниями технических достижений, недоступными для рабочих масс,—очень часто владел и специфическими секретами данного производства, неизвестными самим хозяевам, что всегда представляло соблазн для злоупотреблений. Одного, однако, не позволял себе инженер—он никогда не изменял своей профессии—всегда был творцом, и никогда не был разрушителем.

Наиболее распространенная форма преступлений инженеров было хищничество, продажность и взяточничество. Особенно выдающееся по своему масштабу за последние полвека хищничество инженеров и продажность членов парламента имели место при постройке Панамского канала французским акционерным обществом. Выражение «панама» сделалось нарицательным названием всякого грандиозного мошенничества. Здесь выдающиеся инженеры прошлого века—отец и сын Лессепсы, Эйфель и др., стоявшие во главе предприятия, запятнали свои имена. Но они и в процессе хищничества не переставали быть технически добросовестными строителями нового предприятия, они были двигателями технического прогресса.

Они были мошенниками, хищниками, но они были творцами. Они до последнего момента, до тюрьмы, продолжали быть инженерами—созидателями. Они не изменили своей инженерной профессии.

При частых случаях хищничества, взяточничества и продажности в высших слоях инженерной среды во всем мире, в прошлом нам не известны в этой среде случаи сознательной разрушительной работы. Систематическое из года, в год, так сказать, плановое вредительство в мирной обстановке—это такое противоестественное явление в общественной жизни, и, в частности, в инженерной профессии, — которое не имеет прецедентов. Мы встречаемся с ним в Шахтинском деле впервые, и, как раз, в разгар строительства новых социалистических форм государственности и народного хозяйства. Мы знаем в прошлом в изобилии случайные вредительства, как акты мести в низах общества: поджигатели, отравители, но нам до сего времени не было известно техническое вредительство, соединенное с предательством, вредительство, направленное к порабощению освобожденного народа. Это новая форма инженерной деятельности, направленной не на созидание, а на систематическое разрушение, могла возникнуть только в связи с политическими настроениями, с надеждами на реставрацию. Капиталист всегда стремился поработить инженера, сделать его орудием в достижении своих предпринимательских задач. Инженер-хищник, стоя между капиталистом и рабочим, стремился обогатиться за счет капиталиста и за счет рабочих. Нравы крупного инженерства в капиталистическом хозяйстве всего мира не отличались чистотой. Однако, массовое инженерство всегда тяготилось беспринципностью своих технических вождей и стремилось освободиться от порабощения капитала. Отсюда, на почве борьбы с беспринципностью в инженерной среде, возникли в общественных инженерных организациях, еще при капитализме, начинания по разработке специальных кодексов инженерной этики. Первые шаги в этом направлении были сделаны в Америке, где деспотизм капитала был особенно силен. В начале текущего столетия появились кодексы: Канадского о-ва гражданских инженеров, Бостонского о-ва архитекторов, Американского о-ва инженеров-электриков. Последнее общество представляет собой сравнительно молодую, но многолюдную, и мощную организацию, имеющую своих членов во всех странах света. Вырваться, однако, не только из-под экономической, но даже из-под идеологической власти капитала инженерство, конечно, не смогло. Степень закабаления капиталом инженерно-технических сил в Америке характеризуется, между прочим, такими статьями из кодекса американских инженеров-электриков:

«§ 5. Электротехник должен придерживаться принятых правил и норм разного характера и не отступать от них, так как нормировка необходима для общего прогресса профессии и промышленности... Стремление проявить индивидуальность при проектировании даже специальных конструкций может быть часто с пользой избегнуто...

§ 15. Все проекты, данные, заметки и пр., сделанные электро-техником во время его постоянной службы и непосредственно относящиеся к сфере деятельности, для которой он нанят, являются собственностью нанимателя».

Вот отчего понятно, почему только свержение власти капитала, произведенное Октябрьской Революцией, принесло освобождение и инженерству.

В нашей инженерной среде движение по разработке принципов профессиональной этики начинается после революции 1905 г., пробудившей к борьбе лучшие общественные силы и об'единившей инженеров в профессионально-общественную организацию—Союз Инженеров. В основу профессиональной

этики наших инженеров уже тогда был выдвинут элемент общественности. Обрисовка нового положительного типа инженера-общественника велась уже тогда нами, приблизительно, в таких чертах:

Инженер, как профессиональный работник, зарождается с момента поступления в высшую техническую школу, могущую дать ему сумму знаний, характеризующую избранную специальность, и известную сумму нормальных прав для участия в технической и общественной деятельности.

Основное положение профессиональной этики инженера-студента должно было уже и в этот момент выражено одной формулой: отношение суммы профессиональных знаний, приобретенных в школе, к сумме профессиональных прав, связанных с выдаваемым школой дипломом, должно быть не меньше единицы.

Вступление инженера в практическую деятельность с этим отношением, меньшим единицы, т.-е. багажем знаний, меньшим, чем пред'являемые практической деятельностью требования, уже тогда предлагалось, с социально-этической точки зрения, рассматривать как особый вид обмана общества со стороны инженера, как недопустимое, с точки зрения профессиональной этики, явление.

По мере роста общественно-политических навыков—к этим требованиям элементарной порядочности добавлялись и другие. Служба инженеров не только в государственных, но и в частных предприятиях: на фабриках, заводах, в рудниках, там где им поневоле приходилось сталкиваться с большим количеством рабочих, накладывала на них еще и другие, уже чисто общественно-политические, обязательства.

Основное требование профессиональной этики, которое в этих случаях ставила инженеру частного капиталистического предприятия передовая инженерская общественность, выражалось в следующем: при вступлении в договорные отношения с владельцем предприятия не должны быть упускаемы из виду социально-экономические интересы большинства местного населения, поскольку они связаны с предприятием; из всех профессий, работавших в государственных предприятиях, инженерная профессия занимала одно из самых видных мест по непосредственному влиянию на социально-экономические условия жизни страны. Уже одно это обстоятельство придавало особую важность основным положениям профессиональной этики инженеров, привлеченных к общественной деятельности в государственных предприятиях.

Уже до революции в сознание обширных слоев честного инженерства входило разграничение ходячих понятий того времени: государство, казна, правительство. Создалось стремление освободить волю инженерной профессии в ее общественной деятельности не только от порабощения хозяевам капиталистам, но и от деспотизма царского правительства. Отношение инженера к порученному ему государственному предприятию должно быть проникнуто сознанием лежащего на нем гражданского долга, стремлением к экономному ведению хозяйства этого предприятия, исключающему возможность не только сознательных злоупотреблений, но и расточительности в расходовании государственных средств. Отношение же к рабочим связывалось с его общеполитическими обязанностями, как гражданина и общественника. Такого отношения требуют интересы большинства граждан и интересы всей страны.

Одновременно веяния надвигавшегося Октября улавливались в здоровых слоях инженерской среды уже тогда (1910 г.). Уже тогда в инженерной среде раздавались такие голоса:

«Русская общественная жизнь во всех ее элементах находится в периоде устроения и кристаллизования в новые социально-экономические и социально-этические формы. Из различных профессий высшего образования инженеры ближе, чем кто-либо, поставлены лицом к лицу с этим явлением в самых разнообразных отраслях и условиях технической и общественной деятельности в государственных и частных предприятиях, и это налагает на них высокую моральную ответственность и тяжелую обязанность быть строгими критиками своей деятельности и самих себя, как участников в выработке более совершенных форм социальной жизни,—т.-е. подчинить свою деятельность твердым принципам профессиональной этики и гражданского долга»

Наступила Октябрьская Революция. После Октябрьской Революции, в сущности, все эти уклоны кодекса инженерной этики страшно упростились и были об'единены в один. Не осталось ни частного предпринимателя, ни казны, тогдашнего отвлеченного понятия, чуждого всем гражданам. Все национализировано, везде единое народное достояние и служащий инженер, где бы он ни был, в каком бы предприятии ни работал, являлся слугой народа. Тут инженер уже не был буфером между капиталистом и рабочим классом, как это было раньше, он был в нормальном положении работника в народном хозяйстве, имел все возможности для своего свободного творчества в течение порученного ему дела. Капиталист заслонял собою и государство и народ, а если он был к тому же талантлив и небрезглив в выборе средств—он переходил сам в среду хозяев. Вот почему казалось, что теперь, когда пали все преграды, и инженер должен был почувствовать себя освобожденным от прежних пут.

И здесь то получилось начало трагедии инженерства. Для инженерства, служившего в государственных или казенных предприятиях, за которыми, где-то там стоял народ, хотя бы и безмолвный, порабощенный, легко было перестроить свою психологию, психологию наемника в психологию гражданина, так как в сущности дело было одним и тем же, государственно-народным. Гораздо труднее оказалось переменить свою психологию для инженеров, служивших в частных предприятиях, труднее было перестроить свою психологию, потому что там с первых дней своей службы инженер был служащим определенного хозяина, было ли то определенное физическое лицо, или это было определенное акционерное общество и ничего другого, в сущности кроме хозяина для инженера не существовало. Для большинства таких инженеров интересы хозяина тесно переплетались с интересами инженеров. Если он был верный слуга своего хозяина, он, как правило, обеспечивался последним на всю жизнь. Перестраивать такую психологию инженера-наемника в психологию инженера-гражданина, в государстве, уравнявшем права всех, было, конечно, очень трудно. И это было тем труднее, чем выше стоял инженер, чем ближе он был к капитализму, и даже после того, как отдельные хозяева-капиталисты исчезли и появился новый и единственный хозяин—народ, а инженер остался с своей прежней психологией, совершенно ясно, что теперь после Октябрьской Революции не могло уже быть и такого обывательского самооправдания, действий инженера-хищника, как раньше—я крал, будем выражаться так, у крупного капиталиста, — от этого у него не убудет. Я плохо служил правительству, что же оно другого не стоит. Здесь этого нет. Здесь отвлеченной казны, представленной ненавистным правительством тоже нет. Конечно, и тут можно попытаться обмануть самого себя, что это правительство тоже не все любят. Правительство как и раньше, это не страна, это не народ. Интересы страны—нам близки, но служба это другое. Интересы Донбасса нам близки, но Советская власть—это другое. Но до элементарности ясно, что правительство сейчас слуга государства. Правительство теперь слуга всего народа. Насколько раньше правительство было слугой класса, класса угнетавших, очень не многочисленного, интересы которого не совпадали с большинством, с массой. Настолько элементарно ясно, что правительство в Советском государстве является правительством, которое нельзя отделить от масс народа,—нельзя к нему иначе относиться, чем к тому народу, который его поставил. Не остается места для противопоставления народа и правительства. Нет места для инженерной оппозиции, которая могла быть раньше—которая могла рассуждать: интересы правительства это одно, а интересы народа—это другое. Нет места для того, чтобы мыслить так: «Мы ближе знаем интересы страны, интересы района, чем правительство, мы лучше знаем, что нужно стране и можем поэтому совершенно игнорировать то, чего от нас ждет правительство»—возможность такого построения исчезла. Все слилось в одно: государство,, народ, правительство, народное хозяйство страны. И вместо многочисленных статей (их было около 30-ти) кодекса инженерной этики различных профессий в буржуазном государстве, весь кодекс ее в советском государстве сводится к одной статье—служба в каком бы то ни было советском предприятии на территории

этого государства — есть служба своему народу. Из этого дальше вытекают все основные линии деятельности инженера.

Как отнеслись по их показаниям на суде подсудимые к тому положению, в котором они очутились. Подсудимые Горлецкий и Матов (последний сознался в участии во вредительстве) так характеризуют идеологию инженерства, служившего частному капиталу.— «Часть инженеров выбыла за границу, часть осталась. Но все думали, что Советская власть долго не продержится». Опять та же психология: власть это одно, а вот страна—это как будто бы другое. — Все думали, что Советская власть не сумеет восстановить промышленность и сельское хозяйство. «Я—заявил Горлецкий—считал, как и многие из интеллигенции того времени (эта нотка звучит у многих) что не я один, а многие так думали,—что развалившуюся промышленность и хозяйство страны Советская власть и советская система восстановить не смогут».

Подсудимый Калганов заявлял: «техническая интеллигенция по сравнению с другими группами интеллигенции, была гораздо ближе к промышленному капиталу. По своему положению при капиталистическом строе мы являлись в известной степени обер-офицерами капитала. Именно через нас капитал осуществляет свойственную ему и неизбежную при капитализме эксплоатацию рабочих, а это в свою очередь порождало и уже известную идеологию, которая резко отделяла нас от рабочих, противопоставляя нас им».

На почве этой идеологии происходили во время гражданской войны и в первые годы Советской власти в Донбассе истязания пленных красноармейцев, побои рабочих, предательство их белым, выживание из Донбасса идейно-преданных Советской власти работников, наконец, халатное отношение к службе при новой власти. Но если в этот период времени подсудимые имели основание считать, что такая идеология свойственна не только им одним, антисоветски настроенным, но что это антисоветское настроение было в то время распространенной формой настроения широких кругов интеллигенции, служившей во всех частно-капиталистических предприятиях, то подсудимые совершали ряд таких поступков, которые мы не можем вычеркнуть из своей памяти. Ибо когда Советская власть уже укрепилась, когда способность справиться с задачами народного хозяйства огромной страны, разоренной войной и интервенцией, была доказана на опыте, когда массовое инженерство и другие группы интеллигенции со старой идеологией всех оттенков стали активно работать под руководством Советской власти над укреплением политической и экономической мощи Советского Союза,—развернувшаяся во время процесса картина жизни инженерства, в районе вредительства в тот период времени, показала нам, что там уже были созданы для них все условия, благоприятствовавшие укреплению в инженерной среде чувства гражданства в новом государстве. В этом районе, в Донецком бассейне инженерство пользовалось полным доверием Советской власти и рабочих масс. В показаниях подсудимого Сущевского мы находим указания, что даже непосредственно после смены власти, когда на рудниках был известный всем режим, вполне понятный при вступлении революционных войск, в смысле разного рода обысков, из'ятия излишков и т. д., в отношении его ровно ничего не было сделано. «У меня на квартире не было ни одного обыска», говорит он. Это было в том районе, где власть менялась много раз. В отношении постепенного улучшения в условиях и в жизни и в условиях технической работы инженерства, по показаниям, того же Сущевского, видно, что уже в конце 1922 и 1923 гг. «наступило известное успокоение, известное благополучие. Жизнь стала входить в свою колею». В Донбассе это стало вполне очевидным в 1924 году. Я цитирую из показаний подсудимого Одрова, который говорил, что в 1924 году уже был восстановительный период в полном смысле слова, порядок был установлен, отчетность налаживалась, и началась реконструкция. Я не буду доподлинно цитировать имеющихся у меня печатных материалов, не приобщенных к делам, так как не имею на это формального права, но многие вероятно помнят, что когда мы праздновали 8-летие революции, тогда печатались во всех газетах интересные обзоры. Мы тогда пытались подвести итоги. Это в сущности был первый этап хозяйственного строительства. Мы видели уже тогда, что мы пережили уже самый тяжелый период болезней и колебаний и идем твердо

вперед. Такого рода обзоры печатались в ноябре 1925 года, кто интересуется,—может прочесть в «Известиях». Я не цитирую, а привожу лишь мысли, которые у многих вероятно остались в памяти, и которые рисуют истинную картину тогдашнего состояния нашей страны. Застой промышленности, сокращение производства, консервация заводов, ликвидация предприятий—далекое прошлое. А сейчас мы загружаем до отказа большинство производств, пускаем в ход почти все старые заводы и не можем догнать стихийного роста спроса и потребления—вот настоящее. Мы вступаем в последний год восстановительного процесса и находимся накануне периода полной реконструкции почти во всех отраслях техники народного хозяйства. В некоторых из них (нефтяная промышленность, торфодобывание, химическая промышленность) мы уже вступили в период реконструкции. Может быть, по некоторым производствам восстановительный процесс затянется еще на год, в этом нет ничего худого, мы еще год подучимся, приготовимся,—будет максимум 10 лет восстановления, и мы вступим в 10-летие нового строительства в период новой техники, которая должна восстановить нарушенное равновесие производства и потребления. Наши энергетические ресурсы неисчерпаемы, но наши производственные предприятия в области энергетики уже перегружены, работают с напряжением. Энергия—в минимуме, несмотря на быстрый рост добывания, ее, — вот последнее предостережение техники. В этом предостережении лучшее, неопровержимое подтверждение развития производственной техники по всем отраслям народного хозяйства, требующим все больших и больших количеств энергии. Причины того, что топливо оказывается в минимуме, кроются в значительной степени в наследии прошлого.

Доставшийся от капиталистического хозяйства Донбасс и другие каменноугольные бассейны были чрезвычайно слабо механизированы, а техническое состояние горных работ электрических станций и парового хозяйства не могло способствовать широкой механизации в новых условиях ведения хозяйства; требовалась предварительная огромная восстановительная работа, растянувшаяся на несколько лет. Только в текущем 1925—26 операционном году мы подходим к полному использованию производственных возможностей главнейших районов, и лишь теперь могут начаться значительные реконструкционные работы.

И такие же достижения мы имеем и в других областях, в нефтяной промышленности. В течение около 5½ лет после национализации советская техника радикально переменила методы бурения и добычи в главных нефтяных районах. До национализации наиболее рациональный способ добычи глубокими насосами из буровых скважин был применен в незначительных размерах на Эмбенских промыслах и отчасти на ост. Челекене. Сейчас этот способ применен в широких размерах на главных промыслах в Баку и Грозном.

Рациональным расположением буровых скважин сокращено количество их на новых площадях, что было невозможно сделать при условиях частновладельческой эксплоатации нефтяных месторождений.

Благодаря принятым мероприятиям выход бензина утроился у Азнефти и значительно увеличился, достигая 17,5%, у Грознефти вместо прежних 10%.

Крупные достижения получены применением вращательного способа бурения скважин на нефть, которого не было при прежних владельцах нефтяных промыслов. Способ вращательного бурения дает значительную экономию в расходе металла на обсадные буровые трубы и увеличивает скорость проходки.

В отношении электрификации буровых скважин мы опередили американцев, доведя ее до 80% всех скважин и широко применяя ее и в самом процессе бурения новых скважин.

В области крупного машиностроения идет интенсивная работа по всем отраслям. Восстановлено и развивается дизелестроение. На 1925/26 г. назначено к производству 45.345 лош. сил этих машин против 23.000 лош. сил минувшего года. Развиваются также котлостроение и судостроение. В самые последние дни в Ленинграде на Балтийском судостроительном заводе заложены новые лесовозные суда. Из новых производств по машиностроению следует отметить турбиностроение, текстильное машиностроение и тракторостроение.

Сельско-хозяйственное машиностроение занимает совершенно исключительное место в наших достижениях. В то время как до войны максимум

нашего производства в 1913 г. составлял 67 млн. руб., по программе 1925/26 г. вместе с кустарным производством мы предполагаем выпустить с.-х. машин на 80 млн. довоенных рублей.

За последние 5 лет удалось не только восстановить химическую промышленность до довоенного производства, но и перестроить ее технику, организовать новое производство и построить новые заводы.

В то же время в 1925 году уже совершенно определилась товарищеская атмосфера в нашем советском быте для специалистов, необходимая для продуктивности их труда и об'единявшая техников с рабочими в упорном труде по реконструкции нашего хозяйства. Она поднимала энергию и создавала веру в хорошее будущее и уверенность, что техника и техники займут в этой работе то место, которое им подобает по роли мировой науки и современной техники в развитии народного хозяйства и в поднятии материальной культуры трудящихся и как раз в эти годы—в 25 и 26 году происходит окончательное оформление вредительской организации, расширение сферы ее деятельности, установление прочных связей с заграничными политическими организациями и включение в план действий организации ясно выраженных политических контр-революционных целей.

Деятельность организации продолжалась и в 27 году вплоть до ареста, когда закончился восстановительный период, когда мы перешли в период реконструкции, когда все здоровые силы страны,—в том числе и тысячи инженеров, дружно работают над разрешением сложнейших стоящих задач реконструкции и когда только слепые и не желающие увидеть творчество и достижения нашей власти их не видят.

Только теперь, на Шахтинском процессе, товарищи судьи, для нас многих, кто помнит эпоху узких мест в энергии в 25 году, ясно, отчего происходили эти неувязки, совершенно ясно. В торфе у нас были крупнейшие достижения, в нефти—мы ушли вперед, а в Донбассе, в угле все у нас не ладилось. Только теперь это сделалось ясно, тогда это было неясно. Тогда казалось, есть какие-то об'ективные причины организационные, почему в других отраслях энергетики есть достижения, а в Донбассе их нет. И теперь нам становится ясно, особенно нам, кто близко воспринимал эти все трудности положения в Госплане, теперь совершенно ясно, почему Донуголь упорно вел линию на строительство мелких шахт, против которой Госплан несколько раз протестовал. Только теперь это понятно, раньше это было непонятно.

Одновременно перед судом развернулась и ужасающая картина нравственного разложения руководящих инженерных сил в Донугле и хозяйственной дезорганизации.

Здесь было все: вероломство, предательство, продажность, взяточничество, укрывательство, и все это на фоне безобразнейшего, циничного отношения к повседневному служебному делу. Здесь приглашаются иностранные специалисты по горному делу с многолетнем стажем, а руководитель технического отдела Бояршинов, имевший в Донугле решающее влияние на всю политику его, не удосуживается поинтересоваться, что это за специалисты, какую им работу дать. Когда один из таких специалистов добивается свидания с ним, он дает ему свидание набегу, при переходе из одного отдела правления в другой. Когда был задан вопрос на суде, сколько иностранных специалистов было приглашено в Донуголь, то он не мог дать ответа; когда на суде спросили, интересовался ли он работой иностранных специалистов, он ответил, что ему это не докладывалось. Здесь был иностранный специалист, получавший в месяц 320 долларов, 6 недель он обивал пороги Донугля, чтобы добиться что ему делать. Здесь составлялись лицензии на импортные оборудования, которые подсудимый Казаринов, командированный для закупки в Берлин, характеризует так, что, если бы придерживаться лицензий, полученных от Харькова и составленных техническим отделом, то купили бы машины без составных частей, машины без двигателей, двигатели без машин, или, вообще, ничего не купили бы, потому что ни спецификации, ни данных, характеризующих оборудование, в этой лицензии не было. На дополнительный запрос, посланный в Харьков в ноябре 1925 г. в течение нескольких месяцев ответа не было, несмотря на неоднократные подтверждения запроса. Только в марте 1926 г., и только после телеграммы т. Билика

Рухимовичу, приблизительно такого содержания: «Прошу прекратить безобразия, творящиеся в Харькове, и доставить сведения о лицензии», был получен ответ. После этого ответа вскоре приехал из Берлина в Харьков инж. Плоткен (цитирую из показаний Казаринова): «Привез лицензию на 6.300.000, составленную так же, как и первая». Здесь закупались за границей котлы (фирмы Ошаца), которые, по прибытии на шахты, не могли по своему габариту поместиться ни в одной котельной и лежали больше года на складе. Здесь командируется заграницу комиссия Коробкина из 5 человек специалистов), которой не давалось никаких определенных заданий, никаких указаний, с какой отраслью горной техники знакомиться, что осматривать.

Здесь было управление нового строительства, специально созданное для того, чтобы, наконец, двинуть это дело в Донбассе, а около него был такой пассивный, безинициативный технический совет из специалистов, поставленных в такие условия, что они не могли схватить тот или иной проект шахтного строительства в целом, потому что на обсуждение технического совета вносились в разное время отдельные части проекта, а не полный проект. Они не могли произвести оценку плана шахтного строительства, не могли произвести экономический анализ нового строительства, так как Управление ревниво оберегало тайну своей экономики от вторжения в нее специалистов.

Здесь был горный надзор, который не знал, что делается на шахтах, и покрывал бывш. частных шахтовладельцев; здесь затапливались хорошие шахты и разрабатывались плохие.

Здесь был, по очень образному выражению подсуд. Матова, «уполномоченный по медленному проектированию». Здесь имели место многочисленные факты технического вредительства, которые у всех нас в памяти и которые я не стану перечислять. Здесь велось собирание материалов и подготовка почвы для будущей интервенции.

Тт. судьи, среди подсудимых есть вовлекавшие в организацию, есть вовлеченные, есть активные, есть пассивные вредители, есть старые, неспособные отрешиться от своей прежней идеологии по службе хозяевам-капиталистам, но и есть инженеры более молодых поколений, могущие еще усвоить советскую идеологию, есть упорно отрицающие свою вину, есть колеблющиеся и есть чистосердечно признавшие свою вину и раскаявшиеся. Советская общественность убеждена, что Верховный Суд разберет в своем приговоре деяния каждого из подсудимых и даст удовлетворение возмущенному шахтинским делом негодующему чувству пролетариату и советской интеллигенции, требующих в многочисленных заявлениях сурового беспощадного наказания вредителям советского хозяйства.

Но, тт. судьи перед нами есть опасность погрузиться в детали анализа всех отдельных фактов ужасающей технической разрухи, которая в течение многих лет существовала в Донугле, где акты злостного вредительства тесно переплетаются с небрежностью, недостаточными техническими знаниями, самонадеянностью технического персонала, бравшегося за разрешение производственных задач. По одним внешним признакам между вредительством и техническим невежеством не всегда легко провести правильную границу. Отнесением в приговоре суда фактов технических ошибок к фактам вредительства можно задержать среди честно работающего в советском строительстве инженерства проявление технической инициативы и смелости творческой мысли, так необходимой в настоящее время, когда перед нами стоят труднейшие задачи реконструкции всего народного хозяйства. Общественное мнение считает, что суд выделит из этой среды невиновных, но, одновременно, вычеркнет из инженерской среды тех, кто запятнал себя преступлениями, и только особая милость Советской власти может дать возможность некоторым из них, заслуживающим снисхождения, загладить со временем свои преступления в честной службе пролетариату.

Особняком стоят подсудимые-иностранцы, работавшие в Донугле в качестве командированных иностранными фирмами специалистов для монтажных работ и выполнения заданий фирм. На судебном следствии выяснилось, что они разделяются на две категории. Одни—по вымогательству наших инженеров из контр-революционной организации—вынуждены были выплачи-

вать им проценты от наших заказов за границей. Другие—давали взятки нашим инженерам, членам организации, за приемку недоброкачественных машин, что подтверждено на судебном следствии в показаниях иностранцами же. Советская общественность считает, что если инженеры фирм первой категории после взвешивания Верхсудом всех фактов и условий работы фирм в СССР. могут и не быть осуждены за их вынужденные действия, то вторая категория — из тех, кто поставлял нам брак своего производства и платил взятки за прием этого брака, — должна быть на будущее время навсегда исключена из списка участников в поставке нам импортных товаров. Мы обойдемся без них.

Товарищи судьи! Мы создали энергичную базу для реконструкции народного хозяйства, создаем и создадим и свое производство необходимых нам машин. Мы впрягли дремавший тысячелетия Волхов в работу по созданию новых производств в Ленинградской области, впрягаем в эту же работу реку Свирь, в Центрально-Промышленной области; в Балахне, Шатуре, Кашире мы заставили работать на нашу промышленность, лежавшие веками без пользы торф и бурый уголь. Днепр, как вы помните, воодушевлявший только художников своими красотами и величием, над использованием энергии которого наши предки думали сто лет, и составили десятки проектов овладения его силой, обречен сейчас волей пролетариата на вечную ему службу и доживает последние дни своей свободы. Мы взнуздываем его и заставляем работать на нужды десятков новых заводов, которых не знала царская Россия. Волга и Дон до сего времени вели работу по транспортированию порознь. По манифесту Советской власти к 10-летию Октябрьской Революции эти реки должны быть соединены каналом. Проект канала закончен, и можно приступить к постройке. Это мероприятие создает Волго-Донской Транспортно-Энергетический и Экспортный Комбинат и перевернет экономику в половине европейской части Союза. Средняя Азия и Сибирь спешно связываются строящейся на протяжении 1.500 километров Туркестанско-Сибирской ж. д., обеспечивающей взаимообмен их своей продукцией, усиление товаро-оборота и развитие нашего хлопководства. Мы спешно разрабатываем проблему выходов из Сибири в европейскую часть Союза для обеспечения теснейшей хозяйственной связи между потребляющими районами с богатыми производящими районами Азии. Советская власть в первое же 10-летие своего существования подняла такие целины наших природных богатств, всколыхнула такие производственные возможности, призвала к деятельности такое количество дремавших творческих пролетарских и крестьянских сил, что никакие скрывающиеся среди нас остатки интеллигенции со старой идеологией и сторонники наших зарубежных врагов не смогут уже остановить это поступательное движение вперед. Все здоровые силы нашей интеллигенции работают совместно с пролетариатом, подготовляя почву для социализма. Наши ученые, об'единяемые как старыми научными учреждениями, со Всесоюзной Академией Наук во главе, так и многочисленными новыми институтами, возникшими при Советской власти, среди которых, без чванства можно сказать, есть такие, которых нет в Европе, привлекают внимание всего мира своими достижениями и своей работой на пользу советского строительства. Наша профессура добросовестно выполняет свой долг и делится своими знаниями с переполняющими наши вузы и рабфаки сотнями тысяч студентов, проникнутыми уже до мозга костей идеологией Советской власти. Наше учительство внедряет эту идеологию в необ'ятную толщу растущего нового поколения широких народных масс. Через какое-нибудь десятилетие мы будем иметь новую смену, новые кадры интеллигенции из пролетарской и крестьянской среды, и процесс, подобный Шахтинскому, уже будет совершенно невозможен. Уже теперь видно, что дело шахтинцев—это агония остатков интеллигенции со старой идеологией. В ближайшее время еще возможно появление таких гнойников на растущем коллективе советского государства, но они уже неопасны, эти остатки, с ними легко справится здоровый организм Советского Государства. Зарубежные Дворжанчики, Соколовы и компания, с их купленными прислужниками в Союзе ССР из бывших служащих на рудниках, представляют собой отмирающих пигмеев, копошащихся у подножия великана, не заметившие как он вырос, как возникла новая мировая

политическая и экономическая сила — Советская власть и советское народное хозяйство, которую им не только не побороть, но и не понять, пока идеи этой силы не овладеют всем миром. С тем большим, однако, основанием следует покончить с этим вскрытым гнойником. Этого требует все инженерство. Это должно быть сделано.

Товарищи судьи, перед нами, в течение полутора месяцев, проходила картина такого падения человеческой личности, падения крупных наших специалистов, что нам невольно хочется, несмотря на полную уверенность, что, конечно, это было из'ятие, что массы специалистов честно служат своему народу и Советской власти, остановить свое внимание на каком-нибудь конкретном светлом образе, который бы запечатлел в нашей памяти иное лицо, чем сидящие на скамье подсудимых.

Два года назад инженер А. В. Шрупке об'явил о том, что он изобрел для крестьянской избы печь, которую можно топить подмосковным углем. Продемонстрировали пробный опыт. Печь признали весьма удобной и потребляющей очень мало топлива. Между тем, в инженерных верхах посмеялись над изобретателем, как над чудаком, затратившим время на «малоценное» и «ненужное» изобретение.

Инженер Шрупке со своей идеей пошел дальше, чем можно было предполагать с точки зрения столичного инженера. После нескольких поездок в Рязань к председателю губисполкома он пришел в ВСНХ и заявил о своем увольнении со службы.

— Переходите на другое место?—спросили его.

— Да, — твердо ответил инженер - «чудак».

— Куда?

— В ВИК.

Слово «ВИК», как самый едкий хрен, выворотило у многих глаза на лоб: старый инженер, с солидным стажем, вдруг идет на службу к мужикам. Не иначе, как затмение мозгов: инженер Шрупке перестал быть нормальным с тех пор, как только изобрел печку для крестьян. Все посмотрели на затею изобретения, как на демагогию сумасшедшего. Только рязанский губисполком и скопинский уик взглянули на дело инж. Шрупке не так, как некоторые московские спецы: дали средства и возможности привести план в исполнение.

А. В. Шрупке произвел бурением земли, разведку в центре сел, очутившихся без топлива, обнаружил большие залежи каменного угля и заложил сразу две шахты, которые впоследствии стали называться «крестьянскими». Работы со стволами и проходками шли быстро. Спустя несколько месяцев началась добыча угля. Между крупным углем обнаружилась большая залежь богхета высокой калорийности, добыча от 4 тысяч до 8 тыс. пудов в сутки.

Весь уголь потребляется местными крестьянами. Правда, уже стали покупать Скопин и Михайлов. Инженер Шрупке обещает увеличивать добычу по мере расширения рынка потребления. В Пруссии есть закон, запрещающий крестьянам жечь солому. Инженер Шрупке углем заставил крестьян прекратить сжигание навоза, который пошел на поля. Урожайность поднялась.

Когда я встретился с А. В. Шрупке, он весь пришел в движение, захлебывался словами от восторга и почему - то торопился изложить свой план на дальнейшее развитие дела, словно боялся, что не хватит его жизни на осуществление всего, что сидело в его изобретательской голове. Глаза инженера загорелись энтузиазмом, и лицо вдруг разгладилось от морщин, прояснело как-то, словно очистилось от пасмурной хмури.

«Строить нужно с любовью... достижения даются, когда весь с головы до пяток уходишь в дело... Мне дали всего тридцать пять тысяч рублей, и я открыл 2 шахты и пущу кирпично-известковый завод...».

Его голос звучал уверенно, бодро, и сам он весь походил на человека, не понимающего жизни без творчества, без дела.

Товарищи судьи, А. В. Шрупке случайно замечен корреспондентом «Известий», но вы не сомневайтесь, что Шрупке не один среди нашего инженер-

ства. У нас есть тысячи таких инженеров из прежней интеллигенции, у нас есть тысячи Шрупке среди наших научных работников, среди профессуры, среди учительства, среди врачей, среди агрономов, среди работников искусства, наконец, среди массы рядовых советских служащих.

Нам, товарищи, гадко от этого Шахтинского дела, но нам нисколько не страшно за успехи нашего социалистического строительства.

Речь т. Крумина.

Товарищи судьи, судебное следствие вскрыло перед нами жуткую картину вредительства. Оно с исчерпывающей полнотой развернуло программу и методы вредительской организации. Классовый враг предстал перед рабочими и крестьянами в обнаженном виде.

Процесс показывает, что буржуазия мобилизовала все средства для борьбы с республикой советов и теперь никому не придет в голову воскрешать те обвинения, которые раздавались до и в самом начале процесса,—будто бы «процесс выдуман», будто бы «процесс раздут» и неизвестно, осмелится ли еще советское правительство выступить с фактами в руках перед широкой общественностью. Эти обвинения похоронены окончательно. Но нужно сказать, что место этих обвинений заняли другие, более тонкие. Эти более тонкие попытки опорачивания шахтинского процесса состоят в том, что говорят—процесс построен только на признаниях, на культурном же Западе признания являются лишь второстепенным материалом, проверяемым на фактах.

Я полагаю, что и это второе, более тонкое обвинение потерпело полную неудачу. Судебное следствие вскрыло перед нами факт гигантского саботажа и вредительства, проводимого контр-революционной организацией вредителей. Судебное следствие выявило многочисленные факты затопления вредителями шахт, порчу механизмов, задержку строительства новых шахт, бесхозяйственное использование народных средств и величайшие безобразия в области импортных заказов. Так что и эта вторая попытка опорачивания процесса потерпела неудачу.

Прежде чем перейти к анализу экономической и общественной программы вредителей, я позволю себе напомнить некоторые грубые вехи в развитии буржуазной идеологии. Остатки старой буржуазии, буржуазия новая, высшие слои квалифицированного инженерства, бесспорно, ожили с введением НЭП'а. Можно сказать, что буржуазия переживала тогда свое запоздалое возрождение. Буржуазия смотрела на НЭП, как на поражение диктатуры пролетариата и как на начало конца большевиков. Буржуазия ликовала по поводу, якобы, «отказа от мечты о великих социальных преобразованиях». Буржуазия предсказывала, что перевод предприятий на хозяйственный расчет не может дать ничего путного. Буржуазия выдвигала как единственный выход—все большее и большее развертывание частно-капиталистической инициативы и все большее и большее свертывание и даже полный провал государственной промышленности и государственного хозяйства в целом. Эта перспектива завершалась у буржуазии восстановлением на соответствующей экономической базе политической надстройки и восстановлением буржуазного государства.

История возникновения контр-революционной буржуазной организации вредителей доказывает, что буржуазия ни на минуту не прекращала борьбы с Советской властью. Потерпев поражение на военных фронтах, буржуазия после военного разгрома вновь и вновь начинает собирать свои силы. Она не прекращает материальной и моральной поддержки отдельных своих членов, высших своих служащих и инженеров, оставшихся в пределах Советского Союза. В соответствии со своими теориями о НЭП'е, как о начале конца большевиков, буржуазия начинает развертывать и практическую работу—пусть неорганизованную на первых порах в общеклассовом масштабе—работу по скорейшему водворению принципа частной собственности.

Каков же идейный багаж этих славных представителей класса капиталистов в нашей стране? Каковы их идейные знамена? Какова их моральная сила? Процесс, мне кажется, выявил с полной определенностью роль нашей российской буржуазии, как содержанки иностранного капитала. Одна из

важнейших целей нашей буржуазии состоит в распродаже страны, состоит в том, чтобы добиться передачи промышленности в руки концессионеров. Все средства для этого хороши, начиная от простого обмана, кончая самыми дикими формами расхищения народно-хозяйственных ценностей. «Моральная сила» российской буржуазии раздувается обильными денежными поступлениями из-за кордона. Ее общественно-индивидуальные черты—в значительной мере личное стяжательство, хапанье и шкурничество.

Когда мы разбираемся в возникновении контр-революционной организации вредителей, то мы прежде всего наталкиваемся на ее идейно-организованный центр в лице совета с'езда горнопромышленников юга России. Я позволю себе сделать несколько замечаний об общественно-политическом лице этой организации, тем более, что были сделаны попытки исказить, замазать истинное лицо этой организации и изобразить ее чем-то вроде мирной хозяйственной организации. Совет с'езда горнопромышленников являлся боевой организацией класса русских капиталистов. Совет с'езда поддерживал добровольческую армию. Он являлся резервуаром людских сил для всех белогвардейских правительств. Не один руководитель совета с'ездов украшал собой руководящие посты в белогвардейских министерствах. Однако, эта организация горнопромышленников не упускала из виду и своих собственных интересов. Даже в самые тяжелые для добровольческой армии минуты, она принимала решение о том, чтобы учредить особую междуведомственную комиссию на предмет выяснения убытков, причиненных военными действиями. «Общегосударственная борьба с большевиками» должна была: 1) вернуть горнопромышленникам их собственность и 2) возместить убытки, причиненные военными операциями.

Эта организация имела совершенно ясный взгляд о путях возрождения Донбасса. Она считала главной причиной разрухи в Донбассе падение производительности труда, каковая производительность, как считали горнопромышленники, может быть восстановлена лишь в результате «восстановления порядка» и в том случае «когда благоустроится жизнь страны». Когда капиталисты говорят о «восстановлении порядка», то для рабочих тут не существует ни малейшей недоговоренности. Капиталисты норовили восстановить Донбасс на поте рабочих и на невиданной эксплоатации труда.

Итак, совет с'езда горнопромышленников юга России являлся боевой классовой организацией капиталистов, которая не на жизнь а на смерть вела борьбу с большевиками—«за восстановление порядка», «за единую и неделимую Россию». И достаточно одной принадлежности к этой организации, чтобы общественно-политическое лицо человека стало совершенно ясным. Если тот или иной инженер попадал в эту организацию, то значит он действительно этого заслужил, значит он действительно являлся махровым представителем и защитником интересов капитала, защитником буржуазно-помещичьей России.

Вот к этому идейно-организационному центру и тянулась верхушка квалифицированного инженерства Донбасса. От этого центра она получала свои первые директивы. Что это были за директивы?

Конечно, экономическая программа вредительской организации не родилась готовой на свет. Она претерпела определенные изменения в связи с изменением в общехозяйственном положении Советского Союза и в связи с изменениями взаимоотношений Советской власти с капиталистическим миром. Развитие этой программы проходило в направлении от интересов отдельных капиталистов или капиталистических групп, подчас враждебно сталкивавшихся между собой, к общеклассовым интересам, к общеклассовой программе буржуазии. Тем самым в программу и в методы работы вредительской организации вносились определенная стройность и единообразие. Первоначальная программа буржуазной контр-революции в нашей стране была в достаточной мере простая. Капиталисты ставили перед собою задачу сохранения недр, рудников, оборудования, с тем, чтобы после падения Советской власти все это в сохранности было возвращено старым хозяевам. Только наиболее дальнозоркие из капиталистов стали на точку зрения затопления шахт, о чем отдавали распоряжения своим слугам. Эта программа в целом была рассчитана, конечно, только на короткий период времени.

Экономическая программа вредителей развертывается вместе с развертыванием социалистического строительства. Социалистическое строительство в своем развитии проходит две фазы—фазу восстановления и фазу реконструкции. Конечно, эти фазы не отделены одна от другой китайской стеной, но каждая из них имеет свои особенности. Если в фазу восстановления главнейшей задачей Советской власти было с максимальной быстротой, экономностью и полнотой восстановить производство, использовать производственный аппарат, оставшийся после буржуазии, то в этот период важнейшей целью вредителей было тормозить это восстановление с тем, чтобы сохранить недра для старых хозяев.

Обвиняемый Сущевский, мне кажется, правильно формулировал одно из основных положений программы организации, когда заявил, что задача состояла в том, чтобы «затянуть елико возможно период восстановления». Вредители ставили своей задачей направлять внимание на нерентабельные шахты, на худшие пласты. Если уж большевики берут уголь, то пусть берут уголь худшего качества, загрязненный, засоренный. Если уж большевики берут уголь, то пусть берут уголь по повышенной стоимости, при диком подчас применении народных средств.

В дальнейший период—в период реконструкции буржуазии приходится нащупывать новые методы, приходится выявить новое звено, от которого зависит темп развития и качество работы социалистического хозяйства.

Таким новым, определяющим звеном, бесспорно, является капитальное строительство. Вот почему в дальнейший период дезорганизация капитального строительства является одной из важнейших задач организации.

Капитальное строительство ставит перед нами проблему перспективных планов. Советское строительство, советское хозяйство, советское государство с большим напряжением сил работает над перспективными планами, над согласованием этих перспективных планов с планами годовыми.

К такой же «разработке» своего перспективного плана переходит и буржуазная контр-революция. Она связывает этот «перспективный план» с планом своей текущей работы. Увязка у буржуазной контр-революции состояла в том, чтобы дезорганизовывать капитальное строительство таким темпом, чтобы к 1930—31 г. загнать Советский Союз в хозяйственный тупик. А эта перспектива была увязана с перспективой военного наступления на Советский Союз.

Конечно, общая стратегическая установка в оба периода у буржуазии одна и та же. Совершенно правильно один из видных деятелей совета с'ездов Б. Соколов сказал, что вредительская организация являлась «передовым отрядом капитализма в Советском Союзе». Эта организация ставила своей основной целью бороться с советским хозяйством. За капитализм—таков был лозунг, который об'единял всех, начиная от черносотенцев и сменовеховцев, кончая социал-демократами.

В развернутом и зрелом виде программа буржуазной контр-революции состояла из следующих 7 пунктов:

1) сохранить в неприкосновенном виде более ценные недра и машины для эксплоатации в дальнейшем прежними владельцами или концессионерами;

2) противодействовать, елико возможно, восстановлению и развитию добычи;

3) довести рудничное хозяйство Донбасса до такого состояния, при котором советское правительство было бы вынуждено сдать рудники в концессию иностранцам или вообще капитулировать перед иностранным капиталом;

4) срывать капитальное строительство нового Донбасса;

5) в случае войны помогать врагам Советского Союза расстройством тыла, прекращая добычу и разрушая или затопляя рудники Донбасса, останавливая электростанции и водоотлив, добиваясь расстройства всего народного хозяйства и транспорта;

6) пропаганда против Советской власти и, наконец,

7) в результате всего этого добиться падения Советской власти.

Одним из важнейших пунктов в экономической программе вредителей был пункт о сохранении наиболее ценных пластов от эксплоатации советской властью.

Перед судом прошло достаточное количество фактов сокрытия ценных пластов. Я напомню лишь 2 примера:

1. Сокрытие Бессергеньевки,—богатого месторождения. Недаром Колодуб при допросе вынужден был вспомнить про «грандиозное пьянство», которым сопровождалась закладка. И эксплоатация этого богатого месторождения была отсрочена на ряд лет, благодаря действиям контр-революционной организации.

2. Шахта Скачинского. Обвиняемый Кузьма дал совершенно правильную характеристику Несветаевского месторождения. Он говорил, что это—богатейшее месторождение, что это—наш советский Клондайк. И этот советский Клондайк являет собой пример саботажа, при чем здесь саботаж проводится под флагом, якобы, защиты советских интересов, под видом того, что намеченная добыча в 30—35 милл. пудов в год слишком незначительна, а Совласти при ее размахе негоже ограничиваться такой добычей. Вредители составляют новый проект, рассчитанный уже на добычу 50 миллионов пудов в год. Этот новый проект проводится через технический совет под председательством Рабиновича. В общем и целом организация достигает трех целей: первая—задержка в связи с новыми заказами на оборудование, вторая—убытки в связи с уже заказанным оборудованием, и третья—и это самая главная—отсрочка эксплоатации этой шахты к 1930 году.

Я говорил уже о том, что в целях сокрытия ценных пластов применялся такой метод, как затопление шахт.

Далее в деятельности вредителей, в деятельности вредительской организации установлены совершенно дикие факты порчи механизмов. Порча механизмов преследовала ту же самую цель дезорганизации восстановления хозяйства. Действия вредителей были направлены к тому, чтобы достигнуть более быстрого износа механизмов. В деятельности Калганова был, например, установлен такой, совершенно дикий факт, как преднамеренный пуск в котлы воды жесткой, вместо воды механической, в результате чего котлы изнашиваются быстрее. Я не буду приводить дальнейших примеров, но могу сказать, что вредительская организация проводила прямо издевку над природой машины.

Все эти действия, все эти методы проводились вредительской организацией для того, чтобы тормозить ход восстановления хозяйства. И несмотря на это, наперекор этому, восстановительный период в Советском Союзе прошел чрезвычайно бурно. И в Донбассе он прошел так же бурно: с 1921—22 г. по 1926—27 г. Донбасс в смысле добычи вырос почти в 3 с половиной раза. Добыча нынешнего года уже превышает добычу довоенную на 15—20%. Вредители делают сейчас попытку укрыться за восстановительный период. Особенно напирал на это инж. Кузьма. Но нужно сказать, что этот маневр вредителей пройти не может. Мне кажется, что совершенно правильно один из свидетелей сказал, что «в под'еме Власовки (во главе которой стоял инж. Кузьма), ничего необычного нет». Темп под'ема Власовки не выходит за пределы темпов восстановительного периода. Еще бы в условиях восстановительного периода, когда отдельные отрасли развертывают свою добычу на 20, 40 и даже 100% в год, рудник, во главе которого находится вредитель, стоял бы по добыче на одном месте! Разве это не означало бы выдать свое вредительство с головой?—Это означало бы проводить глупое вредительство. Мне кажется, что инж. Кузьма совершенно правильно разграничил глупое вредительство от умного вредительства. Вредители, в ряде случаев, проводили умное вредительство. И ухудшение качества угля, причиняющее вред всему народному хозяйству, ослабляющее позиции советского государства в целом, является, бесспорно, методом проведения умного вредительства.

Итак, вредителям не удастся укрыться за успехи восстановительного периода. Эти успехи достигнуты наперекор вредителям, несмотря на существование контр-революционной вредительской организации. Функции вредителей заключались в том, чтобы тормозить восстановление, чтобы не допускать использования преимуществ социалистической системы.

В этой связи я хотел бы несколько остановиться на эпопее с мелким шахтным строительством. Почему вредители так ухватились за мелкие шахты? Они ухватились за них потому, что форсированное развитие мелкого шахтного строительства отвлекает внимание Советской власти от ценных пластов и

обер-офицеры капитала, в лице квалифицированного инженерства Донбасса, отдавали себе полный отчет в том, что развитием добычи на мелких шахтах они причиняют наименьший вред своим бывшим хозяевам. Это, во-первых. Во-вторых, форсированным развитием мелкого шахтного строительства достигалось ухудшение качества угля. Ведь мелкие шахты ставятся на более плохом угле, на более тонких пластах. В-третьих, этим самым причиняется вред всему народному хозяйству, ибо ухудшение качества угля в конце-концов равносильно, если хотите, повышению себестоимости и ухудшению позиций советского хозяйства в целом. В-четвертых, форсированным развитием мелких шахт ставилось, бесспорно, препятствие по пути снижения себестоимости. Ведь, прежде мелкие шахты могли конкурировать с крупными только путем невиданной эксплоатации труда. Этот путь для советского хозяйства закрыт. Кроме того, вредители стремились к тому, чтобы мелкие шахты ставить на неблагонадежных пластах. Ясно, что это ни в какой мере не могло содействовать падению себестоимости. Это задерживало снижение себестоимости.

Но что еще преследовали вредители таким форсированным развитием мелких шахт? Они преследовали еще ту цель, чтобы разработкой угля в мелких шахтах в настоящее время устранить конкурентов в будущем. Таким образом, обер-офицеры капитала верно проводили, верно защищали интересы крупного капитала.

Перед судом прошла целая эпопея с мелкими шахтами. Я приведу лишь два примера. Шахта «Красненькая» Донецко-Грушевского района: оказалось, что эта шахта, принадлежавшая раньше Самойлову, была, в основном уже выработана; Самойлов вложил в нее пять—десять тысяч, однако, советских денег в эту шахту было убухано до ста пятидесяти тысяч рублей. Или еще, Кадиевка, где из 8-ми шахт более или менее прилично заложенной оказалась лишь одна.

В чем заключалась нерациональность, проводимая вредительской организацией в области мелкого шахтного строительства? Она состояла в том, что шахты закладывались подчас без разведки, не на предположенных пластах. Имели место случаи, когда пласт еще до сих пор не найден. При проходке шахт наталкивались на скверные пласты; вместо предполагавшихся двух пластов, открывали лишь один. Шахты закладывались таким образом, чтобы выработка попадала под рабочие колонии и дальнейшую выработку приходилось, таким образом, приостанавливать. В пластах оказывалось слишком много серы и т. д., и т. п.

Следует ли из этого делать вывод, что курс советских хозяйственных организаций в 1925—26 г.г., взятый на развитие мелких шахт в Донбассе, был в корне ошибочен? Я не думаю этого. Перед советскими хозяйственными органами стояла задача спешно заполнить тот дефицит в угле, который имел место. Такое заполнение дефицита возможно было только при спешном развертывании добычи угля на мелких шахтах.

Кроме того, мелкие шахты требуют вложения меньших средств. И, если я не ошибаюсь, и в перспективном плане выработка на мелких шахтах играет некоторую роль. Но Советская власть ставит ударение на развитие крупных шахт. Добыча на мелких шахтах является лишь вспомогательной.

Совершенно иное отношение мы видим у вредительской организации, которая стремиться к тому, чтобы ударение перенести на мелкие шахты, а крупные шахты сохранить для бывших владельцев. Вредительская организация стремится к тому, чтобы путем ускоренного развития мелкого шахтного строительства ухудшить положение Советского Союза и принести вред социалистическому строительству. Как вредители проводили механизацию?— Не приходится отрицать, что в области механизации Донбасса достигнуты довольно значительные успехи. Как всем известно, механизированная добыча в настоящее время достигает 20% общей добычи. Это, безусловно, бесспорные успехи. Но давала ли эта механизация удовлетворительные экономические результаты? — На этот основной вопрос приходится ответить отрицательно. Поэтому только саботажники могут пытаться укрыться за механизацией, за успехами в области механизации, Гвоздь именно в том и состоит, что механизация в Донбассе не дала пока должных экономических результатов. Гвоздь в том и состоит, что механизация пока что

не привела к должному под'ему производительности труда. Поэтому смехотворные попытки обвиняемых укрыться за достижения в области механизации.

Чтобы дать себе ясный отчет в том, какие же результаты дала механизация, нужно поставить вопрос о том, какими методами и как вредители проводили механизацию. Эти методы заключались в следующем. Вредители проводили в ряде случаев «механизацию во что бы то ни стало». Обвиняемый Горлов говорил здесь о «полной вакханалии» в области механизации. Вредители производили невиданные безобразия с врубовыми машинами. Даже не признавший своей вины Нашивочников должен был констатировать «форменный вандализм» в использовании врубовых машин. Не признавший своей вины Чинокал, должен был признать, что в области механизации имела место вредительская работа, проводимая группой антисоветски настроенных инженеров. Далее, обвиняемый Калнин, красочно указывал на то, что 2 рабочих с врубовой машиной вырабатывали меньше 1 человека вручную. Харьковский центр, как здесь выяснилось, давал директивы: 1) выписывать ненужные машины, 2) выписывать в ненужном количестве и 3) отправлять эти машины в ненужные места. В области механизации проводилось рафинированное вредительство, заключавшееся в том, чтобы, при значительном повышении уровня техники, не допускать под'ема производительности человеческого труда.

Каков может быть экономический итог такой работы вредительской организации?—Экономический итог может быть только один—создание ряда препятствий к снижению себестоимости или даже повышение себестоимости. Ряд обвиняемых открыто об этом говорит, как о цели организации. Так, Братановский в своих показаниях пишет: целью организации было, «чтобы на рудниках повсеместно разрабатывались пласты более тонкие и худшего качества, на участках более отдаленных от стволов шахт и на шахтах более глубоких и старых». Такая постановка работы неизбежно приводит к «искусственному повышению себестоимости», как признает Братановский.

Оценивая об'ективные результаты работы Донбасса, нужно признать, что как раз себестоимость является наиболее слабым местом Донугля. Нужно отдать себе полный отчет в том, что то снижение себестоимости, какого мы добились, в общем и целом шло до сих пор за счет нагрузки шахт, за счет интенсивности труда и в незначительной мере за счет механизации и рационализации производства, за счет правильной организации рабочей силы.

Вредители били по линии себестоимости промышленной продукции. Цель при этом заключалась в том, чтобы дезорганизовать основные пути социалистической рационализации. Против рационализации, за повышение себестоимости — таков лозунг вредительской организации. А ведь себестоимость является узловой проблемой, от успешного разрешения которой зависит как темп развития нашего хозяйства, так и укрепление взаимоотношений рабочего класса и крестьянства. Следовательно, контр-революционная организация брала далекий прицел: она стремилась к тому, чтобы рассорить рабочий класс с крестьянством.

Вредители ставили во главе рационализации Колодуба. Колодуб и рационализация советского хозяйства—это две несовместимых, две непримиримых вещи. Одна должна уничтожить другую.

Когда-то видный буржуазный техник, видный ученый, профессор Гриневецкий, открытый враг большевизма, говорил, как о важнейшей народнохозяйственной задаче, о понижении себестоимости угля на путях технической перестройки Донбасса. Он выражал полную уверенность в том, что русская техника и промышленность—он подразумевал под этими названиями инженерство и капиталистов—с этой задачей справятся, но что поперек дороги станет большевистское государство. Этот крупный буржуазный ученый не мог себе представить, что роли могут радикально измениться. Он не мог, конечно, себе представить, что квалифицированное инженерство Донбасса поставит своей задачей добиваться повышения себестоимости, что оно будет разрушать строительство в Донбассе.

Буржуазные ученые в своих научных трудах пытаются молчаливо протащить ту мысль, что капитализм есть наиболее рациональная система хозяйства. В своих ханд-бухах, учебниках по горной экономике, они пишут о

горной экономике, как о такой науке, которая преследует цель—изучение процессов «в целях рационального развития народного хозяйства» и т. п. Но все эти слова летят к чорту, как только дело касается основ капиталистического хозяйства.

Инженеры Донбасса ныне доказывают, что горная экономика—это не изучение процессов в целях рационального развития народного хозяйства, наоборот, они демонстрируют горную экономику, как преследующую цель дикой порчи месторождений, вандализма в отношении машин, получения продукции подороже и качеством похуже. Блестящих инженеров ежедневно сверлит мысль о том, как бы разобрать оборудование, как бы затопить шахту, снять трансмиссии и развеять их по ветру. Блестящие инженеры Донбасса собираются на заседания, на которых подводят жуткие итоги того, как удалось задержать добычу, как удалось испортить механизмы и т. д.

Почему же буржуазная горная экономика стала дыбом?—Буржуазная экономика стала дыбом из-за одной «мелочи»—эта «мелочь» состоит в том, что в Советском Союзе шахты эксплоатируются не для прибылей капиталистов, а для пользы всего народа. Именно поэтому инженеры, верхушка квалифицированного инженерства Донбасса, поставили своей целью мобилизовать весь свой научно-технический опыт, все свои знания, чтобы вредить дико и бессмысленно и преступно. Но именно поэтому они стали нетерпимыми в нашей стране, как стране, идущей к техническому прогрессу и росту власти человека над природой.

Я сказал, что вредители ставили своей задачей дезорганизацию социалистической рационализации. Важнейшим элементом социалистической рационализации является строительство и оборудование новых предприятий по последнему слову техники. Поэтому, в последний период громадную роль у вредителей играют вопросы капитального строительства.

Обвиняемый Казаринов свидетельствует, что по директивам капиталиста Прядкина, Управление Нового Строительства Донугля «должно было быть квинт-эссенцией организации, каковой оно фактически и было». Вредители считали необходимым об'единить в одном лице заведующего управлением Нового Строительства и руководителя Харьковского Центра. Нужно признать, что такое об'единение в одном лице является вполне целесообразным. Вредительская организация поставила своей целью забрать в свои руки контроль над строительством нового Донбасса. Чтобы оценить значение этого, я напомню две линии. Одна линия—относительно величины добычи. Ведь совершенно ясно, что через 4—5 лет величина добычи Донбасса будет определяться новыми шахтами, ныне закладываемыми. И потому, если вредители забирают в свои руки контроль над капитальным строительством, они забирают и контроль над об'емом добычи. А уголь, как известно, есть один из необходимейших элементов в обороноспособности страны и при ведении войны.

Вторая линия—это линия качества работы.

Уровень капитального строительства, качество капитального строительства определяют на много лет вперед уровень себестоимости; себестоимость же является одной из узловых проблем советского хозяйства.

Советский Союз ставит перед собой задачу форсировать капитальное строительство. Я напомню, что капитальное строительство в Донбассе выросло примерно с пол миллиона рублей в 1921/22 г., с 9 милл в 1922/23 г.—до 112 милл. в нынешнем году.

Советский Союз в области капитального строительства ставит перед собой, по крайней мере, следующие 4 задачи: 1) осуществлять большой план капитального строительства, 2) использовать суммы максимально экономно, добиваться дешевизны капитального строительства, 3) распределять эти суммы по меньшему числу об'ектов и 4) всемерно ускорять ход строительства. Вредительская же организация ставит себе диаметрально противоположные задачи. Она понимает, что успешное капитальное строительство укрепляет диктатуру пролетариата. Поэтому она ставит своей задачей всемерно отсрочить приступ к новому строительству, растянуть его во времени, проводить его наиболее неэкономно, чтобы не получалось снижения себестоимости, разбрасывать деньги по большему количеству об'ектов.

Цель вредителей при этом была ясна: скомпрометировать гегемонию рабочего класса, доказать, что рабочий класс неспособен руководить строительством нового хозяйства, строительством нового Донбасса.

Вторая важнейшая и основная цель вредителей заключалась в том, чтобы согласовать ход капитального строительства с ходом военной подготовки капиталистического мира. Если бы к 1930 году не удалось ввести в работу основные об'екты нового строительства, то Советский Союз стоял бы максимально беззащитным перед лицом капиталистического наступления.

Вредители осуществляли свои цели в области капитального строительства самыми разнообразными методами. Я не буду на этом много останавливаться, я лишь перечислю некоторые из этих методов. Прежде всего возьму область проектирования. Здесь вредители стремились к созданию максимальной путаницы, к возможно частым пересмотрам. Рафинированность действий вредителей доходила даже до того, что они учитывали такое обстоятельство, как более быстрое прохождение проектов в Югостали. И организация, согласно показаниям одного из обвиняемых, принимает решение о том, чтобы замедлить ход проектирования в Югостали. Обвиняемый Братановский, стоявший одно время во главе проектирования в Донугле, показывает: «Моя деятельность в области проектирования заключалась: а) в затягивании составления проектов путем неоднократных переделок их и составления бесконечного количества вариантов и б) составления проектов таким образом, чтобы себестоимость угля при эксплоатации была по возможности дороже».

Вредители стремились к тому, чтобы строительство проводилось без утвержденных проектов. Ясно, что такая система создает максимальную путаницу и финансовые затруднения для советского хозяйства.

Вредители стремились к тому, чтобы выбирать места для строительства самым преступным образом. Они стремились сохранять ценные пласты и закладывать шахты в сомнительных местах.

Для характеристики всех этих методов я приведу 2—3 примера. О шахте Скачинского я уже говорил. Добавлю лишь, что проект шахты Скачинского пересматривался в техническом совете три раза. Шахта Киселевка закладывалась без разведки и в результате пласт оказался значительно хуже. Проект по этой шахте был готов лишь через два года после начала проходки. Шахта Американка—проходка начата до проекта, а проект, я точно не помню, как будто не готов и до сих пор.

Следовательно, в области капитального строительства вредительская организация ставила себе диаметрально противоположные задачи. Ее основной целью было скомпрометировать рабочий класс, подорвать создание новой технической базы, отсрочить ход капитального строительства, приспособив ход его к ходу военной подготовки капиталистического мира.

Как можно суммировать основной экономический смысл программы и действий вредительской организации?—Основной экономический смысл деятельности этой организации можно суммировать, как неустанную борьбу против социалистической индустриализации. Буржуазия, потерпев поражение на военных фронтах, борьбы не прекратила, а перешла на новые пути и методы борьбы. Эти новые пути, как ныне выявлено, состоят в том, чтобы проводить систематическое вредительство, чтобы подрывать социалистическую промышленность. Доведение же до ручки социалистической промышленности равносильно падению Советской власти.

Что означает социально-политически и экономически борьба капитализма в нашей стране против социалистической индустриализации.—С успешной индустриализацией нашей страны связана политическая и экономическая ее независимость. Поэтому тот, кто против социалистической индустриализации, тот тем самым за полуколониальный тип развития, тот тем самым за распродажу нашей страны, тот тем самым за хозяйственно-политическое угнетение страны. И, действительно, вредительская организация стремилась к этим целям.

Одним из слабых мест нашего хозяйства является слабость машиностроительной промышленности, зависимость в этом отношении от заграницы. Советское правительство за эти годы направило не мало усилий на это слабое место и нельзя отрицать, что в смысле укрепления собственного машино-

строения, достигнуты некоторые успехи. Вредительская же организация своей задачей ставит—не давать развертываться внутреннему машиностроению. Она стоит за расширение импорта из-за границы. Перед судом прошла история советской врубовой машины. Вредители были против советской врубовой машины. Два-три завода в советском Союзе наладили производство этой машины. Машина, как оказалось, дает более или менее приемлемые экономические и технические результаты. Однако, несмотря на это, советская врубовая машина хода не получает, ибо вредительская организация заранее решила дать отрицательный отзыв о пригодности советской врубовой машины. Между советской шахтой и советской врубовой машиной становится вредительская организация. Она точно также выступает и против изобретений, обозначающих эмансипацию России, особенно если эти изобретения исходят от рабочих.

В угольной промышленности—в этой отрасли тяжелой индустрии, дающей хлеб всей промышленности и транспорту, без работы которой невозможна жизнь страны—вредители работают на кризис, путем срыва капитального строительства.

Эта работа вредительской организации в области тяжелой индустрии означает подрыв обороноспособности страны и неизбежно приводит к хозяйственному и политическому закабалению.

Понятно также, почему в программе вредительской организации играет такую роль пункт о концессиях. Обвиняемый Братановский прямо формулирует: «цель организации заключалась в том, чтобы каменноугольную и металлургическую промышленность сдать западно-европейским капиталистам». Он же говорит о том, что все выгодные и ценные пласты предполагалось разрабатывать при концессионерах. Подсудимый Казаринов точно также подтверждая пункт о концессионировании, однако, добавляет, что «линия организации только косвенно является линией политической». Организация будто бы не связывала себя обязательным требованием свергнуть Советскую власть и вернуться к старому строю. Подсудимый Казаринов пытается провести разницу между отношением к концессиям со стороны членов организации и отношением истинных вдохновителей организации за границей. Разница, будто бы, заключалась в том, что заграничные вдохновители сливали эти два требования во-едино—свержение Советской власти и передачу предприятий в концессию: они считали одно без другого невозможным. Конечно, если кое-кто из членов организации мог думать, что концессионирование всей угольной и металлургической промышленности не связано с падением Сов. власти, то это было лишь притворством, нежеланием в данный момент ставить все точки над «и». Можно ли как-нибудь прислонить к советской концессионной политике концессионную политику вредительской организации. Конечно, нет. Советское правительство принципиально не против концессий, но Советская власть разрешает концессии лишь постольку, поскольку страна сама не в силах вести разработку всех естественных богатств. Концессии должны проводить работу в помощь, в добавление к государственной промышленности. Концессии развиваются Совластью постольку, поскольку не хватает внутренних капиталов, поскольку нужно ускорить темп развития. Концессии должны передать опыт и передовую технику советскому хозяйству. Но Советский Союз отдает себе полный отчет в том, что концессии—это новая форма классовой борьбы и поэтому именно, в силу роста концессий, советское государство ставит своей задачей твердо держать в своих руках командные высоты и еще крепче взять в свои руки ключи хозяйства. Совершенно иные задачи ставили себе вредители. Вредительская организация выдвигает концессии вместо государственной промышленности, выдвигает концессии в результате провала государственной промышленности. Вредительская организация смотрит на концессии не как на добавление к государственному капиталу, а стремится путем хищнического использования государственных капиталов и в результате этого хищнического использования, к замене государственных социалистических капиталов—капиталами концессионными. Вредители с радостью ждали концессии, они видели в концессионировании этап к капитализму, считая, что концесси неизбежно должны привести к падению Советской власти.

И действительно, можно ли себе представить провал социалистической промышленности и концессионирование командных высот и существование Советской власти? Это вещь совершенно невозможная и отдельные члены организации так и говорят, что в итоге концессионирования неизбежно падение Советской власти. Обвиняемый Горлецкий здесь давал формулу и говорил, что диктатура пролетариата должна замениться другой властью, состоящей из «частного собственника-капиталиста, крестьянина, и рабочего». Совершенно ясно, что эта формула по своей сути говорит о необходимости свержения диктатуры пролетариата и утверждении власти капиталистов.

Таким образом, вредительская организация ставит своей задачей подрыв и срыв хозяйственной и политической независимости нашей страны. Осуществление программы вредительской организации неизбежно привело бы к закабалению нашей страны, к превращению ее в полуколонию. Вредители стремились к вовлечению Советского Союза в систему мирового капиталистического разделения труда. Советский Союз явился бы в таком случае аграрным придатком к капиталистическому западу. Важным элементом нынешнего капиталистического разделения труда является, как известно, план Дауэса. Реальность же этого плана (Дауэса) предполагает наличие полуколониального рынка России. В этом заключаются одно из важнейших внутренних противоречий плана Дауэса. Поэтому можно сказать, что программа вредительской организации есть программа дауэсизации нашей страны. Последыши русского капитализма работали на дауэсизацию нашей великой страны.

В свое время проф. Гриневецкий высказывал убеждение, что советское правительство не в состоянии спасти страну от политического и хозяйственного порабощения. В настоящее время, на практике, на опыте доказано, что политическая и хозяйственная независимость нашей страны органически связана, сливается с существованием Советской власти.

Деятельность вредителей направлялась на создание кризиса в угольной промышленности, следовательно, на создание максимально благоприятных условий для интервенции. Я говорю про кризис в угольной промышленности как в смысле наличия топлива, так и в смысле внутренней нерациональной ее организации. В результате такой нерациональности эта отрасль промышленности должна была рухнуть. В период восстановления вредительская организация ставила себе задачу задержать развитие добычи. В период реконструкции вредители хватаются за основное звено—за капитальное строительство, в целях максимальной затяжки его хода. Они работают, таким образом, на кризис Донецкого бассейна. Но ведь кризис Донецкого бассейна есть кризис тяжелой индустрии, следовательно, это есть удар по обороноспособности страны. Особая опасность и заключалась в том, что вредительская организация расцвела пышным цветом именно в каменноугольной промышленности. Чтобы отдать себе полный отчет в опасности такого положения, я процитирую вам отрывок из речи пресловутого председателя пресловутого совета с'ездов горнопромышленников юга России фон-Дитмара. Он в следующих словах характеризовал значение угольной промышленности: «максимальное и возможное восстановление промышленности, особенно промышленности минерального топлива и металлургической, повелительно диктуется тем, что эти виды промышленности являются первоосновой восстановления всей экономической жизни возрождающейся России. Без топлива и железа нет транспорта и нет других видов промышленности—разоренная же страна будет обречена на вымирание от голода и холода». К этой формулировке прибавить нечего.

Вредительская организация, таким образом, работала на холод и голод в нашей стране. Какие выводы напрашиваются из всего сказанного?

Контр-революционная буржуазная организация вредителей является глубоко враждебной нам силой, силой антикультурной. Когда я квалифицирую эту организацию как силу антикультурную, я ни в коем случае не хотел бы разжижать вины вредителей, я хочу, наоборот, усугубить ее. Вредительская организация—именно антикультурная сила в полновесном смысле этого слова. Она выступала против стержня человеческой культуры, она подрывала увеличение власти человека над природой. Цель вредительской организации заключалась в том, чтобы разрушать хозяйственные ценности, чтобы противо-

действовать прогрессу техники. Вредители издевались над элементарными требованиями научной техники.

Эта программа и действия вредительской организации не могут не возмущать профессионального чувства каждого честного инженера. Профессиональное чувство каждого такого инженера становится в полное противоречие с капиталистическими производственными отношениями. Каждый из них на опыте видит, что знамя технического прогресса находится в руках растущего социализма. И важнейший социально-политический итог истекшего десятилетия строительства социализма заключается в том, что основная масса специалистов от капитализма отошла и все больше и больше связывает свою судьбу со строительством социализма.

Почти 70 лет тому назад великий народный трибун Лассаль говорил о величии XIX века, которому суждено привести науку к народу. Он говорил, что только два элемента остались великими, свежими и способными к развитию, эти элементы—наука и народ. Лассаль провозгласил союз науки и рабочих—этих двух крайних полюсов, которые, слившись воедино, раздавят в своих железных об'ятиях все препятствия, стоящие на пути культуры. Ныне, на практике, на опыте, рабочий класс и наука сливаются во-едино и нет силы, которая могла бы противостоять этому союзу.

Последыши капитализма в нашей стране творили грязную антикультурную работу. Работа их соответствовала условиям самой ожесточенной классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. И нужно отдать себе отчет в том, что ближайший период есть период известного обострения классовой борьбы в нашей стране (при общей линии на замирание этой борьбы внутри страны, в связи с успешным строительством социализма). В результате опережающего роста социализма и абсолютного пока что роста частно-капиталистического сектора, мы неизбежно имеем в данный отрезок времени обострение классовой борьбы. Можно сказать, что на основе абсолютного роста частно-капиталистического сектора в нашей стране, мы имеем некую консолидацию осколков буржуазных взглядов в нашей стране, некую консолидацию буржуазной идеологии. Повторяю, ближайший период есть период обострения классовой борьбы, и поэтому мы должны быть готовы ко всему. Буржуазия и ее представители внутри страны, в борьбе против нас, пустят в ход все приемы, все, что есть самого подлого.

Оценку шахтинскому процессу мы должны давать именно в этих рамках обострения классовой обрьбы. Поэтому не может быть речи о какой-либо жалости в отношении к членам вредительской организации. Здесь не может быть места милости.

Тем более не может быть речи о милости, что ведь ближайшие годы, как первые годы реконструкции, являются сугубо тяжелыми для нас.

Наконец, мы должны учесть обострившееся международное положение, подготовку капиталистического мира к новой войне против Советского Союза. Эти условия требуют беспощадного уничтожения вредительской организации.

Мы обвиняем контр-революционную буржуазную организацию вредителей в том, что она срывала государственную промышленность и социалистическое строительство. Эта организация ратовала за восстановление частной собственности на землю и фабрики. Организация шла против основных завоеваний Октября. Мы обвиняем вредительскую организацию в том, что она сознательно шла на подготовку кризиса в угольной промышленности, а, следовательно, на подготовку кризиса всего нашего хозяйства. Организация вела неустанную борьбу против социалистической индустриализации, как подымающей мощь нашей страны. Контр-революционная организация выступала против политической и экономической независимости нашей страны—за ее распродажу и разграбление.

Антисоветская, антикультурная, предательская, контр-революционная организация буржуазии должна быть вырвана с корнем.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ Н. В. КРЫЛЕНКО.

Товарищи, в результате 35-ти дней судебного следствия мы подошли к итоговой части нашего процесса. Мы подошли к подведению итогов, к установлению того, что же является в результате проделанной работы установленным, что является доказанным и какие общественные политические выводы и выводы в смысле применения норм нашей уголовной политики надлежит в результате этой работы сделать.

Позвольте отступить несколько от обычного метода построения прокурорской обвинительной речи и не доказывать специально на основании данных судебного следствия основной факт существования контр-революционной организации. Разрешите считать, что после этих 35-ти дней после взаимной перекрестной проверки, путем перекрестного допроса обвиняемых, после проверки показаний сознавшихся и признавших этот факт обвиняемых, исследования фактов реального положения вещей на том или ином участке Донбасса, в тех или других отраслях производственной деятельности Донугля, разрешите этот основной факт, что контр-революционная организация была создана, что в течение ряда лет она действовала согласно установленным и признанным членами этой организации целям, считать установленным, и не тратить специально здесь ни сил, ни вашего внимания на доказательства этого факта, ибо его не отрицают сейчас ни сознавшиеся обвиняемые, ни даже несознавшиеся обвиняемые. Наибольшее, на что в данном случае они идут, это на утверждение того, что им, обвиняемым, конкретно не было известно о факте этой организации, но на отрицание этого факта организации не идет сейчас никто. Не отрицают этого сами подсудимые, не отрицает, не может отрицать этого, и общественное мнение нашей страны, нашего Союза. Не могут отрицать этого даже представители не нашей общественности, представители не нашей советской страны, советской жизни, советского быта. Не может отрицать этого и общественное мнение буржуазной Европы. Этот факт является установленным. Он прошел здесь перед нами в течение этих 35 дней в мельчайших деталях, в анализе положения вещей на той или иной шахте, на том или ином уклоне, на том или ином уступе. Он прошел здесь при рассмотрении вопроса о том, какие были цели, как эти цели ставились, как эта организация развивалась, как она стремилась и проводила в жизнь тот или иной конкретный свой метод действия,—свои задачи.

Я думаю, что поэтому мне будет позволено построить свое обвинительное выступление и задержать ваше внимание на иных вопросах, на иных проблемах. Прежде всего на вопросе общественного и политического содержания данного процесса, что уже в достаточной степени выпукло и ярко развил здесь т. Гринько и др. общественные обвинители, затем, главным образом, сосредоточить свое главное внимание на рассмотрении отдельных совокупностей обстоятельств, из которых вам надлежит будет сделать выводы о степени причастности к этой организации того или иного подсудимого, доказанности его участия в этой организации, и, в зависимости от этого, сделать соответствующие выводы о мерах репрессии в отношении того или иного подсудимого.

Государственные обвинители т.т. Рогинский и Крыленко.

Итак, факт, что приблизительно с 1924 г. уже в оформленном виде, а до этого в неоформленном виде отдельных кустарных образований, а после 1925 г. и с начала 1926 г. в стройном виде с определенным иерархическим соподчинением групп, существовала организация контр-революционно настроенных представителей квалифицированного инженерства,—представляется установленным. Но эта организация была не только организацией, охватывавшей наш Донбасс. Здесь прошли люди, в лице живых свидетелей из тех, которых обвинение было вынуждено сюда доставить по логике судебного процесса, по логике необходимости приведения доказательного материала, прошли такие свидетели, как Андреев, как Мухин, которые рассказали о себе, о своих преступлениях в других отраслях промышленности, чем доказали, что эта организация была более мощной, более сильной, чем казалось на первый взгляд, на основании данных предварительного следствия. Из последних показаний подсудимого Скорутто, на открытом судебном заседании, и из более подробных показаний его же на закрытом судебном заседании, следует установить, что эта организация имела в достаточной степени определенное укрепившиеся корни и в центральных учреждениях по управлению нашей промышленностью.

Наконец, из того, что здесь прошло перед вами, при обследовании обстоятельств, касавшихся связи отдельных членов организации с контр-революционными политическими группировками из бывших собственников за границей, вы можете видеть, что эта организация была связана с организациями бывших промышленников не только в одной, но в ряде буржуазных стран. На этих вопросах я позволю себе остановиться, впрочем, впоследствии более детально.

Сейчас позвольте только констатировать этот факт и раньше, чем перейти к анализу уликовой стороны, остановиться на некоторых общих вопросах о политическом и общественном содержании данного процесса, ибо государственное обвинение не может себя отграничить от общественного значения этого дела.

Мы должны рассматривать факты не только с точки зрения юридической оценки. Наш процесс есть факт определенного реагирования государства на нездоровые явления нашей общественности на больные явления, которые происходят в условиях еще раздирающей мир классовой борьбы. Вот почему наш суд не может и не должен отграничивать себя от общественной и политической стороны дела и этой стороне дела государственное обвинение также должно посвятить несколько времени.

Для того, чтобы определить здесь исходные пункты для определения общественной значимости этого процесса, я позволю себе обратить внимание на другой факт, который также является фактом, не возбуждающим никакого сомнения. Это факт, что на скамье подсудимых сидят представители технической интеллигенции, представители определенного, однородного общественного слоя, однородного по своему социальному происхождению в целом, одной определенной общественной прослойки, существующей в наш переходный период, когда приходится еще считаться с наличием классовых группировок и классовых отслоений.

Конечно, тов. Гринько правильно отметил, что это не значит, что если здесь сидят представители технической интеллигенции, то вся техническая интеллигенция является об'ектом нашего судопроизводства. Это, конечно, не так. Это совершенно неверно. Но это не колеблет того факта, что все же, именно представители технической интеллигенции сидят здесь на скамье подсудимых и если мы хотим определить общественное и политическое значение этого процесса, мы должны поставить вопрос, чем об'яснить, что на одиннадцатом году Советской власти мы должны присутствовать при рассмотрении дела о контр-революционной организации с таким составом подсудимых. А мы с удовлетворением можем и должны констатировать, что процессы по обвинению в контр-революционной работе в нашей стране делаются все более редким явлением, процессы по обвинениям по статьям главы о контр-революционных преступлениях в наших судах делаются все более и более исключительным явлением.

И если сейчас мы присутствуем на процессе по обвинению по 58[1] и 58[3] ст.ст. Уголовного Кодекса по делу о контр-революционном преступлении, и если на скамье подсудимых сидят представители одного определенного в социальном отношении слоя или группы населения, то мы не можем пройти мимо этого факта, мы должны понять его исторические корни, понять его исторические причины и сделать для себя отсюда равным образом ряд выводов, которые должно иметь в виду при оценке конкретных форм уголовной репрессии, которые должны быть применены.

На одиннадцатом году Советской власти, диктатуры рабочего класса—по контр-революционному делу перед нами опять сидят представители технической интеллигенции. Что это значит?

Я вспоминаю другой процесс в этом самом зале, который равным образом в свое время привлек общественное внимание всех трудящихся нашей страны и привлек общественное внимание буржуазной Европы. Это процесс правых эс-эров, который проходил здесь, в этом самом зале. Тогда в качестве обвиняемых сидели тоже в большинстве представители интеллигенции,—правда, не технической интеллигенции, но представители интеллигенции в ее наиболее рафинированной части, в лице политиков по профессии, в лице представителей одной из выдающихся политических группировок тех времен. Но ведь это был период, когда мы подводили итоги гражданской войны; но ведь это был 22-й год,—когда хотя гражданская война уже отходила в прошлое, но кое-где еще слышались отзвуки ее громов, кое-где еще можно было видеть отблески ее зарницы. Это был период, когда можно было об'яснить такой состав, можно было предполагать, что еще кое-где копошатся затаившиеся враги Советской власти, сторонники открытого вооруженного мятежа против порядка, установленного волей миллионов, волей большинства рабочего класса и крестьянских масс.

Но не сейчас. Но не сейчас, но не шесть лет спустя, но не на одиннадцатом году пролетарской революции.

Вот почему, проводя эту параллель, нельзя говорить, что оба эти процесса—однородное явление. Это был героический этап нашей революции, этап бурь и натиска, период неверия и недоверия Советской власти. Сейчас мы еще прожили ряд лет успешного мирного строительства,—правда, строительства, купленного дорогой ценой, но мирного строительства, которое привело к определенным успехам, запечатлено в колонках сухих цифр, но цифр, скрывающих собой, тем не менее, реальные результаты сознательного, согласованного труда миллионов трудящегося населения и когда, казалось бы, представители интеллигенции, именующие себя носителями традиций, героической борьбы чуть ли не эпохи «Народной Воли», ни в каком случае не должны были бы находиться по ту сторону баррикад, вместе с буржуазным миром, с их бывшими властелинами. Сейчас мы не должны были бы видеть в качестве наших врагов и представителей интеллигенции.

А между тем, это так. А, между тем, мы здесь присутствуем при рассмотрении процесса, когда установленными являются факты, что цель этой организации была помощь вооруженной интервенции, что реальной связью, которая их связывала, была золотая цепь, были деньги, было золото из карманов Дворжанчика, Прядкина, Соколова и всех прочих и прочих, и прочих из тех, которых,—мы полагаем,—сюда к нам обратно уже не пустим. И сами они, в большинстве—представители интеллигенции.

Что значит—говорю я—этот факт?—Мне кажется, что его можно прекрасно разгадать прежде всего, когда мы посмотрим на то, что здесь говорили сами подсудимые. Слышали ли мы здесь маленький намек, хотя бы какой-нибудь в малой степени намек, нечто, что напоминало бы нам до известной степени политическую постановку вопроса?—Слышали ли мы здесь хоть что-нибудь, что могло бы показаться нам бросанием своего рода политической перчатки?—Слышали ли мы здесь хоть какое-нибудь обоснование их политических позиций?—Нет, этого здесь мы не слышали, здесь перед нами было либо слезливое бормотание с просьбой о пощаде, либо рассказы о том, как люди не совладали с собой тогда, когда перед ними встал призрак золотого тельца, либо перед нами здесь прошли разговоры людей, которые

говорили, что в настоящий момент они уже поняли и готовы признать преимущества советского, социалистического порядка.

Это все для нас, конечно, слова. Этим словам у нас нет ни необходимости, ни обязанности верить. Сказано давно: по делам их познаете их. Слова, хотя бы и поздние, слова раскаяния здесь, равным образом, не помогут. Словами сейчас сделанного уже не замазать.

И так, прежде всего, это не люди идейной политической борьбы, это, как здесь уже правильно было сказано, просто наемники, при чем наемники трусливые, наемники, которые согласны продавать сегодня тех, кому они сами вчера продавались, которые сейчас готовы здесь клясться в том, что они вновь будут верно служить советскому государству, точно также, как они клялись на том собрании в Харькове, где тов. Ломов сделал им первое сообщение об открытом контр-революционном заговоре среди инженерства. На этом совещании в феврале месяце именно подсудимый Матов от имени собравшихся инженеров заявил, что инженерство клеймит презрением тех, кто предает, кто участвует в контр-революционном заговоре. И с лицемерием, которое может вызвать только чувство гадливости и отвращения, вручил от имени инженеров соответствующую резолюцию тому, кого сам обманывал в течение целого ряда лет... А на следующий день опять принялся за контр-революционную работу и, вместе с другими, и, прежде всего, предприняв шаги, чтобы скрыть документы, которые могли бы пролить еще больше света на существо этой организации.

Этому обязаны мы, в частности, тем, что на этом процессе у нас так мало документальных данных, мало таких улик, после которых никто из тех, кто сидит на скамье подсудимых, не смел бы сказать, что он не член организации, не посмел бы становиться в позы и, бия себя в грудь, говорить, что чуть ли не с детских пеленок он уже предчувствовал социалистический строй, Октябрьскую Революцию и т. д. и т. д.

Итак, это не политические идейные борцы.—Это наемники. Таков первый вывод, который должно сделать из их собственных слов.

Но почему же они пришли из среды технической интеллигенции и, как все же надо расценивать этот факт.

Об этом они тоже сами рассказывали нам на суде.

Они сами говорили здесь, что раньше они были обер-офицерами капитала, были теснее других связаны с капиталистическим миром и поэтому пошли на поводу капиталистических предпринимателей, пошли на зов, как их старые слуги, как только те их позвали, хотя и состояли на советской службе. Так и поставим тогда вопрос о существе этого процесса,—что этот процесс есть демонстрация одной из картин классовой борьбы, которую ведет буржуазный мир против социалистического пролетарского государства. Так и будем расценивать общественно-политическое содержание этого процесса.

Но интеллигенция никогда не была классом, или слоем населения, который имел свою определенную отчетливую политическую физиономию. По самому существу своему, как обслуживающий, а не производящий социальный слой, интелигенции всегда была осуждена на то, чтобы расслаиваться и тяготеть то к классу крупной буржуазии, то подниматься иногда на недолгое время до высот сочувствия рабочему классу. Так было во всех революциях, так было и в наши революции. И чем шире, чем мощнее разрасталась революция, тем быстрее интеллигенция откатывалась назад вправо, и недаром все они, или большинство из них, побывали в Ростове, недаром большинство из них, члены совета с'ездов, с упоением слушали в Ростове генерала Краснова и клялись именем всевышнего и другими важными и неважными в то время для них именами, что они приложат все усилия к тому, чтобы уничтожить Советскую власть.

Вот где корень и об'яснение их роли—«свои возвратились к своим».

Передо мной лежат протоколы последнего с'езда горнопромышленников юга России, в составе которых мы видим Горлецкого, Скорутто, видим Березовского, Штельбринга, не этого, а отца его, видим Владимирского, Будного, Шадлуна, видим Юсевича и др., которые сидят здесь. Все они, в большинстве, в период гражданской войны нашли там свое место. Председатель с'езда фон-Дитмар—открыл с'езд предложением приветствовать вождей всех славных

армий: добровольческой, донской и пр., зал покрыл его предложение громом аплодисментов, затем фон-Дитмар предложил с'езду почтить память всех героев, погибших в борьбе с большевиками и с'езд с безмолвным благоговением встает для почтения памяти погибших палачей. В ответ, от имени добровольческой армии, генерал Маевский, имя которого помнят прекрасно рабочие Донбасса, имя которого покрыто проклятиями за те ужасы, которые он внес в наши промышленные округа, в очаги нашей производственной работы,—заканчивает свою речь указанием, что представители горной промышленности должны заключить тесный союз «для победы над большевизмом, для уничтожения этого исчадия ада». Вот когда эти люди говорили своим настоящим языком, вот когда без всякого фигового листка, они показали свое настоящее классовое лицо. И в этом ключ к пониманию всей их истинной природы и всей их последующей деятельности. Этих фактов далекого прошлого мы сейчас забыть не можем не потому, что мы хотим судить их за это, но потому, что, для того, чтобы понять их настоящую нынешнюю психологию, все надо принимать во внимание, нельзя забывать и всех этих отдельных фактов, чтобы понять действительно, кто же действительно сидит сейчас перед нами. Вот они и вот их истинная физиономия. В то время как вся остальная интеллигенция уже отошла от капитала, уже порвала с ним, уже приобщилась к нам,—эти бывшие соратники капиталистов, их прежняя правая рука, остались теми же, остались прежними. Еще раз:—«своя своих познаша». Здесь разгадка. Здесь об'яснение.

Здесь перед нами, на скамье подсудимых сидят классовые враги, посланные к нам извне, посланные буржуазией к нам в тыл, чтобы в тылу нашего строительства совершать вооруженные действия, согласно принципам и законам войны.

Вот второй вывод, который должно сделать и опять-таки из их собственных слоев.

Недаром один из подсудимых, Бояринов, рассказывал нам здесь о том, что он за тысячу долларов обязался совершить взрыв электрической станции, или иной диверсионный акт по договору с нашими врагами. Недаром же и другой подсудимый—Юсевич—на прямо мной поставленный вопрос понимает ли он, что, поддерживая свои сношения с Соколовым, Прядкиным, Бурозом и другими, он совершает акт государственной измены, ответил: «понимаю». Рассматривать содержание этого процесса приходится, прежде всего, с точки зрения предательства, измены советскому государству и рабочему классу, расценивать как проявление акта той классовой борьбы, которую капиталистический мир ведет против пролетарского государства.

Но буржуазный мир не представляет собой единого целого, и буржуазный мир разделен на те или иные государственные и иные образования; в пределах одного государства имеются те или другие отдельные группировки. Поэтому здесь, когда мы рассматриваем судебное дело, когда рассматриваем нам процесс сквозь лупу судебного разбирательства, мы не можем, конечно, отожествлять весь буржуазный мир как таковой с этими подсудимыми.

Мы должны пойти дальше, должны провести отграничительные линии, должны установить, с какими группами, группировками, с какими элементами буржуазного мира связаны данные лица, где в данном случае проходит отграничительная черта, которую мы не должны никогда забывать.

Эти линии, эти связи, эти нити идут по трем направлениям: они идут в Париж, они идут в Варшаву, они идут в Берлин. Правда, у нас были в деле наметки и на другие организации и другие страны, но они не привлекали особенно внимания суда, вопрос о них оставим пока в стороне. Но то, что мы знаем и то, что установлено—это то, что представители старого совета с'ездов горнопромышленников юга России, вместе с представителями французского капитала, заинтересованного в возврате бывших рудников, которыми они обладали на праве собственности в старой царской России,—вот одна линия, которая является установленной данными судебного следствия. Другая ведет к Дворжанчику, к польскому об'единению тех же бывших горнопромышленников. И, наконец, третья ведет к ряду лиц и некоторым отдельным лицам (пока, надеюсь, отдельным лицам) деятелям отдельных

немецких фирм, которые под тем или другим предлогом, под тем или другим мотивом (об этом тоже будем особо говорить, что это были за мотивы) находились в связи с членами контр-революционной организации.

Вот те отдельные группировки, которые установлены судебным следствием, которых, повторяю, мы не можем и не хотим отождествлять, сколько бы нам это ни приписывали, со всем комплексом буржуазных классов и партий той или другой страны, но о существовании которых мы тоже не можем и не хотим забывать.

О том, что такие группки существуют, что они были связаны с данными контр-революционерами, что лица, имевшие сношения с данными обвиняемыми, реально живут и действуют, об этом мы не можем и не хотим забыть. Но мы сознательно отграничиваем их от всей остальной массы буржуазной Европы, хотя это не значит, что вся остальная буржуазная Европа настроена хорошо по отношению к нам. Факты исторической жизни заставляют ставить под сомнение это утверждение, да и логика классовой борьбы давно научила нас другому.

А за ними, за этими группами, за этими отдельными лицами, вырисовываются и иные силуэты некоторых иных учреждений, вырисовываются силуэты, правда туманные, темные, неясные, но тем не менее, в достаточной мере знакомые. И в достаточной мере все же отчетливые. Силуэты учреждений не только экономического, а прямо политического характера. Ибо, если можно было говорить и спорить о связях с ними до судебного закрытого заседания, товарищи судьи, то после закрытого заседания об этом спорить не приходится, здесь, на этом закрытом заседании обвиняемые ясно и точно называли имена и учреждения. Вот почему о наличии этих связей мы не можем, равным образом, забыть.

Итак, что же это все означает?—Это все означает, что в тех условиях классовой борьбы, которую ведет социалистическая советская республика, в той борьбе, которую ведет рабочий класс нашей страны с капиталистическим миром и, прежде всего, ведет с обломками капиталистических организаций своей страны—авангардом этого классового врага, глубоко подосланным к нам в тыл, диверсионным отрядом являются сидящие на скамье подсудимых. Что это так, я позволю себе установить и некоторыми цитатами. Я остановлюсь лишь на словах Горлецкого, с одной стороны, и на той обрисовке политической физиономии Дворжанчика, которая дана была Казариновым, с другой стороны. Вы помните Горлецкого и помните политическую философию, которую он проповедывал. Эта политическая философия сводилась к утверждению того, что по мнению его, Горлецкого, власть должна принадлежать определенной совокупности, как он говорил, трех элементов: рабочих, крестьян и частных капиталистов. Эта философия шла затем дальше. Он говорил о том, что для него неприемлем социалистический порядок. Он говорил о том, что эволюция Советской власти в области возврата к капиталистическому порядку началась и неминуемо и неизбежно будет продолжаться. Но все эти слова, ведь, лишь наиболее мягкая форма выражения классовой ненависти, которой пропитан к социалистическому строю и к пролетарской диктатуре этот представитель буржуазии. Такую форму нашел для выражения своей идеологии Горлецкий лишь потому, что на другую форму у него не хватило здесь совести. Если вспомним о том, как говорил или выражался, по словам Казаринова, о Советском Союзе его хозяин Дворжанчик, мы увидим, что не мог без ненависти, без пены у рта и вспоминать о советской власти. Если вспомнить содержание его писем, которые мы частично вскрывали здесь на судебном следствии, то истинная классовая природа этой борьбы станет для нас совершенно очевидной.

За что же, товарищи, нас ненавидят так представители буржуазного класса? За что нас ненавидят так и представители той квалифицированной верхушки, технической интеллигенции, которая была так связана с капиталом, лучшим выразителем которой явился здесь Горлецкий?

Товарищи, что есть строительство пролетариата?—Строительство пролетариата есть сейчас первый мировой опыт построения новой экономики на началах согласованного труда всех, вместо войны всех против всех, вместо борьбы всех против всех, господствовавшей в капиталистическом мире, где

человек человеку волк. Вместо этого мы хотим добиться построения новой экономики на основах добровольного согласования труда всех. Мы делаем это дело среди распыленного товаропроизводства деревни, над которой нужно проработать еще много и много лет, чтобы победить в ней атавистические инстинкты собственности. Мы делаем это дело в труднейших политических условиях, в условиях мирового окружения буржуазии, мы делаем это дело, наконец, после тяжелых годов гражданской войны. Мы делаем это дело при данном уровне нашей технической культуры и в предвидении новой войны, которая будет раздирать капиталистический мир и в которую будет в конце концов втянута наша страна. За что?—За нашу смелую попытку построить мир без злобы и вражды, без гнета и эксплоатации? За это?—Да, за это! Этого не могут нам простить ни капиталисты всего мира, ни их верные слуги. А между тем, именно к ним, к инженерам в момент, когда для нас важно было не терять ни одной минуты, ни одной секунды на укрепление нашей экономики, на укрепление базы нашей экономики обратился к технической интеллигенции рабочий класс с призывом к совместной работе. Он обратился именно к технической интеллигенции в первую голову, ибо он знал, что если машинная техника, если крупная промышленность есть база нашей индустрии, есть основа построения социализма, то технические знания, техническая интеллигенция есть тот цемент социалистического созидания, без которого нельзя обойтись. К ним обратились, их позвали, и ни один из них не посмел сказать здесь, что он хоть что-нибудь может поставить в упрек рабочему классу. Дрожал голос Сущевского, когда он говорил, что даже обыск не был у него произведен. Не посмел ни один сказать, что рабочий класс ему в чем-либо отказывал. В то время, когда страна была голодна, когда мы собирали остатки, в первую голову им шли эти остатки, их ставили в лучшее положение. А что получили в ответ?—Грязь и предательство, демонстрацию продажности, демонстрацию политического и нравственного маразма. Вот что мы получили в ответ от той части технической интеллигенции, которая перед нами сидит. И это не случайное явление, что эти представители технической интеллигенции давно растеряли все свои лучшие качества, которыми они когда-то гордились. Это не случайное явление.

Не случайным является, что та часть интеллигенции, которая пошла вместе с капиталом, в период его умирания, в период его последней исторической агонии, могла сюда принести с собой только грязь, только предательство, только политический и нравственный маразм. Это не случайное явление и это касается не только тех, которые здесь признались, что они члены организации, это касается—и я буду стремиться это доказать—и тех, кто сохранил, казалось бы, на первый взгляд, остатки элементов человеческих качеств, это будет касаться и Кузьмы, и Горлецкого, и Рабиновича.

Миллионы стоит их работа, миллионы народных денег даром затрачены, благодаря той вредительской работе, которую они вели. Но это не деньги затрачены,—денег, в конце концов, нам не жалко. Эти миллионы—миллионы народных слез, это кровь и пот народные и эти слезы, кровь и пот расценивались ими и продавались, кровь и пот, труд и усилия рабочих, бессонные ночи, голод, страдания, нужда—этим они торговали, это они продавали, когда вели переговоры и заключали торги с Дворжанчиком и Прядкиным.

Вот почему, я полагаю, что когда мы подводим итоги того, как мы должны отнестись к этим людям,—мы должны прежде всего помнить задачу, которая стоит перед пролетарским судом, нашим классовым судом, судом рабочего класса, отбросившего, как ветошь, лицемерие и ложь, так называемой, внеклассовой юстиции, задачу защиты пролетарского общественного порядка, защиты пролетарского общественного созидания, нового пролетарского общества, нового коммунистического будущего.

По отношению к тем, кто раз поднял против нас меч, был разбит и повержен в прах, кого потом позвали на работу, кому поверили и кто продал и предал затем это доверие, кто попрал это доверие,—по отношению к ним пролетарский суд должен быть,—в интересах самосохранения общественного порядка нового пролетарского государства,—беспощаден. Должен быть беспощаден и суров по отношению к ним приговор, должен быть беспощаден

пролетарский суд. Таковы должны быть неизбежные последствия при той постановке проблемы о сущности данного процесса, которую я дал выше.

Вот почему товарищи, хотя в отдельные минуты и на меня действовали и слезы раскаяния, и истерические припадки, и истерическисе женские крики,—я сейчас, когда мне приходится выступать как представителю государственной прокуратуры, все эти чувства принужден откинуть, ибо интересы охраны пролетарского государства выше всего, а они требуют беспощадных мероприятий по отношению к подсудимым и к большинству из них, без всякого снисхождения.

Разрешите перейти теперь к некоторой бытовой характеристике отдельных группировок подсудимых, как они сложились в исторической реальности, чтобы показать, при помощи таких заштриховок, пока что не степень индивидуальной опасности каждого из них, а степень общественной опасности всей организации в целом, и степень и пределы ее распространенности.

Возьмите, товарищи, Донецко-Грушевское рудоуправление и посмотрите на него как бы со стороны. Один из захолустных закоулков нашей всесоюзной кочегарки—Шахтинский горный округ. Какую мы видим картину?—Те, кто бывал в Донбассе, знают, что Шахтинский округ, хотя и расположен по линии магистрали Воронежской железной дороги, но тем не менее и в смысле культурном, и в смысле своих транспортных условий, он стоит далеко позади по сравнению с остальными центрами Донбасса. Это не Горловка, не Никитовка, расположенные по главной магистрали. Это—заброшенный район. И вот в этом Шахтинском районе, богатейшем по характеру своих месторождений мы видим деятельность следующих лиц. Сюда входят: Березовский, Горлецкий, Калганов, Башкин, Самойлов, Бабенко, Нашивочников, Чернокнижников, Петров, Элиадзе, Васильев, Беленко, оба Колодуба, Кузьма, Овчарек и другие.

Что представляют из себя все эти лица? Как они жили, чем характеризовалось их внешнее и внутреннее бытие?—В то время, как рабочие жили в неимоверно тяжелых жилищных условиях,—в деле имеются показания некоторых рабочих об их жилищных условиях,—эта группа лиц жила в условиях гораздо более хороших, представляла из себя своеобразный, особый мир,—недаром им присвоили имя «сеттльмент», нечто подобное иностранным кварталам среди пролетарского моря. Эта группа лиц в своем бытии, в своей повседневной жизни сохраняла полностью почти до самого последнего времени свой характер, свой прежний быт периода царской России.

Вы думаете, там господствовало равенство, там господствовало какое-либо единство?—Нет, они делились на различные общественные слои, вернее группировки и отслаивания. Они жили как бы в разных этажах. Верхний этаж, или вернее, по-буржуазному выражаясь, бельэтаж,—населяли представители верхушки квалифицированного инженерства, это были те, которые отгораживали себя старательно и тщательно от иных представителей той же интеллигенции, от простых штейгеров и техников. Сюда входили, главным образом, инженеры с большим стажем. На вечеринках у Калганова, которые являлись центром, об'единяющим эту группировку или группу лиц, мы, встречаем Горлецкого, Калганова, Березовского; сюда из Власовки приезжал Кузьма; правда, бывал кое-когда и Самойлов и другие. Но все же можно резко выделить два слоя: с одной стороны слой, возглавлявшийся Калгановым, а с другой—слой, типичными представителями которого являлись оба Колодуба. Колодуб—нарицательное имя сейчас после Шахтинского процесса в СССР, Колодуб и колодубовщина, как говорил свидетель Вайлов, является нарицательным именем в том смысле, что они характеризуют собой определенный слой. Колодубы—это выходцы из среднего мещанства, которые путем скопидомства, путем труда личного и эксплоатации своей семьи и других, дошли до некоторого уровня материального благосостояния, и замкнулись—в определенный круг эгоистических и личных интересов, живущие, если не по Домострою, то во всяком случае в духе, близком ему. Колодубы—были и остались враждебны по своей природе, по своему существу всему новому, что принесла с собой революция. Это—второй слой.

Сюда же к этой группе можно отнести Васильева, Гаврюшенко, Беленко, одним словом, состав штейгерского персонала, низшего технического персо-

нала. До известной степени сюда же можно отнести и Самойлова, который вышел из этой среды.

Эти два этажа резко сохранили свое групповое различие в период и бытность свою ДГРУ. Еще ниже шли выходцы из рабочих, в роде Никитина.

Но что об'единяло их всех?—Об'единяло их всех маркшейдерское бюро, а что такое маркшейдерское бюро, мы слышали здесь. Выразителем маркшейдерского бюро являлся Козьмодемьянский. Эта фигура прошла здесь в порядке опроса подсудимых. Это чертежник. Простой чертежник, который был интересен и близок всем им потому, что, во-первых, умело рассказывал сальные анекдоты, а во-вторых, рассказывал хорошо антисоветские анекдоты. Вот почва, которая их об'единяла, вот язык, который был общим в этом месте, куда они все приходили с работы, приходили послушать зубоскальство Козьмодемьянского и пару сальных или антисоветских анекдотов. Вот те два полюса, которые замыкали их миросозерцание, их круг интересов при Советской власти, в пору их служения Советской власти. Что большего они могли дать, чего они могли еще ждать? Если они не шли с рабочими вместе, они могли либо мечтать о возвращении старых времен, либо утешаться рассказами и анекдотами Козьмодемьянского.

Вот что представляет из себя эта группа.

Это было бы ничего, если бы эта группа занималась только исключительно этой, в конце концов, безвредной болтовней,—но эта группа занималась вредительской работой, эта группа, отрезанная, отгородившаяся от остального пролетарского мира занималась вредительской работой и на вечеринках у Калганова, на собраниях у Калганова, решались основные проблемы строительства Донбасса, в пределах Донецко-Грушевского рудоуправления. Здесь решались вопросы о налаживании новых шахт, здесь решался вопрос о Бессергеневской проходке, сюда приходил Горлецкий и, сидя за столом вместе с Самойловым за чашкой чая или стаканом вина, рассказывал о том, что там, из Парижа на нас смотрят, там в Париже мы все на учете, за каждым из нас следят, работу каждого из нас учитывают, обо всем знают и обо всем, в свое время, спросят. Здесь обсуждались и решались планы вредительства.

Вот почему далеко на безвредную и далеко не безвинную картину представляла эта группировка, не случайная и не единичная. Разве ДГРУ было изолированной ячейкой, разве ДГРУ был исключением, разве этот куст был единичным; разве эти вечеринки, которые были у Калганова, не повторялись у Кузьмы? Сюда тоже приезжали Горлецкий и Березовский, и однажды они встретились: Башкин, Кузьма и Горлецкий, за обеденным столом, и Башкин рассказывал нам о том, какого рода разговоры были за этим столом. Вы скажете, что Башкин врет, что Башкину нельзя верить. Не будем предугадывать, где правду он говорит и где он лжет. Наша задача, задача суда разобрать, где он говорит правду и где он лжет. Не думаю все-таки, чтобы природа Горлецкого изменилась из-за того, что он из-за обеденного стола у Калганова пересел за обеденный стол Кузьмы. Нет никаких оснований так думать, а является безусловно доказанным, что вредительская работа велась на ДГРУ, что вредительская работа возглавлялась и проводилась Березовским и Калгановым, что Горлецкий являлся, в этом отношении, в ДГРУ связывающим центром и направляющим рычагом. Нет никаких оснований поэтому полагать, что Горлецкий, пересев за обеденный стол Кузьмы на Власовке, вдруг стал проповедывать другие теории. или стал. хотя бы молчать. Но мы знаем, что он не молчал, знаем с кем и какие были разговоры. У нас есть установленные очной ставкой того же Бабенко и Кузьмы. данные о том, как Бабенко и Кузьма, встретившись при осмотре состояния механизации, спустившись вместе в шахту и затем поднявшись, потом обменялись мнениями по поводу состояния механизации этой шахты: «Да, у вас с механизацией неважно,—сказал Кузьма, но таковой она и должна быть. Незачем специально работать над этой механизацией, настанет время, когда эта механизация пригодится...», но пригодится для старых хозяев. Об этом разговоре сообщает Бабенко, он был вполне в порядке вещей и вытекал из общего русла вредительской работы. Если Бабенко утверждает, что такой разговор был с Кузьмой, нет никаких оснований полагать, что Горлецкий

и Березовский, проводившие определенную вредительскую работу на ДГРУ, не вели ее на Власовке. Разве Власовка в этом случае была исключением?— Разве на Несветаевке не было такой группки?—И на Несветаевке было. Кувалдин и Некрасов—два классических типа, два старых парамоновских служащих, «парамоновский пес», как называли рабочие Кувалдина и «парамоновский зверь», как характеризовали рабочие Некрасова. Они даже в родство вступили между собой и вдвоем составили спевшуюся вредительскую группу... Ну скажут,—их было только два человека. Потом будем разбирать подробно, было ли их двое, трое или четверо. Ну, а Щербиновка?— там Сущевский, Одров, Стояновский, Лури, Пешехонов. Я беру имена, которые прошли по материалам судебного следствия. Все те, которые попали в неразграфленную ведомость, против имен которых бухгалтер Мартьянов ставил птички при раздаче денег? Разве они не все вместе, разве здесь не одна и та же картина, и разве здесь не повторялись те же разговоры и беседы о той же вредительской работе. Ну, а группа Андреева, допрошенная здесь в качестве свидетеля, у которого бывали Детер, Соколов и Именитов, разве это не такая же группа, разве здесь не та же самая картина, разве это не картина повсеместно разбросанных в Донбассе ячеек одной и той же вредительской организации, которая проникла в отдельные районы и почти во всех районах пускала свои ядовитые корни.

Вот мы имеем уже пять таких констатированных, прошедших здесь на судебном следствии групп. А разве мы все их вскрыли? А разве мы все знаем? А разве определенная часть не затаились теперь в подполье и не сидит там тише воды, ниже травы, разве она не сидит там, притаившись, боясь как бы ланцет судебного следствия не вскрыл и этого гнойного нарыва и не поставил бы его под свет судебного следствия, общественного мнения всего мира, трудящихся масс? Ну, а Бахмутская группа, жившая под единой кровлей общежития в Бахмуте, группа, которую возглавлял Бояршинов, принявший здесь наименование со скромностью достойной лучшего применения «святого Бояршинова». Разве здесь, когда собирались и Будный, Мероз и Шадлун, Потемкин и Быховский, разве эта группа не сродни уже обрисованным мною наростам вредительской организации? А ведь это центр! И это 22-й год. Это начало. И отсюда, из этого начала пошло зло. И возглавляющим эту группу мы видим Бояршинова, который встал затем во главе всей производственной работы Донугля. Вот как в отдельные периоды 1922—5—24 годов зарождались на местах эти гнилые, отдельные гнойники. Под предлогом повседневных бесед и вопросов повседневного быта зарождались, обсуждались и планировались вредительские действия организации. А рядом Сталино, Югосталь, Юрт. Химуголь. И Мухин нам здесь рассказывал, как самостоятельно зарождались и там организации такого же типа, связанные с другой группой промышленников за границей. Но разве все это? А ВСНХ?—Там также создавалась самостоятельная группировка, о которой говорил Скорутто в закрытом заседании. Группировка из 6—7 человек, которая потом вошла в контакт с Донуглевской организацией. Под лозунгом об'единения сил, под лозунгом что для достижения одной цели надо совместно работать. Так постепенно в атмосфере мирного периода оживали старые собственнические традиции, старые связи старого доброго времени. И еще раз «своя своих познаша». Потянулись опять старые прежние нити, заговорили прежние старые симпатии. Недаром же Братановский говорил, что период 1923/24 годов был периодом когда с двух слов понимали друг друга современные авгуры, когда достаточно было одного слова, и они соглашались вступать в организацию, когда как каким-то гипнозом об'ятые, они входили и организовывали вредительские ячейки.

Так развивалась эта организация, так представляла она из себя постепенно об'ективно все более серьезную политическую силу. А отсюда вытекает и оценка ее работы, как чрезвычайно вредной и опасной по своим размерам работы.

Я позволю себе остановить теперь ваше внимание на трех основных об'ектах вредительства, мимо которых мы не можем пройти: это—Управление

Новым Строительством, затем—импортные операции и, наконец, мелкое шахтное строительство. Это уже не отдельные шахты, это уже не отдельные шахтенки, не отдельные месторождения или скрытый пласт. Это—срыв всей производственной работы, срыв крупнейшей производственной операции. Это срыв нового шахтного строительства помощью управления новым строительством Донугля, о чем уже говорил т. Крумин,—это есть подготовка кризиса Донбасса, это есть помеха обороне, это есть сдача в руки врагу,—вот это что, вот до чего дошло дело. А импортные операции, о которых говорил Казаринов, которые стоят миллионов, в то время, когда еще в 1923 г. Владимир Ильич умирая говорил: берегите каждую копейку на пустяках, на мелочах, чтобы вложить ее в машинную индустрию, чтобы вложить ее в Днепрострой, в гидроторф, для того, чтобы скорей перескочить с крестьянской лошаденки на мощного коня машинной крупной индустрии. Это есть не что иное, как срыв всей нашей программы индустриализации, заведомое преступление, подрывавшее основные корни, на которых зиждется наше социалистическое строительство, заведомая растрата тех народных миллионов, которые мы собираем путем неслыханных усилий, ценой голода, ценой холода, ценой тех бесконечных сокращений, которые вносим в наш аппарат, когда ради достижения экономии идем иной раз на тяжелые жертвы, осуждая на безработицу определенные категории трудящихся масс.

А мелкое шахтное строительство?—Здесь достаточно вспомнить несколько отдельных фактов: малую и большую Карабанки на Щербиновке, «Аюту» и «Красненькую» на ДГРУ и др., вы помните те разговоры на судебном следствии, которые велись по поводу «22 дырок» на Щербиновке.

Вы помните о деньгах, которые расходовались на проходку шахт, которые заведомо должны были быть залиты водой, вы помните о закладке 2-го торфа, о котором говорил Березовский, вы помните о работе на Байраке, куда приехал Ржепецкий, и увидал, что там делать нечего, потому что Байрак доведен «до ручки». Вот те факты, которые прошли перед нами,—если мы возьмем картину только общими мазками, грубыми штрихами, не всматриваясь в отдельные детали. Можем ли мы сказать, что уже знаем где предел этому вредительству, где предел этой вредительской работы. Мы должны прямо сказать, что мы еще пока не знаем, где этот предел, ибо мы пока еще не можем сказать, что в достаточной мере всюду и везде мы пресекли корни этой организации, вскрыли все их дела, что мы в достаточной мере обезглавили этих вредителей в тех районах и в тех местах, где они укрепились. Но из этого мы должны еще раз сделать вывод, что если Дворжанчик, в полной уверенности в том, что он найдет сочувствие, что он найдет отклик в сердцах этих «господ-инженеров»,—посылал свои письма, подобно тому, как передается по радио «всем, всем, всем»... В результате этого процесса тоже «всем, всем, всем», и «всеми, всеми, всеми» должно быть ясно, понятно и отчетливо осознано, что не шутки шутить, не людей смешить явился сюда пролетарский суд. А в результате этого процесса, в результате рассмотрения дела эти лица и все спрятавшиеся и еще неоткрытые гады контр-революции должны понять, что о головах сейчас дело идет. Мы имеем право так ставить вопрос, ибо организация дошла до такого предела, когда экономика переплелась с политикой, когда политика слилась с экономикой и когда уже нельзя сказать, где грань, где предел. Я позволю себе остановиться на инциденте, который здесь прошел на процессе с Куркиным Кто такой Куркин, этот таинственный незнакомец, которого мы здесь стремились расшифровать?—Приехал штейгер, был принят на работу, жил, работал, внезапно исчез, исчез при странной обстановке подготовленного взрыва, предупрежденного лишь благодаря случайности. Какой смысл взрывать отдельную шахту, это нелепо—скажут. Да, это нелепо, если это отдельный изолированный акт, а если это не изолированный акт, а если мы это поставим рядом с фактом скрытой шахты Колодуба, с фактом, что в Куркине опознали офицера карательного отряда или что после того, как Куркин исчез, его принимает Элиадзе на Кавказе с письмом от Самойлова с указанием, что Куркина нужно пристроить, при чем прибавляется, что о неудаче взрыва расскажет сам Куркин.

А в показаниях Гаврюшенко, о чем идет речь?—там идет речь об организации повстанческих отрядов, о скрытых складах оружия, о секретных шифрах. Нам скажут,—что за «пинкертоновщина» в 1927 году?—Уж такая ли это «пинктертоновщина»?

А если в течение всех этих лет мы то там, то сям в отдельных местностях наталкиваемся на контр-революционные группировки, разве здесь нельзя предугадать наличия одной организованной работы, наличия одной и той же организованной руки?—Нельзя сказать, что это только пинкертоновщина.

А Бояриновские 1 000 долларов на диверсионные акты в тылу во время войны—разве это не является актом, который целиком может итти в ряд с Куркиным, с динамитом и взрывом, с заготовкой повстанческих отрядов, с заготовкой оружия для контр-революционного движения. Разве это не есть чистой формы политика и чистой формы контр-революция? Контр-революция которую мы знаем хорошо, и на которую мы привыкли отвечать всегда одним образом: мы не забыли годов гражданской войны и мы не забыли, что мы умеем жестко наносить удары; пусть этого не забывают и враги и не думают, что мы уже такими мягонькими сделались, такими добросердечными сделались; что уж так забыли о том, как следует разить и убивать.

Вот, почему, в этот момент слияния экономики с политикой эта тысяча долларов, полученная Бояриновым по уговору за диверсионную работу от Дворжанчика, должен быть нами сейчас поставлен, как аргумент, который должен быть также брошен в окончательном расчете на весы. Но, если эта тысяча долларов является аналогичной государственной измене и предательству, если работа Бояринова, по его собственному признанию, должна быть определена, как работа шпионская, то чем разнится эта тысяча долларов от четырехсот рублей, от ста рублей, иудиных денег,—иудиных денег полученных тем же Семенченко или Люри,—чем они отличаются от тысячи долларов, о которых проговорился Бояринов? Почему должна быть определена какая-то разница? На основании чего мы можем сказать, что это—разного рода и порядка явления, что это не явления одного порядка, не явления одного типа? Этого у нас нет никаких оснований это утверждать.

А разве тут не по тем же методам шла работа в Москве, работал и торгово-промышленный банк и другие почтенные учреждения, куда должен был явиться Скорутто с повернутой вниз ручкой портфеля в качестве знака, по которому его должны были узнать, и пропустить на конспиративное свидание, должны были узнать представители другой организации и других учреждений, чтобы дать ему инструкции для предательской работы? Разве это явление не сродни Куркину, разве это явление не сродни Бояриновской тысяче долларов? Разве этот опрокинутый ручкой вниз портфель не сродни шляпе Башкина, Башкинскому дождевику? На этой шляпе и дождевике мы в свое время еще остановимся. Они казались нам какой-то фантасмагорией—явлением, которое не может укладываться ни в какие разумные рамки. Но если не рассматривать его отдельно, если посмотреть на него вместе с портфелем, опрокинутым ручкой вниз, вместе с явкой в торгово-промышленном банке, вместе с тысячей долларов Бояршинова, вместе с Куркиным, радушно принятым Элиадзе, сохранившим его у себя, после того, как ему пришлось навострить лыжи с шахты от Самойлова,—если на все это посмотреть вместе,—все приобретает иную окраску. И иную оценку приобретают тогда и показания Гаврюшенко о шифре, о деньгах, и о повстанческих отрядах.

А деньги в их последних суммах, которые проходили здесь,—500 000 франков, привезенные из Парижа Матовым и Юсевичем, 900 000 франков, полученные ими из другого учреждения, 60 000 рублей, взятые ими из третьего источника, 40 000 рублей, получаемые ежемесячно Московским центром с 1926 года,—эти суммы в достаточной степени значительны. Возьмите теперь слова Березовского о том, что с 1926 года деньги стали поступать в усиленном количестве, по мере того, как установились четыре канала, четыре связи, четыре линии, по которым протекали эти деньги, мы получим общую картину, которая заставит нас сказать, что организация сделалась достаточно сильной для того, чтобы оправдать то любезное внимание, которое проявляли к ней в бытность Матова и Юсевича за границей, представители французского

военного министерства, польских официальных учреждений, германское министерство торговли и других к нам дружески расположенных учреждений.

Вот почему, товарищи можно прямо сказать, что если в свое время для них оказался всесильным лозунг «подбирай золото», которое сыпалось к ним по всем этим четырем каналам, то сейчас для нас доказанным должен быть признан крупный и опасной характер этой организации и основной задачей суда—изучить эти каналы и принять все меры к тому, чтобы их пресечь.

Разрешите же поставить эту проблему как определенную политическую задачу перед Специальным Присутствием Верховного Суда и перейти теперь к анализу отдельных конкретных действий, совершенных отдельными обвиняемыми.

Раньше чем приступить к более подробному анализу уликового материала в отношении отдельных обвиняемых, я позволю себе некоторое отступление, касающееся изложения руководящих принципов нашей уголовной политики и принципов ее применения.

Конечно, не для того мне это нужно, чтобы специально трактовать об этом составу суда. Состав Специального Присутствия Верховного Суда—достаточно компетентное учреждение, чтобы перед ним было излишне трактовать об этих вещах. Но поскольку мне здесь придется делать практический вывод, конкретно по отношению к отдельным обвиняемым, постольку я считаю необходимым, для того, чтобы были понятны мои предложения, указать на некоторые принципы, ибо все же тот порядок применения меры репрессии, который будет мной предложен, будет разниться от общепринятых методов применения. Общепринятый метод применения норм уголовной политики даже в нашем суде сводился до сих пор к разрешению вопроса о «соответствии» индивидуальной вины «содеянному» отдельным преступником. Этот принцип мне не представляется правильным и не представляется правильным прежде всего с точки зрения основных задач, которые стоят перед нашим уголовным судом.

Если наш Уголовный Кодекс и наше уголовное законодательство ставят своей задачей, как говорит 1-я статья Уголовного Кодекса, охрану государства рабочих и крестьян и установленного ими правопорядка, то с этой точки зрения едва ли можно считать правильным, чтобы при применении мер репрессии основным руководящим принципом был принцип соответствующего измерения, насколько соответствует репрессия содеянному.

В основе этого принципа лежит до известной степени старый, воспринятый нами пережиток теории, если не возмездия, то теории «справедливого наказания» за совершенные преступления. А мне представляется задачей нашего суда вовсе не измерение «коемуждо по делам его», а нашей задачей является другое определить, нуждается ли оно—данное лицо, в применении мер социальной защиты, мер уголовной репрессии, с точки зрения его опасности для социалистического правопорядка. Вот почему, если данное лицо будет признано опасным для данного общественного порядка, устанавливаемого нами в нашем пролетарском государстве, то отсюда вовсе не должно вытекать, что это лицо надо изолировать обязательно на два, а другое на три-пять лет,—это вопрос, который должен решать не суд, а другой орган, наблюдающий осужденного в течение известного промежутка времени в состоянии изоляции, будет или не будет он тогда представлять социальную опасность. Вот почему основным вопросом, который должен решать уголовный суд—является—какая из трех категорий мероприятий, находящихся в распоряжении уголовного суда подлежит применению к данному лицу—физическое ли уничтожение данного лица, как признанного настолько опасным или настолько неприспособленным, что он не должен иметь места в нашем обществе; изоляция ли данного лица от общества, исходя из того, что будучи на свободе, оно принесет вред и подлежит потому изоляции, или должна быть применена мера политического воздействия, морального воздействия к нему в виде той или иной формы выражения коллективного общественного мнения о нем—общественный бойкот, порицание, условное осуждение и т. д.

Вот почему основными статьями, руководящими статьями, нашей уголовной политики я считаю ст. 6-ю с примечанием к ней и 8-ю УК. Примечание к ст. 6 говорит, что если даже данное лицо совершило формально преступное

действие, если это формальное преступление не является общественно опасным, по его малой значимости, нет оснований подвергать данное лицо той или иной мере социальной репрессии или изоляции. Это наш принцип, принцип нашего действующего Уголовного Кодекса, до которого не додумалась до сих пор, кричащая о своей культуре буржуазная Европа. Этот принцип я кладу в основу уголовной политики.

И второй принцип—выраженный в ст. 8.

Короче я выражу оба принципа в следующем афоризме: преступление и человек, совершивший преступление, опасное вчера, может быть неопасным сегодня. И второй принцип—человек, совершивший преступление, являющийся неопасным или кажущийся неопасным сегодня, может быть опасным завтра. Оба эти принципа должны быть признаны определяющими при применении мер социальной репрессии нашим судом и с точки зрения обоих принципов, надлежит оценивать деяния каждого лица, чтобы обезопасить наше социалистическое строительство, наше социалистическое общество.

Я определенно подчеркиваю оба эти принципа, чтобы не полагать, что единственно руководящим принципом является только первый, оценивающий социальную опасность данного лица в настоящий момент. Надо принять во внимание все совершенное им, весь комплекс данных его психологии и всяких иных качеств, всю совокупность общественной и политической обстановки данного момента, возможность изменения общественно-политической обстановки в следующий завтрашний момент и возможность опасности от этого лица и завтра на основании того, что он совершил вчера. Только в таком разрезе можно применять оба принципа, только в таком взаимодействии можно и следует их применять. Иначе, это будет однобокое толкование, иначе суд превратится только в аппарат по измерению или гаданию о степени опасности данного лица вчера и сегодня, без дум о завтрашнем дне, а мы живем в обществе, где еще не утихли классовые битвы, где еще не иссякли всякие возможности, в том числе и возможность печальной необходимости защищаться вооруженной силой. При этих условиях все должно быть учтено, оба принципа должны быть приняты во внимание.

Одновременно с этим я прошу вас, товарищи судьи, не удивляться тому, если я по отношению к целому ряду обвиняемых либо вовсе воздержусь, либо не сочту обязательным для себя указывать срок изоляции и укажу лишь, что считаю мерой социальной защиты, подлежащей применению к данному лицу лишь изоляцию, вопрос о сроке этой изоляции будет представлять для меня второстепенный вопрос, не играющий большого практического значения, я буду целиком предоставлять этот вопрос усмотрению суда, или когда я буду брать за одни общие скобки целую группу лиц, не указывая, кому из них нужно дать месяцем или годом больше. или месяцем меньше.

Одновременно с этим, я считаю необходимым остановиться еще на одном обстоятельстве; еще на одном принципе нашей уголовной политики: не только задачи одной изоляции от общества данного лица преследует наша уголовная политика. Есть еще и другие задачи. Я говорю о том, что наш суд не есть только орган борьбы с данным социально опасным явлением, в данном его конкретном выражении; наш суд есть общественный инструмент, действующий перед лицом тысяч и миллионов народных масс, наш суд есть орган, при помощи которого руководящий авангард пролетариата, рабочий класс, в целом, строит новое общество, вот почему его приговоры должны являться определенным орудием политической работы, должны являться определенным орудием воспитательной, правовой и политической пропаганды. Вот почему его приговоры должны нести в себе и элементы общественно-политического воспитания и служить задачам воздействия не только на данных виновных лиц, но и на широкие массы трудящихся, для того, чтобы показать им тот путь, который по мнению суда является наиболее правильным для укрепления основ социалистического строительства. Эти задачи морального политического воздействия являются отнюдь немаловажными задачами, с точки зрения указаний, как реагирует наш суд на определенные нездоровые явления. Поэтому я буду считать возможным для себя иной раз настаивать на применении социальной репрессии по отношению к подсудимым в целях демонстрации определенного политического действия, независимо от того, как это

применение отзовется на судьбе данного обвиняемого. Ибо не может терпеть, не терпит и не будет терпеть наш социально-политический уклад определенной категории действий, и не хочет допустить, чтобы такие действия имели место впредь. И я буду применять этот метод по отношению к целому ряду подсудимых, исключительно с целью показать, что их действия нетерпимы и не будут терпимы нами никогда.

Здесь говорил общественный обвинитель инженер Шейн о том, что 100-тысячная масса инженеров и техников приносит осуждение данной группе инженеров Донбасса. Имеем ли мы данные предполагать, однако, после примера Матова, что искренне все так думают. Далеко нет. Вот почему, в отношении тех, которые продолжают думать иначе, эти средства воздействия должны оказать свое влияние.

Я позволю себе теперь остановиться еще на одном вопросе—вопросе о методах судебного доказательства в нашем суде.

Здесь прошли перед нами в довольно большом количестве те факты, часто встречающиеся в судебной практике, которые именуются «оговорами» и которые имеют весьма условное доказательное значение. Так, по крайней мере, принято думать согласно теории буржуазного права, где не все скверное, откуда многое мы заимствуем и кладем в основу нашей уголовной политики. Тем не менее, поскольку могут встретиться утверждения о никчемности и бездоказательности оговора, вообще, я считаю необходимым на этом вопросе остановиться подробнее.

Сам по себе оговор, конечно, мало что значит, но если этот оговор будет повторяться неоднократно разными лицами, если эти оговоры будут совпадать в тех или иных своих мелочах или деталях, если эти оговоры будут даны различными лицами в различных местах или если оговаривающие были допрошены разными лицами и в различном разрезе следовательского предварительного расследования, такие оговоры приобретают полное доказательное значение. Я лично скорее придал бы меньше значения оговорам, тогда если они совпадали бы целиком на все 100%. Здесь скорее можно было бы сказать, что имеется согласованный оговор. Но если в основном факты сходятся, если мы имеем разноречивость лишь в деталях, и эта разноречивость в деталях все же не создает картины совершенной невозможности самого факта, то эти оговоры должны приниматься, как имеющие определенное уликовое значение, тогда эти оговоры не могут не приниматься во внимание судом.

Мы будем иметь оговоры, в частности, по отношению к некоторым основным обвиняемым. как о той роли, которую они играли в организации, так и об отдельных конкретных преступлениях, совершенных ими.

Уже ясно, что не все эти оговоры можно и должно будет принять во внимание, и, во всяком случае, полное отрицание или полное отметание их, как судебного доказательства, ни в коем случае не может иметь места. Это было бы неправильно,—такого фетишизма мы в нашем суде, равным образом, не признаем. Всякое доказательство мы оцениваем по его об'ективному содержанию и может быть такое положение вещей, что оговор одного лица в одном случае должен быть отвергнут целиком и полностью, а в другом случае—оговор того же самого лица по отношению к другому лицу или даже по отношению к тому же лицу может быть принят, как совершенно достоверное судебное доказательство.

С этими оговорками мы можем и должны приступить к оценке тех оговоров, которые имеются в нашем судебном следствии.

Останавливаясь теперь на вопросе о том, каким образом приступить к оценке уликового материала в отношении отдельных лиц,—для меня наилучшим способом или методом классификации материалов представляется метод, которым мы шли в судебном следствии. Однако, без того, чтобы вновь конкретно восстанавливать перед вашим вниманием всю картину совместной согласованной работы всех привлеченных к вредительской работе лиц. Это далеко бы нас завело и потребовало бы слишком много времени. Поэтому я пойду в том порядке анализа их по группам, как они прошли на суд. следствии, и в этом порядке позволю себе группировать и уликовый материал. В основном я буду обращать ваше внимание не только на то, что сделали отдельные лица, но буду стремиться дать и психологическую обрисовку

того или другого лица, обрисовку его внутреннего содержания с точки зрения именно того, надлежит или не надлежит к нему, несмотря на то, что оно столько совершило или несмотря на то, что оно очень мало совершило, применить ту или иную меру социальной репрессии. Я позволю себе в этом порядке приступить к рассмотрению отдельных обвиняемых.

Гражданин Березовский, Николай Николаевич, представляет из себя одну из руководящих фигур организации. По его собственному признанию, он вел вредительскую работу в течение ряда лет в качестве группового директора Донецко-Грушевского рудоуправления. Гражданин Березовский здесь утверждал нам на судебном следствии, что с переходом его на Щербиновку он эту работу прекратил или, во всяком случае, активно больше себя, как вредитель, не проявлял. Ему угодно таким образом изобразить конец своей вредительской деятельности на рубеже 1926/27 года. Вместе с тем, мы знаем, что, несмотря на то, что целый ряд обвиняемых утверждает, что его видели на ряде конспиративных совещаний организации в Харькове,—тем не менее, он отрицает и свое участие во всех этих конспиративных совещаниях. Из тех лиц, которых он называет в качестве источника финансовой помощи, он указывает только одного Горлецкого. Получается такая картина, будто бы гражданин Березовский свою вредительскую работу осуществлял в совокупности с Горлецким и затем с группой Донецко-Грушевского рудоуправления, а что касается его работы в Щербиновской группе, что касается того, что делалось в Харькове, то здесь Березовский остается в стороне: знать не знаю. ведать не ведаю, может быть, там что-нибудь было, может быть, какая-нибудь была организация, что-то такое слышал, говорили, мол, мне относительно Москвы, но конкретно, что, как и где—на этот счет гражданин Березовский точного ответа не дает.

Я оставлю в стороне работу гражданина Березовского, ту, которую он признал сам. Я отмечу здесь лишь лиц, которые при помощи его были вовлечены в организацию. Сюда относится прежде всего главный инженер Калганов. Мы знаем, что главные инженеры в рудоуправлениях были теми основными рычагами, при помощи которых действовала вредительская организация.

Даже тогда, когда главный инженер был пассивен или недостаточно активен, как о себе утверждает, например, Калнин, даже тогда организация считала необходимым так или иначе вовлечь его в свои ряды. А затем, главный инженер, главный механик, с одной стороны, и представители горного надзора, эти три основных педали, при помощи которых вертелось колесо рудоуправления, они являлись и теми об'ектами, на которые всегда считала необходимым обратить свое внимание контр-революционная организация. Ему—Березовскому, принадлежит честь вовлечения Калганова, а через последнего уже целого ряда лиц. С другой стороны, мы имеем указания на то, что он—Березовский, имел прямые сношения по передаче денег и по установлению контакта в контр-революционной работе с Горлецким или заместителем заведующего отдела механизации. и в то же время одной из основных—как я буду впоследствии доказывать—и руководящих сил контр-революционной организации в Харькове.

Шадлун—тип весьма и весьма интересный со многих точек зрения, равным образом входил в поле зрения Березовского, явился тем лицом, которое послужило соединительной нитью между Березовским и между организацией. Шадлун в свою очередь являлся лицом, которое примыкало к группировке Бояршинова еще с 1922 года. Шадлун был лицом, которое персонально установило индивидуальную связь с Ремо. Наконец, с Шадлуном мы встречаемся, когда говорим о группе Пастуховского и Берестовско-Богодуховского рудника. Шадлун, таким образом, одна из центральных фигур. И с этим лицом был связан Березовский. И не может быть и речи, чтобы Березовский, который в течение ряда лет нес руководящую работу по вредительству в ДГРУ, и по своему прошлому представляет из себя старого инженера с дореволюционным стажем, представлял из себя одного из старейших инженеров и раньше имел сношения почти со всеми практическими руководителями капиталистических предприятий Донецко-Грушевского шахтного района,—чтобы Березовский, живя постоянно в Харькове, работая как групповой инженер, входя

в состав группового директората, чтобы он, этот Березовский, ничего не знал об организации, о том, что делается в Харькове.

Вот один из нагляднейших примеров и образцов самого достоверного оговора. Может ли быть сомнение в том, насколько достоверны оговоры и указания, что Березовский являлся членом Харьковского центра, являлся одним из его руководящих работников и, как таковой, без сомнения, участвовал в основных руководящих заседаниях Харьковской организации.

Что может дать сейчас его отрицание, как оценить это отрицание? Можно только пожалеть о некотором недомыслии, которое проявляет здесь Березовский, думая, что таким голым отрицанием он сможет опровергнуть что-нибудь, поколебать утверждение обвинения. Здравая логика и простой здравый смысл не допускают, чтобы человек, которому доверяли работу ДГРУ в течение ряда лет, не был связан, живя постоянно в Харькове, с центром, или был связан только с двумя лицами, только с Горлецким и Шадлуном.

Как отнестись ко второму утверждению Березовского о том, что на Щербиновке он не вел вредительской работы? Мы Щербиновку разбирали подробно и по мелочам, вы помните те вопросы, которые я ставил Сущевскому и Одрову: в каком состоянии застал Березовский Щербиновку после ухода Сущевского, я говорил при этом—довели ли Щербиновку «до ручки»? На что мне ответили, что Щербиновка была в критическом, катастрофическом состоянии, как тяжело больной человек в состоянии, если не агонии, то хронического недомогания. Между тем, тот же Одров показывает, что когда его спрашивали о мотивах его желания уйти с Щербиновки, он отвечал, что основным мотивом было то, что работа нового главного инженера (Березовского) носит совершенно недопустимый характер и во всяком случае необ'яснимый. В то же время, тот же Одров пишет, что этот новый главный инженер позволял себе намеки, в которых указывалось, что, пожалуй, старый главный инжинер работал на французов. Мы знаем, что между Березовским и Сущевским были неприязненные отношения. Но мы знаем сейчас что Березовский, по его собственному признанию, был член организации, знаем, что Сущевский, также по его собственному признанию, был член организации. Как же политически и морально можно расценивать подобные экивоки Березовского, как можно расценивать моральную ценность Березовского, если эти экивоки были? И это в то время, когда есть факты, указывающие, что оба они делали одну и ту же вредительскую работу, в частности в области закладки мелких шахт. Вы помните, что после неудачной первой закладки шахты № 10, Сущевским,—второй опыт был проведен при Березовском, и он сам признал на допросе, что это была его «неудачная» попытка закладки.

Но если он говорит о «неудаче»,—мы говорим о вредительстве. Спрашивается, когда нет никаких указаний, со стороны, хотя бы одного члена организации на то, что Березовский, отошел от организации в период 1927 года, а есть, наоборот, указания об его прямой принадлежности, когда налицо факты бесцельных, вредных или «неудачных», по признанию самого Березовского, действий, то как же расценивать в данном случае его утверждения о том, что в 1927 году, в бытность свою на Щербиновке, он уже не имел якобы никакого отношения к вредительской работе. Больше того, мы знаем, что в дальнейшем положение вещей на Щербиновке не улучшилось в тех основных проблемах, которые стояли тогда перед рудоуправлением и которые касались состояния котельного хозяйства и работы наиболее ценных пластов, не изменилась ни политика сокрытия ценных пластов, ни политика продолжать «неудачное» мелкое шахтное строительство. Никаких радикальных изменений не произошло. Больше того—вредительство усилилось, раз лица, работавшие раньше у Сущевского, стали ставить вопросы о непонятности для них действий нового главного инженера. Правда, это недоумение тоже несколько странное, потому, что Одров сам признал здесь, что он тоже вел вредительскую работу. Тут также что-то нечисто, что-то недоговорено или вернее, сказано далеко не все, а может и прямо сказано неверно. Но тем не менее для оценки деятельности Березовского в этом периоде на Щербиновке слова Одрова должны быть приняты во внимание, ибо они ни в чем не противоречат выводам, вытекающим из признания самим Березовским его прошлой деятель-

ности, целиком подтверждают, укрепляют, подкрепляют основные оговоры других обвиняемых, основной тезис обвинения, что Березовский до самого последнего конца своей работы, до своего ареста, не прерывал своей вредительской работы, не прекращал своей вредительской деятельности. Вообще приходится относиться весьма и весьма скептически к словам обвиняемых о пределах того, что было ими совершено—об этом говорили и другие общественные обвинители, и я тоже указал на это в первой части своей обвинительной речи, что мы не верим словам, а требуем дел, дел и дел, и дел совсем другого характера. И наконец, утверждение Березовского является сомнительным уже потому, что нет никаких оснований полагать, что в какой бы то ни было степени искренне это самое заявление Березовского. Что из себя Березовский представляет, как личность? Одну из его черточек я уже охарактеризовал, указав на недопустимость с точки зрения хотя бы элементарной порядочности (не хочется грубо выражаться), элементарной чистоплотности того метода, который позволил себе Березовский в отношении Сущевского. Ну а политика Березовского в период его прежней работы, с дореволюционного времени? Помните здесь спор свидетеля Сизова и Березовского о том, как Березовский на лошадях в серых яблоках приехал в мае 1918 года в ДГРУ рудник. Это было в один из первых дней процесса. Но допустим, что Сизов неправ, что об'ективно он не мог видеть и узнать его нарастоянии приблизительно ½ километра, когда Березовский приехал; допустим, хотя Сизов, на это очень остроумно ответил ему, «что вас я всегда узнаю». Допустим, что Сизов говорил неправду, ну а Прудентов, он тоже говорил неправду, этот печальный герой проклятого времени, этот начальник контр-разведки, этот штаб-ротмистр отдельного корпуса жандармов, здесь по-офицерски, по-военному на вытяжку рапортовавший Специальному Судебному Присутствию о тех, с которыми он вместе творил палаческое дело над рабочими. Что же, он оговаривает только, чтобы спасти свою шкуру? Почему же он не врет на всех остальных? Почему он не оболгал всех работников в Донецко-Грушевском Управлении?—Этого нет с его стороны, а против Березовского мы имеем прямое указание. А Кладько?—А Куприянов—один из мелких сотрудников шахтинской контр-разведки, из мелких писарей и делопроизводителей, разве это улики, которые можно сбросить со счета?—А красочная сценка между Березовским и комсомольцем, прошедшая здесь, когда Березовский должен был сознаться, что употребил, как он сказал, «недостаточно тактичное» выражение, бросив этой молодежи, которая собралась грудью защищать советскую страну от польского нашествия, оскорбительное обвинение: «Ага, идете мародерничать». Это черточки, но они характеризуют Березовского, как жесткого бездушного эгоиста, сухого эгоиста и в то же время человека, у которого нет, или в котором иссякли все источники, которые придают красоту, которые, хотя чем-нибудь, облагораживают человеческую душу. Факты—вещь хорошая. За фактические сообщения, проверенные здесь судебным следствием, гражданину Березовскому и другим обвиняемым, мы весьма благодарны, но «Платон мне друг, но истина дороже», и когда вопрос ставится о том, в какой мере можно принять на веру утверждение Березовского, что в его работе на Щербиновке он не вредил, или что он не состоял в центральной Харьковской организации, я имею все основания сказать, что у нас нет веры этим словам, нет веры этим утверждениям, и, наоборот, есть все основания сказать, что он, Березовский,—был и остался руководящей фигурой центральной Харьковской организации, был и остался одним из главных рычагов вредительской деятельности на периферии, был и остался одним из наиболее опытных, одним из наиболее опасных вредителей. Что является отсюда практическим выводом? Я думаю, что групповой директор, член Харьковского центра, бывший контр-разведчик, опытный вредитель, сухой и жестокий эгоист, человек, которому верить нельзя, не заслуживает того, чтобы в отношении него были приняты на веру его слова расскаяния. Являлся ли он в достаточной мере опасным в прошлом? Да являлся. Является ли он в достаточной мере опасным сегодня? Да является. Мне могут сказать: какая опасность в человеке, который схвачен, какая опасность в человеке, который заключен под стражу, какая опасность в человеке, которого можно изолировать и т. д. Я думаю, что если мы так будем

ставить вопрос, мы далеко не уедем. Это, совершенно не из чего не вытекающее самоограничение не выдерживает никакой критики. Бесконечное количество врагов нас окружает. Десять лет Советской власти, показало, что пока существует капиталистический мир, пока существует капиталистическая Европа, нет еще никакой гарантии твердости и непоколебимости Совласти, что возможна борьба во всевозможных перепитиях в будущем. У нас нет никакой гарантии, что находящйся на свободе, (а мы знаем, что при всех условиях мы не можем гарантировать, мы не можем взять на себя обязательства, что десятилетний срок заключения, в силу того или иного акта государственной власти, в силу тех или иных событий,—не будет изменен) гражданин Березовский, может, должен и будет,—я лично в этом не сомневаюсь,—в достаточной степени активным и опасным врагом. Мы должны вырвать организацию с корнем. Мы должны отрубить у организации все щупальцы. Рычаги преступной организации должны быть сломаны и разбиты вдребезги. Вот почему уничтожение Березовского является практическим выводом из всего того, что он совершил. В отношении Березовского мы мыслим только один приговор—расстрелять. Это тот метод в отношении опасного врага, который должна применять Советская власть, когда она видит, что этот враг после того, как ему доверили очень многое, он это многое попрал, он это многое предал. Тот же метод должен быть признан руководящим и в отношении других лиц той же категории. Но довольно о Березовском.

Главный инженер Калганов. Главный инженер Калганов представляет из себя интересную фигуру, прежде всего в политическом отношении. В Донецко-Грушевском рудоуправлении он был организующим центром он был тем организующим центром, который об'единял все Донецко-Грушевское общество в кавычках, об'единял весь технический состав, всех инженеров и техников. За гр. Калгановым как членом организации мы имеем следующий интересный с точки зрения уголовных итогов актив: он вовлек в организацию Самойлова, Бабенко, Гаврюшенко, Башкина, обоих Колодубов, Чернокнижникова и через Бабенко целый ряд других лиц. Он являлся центром организации Донецко-Грушевского рудоуправления, и финансовым нервом организации, в течение ряда лет производившим оплату вредительских действий. Как главный инженер он провел ряд вредительских действий. Сюда относится и сокрытие ценных участков, сюда относится и затрата народных средств на мелкое шахтное строительство, сюда относится и неправильная система работ, неправильное использование механизмов и ряд других фактов, которые прошли на судебном следствии. Возвращать ли ваше внимание к рассмотрению отдельных мелочей? Ко всему, что мы имели на шахте «Диктатура пролетариата» и на шахте имени Воровского, и на Макарьевке и на Красненькой и на Землячке и на шахте имени Фрунзе и т. д., и т. д.?

К этому району относится и сокрытые Бессергеньевского участка. Калганов являлся инициатором и проводником всего. Одного списка того, что он совершил достаточно для того, чтобы определить степень социальной опасности Калганова в прошлом. А что мы имеем в настоящее время? То, что он в 1927 г. отошел? Что же мы имеем в подтверждение этого факта?—Ничего. Было ли что-нибудь исправлено?—Нет. Продолжалось ли такого сорта деятельность на крупных шахтах?—Да., Здесь конкретно (я не помню к какому году, но кажется показания Мухина относятся к 1927 г.) Мухин показывал, что на заседании Харьковской организации в числе присутствующих Мухин назвал и Калганова. О том, что он тогда состоял членом организации указывает и список, который имеется у Казаринова.

Какой смысл Мухину оговаривать Калганова?—Мухин работал в другом районе, он только бывал в Харькове, но он назвал Калганова. Этот оговор, прекрасно вяжется с общей системой построения организации, со сведениями данными другими лицами, что в определенное время происходили если не собрания, то посещения главными инженерами центра организации. Главные инженеры встречались в кабинете у Матова и уходили оттуда, оставляя там свои сведения. Отрицает ли это Калганов?—Нет. Какие же данные верить тому что в 1927 г. он отошел от вредительской работы? Никаких данных, которыми можно было бы подкрепить это голое утверждение, нет,

Вот почему нет оснований не верить показаниям Мухина и других, нет оснований полагать, что Калганов говорит правду.

Я полагаю, что и в отношении Калганова, равным образом, вопрос относительно меры социальной репрессии должен быть поставлен так. Ряд лет работал Калганов, активным организатором был он,—и как принцип должно быть поставлено, что такого рода категория работников организации должна быть уничтожена. Главные рычаги, я сказал, должны быть сломаны. Нет данных которые бы заставили нас поставить вопрос иначе, а я внимательно прислушивался к Калганову, мне хотелось найти в его словах, мне хотелось почувствовал в его речи, хотелось почувствовать в его об'яснении, то, что заставило бы меня подумать о том, что можно иначе к нему отнестись. Он здесь рассказывал нам о своей вредительской работе со спокойным видом интеллигента-джентльмена, рассказывал чуть ли не с эпическим спокойствием,—правда, это не значит, что мы требуем истерических рыданий,—мы цену знаем и им, но мы требуем, чтобы в этих словах раскаяния звучала хоть некоторая доля искренности, которая позволила бы думать, что мы можем пойти против общей установки о необходимости уничтожения. Я этой доли не чуял, я этой нотки искренности не слышал. И поэтому государственное обвинение должно сказать суду, что инженер Калганов должен быть расстрелян так же, как и Березовский, ибо он представляет, с нашей точки зрения, такую же опасность, такое же угрожающее обществу и социальному порядку лицо.

Я забыл упомянуть об отношении Калганова к контр-разведочной работе, о чем, равным образом, имеются показания. Эти показания тоже забыть нельзя. Эти показания остаются, как наглядное доказательство степени его социальной опасности. Правда, он это отрицает, но его отрицание не является в достаточной степени доказательным.

Третьим лицом, из тех, что здесь прошли перед нами, был Самойлов. Казалось бы, что Самойлов, бывший собственник шахты Красненькой, начавший ее с грошевой работы, выбившийся, как говорится, с трудом »«в люди», привлекший затем в организацию целый ряд лиц,—он является как раз лицом, в отношении которого едва ли можно бы было поставить вопрос о каком-нибудь ином отношении в оценке его социальной опасности. Перед нами классовый враг, классовый противник-предприниматель.

Что он сделал? Вовлек и действовал вместе с Нашивочниковым, Петровым, Чернокнижниковым; дальше, в качестве заведующего одной из крупнейших шахт, проводил вредительскую работу. Об этом он сам говорит. Получал деньги, получил около пяти тысяч или шести тысяч рублей, выдавал другим вознаграждение, участвовал в известном сговоре с Горлецким на вечеринке у Калганова. Он спрятал впоследствии и укрыл Куркина. Вы помните, как мы раскрыли в эпизоде Куркина, что его бегство к Элиадзе было совершено по указанию Самойлова, мы имеем, наконец, указания на его работу в контр-разведке,—показания Прудентова.

Тем не менее, прокуратура не ставит вопроса в отношении Самойлова так, как ставит вопрос о Березовском и Калганове. Пусть он будет предпринимателем. Но его показания дают основание думать, что в его раскаянии есть определенная доза искренности. Только один факт он отрицает из тех, которые вменяются ему, как совершенные им,—это связь с контрразведкой. о чем показывает Прудентов. Но если бы мы только по этому принципу разрешали вопросы уголовной политики, это значило бы, что мы руководствуемся принципом мести, принципом возмездия, а наши основы уголовного законодательства говорят, что «задач кары и возмездия уголовное законодательство Союза себе не ставит». Вот почему я думаю, что один этот признак не может и не должен быть признан достаточным для того, чтобы обязательно расстрелять Самойлова. Прокуратура полагает, что в отношении Самойлова нет необходимости прибегать к такой жесткой мере как расстрел, но отсюда, конечно, не вытекает, что Самойлова следует пустить на свободу, отсюда конечно, не вытекает, что следует сказать Самойлову: иди и впредь не греши. Нет, это было бы неосторожно. Это было бы неосторожно, а неосторожных шагов в политике делать нельзя, ибо неосторожность в политике

равносильна уже совершенной ошибке, а ошибок, конечно, нужно избегать— это старая истина.

Я думаю, что изоляция — я не буду определять срок, тут трудно определить срок, ибо нельзя же думать, что здесь сроком мы что-нибудь предопределим в вопросе о дальнейшей его общественной вредности или полезности, — во всяком случае я думаю, что изоляция от общества на продолжительный срок, в течение которого можно было бы использовать его труд, и знания в местах лишения свободы, где эти знания можно и нужно применить, такая мера в отношении Самойлова представляется мне наиболее рациональной.

Я не буду останавливаться особенно на наличии уликового материала по тем соображениям, что он признан им самим и поэтому тут нет вопросов спорных, нет вопросов, которые необходимо было бы специально рассматривать. Во всяком случае, 5-летний, скажем, срок лишения свободы представлялся бы мне той мерой, которую, пока-что, сейчас должна применить к нему пролетарская власть.

Я остановлюсь теперь на Бабенко, идя в том порядке, в котором мы шли на судебном следствии.

Бабенко—несколько иной психологический тип, чем Самойлов или Калганов, Бабенко является выходцем из группы Колодубов, связанным с ней целым рядом связей. По своему служебному и иерархическому положению он не является тем лицом, которое могло или способно было нанести крупный вред. Тем не менее, он являлся лицом, в отношении которого мы здесь имеем все данные, заставляющие серьезно подумать о нем с точки зрения социальной опасности. Он не из тех лиц, которые имеют свои твердые моральные политические взгляды или установку. Но он из тех, кто, будучи послан на вредительскую работу, не останавливается затем перед совершением самых предосудительных действий. Он из тех лиц, которые учились на медные гроши, которые выросли в мещанской среде, которые были далеки от пролетарской созидательной творческой работы, которым негде было научиться служить пролетарскому обществу, которые вышли из среды, привыкшей раболепствовать и унижаться перед своими начальниками лишь для того, чтобы самому затем сделаться начальником. И этим маленьким начальником он был.

Он был заведующим горными работами, раньше был заведующим шахтой и сам признал, что совершил целый ряд вредительских действий: затопил шахту, портил врубовые машины, принимал меры к сокрытию ценных пластов, затрачивал средства на прохождение того или иного ненужного бремсберга, предпринял неправильную разработку уступа, принял участие в забраковке советской машины и т. д., и т. д. — целый ряд крупных и мелких вредительских актов, получал деньги и давал деньги другим.

О Бабенко же мы помним рассказ свидетеля, жуткий рассказ, как Бабенко, приставив дуло нагана ко лбу рабочего, спрашивал его — «холодно тебе или жарко». Это издевательство над личностью, издевательство над беззащитным, издевательство над безоруженным, издевательство над лицом, которое было неспособно что-либо сделать для самозащиты, оно в высокой степени характеризует нравственный уровень гр-на Бабенко и то, чего от него можно ждать.

Вместе с тем, не проявил он твердости и здесь на суде, вилял в своих показаниях, видно было как бегали его глаза, когда он стоял у микрофона, видно было, что в его сокровенном существе борются две душонки, копошатся подлые жалкие мыслишки. С этой точки зрения он представлял из себя фигуру, которая не вызывает ни доверия, ни симпатии. Но из этого все же не вытекает, что ко всякой несимпатичной фигуре мы будем применять суровые меры репрессии. Тогда бы мы далеко заехали и, я не знаю, где пришлось бы остановиться.

Вот почему я думаю, что и к этому воспитаннику Колодуба все же нет оснований применять суровую жесткую репрессию. Пролетарский суд вовсе не обязан и не должен ставить вопрос об уничтожении всех тех, которые нанесли нам тот или другой вред.

Поэтому, в отношении Бабенко, как и в отношении Самойлова прокуратура полагает наиболее целесообразной мерой репрессии—поставить его, равным образом, в такие же условия производительного труда, в том или ином месте заключения, где он может и должен принести пользу своей работой и своими знаниями.

То, что он позволил себе когда-то такое издевательство над рабочим, это издевательство с наганом?.. ну что же, пусть... пусть этому человеку сравнительно мягкий приговор Специального Присутствия Верховного Суда покажет, что мы, действительно, не мстим, и покажет что мы умеем уважать человеческую жизнь и человеческую личность, даже в тех, которые такого уважения не заслуживают.

Я перехожу к Чернокнижникову. Гр-н Чернокнижников квалифицированный инженер и, в этом отношении, человек совершенно другой психологической формации и другой общественной формации, чем только что разобранные Бабенко и Самойлов.

Что же мы имеем в отношении уликовых данных? Вот что: он сам признал порчу турбины на Петропавловском руднике, сознательный вывод из строя одного из ценнейших механизмов, ценнейшего оборудования. Это было в 1924 г. Мы не были тогда богаты, мы не могли тогда располагать никакими специальными средствами, которые облегчали бы нам поставку новых турбин. Мы знаем, что мы неспособны и до сих пор сами на наших заводах строить эти механизмы и должны прибегать к заграничным заказам. С ясно осознанной вредительской целью, инженер Чернокнижников произвел этот вредительский акт. А в дальнейшем? И в дальнейшем он вел ту же самую вредительскую работу. На ДГРУ же получал он и деньги. Он показывает правда, что с переездом на Рутченковское р-ние он прекратил вредительскую работу. Нам приходится проверить эти слова, насколько они совпадают с действительностью. И в отношении гражданина Чернокнижникова как раз имел место тот факт, который является самым отрадным и самым ценным для пролетарского суда. Мы—орган и государство, которое построено прежде всего на теснейшем контакте с рабочими массами; мы строим такое государство, где нельзя было бы различить или трудно было бы различить грань, отделяющую непосредственно народные низы от государственных органов. Вот почему каждый рабочий и каждый крестьянин, считая наше государство своим, ставит своей задачей помогать нам каждым своим шагом и в помощь пролетарскому суду по делу Чернокнижникова явились заявления свидетелей, поступившие в прокуратуру по их личной инициативе. Эти свидетели-рабочие показали здесь перед судом о работе Чернокнижникова на Рутченковском рудоуправлении. Вы помните этих свидетелей? Они говорили о водопроводных трубах, неправильно проложенных, говорили о неправильной установке копра, говорили о целом ряде других безобразий, мелких, правда, но тем не менее явно вредительских. И вы помните спор который произошел здесь между свидетелем - рабочим и инженером Чернокнижниковым. Вы помните, как инж. Чернокнижников должен был спасовать перед свидетелем, как этот мастер - рабочий спрашивал господина инженера, а ну, об'ясните, что вы скажете мне, по этому поводу, мне который 27 лет протрубил на этой работе, который знает ее, как свои пять пальцев и который не позволит вам теперь утверждать заведомую неправду, Эти свидетельские показания доказали, что не прекратилась работа Чернокнижникова, равным образом и в Рутченковском рудоуправлении. А спрашивается, что могло ее прекратить, что могло остановить Чернокнижникова в этой работе? Что? — Нравственный перелом? Из каких мотивов? по какому поводу? Говорят Чернокнижников тяготился. А почему, когда переходил с Власовки в ДГРУ—не тяготился? Почему не тяготился тогда, когда испортил Петропавловскую турбину? Почему он вдруг перестал на Рутченкове? Нет оснований верить Чернокнижникову, поэтому мы думаем, что по отношению к нему должна быть применена та же мера репрессии—тюремное заключение, поставление его в те же условия, что и Бабенко и приблизительно на тот же срок. Ориентировочно на 5 лет. Распорядительная комиссия, наблюдательная комиссия при тюрьме и другие органы, ведающие пенитенциарной политикой всегда будут иметь возможность и право поставить вопрос о сокращении, об изменении в отноше-

нии Чернокнижникова срока, об изменении режима, но пока что, пока является доказанной в течение ряда лет на трех рудоуправлениях его вредительская деятельность, до тех пор пока не выкорчеваны до конца все связи контр-революционной организации—нет оснований выпускать Чернокнижникова на свободу. Вот почему—тюрьма, изоляция минимум на пятилетний срок представляется мне целесообразной в отношении Чернокнижникова.

Башкин... Я думаю Башкина мы пока отложим в сторону, он еще будет нужен, вопрос в отношении его мы поставим в связи с другими подсудимыми. Возьмем Никишина.

Никишин, на вопрос поставленный мною ему ребром: что же вас купили? — ответил: да, купили. Это человек которого купили за хорошую квартиру, за несколько сот рублей в месяц, вышедший из пролетарской среды, сам пролетарий, продавшийся контр-революционной организации. Рабочий класс к предателям из своей среды более нетерпим, чем к предателям из чужого класса. Рабочий класс к предателям из своей среды, как правило более жестко привык подходить. Но что конкретно сделал Никишин? Работа с врубовыми машинами, взятка от Бадштибера, покрывательство чужих грехов. Он знал о том, что машины негодны, он видел неправильную работу машин, от вместе с Гаврюшенко и вместе с Бадштибером принимал участие в исполнении указаний, которые исходили от других лиц: от Калганова, от Зеебольда, от отдела механизации. Он несколько раз в Харькове имел непосредственные сношения с Горлецким и Чинокалом, он знал о вредительской работе. С этой точки зрения Никишин представляется человеком, по отношению к которому по меньшей мере приходится поставить вопрос о прямом укрывательстве, о прямом соучастии. Стоит вопрос о мере репрессии в отношении Никишина. Я думаю, тт. судьи, что в отношении Никишина нет необходимости в применении жестких мер репрессии, нет необходимости ставить вопрос даже об изоляции. Ваше, конечно, дело решить окончательно этот вопрос, но я думаю, что урок, который имел здесь Никишин, когда сидел здесь на скамье подсудимых, рядом с прожженными предателями, когда он должен был публично на весь СССР, перед лицом всего рабочего класса своей страны сказать, что он продался, что его купили, это для рабочего, мне кажется, самое тяжелое, что может быть.

Условный приговор, я думаю, может быть поэтому применен к Никишину. Если вы считаете, что я в данном случае слишком мягок, если вы предполагаете, что я ошибаюсь—ваше дело, но я думаю, что тюрьма на короткий срок едва ли даст исправление, хотя она и заставит его еще раз прочувствовать всю свою низость. Длительная же изоляция—тут ничего не даст. Но если мы разойдемся в мерах репрессии—прокуратура не будет возражать. Я думаю все же, что здесь можно поставить вопрос об условном приговоре. Взятка подла и гадка, взятка для рабочего трижды подла и гадка, взятка за предательство рабочего класса есть преступление, после которого человек выходит с таким пятном, которое не смывается. Я думаю, что можно поэтому ограничиться этими мерами морального воздействия, без применения лишения свободы.

Петров, Василий Филиппович, инженер, который сам признал, что он имеет все основания носить ту кличку, которую ему дали—кличку «классического саботажника». Обв. Петров сам здесь признал, что отличительной чертой его работы было ленивое, не активное отношение к делу, отношение халатное, преступное, небрежное. Но он признал сверх того, что был связан с организацией, знал о существовании этой организации, и показывает лишь что он с 1924 г. уже не вредил больше, ибо был переведен в Донуголь, где был сделан одним из инженеров при Березовском. Особо сверх того, он признал, что был связан с Куркиным, знал Куркина, жил с Куркиным. Я не верю Петрову в том, что он служа при Березовском не был осведомлен о деятельности Харьковской организации. Я не верю, что он так-таки ничего, будучи переведен в Донуголь, не знал и ничего не делал. Ведь он сам был из Донецко-Грушевского управления где работал Березовский. Может быть он по складу своего характера особо себя не проявлял, может быть он был из тех людей, которым лень повернуться, которых называют Обломовыми? Может быть это должно быть принято во внимание при определении сте-

пени опасности Петрова, но все же он классический саботажник. Если однако обратиться к тому, что делал Петров, то мы увидим, что здесь имеется не только «ничего неделание», за ним, вместе с Самойловым, числится задержание некоторых уклонов, числится получение денег от Калганова, числится задержание проходки шахт, ряд действий определенно вредительского характера числится за Петровым.

Гражданин Петров, нет оснований верить вашим словам, что вы уже не вредили с 1924 г.

Вот почему, я думаю, что в отношении гр-на Петрова равным образом изоляция, быть может не на столь продолжительный срок,—в порядке известной проверки его,—но все же должна быть предложена. Я думаю, что это сделать необходимо постольку, поскольку те данные, которые он сам признал,—ряд действий, признанных им, не позволяют относиться к нему слишком снисходительно или, вернее, слишком неосторожно. Перейдем к остальным работникам Донецко-Грушевского рудоуправления.

Прежде всего относительно Элиадзе. Гражданина Элиадзе чрезвычайно характеризует сделанное им здесь суду заявление,—оно его характеризует целиком и полностью. Он заявил перед судом, что он прекратил всякую вредительскую деятельность с 1923 года, ибо в тот момент с гражданином Элиадзе произошел глубокий коренной перелом, после того как он... увидел в Москве ходящие трамваи и посетил камвольный трест. Трамвай произвел на Элиадзе такое впечатление, что он перестал вредить, и потому, когда в 1925 году к нему приехал вредитель Куркин, Элиадзе спрятал, укрыл его. Что-же сказать по поводу гр. Элиадзе? У нас мало данных о его работе после того, как он уехал на Кавказ,—мы можем оперировать данными о работе Элиадзе, датирующимися 1923 или 1924 годом. И эти данные устанавливают его полную осведомленность о вредительской работе в ДГРУ, совершение определенных действий в этот период, и затем... укрывание Куркина. Это последнее очень скверный факт. Его никак нельзя сбросить со счетов. Спрятать Куркина—это еще куда ни шло, но затем помогать скрыться за границу—это уже совсем скверно.

Вот почему, гражданин Элиадзе, вам поверить мы тоже не можем. Не можем поверить в эту вашу большую впечатлительность в отношении ходящих трамваев. И вот почему мы должны и по отношению к вам принять известные меры предосторожности. И мы думаем, что изоляция гражданина Элиадзе тем более необходима, что он сам показывает, что он 14 марта принимал торжественную резолюцию вместе с другими, клеймящую предателей, вредителей и т. д., а 15 марта уже признавался в совершенных уже им самим саботажных действиях.

Мы думаем, что в этом отношении Элиадзе и Петров—это, приблизительно, одинаковые величины, лица одинакового удельного веса, одной политической категории. Оба не хватают звезд с неба, не идут далеко в смысле какого-нибудь богатого полета творческой мысли, хотя обладают достаточным полетом фантазии.

Прокуратура полагает, что и в отношении Элиадзе необходимо определить тот же срок изоляции, что и в отношении Петрова.

Иначе стоит вопрос о Нашивочникове. Гр-н Нашивочников здесь был одним из тех, которые произвели первоначально хорошее впечатление. Казалось, что среди всей той галлереи, которая проходила перед нами, на Нашивочникове можно было отдохнуть некоторое время. Так твердо и уверенно, на первый взгляд, он отстаивал свою невиновность. Твердо и определенно отвергал он получение денег, твердо и определенно говорил, что он видел вредительскую работу, докладывал о вредительской работе и указывал на вредительскую работу и этим исполнял свой долг. Но явились два свидетеля и от уверенности и твердости Нашивочникова не осталось и следа.

Вы помните этих свидетелей? Это Домненко и Петраков. Петраков, который нам рассказывал, как культурный гражданин Нашивочников в период гражданской войны обращался с ним Петраковым, когда Петраков был пленным красноармейцем и под чужой фамилией работал в ДГРУ. Петраков рассказывал нам как обращался с пленными красноармейцами Нашивочников. Петраков рассказывал нам о невозможных сценах издевательства при помощи того

же урядника Хмыза, о котором говорили здесь много раз; Петраков рассказывал о тех условиях работы, которые создавал Нашивочников, заведывавший тогда строительным отделом или строительным бюро; Петраков рассказывал нам о том, как приходилось беречься Нашивочникова, как тогда, даже казаки, указывали рабочим и пленным кр-цам: «берегитесь Нашивочникова, это зверь». Так говорил Петраков, и эти факты не удалось опровергнуть Нашивочникову.

Затем мы имеем показания Домненко, человека, который служил непосредственно с Нашивочниковым и который рассказывал о поразительных, возмутительных по своему вопиющему безобразию фактах, о смерти рабочего Зайцева и несчастном случае с полутора десятком других рабочих, угоревших, благодаря прямому вредительству Нашивочникова. Вы помните, как тут он отрицал сначала самый факт—не было, мол, такого факта. Но мы вызвали рабочих, мы спросили рабочих и оказалось—был. Нам говорили, что в книге несчастных случаев этот факт не записан, в списке несчастных случаев этого случая нет. Да, может быть не записан. Это показывает, как прекрасно работал гр-н Антонов, как представитель горного надзора. Этот факт показывает, кому была поручена забота о жизни, здоровьи и безопасности рабочих, когда эти лица стояли непосредственно у руля правления в ДГРУ.

Этот факт—сам по себе самое большое обвинение, которое можно бросить Нашивочникову, ибо это есть издевательство над всеми принципами советского социалистического строительства, это есть издевательство над самой идеей советского порядка, над идеей диктатуры рабочего класса, над самой идеей построения рабочего пролетарского государства.

Таких издевательств не умеет прощать Советская власть, органически не способна.

Вот почему эти последние показания должны решить вопрос относительно Нашивочникова. Пусть он не думает, что он может отсюда уйти с поднятой головой,—Нашивочникову отсюда путь один—в тюрьму, чтобы там Нашивочников понял основные принципы Сов. власти и понял, что уважение к рабочему классу, к ценности жизни рабочих, уважение к труду рабочих требует прежде всего безоговорочно от него Советская власть. И в этом освещении иное значение получают указания, которые имеются относительно принятия Нашивочниковым денег, его осведомленности об организации и состояния его в организации.

Вот почему мне думается, что в отношении Нашивочникова, изоляция на достаточно продолжительный срок должна быть определена решением Специального Присутствия Верховного Суда.

Васильев и Беленко приблизительно одного типа люди. Васильев, бывший меньшевик, он-же атаман «Кучум», белобандит, калиф на час, при помощи налетевшей банды,—начальник районной милиции, менявший в течение нескольких часов несколько раз свой политический язык, рассказывавший на суде басни о том, как 40 чел. убежали от 5 и как он,переезжая на тот и другой берег, желал помочь то тем, то другим. Что сказать о нем?—Васильев, который по его словам «дал вывезти себя на тачке», чтобы не вывезли на тачке Березовского, и который, по словам рабочих, был вывезен на тачке «в пиджачке и с тросточкой», за зверское обращение с рабочими,—активных вредительских действий крупного масштаба мы не можем поставить ему в вину, он мелкий вредитель, но он вредитель и вредитель наиболее злостного типа.—Политический авантюрист, политический проходимец, продающийся направо и налево, один из тех, которых незачем терпеть на советской земле.

Вот почему, в отношении Васильева, вполне целесообразно потребовать физического уничтожения—расстрела.

Нам не нужны в нашем социалистическом строительстве эти люди, на которых нельзя положиться ни в малейшей степени, ни на единую секунду. Нам нет нужды в людях, которые способны издеваться над рабочими и в то же время здесь на суде прикрываться тем, что когда-то он принадлежал к социал-демократической партии, и рассказывать басни из истории нашей революционной эпохи.

Это один из тех отбросов, накипи, которая на взбаломученном революцией море всплывает наверх, грязнит и пачкает всех, кого коснется, от которой необходимо очиститься и очистить наше общество и чем скорее, тем лучше.

Беленко—он является героем Кореньковской истории. Эта история является показательной с точки зрения того, что из себя представляет гр-н Беленко. По делу он проходит, равным образом, как одно из лиц, участвовавших во вредительской организации. В отношении Беленко имеются данные, заставляющие отнестись к нему с определенной дозой недоверия, большой дозой здорового предубеждения.

Получение денег, вредительство такое же как и у Васильева, в частности, торможение скрепера Лунценко. Основное вредительство заключалось в постоянном систематическом и сознательном возбуждении рабочих. Между тем, после ареста Беленко совещание техников решило встать за него горой, потребовать его освобождения. Почему он был арестован?—Он здесь спорил, рассказывая нам историю с рабочим Кореньковым. Он-де не видал, что тот был пьян или был спохмелья, когда послал его в шахту бурить с явным нарушением закона и с прямой угрозой его жизни. Несчастный случай имел место и Кореньков погиб. Погиб в результате распоряжений Беленко. Но это не неосторожность, это почти заведомое преступление, в результате которого погиб Кореньков. Гр-н Беленко, такой как вы, в той среде, в которой вы были—вы не могли не принадлежать к организации. Это как раз те исполнители, которые были нужны. Вы—как раз тот исполнитель, при помощи которого можно было быть уверенным в осуществлении вредительства, ибо на всякую гадость, на всякую подлость с легкой душой и с легким сердцем шел гр. Беленко. Я думаю, что хотя в отношении Беленко, как и Васильева, мы не располагаем большим материалом о количестве их вредительской работы—он как заведующий шахтой исполнял эту вредительскую работу по указаниям Калганова, получал от него деньги, являлся членом организации, и поэтому как таковой должен быть подвергнут изоляции, ибо толку и проку от Беленко в ближайшем будущем тоже ожидать нельзя.

Я перехожу теперь к трем последним и в то же время наиболее красочным представителем Донецко-Грушевского района.

Гр-н Антонов—представитель горного надзора, человек, который вышел сюда с усмешечкой, человек, который полагал, что ему легко удастся отвести от себя все то, что против него имеется. Но на судебном следствии я вам после показаний свидетеля Галаджа задавал вопрос за вопросом: «входило ли в вашу обязанность наблюдение, чтобы правильно и целесообразно велась горная работа?—Да, входило.—Входило ли в вашу обязанность наблюдение за тем, чтобы техника безопасности строго и неуклонно соблюдалась?—Да, входило. Входило ли в вашу обязанность знать о наличии всех укрытых и всех находящихся в эксплоатации пластов?—Да, входило. Имели ли место сокрытие пластов, были ли и имели ли место недопустимые случаи нарушений техники безопасности и сознательно нецелесообразные акты горной работы?—Да, были. Виновны ли, повинны ли вы по меньшей мере в укрывательстве, попустительстве?—Да, вы это должны были признать. Но здесь это не только служебное упущение. Это далеко не 111-ая статья. Это типичная 58[7] статья, поскольку, входя в эту организацию, зная о ней, получая деньги за нее, вы тем самым сознательно попустительствовали контр-революции. Вы говорили, что не получали, что вы не знали и т. д. Вы как специальный представитель горного надзора—контрольного надзора, не знали.—Вы говорите, что ваш начальник Жалковский должен был наблюдать, что это была не только ваша обязанность, но и Жалковского. Но вы сами показали, и Жалковский показал, что вы были в таком же положении, как и Жалковский, но Жалковский жил в Новочеркасске, а вы—в Шахтинском районе.

Исключено, чтобы представитель горного надзора, достаточно знающий свое дело, мог не заметить того, что делалось, когда это видели простые рабочие, каждый из тех крепильщиков, из тех забойщиков, которые находились в шахтах, все видели, все знали, а вы не знали.—Правда, здесь пришли данные о ваших посещениях шахт. Были шахты, в которых вы бывали раз в год, раз в несколько лет. Но мы произвели некоторый сравнительный подсчет и установили, что те 9 шахт, которые находились рядом с вами, которые находились около вас, вы тоже не посещали. А ваша книга, которую мы разбирали, книга записей несчастных случаев?—А случай с рабочим Горностаевым, погибшим благодаря тому, что кабель не был изолирован? На

вопрос, который я поставил, насколько является допустимым наличие кабеля без изоляции, вы ответили, что недопустимо, а дали заключение, где возлагали всю вину на самого погибшего Горностаева. А случай с Кореньковым, где опять-таки по вашему заключению он сам был виноват? Наконец, красочная картина, которая разыгралась при допросе свидетелей Михайличенко и Подгорного. Когда я спрашивал о щенке, подаренном вам, вы сказали, что я хотел-мол напомнить сценку из Гоголя с борзыми, что там-де взяли взятку борзыми щенками, а я обвиняю вас в принятии взятки лягавыми. Нет, не о взятке шла речь, а о демонстрации ваших дружественных отношений с частником Мансуровым и о нарушении закона, которое вы проводили для него, и в его интересах, о покрывательстве безобразий, которые вами проводились для доказательства правильности показаний свидетеля Рябых, крикнувшего вам по телефону: «как ты смеешь, паразит, извращать советский закон». И вот, теперь, сидя здесь на скамье подсудимых, скажите гр-н Антонов, не жалеете ли вы, что вы слишком близко принимали участие в защите интересов этого частника, такой черной неблагодарностью заплатившего, во всеуслышание характеризовавшего вас как человека, который способен на всякую гадость. Я думаю. впрочем, что он не так был далек от истины, этот частник. В отношении гр-на Антонова вопрос ставится таким образом: горный надзор не шутка, не пустяки, горный надзор—контрольный орган, горный надзор должен быть на деле контрольным органом, и если вас поставили в качестве контролера, если вы видели,—а вы не могли не видеть вы должны были видеть, при всех условиях,—видели то вредительство, которое имело место,—факт вашего соучастия доказан, является установленным фактом, а то что вы считали возможным принимать подарки от Мансурова, заставляет нас поверить и тому, что вы брали деньги и от Донецко-Грушевской контр-революционной организации. Антонов должен итти в тюрьму, я полагаю, на срок в достаточной степени длительный, чтобы показать, что задачи горного надзора не пустяки и что в деле охраны жизни рабочих нельзя простить даже мелких упущений.

Остаются два Колодуба, Емельян и Андрей. Этим можно закончить анализ Донецко-Грушевского рудоуправления.

Емельян Колодуб, старик, капиталист, сам исчислявший свою собственность до 100.000 руб., собственность, которую он нажил тяжелым трудом, первоначально в качестве маленького собственника, а затем сделавшийся настолько видной фигурой, что с его мнением считался даже Рабинович.

Он признал себя виновным в том, что «недостаточно внимательно относился к вопросам профтехнического образования». Мы его обвиняем в вопросах более серьезных: 1) в том, что он заведомо знал о существовании вредительской организации, и он сам сознает, что существовала контр-революционная группа и называет 9 вредительских актов, которые он видел и которые он перечислил в своих показаниях. Правда, он потом трактует, что он назвал их контр-революционерами, потому что следователь об'яснил, что если Колодуб не за революцию, значит он против революции, он контр-революционер. Но на такой отговорке сейчас далеко не уедешь. Вы помните, товарищи судьи, фотографию открытия Бессергеньевки, после чего, по словам Колодуба, было гигантское пьянство. Это было при старых хозяевах, а при новых мы знаем о наличии совещания, где был решен вопрос о том, что Бессергеньевку укрыть. И мы знаем из показаний, что протокол этого совещания писался одним из Колодубов.

Факт соучастия Е. Колодуба в укрытии от Сов. власти крупнейшего месторождения не нуждается в иных доказательствах, как и факт его осведомленности о к.-р. организации.

Позвольте, однако, еще ближе приглядеться к Е. Колодубу, чтобы точнее определить политическую фигуру.

Емельян Колодуб был одним из тех представителей старого, «доброго» в кавычках времени, которые не различали ручной кулачной расправы в своем доме от кулачной расправы с рабочими, который в отношении к новому порядку не мог питать ничего другого кроме чувства злобы и чувства ненависти, который, может быть, признан не очень опасным врагом, лишь потому, что он все-же, в достаточной мере стар. Но гражданин Колодуб

Емельян не может быть признан тем лицом, в отношении которого можно исходить только из снисхождения к его старости.

Я взял на себя труд ознакомиться с «ученым» трудом Емельяна Колодуба который называется так: «Труд и жизнь горнорабочих по Донецко-Грушевскому району». Этот труд приобщен к делу по ходатайству защиты, с указанием, что защита будет цитировать и ссылаться на отдельные фразы из этого труда. Я сам за нее процитирую ту фразу, где он говорит: «Сами рабочие должны получить возможность обсуждать свои нужды и принимать участие в выработке законопроектов, задачей которых является удовлетворение назревших потребностей и нужд рабочей жизни». Колодуб так сказать, в роли защитника диктатуры рабочего класса.

Сказано очень хорошо и очень и очень, так сказать, «благожелательно» по отношению к рабочим: они «должны получить возможность обсудить свои нужды и принять участие в выработке законопроектов», а все же мы не так говорим, мы говорим иначе,—мы говорим, что рабочие должны взять в свои руки власть, а не только участвовать в выработке законопроектов или принимать участие в решении всех этих вопросов, а тем более не «получить возможность» еще вместе с другими лицами вроде Емельяна Колодуба. Этих последних мы от этой работы отстраняем, мы им говорим: довольно, вы поработали в свое время, достаточно, пора уступить место непосредственно самим рабочим.

Но что говорит Колодуб о самих рабочих? Я процитирую место, характеризующее общую политическую физиономию Колодуба, и этой цитаты нам будет достаточно для того, чтобы не ставить больше вопроса о его «социалистических» устремлениях.

Вот как он пишет о рабочих, как они живут. Е. Колодуб пишет: «вводится еще закон о гражданской ответственности, вместо уголовной, за забастовки». Но этот закон,—говорит он,—не даст ничего, от него толку мало. Почему от него мало толку?—об этом он пишет так: «Вся семья рабочего, как бы она ни была велика, содержится исключительно трудом одного работника: подростки, женщины и старики ничего в дом не приносят, ничем не занимаются. В земледельческих селах вся семья может трудиться и общими силами заботиться о своем существовании, а у нас закон, запрещая работать до 15—17 лет, не указывает, кто же должен кормить этих подростков и чем они должны заниматься, куда направить молодую энергию».

Отсюда, по Емельяну Колодубу, выходит: нужен закон, позволяющий эксплоатировать пятнадцатилетних подростков, нужно отменить закон, мешающий ему, Емельяну Колодубу, получить прибавочную стоимость от труда пятнадцатилетних детей. Потому что отец, измученный тяжелой работой, сознавая свое бессилие чем-либо, когда-либо скрасить жизнь своей семьи, большей частью не приносит зарабатываемых денег в семью, а пропивает их. Дети без призора, полуголые и вечно голодные промышляют мелким воровством, и—слушайте—«немалый процент их, достигши и правоспособного возраста, не изменяет своего взгляда о неприкосновенности чужой собственности». Все это будущие отцы. Что же они дадут будущей своей семье? Конечно, и этот вопрос уже разрешен теорией: дети должны учиться, для детей должны быть учреждены школы. Но Е. Колодуб пишет: «Да, нужны школы, но школы жизни, а не те, которые, развивая аппетиты, перерабатывают здоровые мозги в наговоренные граммофонные валики. Наконец, в школу нужно ходить одетым и не голодным, а этот вопрос при данных обстоятельствах вряд ли разрешим и теоретически».

Значит, и в школу не стоит посылать, во-первых, потому, что там «развивают аппетит» и «наворачивают граммофонные валики», а, во-вторых—потому, что «в школу нельзя ходить неодетым и голодным», а теперь, мол, одеть и накормить не представляется возможным, однако «жизнь рабочих одиночек, живущих казарменно,—по Колодубу—находится в худшем положении, чем семейных».

Ибо—«живут рабочие одиночки в казармах по 20—40 человек. Подбор их всегда случайный из разных губерний, дисциплина, порядок в таких казармах немыслимы, каждый ведет себя так, как ему нравится».—Колодубу это

не нравится. — Собственности и денег при себе в кармане иметь невозможно,—продолжает он,—«так как во всякой казарме всегда имеется пропившийся сотоварищ, который за неимением ничего своего свободно пользуется чужим».

Но вывод - то такой? А вывод — «Как мучается рабочий в непривычной тяжелой работе, так же мучается с ним и предприниматель, оплачивая работу полупьяного, неумеющего и не всегда добросовестного рабочего, не имея возможности быть уверенным в прочности своего дела, существование которого зависит от случайных, совершенно от него не зависящих, а потому и не предотвратимых им обстоятельств».

Итак, Колодуб решил: 1) в школу детей посылать не нужно, строить школы не нужно, ибо одеть детей не во что, 2) закон запрещает детям работать, отцы деньги пропивают, капиталисты страдают,— выхода нет. Вот вывод социалиста Колодуба в его собственном колодубовском изложении.

Полагаю, что дальше обрисовывать политическую физиономию Колодуба нет нужды, но стоит раскрыть какой ненавистью пользовалось его имя, стоит вспомнить, что еще в 1905 году рабочие сожгли его дом. Правда, Колодуб говорит, что у него на руднике было только три урядника. Но зато когда были волнения, то по телефонному вызову приехал полицеймейстер и целый взвод, хотя Колодуб говорит, что полицеймейстер сам приехал, а он Колодуб его не звал. Ну, пусть будет: не звал.

Вопрос о Колодубе ставится так: 1) осведомленность об организации, 2) помощь контр-революционной организации своими великолепными знаниями района, в целях укрытия пластов и совершения других вредительских действий,— Колодуб, равным образом, должен быть изолирован.

Иначе ставится вопрос об Андрее Колодубе. Это уже активный вредитель, это уже не немощный старик, относительно которого еще можно сомневаться в его вредности или опасности. Андрей Колодуб активный вредитель, совершивший целый ряд вредительских действий. Сюда относится прежде всего его работа по проходке шахт и прежде всего шахт «Красненькая» и «Аюта».

На счет Андрея Колодуба имеется кроме того известная постройка плотины, плотины, построенной заведомо так, что она должна была быть размыта, а вода должна была проникнуть в близ расположенные шахты и поставить под прямую угрозу шахту «Макарьевка».

Андрей Колодуб — активный вредитель. Андрей Колодуб — это лицо, которое еще в большей степени, чем Емельян Колодуб, является воплощающим колодубовщину, колодубовщину, как систему, колодубовщину как метод, колодубовщину, как выражение определенного социального уклада,—пережитка и нароста на советской действительности.

Я позволю себе остановиться более подробно на инциденте с Полей, которому мы посвятили столько времени, который мы так добросовестно стремились исследовать.

Что же в конце концов выяснилось?—Выяснилось:

1. Прямая связь Колодуба с Потатуевыми;

2. Прямая связь Колодуба с контрразведкой, — об этом здесь показывает тот же Прудентов;

3. Что Поля, если она и служила у Потатуевых, была расстреляна, в результате сообщения и свидетельства Колодуба. Расстреляна не за то, что Поля украла зеленое платье—за зеленое платье палачи подвергли ее унизительной порке, приговорили к 50 розгам... Суд Защиты Дона — интеллигентные негодяи, золотопогонные мерзавцы, судьи, военно-полевой суд приговорил девушку к порке за зеленое платье, похищенное у жены инженера Потатуева. И Поля осталась бы жива. Но вмешался Андрей Колодуб... Поля виновата не только в том, что она украла зеленое платье... Поля виновата в том, что она приносила своему брату красногвардейцу поесть, когда тот скрывался от белых в шахте. Поля виновата в том, что она служила сестрой милосердия в красной гвардии, что она была связана с красными, что она красным, рабочим, брату помогала в борьбе против белых хозяев.

Это показывает Андрей Колодуб и за это Полю расстреляли.

Кто это показал?—брат Поли! Странная судьба защиты! Какого бы свидетеля она ни вызвала, все против них. Брат Поли был вызван по ходатайству защитника Андрея Колодуба и этот свидетель решил вопрос об Андрее Колодубе.

Как была расстреляна Поля?—Мы имеем показания и об этом: вскрытый сабельным ударом живот, отрезанные груди, отрубленные пальцы, полтора десятка штыковых ран. Что же Колодуб, не знал о методе расправы белых палачей? — Колодубу они не были известны?

Есть и еще свидетельства об Андрее Колодубе, о его таких выступлениях.

Что делать нам с Андреем Колодубом? — Зачем нам нужны Колодубы?— Они нам не нужны!

Прокуратура предлагает Андрея Колодуба расстрелять.

Я позволю себе перейти к другим рудоуправлениям, работникам других периферийных ячеек вредительской организации. Центр—Харьков и Москву—я буду разбирать в заключительной части речи.

Потемкин, является одним из работников периферии, при чем одним из тех, которые сами признали здесь свою вину. К сожалению, он не в достаточной степени уточнил непосредственную свою связь с вредительской организацией. Он признал только, что он вращался в группе Бояршинова. Он охарактеризовал эту группу в период 21—24 года как группу вредительскую или как группу контр-революционно настроенную, это будет точнее. Он указал, что он знал из этой группы Бояршинова, Быховского, который трижды или дважды был его помощником, знал Мороза, знал Шадлуна. В то же самое время он указывал, что вместе с ними он проводил особую от Советской власти хозяйственную политику, правда Потемкин воздержался от конкретных указаний в чем именно выразилась эта особая хозяйственная политика, начал тут играть словами, доказывая, что под словами—группа и групповые группировки, он понимал, не контр-революционные группировки в точном смысле этого слова, а понимал так, что имелось две группы—одна Данчича, а другая—Бояршинова, стремясь прикрыть изложением истории этой групповой борьбы среди инженерства—существо контр-революционной борьбы. Это не удалось Потемкину здесь, на судебном следствии. Здесь, на судебном следствии мы вскрыли истинное существо этой работы. Потемкин здесь должен был признать, что дело обстояло гораздо серьезнее и на вопросы председателя сам должен был конкретизировать эту контр-революционную связь. Но это—все, что конкретно установило судебное следствие в отношении Потемкина. О дальнейшей работе Потемкина мы имеем только два указания—о его работе в Мосугле, где есть указания, что он оказывал некоторое противодействие при заключении договора с фирмой Стюарт о проектировании тех или иных шахт, при чем, якобы, он поставил фирме Стюарт более жесткие и более выгодные с точки зрения интересов государства, условия. Вот все, что вам известно здесь и затем есть указания о том, что он состоял членом организации, но общего характера. Этот простой оговор, ничем не подкрепленный, мы вынуждены поэтому сбросить со счета, ибо не можем считать его в достаточной степени весовым доказательством.

Отсюда вытекает, что со стороны Потемкина мы только имеем прямое укрывательство в период до 1924 г. Это определяет и меру уголовной репрессии. Можно говорить здесь и об условном приговоре, можно говорить о кратких сроках изоляции, хотя лично я являюсь коренным противником, принципиальным противником кратких сроков изоляции, как совершенно не отвечающих задачам исправительно-трудовой политики. Я полагаю, что может быть назначение Потемкина на принудительные работы по пониженной тарифной ставке, в определенных условиях практической работы на горнозаводских предприятиях явится одним из наиболее реальных методов воздействия, чтоб научить его понимать быт и труд рабочих, чтоб он понял, как надлежит относиться к факту труда в нашем государстве.

Соколов—главный инженер Кадиевского рудоуправления, один из главных рычагов вредительской организации. Я указывал при рассмотрении деятельности Калганова, при рассмотрении деятельности Березовского, как надлежит относиться к этой категории работников-вредителей. О Соколове мы

имеем прежде всего его же прямые показания о самом себе: систематическая связь с Дворжанчиком, связь с Матовым, вербовка Бояринова, вербовка Некрасова И. И., (в последнем, впрочем я лично сомневаюсь, потому что И. И. Некрасов был и без Соколова участником вредительской организации). дальше—связь с Андреевым на Мушкетовке, связь с Именитовым и Детером, получение денег, вредительская работа по мелкому шахтному строительству, закладка шахт № 31, 32 и др. вредительская работа по переоборудованию шахты имени Ильича, проводимая по его указаниям Бояриновым, — одним словом вся совокупность этих данных ставит вопрос в отношении Соколова в той же плоскости, как и в отношении других главных инженеров. Однако прокуратура не считает возможным поставить в отношении Соколова вопрос таким образом, как в отношении остальных. Я лично не вижу возможности поставить в отношении Соколова, несмотря на его вредительскую работу, признанную им самим, вопрос так же, как, скажем, о Калганове. Более того, для меня лично спорной является целесообразность применения к нему и длительных сроков изоляции. Если бы наш закон сейчас был иной, если бы наш закон по вопросу о принудительных работах был бы таким, каким он должен быть согласно последнему решению Совнаркома от июня 1927 г., если бы мы могли использовать аппарат принудительных работ в течение более длительного срока, чем сейчас,— а сейчас закон допускает приговор к принудительным работам на срок лишь до одного года — я поставил бы вопрос о применении к Соколову репрессии в виде принудительных работ на более длительный срок. Я бы исходил из того, что в показаниях Соколова нигде и ни в чем мы не имеем противоречий, мы имеем сравнительно полное и подробное изложение того, что было, имеем ряд указаний на конкретные факты, которые имели место, без выпячивания своего признания, без стремления скрыть что-нибудь. Но нет никакого основания поставить вопрос так, чтобы ограничиться одними принудительными работами на один год. Вот почему я думаю, что изоляция на определенный срок должна по отношению Соколова послужить средством воздействия на него. Я думаю, что срок в 2—3 года изоляции может быть достаточным. Я, конечно, считаю, что в такой оценке имеется известная доля суб'ективизма и поэтому - то я цитировал 6-ю и 8-ю статьи УК и говорил, что нужно исходить из оценки конкретных особенностей данного лица, что дает возможность вариаций при применении мер репрессий.

Исходя из этого я так и ставлю вопрос относительно мер репрессий по отношению к Соколову и также ставлю вопрос относительно Одрова.

Одров хотел выкрутиться при помощи явно нецелесообразных приемов, при помощи не выдерживающих никакой логики способов. Одров говорит, что он... участвовал и не знал, что участвовал, вернее, участвовал, не сознавая, что он этим самым является членом организации. Ну, когда такие вещи говорит несмышленный мальчик, это еще можно понять, но когда это говорит взрослый человек, это уже делается смешно. Когда об этом говорят несколько раз,— делается досадно, если же об этом докладывают с назойливостью и наглостью делается противно.

Одров был помощником главного инженера, в его ведении находилась одно время Центральная шахта Щербиновского рудоуправления; Одров получал деньги по определенному списку, являлся передатчиком ряда писем, осуществлял связь с другими,—все это серьезные преступления. Но сам он производит, я говорю, все же впечатление человека, который едва ли выдумает Америку.

Вот почему, я думаю, что в отношении Одрова, так же, как и в отношении Соколова, может быть на срок более длительный, нужна тюремная изоляция в порядке его проверки и только.

В его деле есть один очень неприятный момент—это собирание сведений для Бояринова. Знал ли он все, что знал Бояринов—вот вопрос? Знал ли он все, и если знал все, то во всем ли он сознательно и до конца соучаствовал в этих действиях? Ибо о Бояринове у нас будет речь итти особо, — на нем я в свое время специально остановлю внимание суда. Поэтому прокуратура полагает, что тюремная изоляция на тот или другой

срок — до трех лет в качестве испытания, может явиться той мерой, которая должна быть применена в отношении Одрова.

Сущевский главный инженер, после этого—работник УНС,—лицо, которое имело самостоятельную связь с Дворжанчиком, раньше через Клапишевского, лицо, которое сносилось впоследствии с Ружицким, которое после 1924 года осуществляло систематическую связь через Будного, основной передатчик и раздатчик писем и денег. Вовлек в организацию Одрова, Стояновского, Люри, Семенченко и ряд других. Безусловный член центральной харьковской организации, участник ряда совещаний.

... Состоявший в систематической связи с Матовым и Братановским, один из исполнителей поручений организации, при поездке за границу, главный инженер Щербиновки, он непосредственно на производстве совершает целый ряд конкретных вредительских действий. Сюда относятся вредительства в области мелкого шахтного строительства, в области нового шахтного строительства, в области разрушения котельного хозяйства, подрыва Центрального рудника, Северного рудника, шахты Артем; сюда же относится неправильная работа по обеспечению Щербиновского рудоуправления электрической энергией и ряд совершенно непроизводительно произведенных затрат; сюда относится неправильное использование оборудования бензиновозов, электровозов, выписка двух врубовых машин, которые без дела простояли год с лишним, затем были отосланы; сюда же относится недопустимое состояние вентиляции в главных шахтах.

В мелком шахтном строительстве мы имеем сокрытие пластов «Пугачевка» и «Толстого», неправильную закладку шахт № 9, 10 и 11, торможение постройки шахты № 5 «Большая Карабанка», — все это ряд серьезнейших вредительских действий. Сюда относится заторможение постройки шахты «Центральная Новая» по Щербиновке. Все это характеризует его, как активного вредителя.

Получение денег лично для себя, получение денег для ряда лиц, выдача денег по спискам, собирание сведений для Кузьмы во время его об'езда, безусловное знание всех и обо всем.

И дальше, в частности «оригинальная» работа, «оригинальная» деятельность (оригинальная, конечно, в кавычках) по проведению оборудования шахты Центральной. Вы знаете историю с трехногим и четырехногим копром. Вы помните эту историю. Донуголь решил сделать копер определенной системы. Рисунок и проект копра был послан на одобрение старым хозяевам за границу, старые хозяева за границей сказали: нам не нравится такой проект, будьте любезны его переделать, мы заплатим за это 4 тысячи. И проект переделывался. Так Донбассом управляли старые хозяева.

Этого факта достаточно для того, чтобы определить значение вредительской работы Сущевского.

Вот почему мне кажется, что вопрос о Сущевском должен ставиться точно также, как он ставился о Калганове. Правда, у меня лично, возможно, иные впечатления о Сущевском в порядке оценки его, как личности, и в порядке оценки его социальной опасности. Может быть, несмотря на то, что он был связан с Дворжанчиком, несмотря на те вредительские действия, которые он совершил, я полагал бы, что нет оснований ставить вопрос о физическом уничтожении Сущевского. Ибо он все же внушает симпатии и своим признанием и своим поведением на суде. Но логика прокурорских обязанностей не позволяет мне ставить вопрос иначе, логика требует здесь постановки вопроса о Сущевском именно в этой плоскости, как об одном из главных воротил организации. Вот почему здесь, когда взвешиваешь на весах сравнительную ценность аргумента за и против, то здесь приходится поставить вопрос так, что хотя можно полагать, что Сущевский, в достаточной степени искренне здесь говорил о своем раскаянии, все же я не могу иначе о нем ставить вопрос, как о расстреле. Впрочем, есть темные черточки и у Сущевского...

Вы помните, как начал говорить Сущевский. Он сказал: я признавал себя виновным лишь частично, но здесь я признаю себя виновным полностью безоговорочно, а потом повел длительный рассказ о своих делах, и из этого рассказа

вытекало все же как раз только то, что он говорил на предварительном следствии, не больше. Свое активное вредительство он отвергал, о своем вредительстве не говорил, говорил, вообще, о вредительстве, не больше.

Это полупризнание, изложенное как якобы полное признание, является тем, что меня заставляет сейчас остановиться, когда я ставлю вопрос о более мягких мерах репрессии в отношении Сущевского, и я не могу, повторяю, несмотря на то, что как будто к этому есть предпосылки, поставить вопрос о Сущевском иначе, чем я ставил вопрос в отношении Калганова. Я не имею в себе достаточно твердой уверенности, чтобы сказать, что расстрел есть единственно возможная мера, в отношении Сущевского, но я не считаю себя вправе ее не требовать. Нельзя по отношению к главному рычагу вредительской организации иначе ставить вопрос.

Л ю р и — член вредительской организации Щербиновского Р.У., Люри, получавший несколько раз деньги и упорно здесь отказывавшийся и запиравшийся в получении этих денег. Люри — один из тех, который, как установлено данными следствия пятикратно получал деньги; заведующий горными работами, центральной шахтой, один из активных работников. Он нам рассказывает тут, что ничего не видел и ничего не знает.

Кто же ему поверит? Что же это — слепой инженер, ничего не понимающий, так себе, суб'ект, который как некое малолетнее животное тычется и туда и сюда и ничего не видит, что делается у него под носом. Это же курам насмех. Никто в это не поверит. Этим, гр-н Люри, ничего не докажете.

Вот почему, в отношении Люри вопрос о длительной тюремной изоляции представляется совершенно ясным, и никакие отговорки и заявления, что он ничего не знал, здесь не могут помочь.

Люри относится к категории тех лиц, которые должны быть изолированы на срок не меньше 5 лет.

Р ж е п е ц к и й.... Я позволю себе взять теперь сразу двух главных инженеров: Ржепецкого и Калнина. Они до известной степени имеют целый ряд общих черт в смысле их психологической, внутренней структуры и по характеристике их дел.

Р ж е п е ц к и й — о нем можно определенно сказать — кто он такой. Он — один из тех мягких людей, у которых не хватает необходимой для активного участия в жизненной борьбе жесткости. Это один из тех, которые поддаваясь слишком быстро влиянию, очень скоро утрачивают основные опорные пункты для самостоятельного направления своей жизненной деятельности. Вот почему он, который в юности, в период студенческих годов примыкал, как он говорил к социалистическим группировкам, имел целый ряд политических столкновений со старым режимом, впоследствии, несмотря на то, что в отношении рабочих он не позволял себе и сотой доли того, что позволяли другие квалифицированные инженеры, оказался послушным орудием в руках Андреева и в период прихода красных, остался со специальной директивой от бывших хозяев, а впоследствии сделался орудием в руках вредительской организации, оказался, наконец, фактически активным вредителем, получавшим деньги, получавшим письма. Правда, деньги он категорически отрицает, но едва ли есть основание, в данном случае полагать, что он говорит правду. О нем есть, наконец, уличающие показания Матова, Братановского и других. Да и трудно предположить, чтобы главный инженер трех рудоуправлений был бы обойден деньгами. И, тем не менее, Ржепецкий не является лицом, по отношению к которому необходима суровая мера.

К этой же категории относится Калнин. Этот, по собственному его признанию, социал-демократ, оказавшийся «ближе к Парамонову, чем к революционным рабочим»; он признался здесь, что он являлся орудием в руках Некрасова и Березовского, признал, что он за свое вредительское молчальничество получал деньги. Бывший редактор социал-демократической революционной газеты, бывш. член подпольного комитета социал-демократической партии в период ее борьбы с царизмом, впоследствии один из главных воротил Парамоновских предприятий и член вредительской организации, в конце концов, он стал вредителем. Есть основания поэтому сомневаться в том, что Калнин полностью говорит всю правду. Как от

главного инженера, от него зависело, в достаточной степени, настоять и на ином отношении к проходке шахты Скачинского, прибрать гораздо тверже к рукам Некрасова. Он этого не сделал, но тем не менее, допросом мы не установили в его действиях прямых вредительских актов в Несветаевском руднике. Поэтому, в отношении Ржепецкого и Калнина, как лиц, которые активной роли, в смысле интенсивного вредительства, не играли, нет нужды применять суровой меры и нет оснований полагать, что они являются социально-опасными, действительно, в серьезной степени. Вот почему по отношению к ним обоим я ставлю вопрос об изоляции, либо даже об использовании их на принудительных работах по пониженной тарифной ставке. Нам нет нужды легко бросаться техническими силами. Нам нет нужды особенно бросаться ими, и пока у нас не выросли наши красные специалисты, нет нужды швыряться опытом и знаниями этих лиц. Поставив их в определенные условия, можно и должно их использовать.

Горлов — техник, заслуженный «герой труда» Власовского рудоуправления, рассказывавший нам здесь о вредительской работе на Власовском руднике и на шахте «Артем», в течение ряда лет являвшийся заведующим этой шахтой. Горлова мы здесь допрашивали, мы заставили его самого признать, что он вредил, тогда как раньше он говорил, что он не вредил, а только видел вредительскую работу. Он действовал в компании с Кузьмой, Овчареком и Башкиным, он не принимал мер к креплению железо-бетоном западного коренного хода, вел вредительскую работу, которая привела к ослаблению вентиляционных аппаратов, вел работу по проведению бремсберга №№ 70 и 13, вел ту вредительскую работу, которая привела, по его собственным словам, к ухудшению качества продукции и к повышению себестоимости, привела к тому, что работа на шахте «Артем» не дала тех результатов, которые могла дать, и, наконец, привела к тому, что ежегодно 10% продукции выбывало из общего количества добытого угля. Знаем мы у Горлова и ряд неблаговидных черточек, относительно которых я на судебном следствии сознательно не задавал вопросов, ибо в тот момент затрагивались более серьезные моменты вредительства на Власовском рудоуправлении и не хотелось усложнять их личными моментами. Но здесь при подведении итогов работы Горлова нельзя не сказать об этом. Я должен напомнить, что в деле имеются свидетельские показания, говорящие о мелком взяточничестве Горлова. Взятки он брал с тех, кого устраивал на должности по технической части, эти взятки его крайне нехорошо характеризуют. Но с другой стороны, если вы вспомните Горлова, как такового, в его больше бытовом, чем политическом содержании, если вы вспомните, что он рабочий, на своих плечах вынесший тяжести гражданской войны; семья, из которой он вышел, также дала достаточно борцов за пролетарское дело,—все это дает основание думать, что вряд ли Горлов является социально-опасным элементом. Я думаю, что в отношении Горлова, так же как и в отношении Никишина, можно поставить вопрос об условном осуждении.

Некрасов, И. И.—о нем нельзя упоминать без улыбки, его психическая и нравственная физиономия невольно ассоциируется с платиновыми тиглями; украл казенные тигли, продал не один, а в компании, а затем систематически брал мелкие взятки. Зачем брал взятки?.— Привычка!—так он ответил. Инженер Иван Иванович Некрасов «привык» брать взятки. Вот его нравственная оценка, данная им самим. Вредительская деятельность Некрасова определяется его работой, прежде всего, по Берестовскому руднику. Здесь мы имеем, прежде всего, историю с затоплением шахты № 14. Об этой шахте во время судебного следствия, выяснено много интересного. Выяснилось что вокруг этой шахты была борьба целого ряда лиц. Детер, Кузьма, Шадлун, Иван Некрасов. Установлено, безусловно, что приказ о затоплении этой шахты был отдан Некрасовым, Иваном Ивановичем, что по этому поводу именно он делал доклад Чубарю. Установлено, что затопление шахты было предписано бывшим владельцем. Об этом передал Ивану Ивановичу Шадлун. Правда, Шадлун этого не желает признать. Но это его дело. Мы имеем его же показание о том, что ему велели затопить. Он даже переспросил: это распоряжение?—Да, распоряжение. А потом?—А потом я не сделал. Почему не сделали?—Потому

что не сделал. А раньше говорили, что сделали. Когда же вы сказали правду? — Так как шахта была затоплена, так как дальше установлено, что затопление этой шахты явилось мероприятием о котором раньше шла беседа, так как установлено, что был затем второй приказ не откачивать шахты и она не была откачена, мы имеем все данные утверждать, что Шадлун, когда он говорил, что он не отдавал приказа, просто «шадлунит». Мы имеем все данные утверждать, что он «шадлунит». Он отказывается, что отдавал приказ Ивна Ивановичу затопить шахту; на признание, что он получил определенную мзду, Шадлун говорит дальше, что он часть денег отдал Ивану Ивановичу, а другую часть взял себе. Этот факт остается также доказанным. Вы качаете головой?—Это ваше право. Но все же обвинение считает этот факт установленным.

Что касается прямых показаний Соколова о том, что Иван Иванович входил в организацию, то едва ли можно, имея в виду нравственную физиономию Ивана Ивановича, утверждать, что это не имело места.

Мерой репрессии к Ивану Ивановичу должно быть применено заключение в тюрьму, где Иван Иванович должен быть поставлен в условия, где он не будет иметь возможности брать взятки, проявлять эту приобретенную им привычку. Может быть и отвыкнет.

Стояновский и Семенченко. Два птенца из гнезда Сущевского. Оба получавшие деньги по спискам вместе с Одровым. Оба отрицающие категорически свою причастность к организации. Из них один—Стояновский—непосредственно проводивший вредительские задания по мелкому шахтному строительству. Мы разобрали мелкое шахтное строительство, на Щербиновке и мы знаем о размерах тех вредительств, которые были проделаны. Если защита будет здесь утверждать, что вредительства по мелкому шахтному строительству нет,—она разойдется с фактом. Если она будет утверждать, что вредительство было, но Стояновский не виноват, — она разойдется с логикой. Ибо Стояновский заведывал мелким шахтным строительством. Какую из этих двух альтернатив выберет защита, — это мы увидим, когда будут защитительные речи.

Во всяком случае, обвинение полагает, что и в отношении Стояновского, едва ли можно думать о его непричастности после установления основных фактов, касающихся мелкого шахтного строительства.

Что касается Семенченко, то его допрос дал характернейшую картину, как человек, внезапно испугавшись, вдруг вздумал отказываться от того, что он раньше признавал. Он признавал, что был в списках, что деньги получал, что это деньги были не кассовые, что это деньги были из организации. А Семенченко был главным механиком, от которого зависело как раз то печальное состояние электро-парового и котельного хозяйства, в котором находились силовые установки Щербиновского рудника.

Я отношу Стояновского, к наиболее злостным фигурам. Я не вижу, я не нахожу в отношении Стояновского каких-либо смягчающих данных. Это враг. Может быть, мелкий, может быть, не особенно крупный, но враг. Один из злостных, который упорствует не только из тех или других, ну шкурных соображений, нет, он производит впечатление именно злостного противника — в р а г а. И то, как он держался, и то, как он отрицал бьющие в глаза факты вредительства,—является для него характерным. Одно из самых тяжелых впечатлений оставил допрос Стояновского.

Семенченко в этом отношении несколько иная фигура. Я думаю, что едва ли можно относить его в той мере к злостным, в какой мере приходится относить Стояновского. Но, тем не менее, Семенченко—человек, который сознательно наносил вред в качестве главного механика Щербиновского рудника. И за это он получал деньги. И эту мзду, получаемую от Дворжанчика считал совершенно правильной. Характерна для Щербиновской группы та откровенность, с которой производилась эта оплата; так Пешехонов, одно из лиц проходивших по следствию, показывает, что, когда ему стало известно, что он переводится на другой рудник, он стал выражать сожаление—как и где будет ему теперь платить Дворжанчик. Эти слова характерны для всей группы этого рудоуправления. Видимо, в их сознании получение денег из кассы рудника и получение денег от Дворжанчика,—

настолько переплелись, что различать их уже разучились; оба они, поэтому должны подлежать направлению в места заключения.

Владимирский—наиболее счастливый из героев этого процесса. О нем имеются показания о переписке его с Дворжанчиком, имеются показания Андреева об участии в конспиративном заседании, имеются показания Сущевского. Но Сущевскому было угодно на судебном следствии от своего показания отказаться. Этим в значительной степени ослабилась уликовая сила данных, имеющихся против Владимирского. Последнее заставило прокуратуру, в тот момент, поставить перед собой вопрос, не ошиблась ли она, когда привлекла Владимирского за принадлежность к организации. Но я думаю, что прокуратура не ошиблась, я думаю, все же, что это изменение показания Сущевского надлежит об'яснить другими мотивами. Все-таки это одна среда, среда, сросшаяся между собой, спаянная крепко целым рядом традиций, целым рядом лет совместной службы и работы. И когда казалось, что против Владимирского колеблется уликовая сила данных, когда ясно стало, что изменение показаний Сущевского может значительно повлиять на силу других уликовых данных, по этому, вполне понятому, мотиву, и произошло изменение показаний Сущевского. Однако, после показаний Андреева, после установления пребывания Владимирского на совете с'ездов горной промышленности, в этой организации, которая по образному выражению тов. Крумина, представляла из себя классовую боевую организацию промышленников,—едва ли можно после всего этого с такой доверчивостью отнестись к утверждению о невинности Владимирского, едва ли можно поставить вопрос о неприменении к нему мер социальной репрессии. Я полагаю, что тюрьма на тот или иной срок должна быть применена и к нему.

Я Овчарека пока выделю, ибо то, что сделал Кузьма, то сделал Овчарек,—то, что сделал Овчарек, то сделал Кузьма. Вот почему поскольку Кузьме будет посвящено довольно большое количество времени, тогда же я вернусь и к Овчареку.

Кувалдин и Некрасов, Александр Евдокимович. Главный механик Несветаевского рудоуправления, парамоновский старый служака «парамоновский пес», как его называли рабочие, Кувалдин, по показаниям Калнина, в тесном союзе с Некрасовым, проводил ряд вредительских действий, они сводились к затоплению, к выведению из строя шахты № 2 или 3 — теперь номера не помню,—к задержке механического оборудования на других шахтах. Здесь установлено, сверх того, что Кувалдин сознательно лгал на производственном совещании, утверждая, что состояние насосов блестяще, в то время, когда знал, что насосы требуют специального ремонта, в результате и произошло затопление.

Кувалдин поддерживал личные связи с Парамоновым, показывал письмо Парамонова Калнину и Березовскому. Это тип прислужника старых хозяев, это человек, который всей своей душой врос в старый порядок и не мыслил себе никакого иного порядка, кроме этого.

Кувалдин представляет собой тип вредителя, тип работника, который не будет никогда полезен советскому хозяйству.

Вот почему изоляция Кувалдина представляется соответствующим выводом из его прошлой работы.

Некрасов, Александр, организатор вредительской группы на Несветаевском рудоуправлении, вовлекший по показаниям Калнина, его в организацию, несколько раз плативший Калнину деньги, поддерживавший связь непосредственно с Березовским, проводивший конкретное вредительство при прохождении шахты Скачинского, проводивший конкретное вредительство на остальных шахтах Несветаевского Рудоуправления. Вот его послужной «вредительский» список. Ну, а как личность,—что он из себя представляет? Вспомним для начала те его показания, где выяснилось, что он украл казенных лошадей, вспомните его допрос по поводу, якобы связей, которые он имел с подпольной революционной организацией. Наглая болтовня и ложь его перед судом была настолько прозрачна, что даже не нуждалась в специальном опровержении. Опровержением этой лжи был смех аудитории и здравый смысл и логика всех тех, кто его слушал.

Но Александр Евдокимович Некрасов не только крупная вредительская фигура и не только старый парамоновский служащий и «зверь», как его здесь характеризовали рабочие, контр-разведчик, как его характеризовал Прудентов. Это социально-опасная фигура при всяком положении, это человек типа Васильева, это бандит в инженерской фуражке, это переметчик, которого с трудом без гадливости можно было слушать. Чувствовалось, что пусти гр-на Некрасова—он опять будет вредить, опять будет вредительство, опять будут жестокости и преступления.

Я отношу гр-на Некрасова к той же категории лиц, что и Васильев и Андрей Колодуб. Применение наиболее жестких мер социальной защиты по отношению к нему диктуется существом этой фигуры и делами, которые он совершил в период, когда был заместителем главного инженера.

Поэтому, в отношении Некрасова, как одного из воротил вредительской организации на Несветаевском руднике, как социально-опасной фигуры во всех отношениях, я полагаю, что вопрос о его физическом уничтожении—применении расстрела — является логическим выводом из оценки его социально-опасных качеств, как личности.

Штельбринг. Мы два раза допрашивали Штельбринга, один раз в открытом, другой раз в закрытом заседании. В открытом заседании мы установил следующие факты—передачу письма в 1921 году от Матова по связям и адресам, которые были доступны и известны только одному Штельбрингу, поддержку связей с одному ему известными и одному ему доступными, лицами, вплоть до 1923 года, затем, разговор в 1923 году с Матовым, приглашавшим его вступить в контр-революционную организацию — согласие его или, по крайней мере, невозражение со стороны Штельбринга, затем отъезд на рудник, после чего, по словам Матова, Штельбринг перестает играть выдающуюся роль, хотя в первый период Матов относит его к категории работников руководящей группы. На закрытом заседании вы подвергли более внимательному и детальному обследованию вопрос о связях Штельбринга и там выяснилась достаточная прочность этих связей. Вместе с тем, выяснилось использование Штельбрингом этих связей в личных целях. Этим исчерпываются данные в отношении Штельбринга. Но все это относится к 1923—24 году. Дальше данных нет, которые давали бы возможность поставить вопрос о прямой вредительской работе. Это заставляет отнестись к Штельбрингу более мягко. Правда, мы хорошо не знаем всего того, что Штельбринг делал в последующие годы, но если мы не знаем этого, то Штельбринг в этом, во всяком случае, не виноват. Вот почему я думаю, что в отношении Штельбринга можно, тем более, что он еще сравнительно молод, ограничиться более мягкими мерами—изоляцией, быть может, на недостаточно продолжительный срок, но во всяком случае, следует изъять его из среды тех людей и связей, которые однажды были им использованы.

Бояринов и Будный. Бояринов—главный инженер Байракского рудоуправления. Молодой, сравнительно, инженер. В прошлом артиллерийский офицер. Доброволец империалистической войны.. В дальнейшем, вредитель, приведший Байрак в такое состояние, что Ржепецкому, когда он приехал, ничего не оставалось делать, там все было развалено вдребезги. Затормозив разработку ценных пластов, на Байракском рудоуправлении, перейдя потом в Кадиевское рудоуправление, он занялся там проектированием, по заданиям Соколова во вредительских целях, шахты «Ильич», которое совершил и так успешно, что «Ильич» до сих пор не переоборудован. Наконец, в Несветаевском рудоуправлении, совместно с Овчареком и Кузьмой, он проводил проект переработки шахт №№ 140, 141 и 142 по методу Кузьмы, обещая громаднейшую добычу, а пока что задерживая и тормозя и ту, которая была.

Этим, однако, не исчерпываются действия гр. Бояринова. Гр. Бояринов характеризуется данными судебного следствия, прошедшими здесь перед специальным присутствием, как активный носитель связи с таинственным незнакомцем «Казимиром», которому он неоднократно в конспиративных явках, заранее обусловленных, передавал собираемые им сведения, при чем эти сведения настолько переплетались с вопросами политики, что разграничение было чрезвычайно трудно. В дальнейшем Бояринов поддерживал переписку

с Дворжанчиком, при чем, как это было здесь установлено, им же в открытом судебном заседании, за 1000 долларов получил предложение, в случае войны совершить в тылу диверсионной акт. Бояринов принял это предложение. Я спросил Бояринова, понимает ли он, как бывший офицер, что это значит?—Он ответил: понимаю. Тогда Рогинский спросил Бояринова: понимает ли он, что его действия должны быть квалифицированы как шпионаж?—И он опять ответиил: п о н и м а ю. Третий вопрос следовало бы задать Бояринову: понимает ли он, как должен суд реагировать на эти его действия?—И на этот вопрос, он также, вероятно, ответил бы: понимаю. Расстрел шпиона Бояринова должен быть результатом судебного следствия.

Б у д н ы й — герой закрытого судебного заседания, персональный носитель связи с Дворжанчиком, передатчик, по его собственному признанию, 40 нелегальных писем конспиративной организации, осуществлявший, заведомо для себя, связь совершенно определенного характера и лишь утверждавший, что он эту связь якобы с 1925 года прекратил, и признавший, что в дальнейшем он лишь получал, но сам не отправлял, по этой связи письма в 1926—1927 г., член с'езда горнопромышленников, продовольственный диктатор Донбасса во время белых армий, рассказывавший нам здесь, как он служил красным тем, что случайно оставил им остатки масла, которое доставал для белых. Это было бы комично, если бы этот комизм на деле не превращался в трагизм для рабочих Донбасса и для дела революции.

Будный — орган связи контр-революционной организации с закордонными контр-революционерами. Будный поэтому должен быть отнесен к той же категории, что и Бояринов. Если уже ставить вопрос о применении жестких мер репрессии по отношению к той или иной категории подсудимых, то к тем, кто уличен в шпионской деятельности, кто являлся передаточной связью с закордонными организациями, к тем, кто имел отношение к иностранным учреждениям не экономического характера, другой постановки вопроса быть не может. Я настаиваю на расстреле Будного.

При обрисовке размеров контр-революционной организации, я останавливался больше на выявлении ее организационной структуры и, в меньшей мере касался непосредственных актов работы этой организации, считая, что они, в достаточной степени выявлены на судебном следствии как сознанием обвиняемых, так и оглашением ряда документов и перекрестным допросом свидетелей. Но когда сейчас приходится переходить к обрисовке деятельности Харьковской центральной группы, нет никакой возможности обойтись без хотя бы по меньшей мере, беглого обзора основных об'ектов или методов вредительской работы.

Кратко я остановился на этом когда указывал, что этими об'ектами явились три области: область капитального шахтного строительства, во-первых, область мелкого шахтного строительства, во-вторых, и вредительство при проведении заказов на импортное оборудование—в-третьих.

Я должен остановиться сейчас более подробно на этих моментах для того, чтобы была ясна роль и удельный вес отдельных членов центральной харьковской группы...

Тов. Крумин в своем выступлении, главным образом, останавливался на этих моментах, но он давал нам общую, главным образом, экономическую оценку этих отдельных систем вредительских действий. Я хочу перенести центр тяжести в политику. Он характеризовал,—и я это частично тоже повторил,—что срыв шахтного нового строительства есть подготовка кризиса Донбаса, кризиса угольной промышленности, вообще, что означало остановку пульса промышленной жизни в Союзе. Я добавляю, что это было равносильно подготовке к ослаблению обороноспособности страны, если к этому добавить, что этот кризис подготовляется, приблизительно, к 1929—1930 году,—может быть годом позже—к моменту когда добыча, шедшая таким бешеным темпом вперед, с об'ективной неизбежностью должна была упереться в факт выработанности старых шахт и факт соответственного понижения добычи, что при общем росте индустриализации страны привело бы к двойному ее ослаблению, ибо, если данная добыча необходима была для данного состояния промышленности, то совершенно ясно, что понижение добычи на какой-нибудь процент при увеличившейся потреб-

ности в топливе, гораздо сильнее отразилось бы именно в смысле подготовки кризиса.

Тот факт, что вредители интервенцию относили первоначально к середине или к концу 1928—29 года, дает нам картину, когда подготовляемый кризис угольной добычи мог совпасть с планами интервентов относительно вооруженного вмешательства во внутренние дела Советского Союза.

Здесь скрещиваются эти две параллельные линии вредительских связей, здесь они замыкаются в одну точку, здесь они связываются в единый узел и от этого вся работа вредительской организации получает иную окраску.

Одновременно, непроизводительные затраты народных средств на мелкое шахтное строительство, на ненужное или, вернее, несвоевременно прибывающее или не соответствующее, хотя, может быть, по своим качествам и не самое худшее,—оборудование, равносильно было подрыву системы нашей экономической политики, в области режима экономии.

Такими образом, в своей совокупности обе эти системы действий вредительской организации об'ективно не могут быть иначе квалифицированы, как направленные на срыв основных линий государственной политики, на срыв основных линий политической работы органов государственного управления, и поэтому вся эта работа не может не быть охарактеризована как работа, направленная против правительственной политики, в целом, против политики правящего класса, против политики трудящихся масс.

Вот почему политический характер этой работы является не подлежащим сомнению, и вот почему в предвидении того, что придется в процессе борьбы с буржуазным миром встретиться еще в нашей практической работе с различными формами контр-революционной деятельности, статья об экономической контр-революции, по прежней терминологии ст. 63, была нами включена в наш Уголовный Кодекс еще с 1922 г. в период написания первых уголовных норм советского законодательства. Но никогда, быть может, за все истекшее время мы не имели такого классически выраженного типа экономической контр-революции, как в данном процессе, когда бы так ясно имелись выявленными налицо все до одного основные признаки статьи 58^7 об экономической контр-революции. Ст. 58^7 требует для своего состава сознательно направленной деятельности отдельных лиц и отдельных членов преступной организации: на 1) «подрыв государственной промышленности, торговли, транспорта, денежного обращения, кредитной системы; 2) путем соответствующего использования государственных учреждений или предприятий; 3) совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций в контр-революционных целях». Все эти элементы имеются налицо, и вот почему совершенно правильна такая квалификация и вот почему нужно отбросить в сторону всякие отговорки и всякие ссылки на то, что эта работа совершалась якобы в интересах одного только денежного обогащения, одной только денежной наживы или в интересах только сдачи рудников или тех, или других предприятий в концессию.

Открытые контр-революционные цели об'ективно вырисовываются как неизбежное логическое замыкающее круг звено в системе этих действий.

А импортное оборудование.

Никто не может, в то же время, сказать, что здесь мы имеем лиц, которые только еще хотели делить шкуру неубитого медведя, которые только хотели приступить к вредительской деятельности, или которые только собирались вредить. Нет, за ними уже имеется длинный список вредительских действий, сумма которых в переводе на денежное выражение исчисляется миллионами рублей. Вы знаете, как мы ценим каждый грош, который отправляем за границу. Вы знаете какому ограничению подвергаются в целях сбережения народного достояния всякие излишние или может быть преждевременные или несвоевременные, хотя бы и вполне целесообразные затраты валюты, а тут налицо систематическая работа, в течение ряда лет, со специальным наказом не критиковать лицензий и заказов, которые присылаются из Харькова, так что заведующему иностранным отделом, вредителю Казаринову, не приходилось даже не только не вредить, наоборот, приходилось выправлять заказы, идущие из отдельных отделов и отделов

Донугля, чтобы не слишком била, не слишком бросалась в глаза, явно недопустимая, явно вредительская работа.

Вот как обстояло дело. Вот те конкретные факты, которые можно уточнить еще и еще, увеличить их список еще и еще, если это будет нужно. Если защита в своих речах подумает возражать против размера, или размаха вредительской деятельности, тогда мы этот список удлиним, уточним, дополним и тогда посмотрим на чьей же стороне окажется больший баланс. Вот те факты, которые позволяют нам говорить о том, что машина контр-революционной организации была в действии, при чем была в действии вовсе не в 26 или 25 году только, а была в действии и в 1927 году.

Кто же стоял во главе этой организации, кто являлся душой этой организации? Эту честь делит ряд лиц. Я позволю себе назвать и начать с инициаторов контр-революционной организации, с ее настоящих и основных руководящих работников. Таковым является, по мнению прокуратуры, прежде всего, Бояршинов. Где зародилась контр-революционная группа? В Бахмуте, в Артемовске. Когда она зародилась? — В 1921—1922 г. Из кого она состояла?—Из той группы, которую описывал Потемкин. Это был Донуголь, или, вернее, это было так называемое ЦП КП, т.-е. Центральное управление каменноугольной промышленности. Бояршинов рассказывал, что это была та группка, которая жила под одной кровлей и в которой работали Быховский и Потемкин, Бояршинов и Мороз, с которой имел соприкосновение Шадлун, которой прекрасно был известен Горлецкий, в которую вхож был Березовский,—эта группа в то время 1921—22 г. представляла из себя эмбрион будущей контр-революционной организации. Эта группа, встречавшаяся за чашкой чая, рассуждавшая о тяготах инженерской жизни, о необходимости отказывать себе в целом ряде необходимых форм и элементов культуры и быта, эта группа спорившая друг с другом о пайках, о продовольствии, о кожанных костюмах и пр. и пр.,—находилась через Быховского и через связи Быховского в переписке и в сообщении со старыми хозяевами шахт. Но поверим Бояршинову, что, в частности, он, Бояршинов, лишь позднее вступил в непосредственную переписку с Дворжанчиком, что письмо Дворжанчика, которое он получил, и на которое он любезно ответил, относится к 1923 г., может быть, можно поверить, что он на самом деле в тот момент, под влиянием разговоров, которые вокруг него были, забыл о существовании Главного Концессионного Комитета, а может быть в то время Главного Концессионного Комитета и не было, и что поэтому, он, Бояршинов решил взять на себя функции Главного Концессионного Комитета и вступить в переговоры с заграничными претендентами на концессии русской промышленности, и запросил Дворжанчика, на каких условиях ему угодно взять в концессии тот или иной рудник?

Но я позволю себе обратить внимание суда на факт, который всплыл на судебном следствии случайно, факт, который сообщил сам Бояршинов, что для переговоров о концессиях Бахтиаров и Матов приезжали к нему в 1922 г., что в тот момент к нему, как к руководителю эксплоатационной частью Донбасса уже приезжали два остальных основоположника контр-революционной организации и между ними имел место разговор относительно концессионных перспектив.

Вспомните сообщение Мешкова о том, как он. однажды. у Бахтиарова тоже за чашкой чая или, может быть, за картежным столом, вел переговоры относительно того, какие рудники, по его мнению, лучше сдать концессионерам с точки зрения их наибольшей выгодности. При чем сам он говорил о двух рудниках, которые лучше сдать. Почему?—Так как они ближе расположены к Мариупольскому порту и поэтому экспорт будет гораздо более портативно построен. Другое преимущество заключается в том, что рядом проходит железная магистраль и это тоже разрешает транспортную проблему.

Угол зрения, под которым происходили переговоры сводился к тому, чтобы найти такие предприятия, которые были бы более выгодны для концессионеров. Уже одна такая постановка проблемы дает ключ для понимания истинных мотивов работы. Это не рассуждения советского

работника, это рассуждения государственного изменника, это рассуждения государственного предателя, ибо он думает о том, какие рудники выгоднее сдать в концессию с точки зрения интересов концессионеров. Уже тогда, уже в те времена разговоры о концессиях носили такой характер. Один из подсудимых дальше указывал, что мотив был следующий, что в таком случае инженеры поступят к концессионерам на службу, получат большие материальные выгоды, более обеспеченное материальное положение. К ним будут поступать посылки, к ним посыпется ряд материальных благ, которые в то время, в 1921, 1922, 1923 гг. не могли быть предоставлены Советской властью.

Вот где начало контр-революционной организации и вот почему, с переходом группы Бояршинова в Харьков, с организацией Донугля, с предоставлением ему широких возможностей творчества, мы видим, что организация начинает приобретать тот характер эпидемического роста, о котором здесь говорили другие подсудимые. В этот период организация оформляется и конец ее оформления можно отнести к 1925 году, к тому моменту, когда Матов позвал к себе Шадлуна и ряд других лиц и сказал: что же скрывать? все мы знаем, что все инженеры в той или иной степени связаны со старыми хозяевами, неободима координация общих действий во имя одних и тех же общих целей.

Тогда и началась и постановка основной проблемы о захвате командных высот Донугля, и распределение ролей и обсуждение выдвижения Матова во главе контр-революционной армии в области шахтного строительства и вопроса о необходимости организации взять в свои руки иностранный отдел. Назначение Казаринова, главой иностранного отдела, обсуждение отчета Чинокала и Горлецкого и обсуждение вопроса о командировках отдельных членов организации за границу (Юсевич), установление связи Будного в Москве, командировка Кржижановского на ответственную работу в Харьков—все это относится как раз к этому периоду работы организации.

Так исторически обрисовывается эта работа.

Спрашивается: может ли при такой постановке работы, при таком размахе работы,—может ли в какой бы то ни было степени быть правдивым утверждение Бояршинова о том, что он—технический директор Донугля—стоял в стороне от этой организации?—Даже при наличии тех данных, которые он сам установил—в день его допроса,—вы помните то итоговое резюме, которое было дано прокуратурой в итоге допроса Бояршинова,—мы установили с его собственных слов, что он с 1921—22 г. состоял в первой контр-революционной группировке в Бахмуте; что он вступил в этот период в переписку с Дворжанчиком по вопросу о концессии; что он был окружен людьми, которых мы здесь не можем иначе квалифицировать, как шпионов, что он, при переходе в Харьков, будучи производственным директором, техническим директором Донугля, знал о существовании контр-революционной организации,—он сам сказал, он сам рассказал о своей беседе с Братановским, он рассказал, что ему говорили: около вас, очень близко около вас существует контр-революционная организация, и вы будете вынуждены с ней считаться.

В дальнейшем он сам признался, что знал о происходящих совещаниях этой контр-революционной организации. Он говорит сам, что он знал о том, какие вопросы производственной политики дебатируются на этих совещаниях. При таком положении вещей, когда от него зависело, как от технического директора, остановить ряд конкретных действий,—поверить тому, что он их думал приостановить тем, что сам стал работать за всех групповых директоров, за всех начальников отделов, отделений и п/отделов Донугля... нет, гр-н Бояршинов, этому никто не поверит.

Не может быть (и для вас логика обязательна в той же степени, как и для всех остальных), не может быть такого положения, чтобы руководящий оперативной работой крупнейшего государственного предприятия работник, непосредственно поставленный Советской властью рядом с коммунистическим управляющим для ответственной работы в области технических проблем и технических вопросов, заведомо зная о наличии контр-революционной органи-

зации, о ее дебатах, о ее задачах, о ее целях и действиях, в течение ряда лет, р я д а л е т,—ограничивался тем, что он знал и... бездействовал.

Если бы шел вопрос даже только о бездействии, если бы шел вопрос только о том, что вы знали и бездействовали, то, исходя из тех обязанностей и полномочий, которые на вас лежали,—полный состав соучастия уже налицо. И с точки зрения нашего уголовного закона, прокуратура могла бы больше ничего не делать, ограничиваться только этим, ибо этого вполне достаточно,—того, что вы сами признали, достаточно для полного признания состава 58[7] ст. УК.

Но мы будем говорить о большем. Мы будем говорить о сознательном участии, мы будем говорить о лидерстве в организации, ибо нет никаких данных не верить лицам, которые утверждают о том, что и вас не обошел Дворжанчик в своей переписке, что не одно письмо, а три письма вы от него получили, что вы не ограничились одним ответом, а отвечали, вероятно, все три раза на эти письма. Ибо, тогда здесь рассказывали, что на квартире или в кабинете у Бояршинова происходили контр-революционные заседания.

В частности, это при его участии решался вопрос о мелком шахтном строительстве, и этот факт является фактом достаточным для признания его соучастия в организации. И неудачи мелкого шахтного строительства, и его непосредственная ответственность за эту эпопею, и непосредственное проявление Бояршиновым максимальной инициативы в этом вопросе—это с совершенной бесспорностью устанавливает то, что он с самого начала, 21—22 года являлся одним из руководящих лиц, как говорил Потемкин, идеологом контр-революционной группировки и в Артемовске и в Харькове. А ваши собственные слова, что вы были «в плену» у контр-революционной организации,—все это позволяет нам с совершенной определенностью утверждать, что вы были не в плену, а вы были руководителем, работником, вождем.

Я вспоминаю как здесь, с каким пафосом, чуть ли не переходя всякие границы, допустимые и возможные на судебном присутствии, позволил себе наскакивать на уличающих его других обвиняемых гражданин Бояршинов. Это дешевый прием, он не поможет. Это прием, который доказательной силы, выражаясь очень осторожно, не имеет. Доказывает он, если хотите, обратное.

Я думаю, что в отношении Бояршинова вопрос совершенно ясен, если он—штейгер, а не инженер, имел все данные в свое время для того, чтобы рука об руку с Советской властью работать против той косной среды квалифицированного инженерства, которое лишь скрепя сердце, приняло его в свою среду, если он, благодаря своим личным качествам, некоторой напористости и твердости характера сумел выдвинуться в первые ряды, то тем большие требования следует к нему пред'явить, если он не удержался на этой высоте и пошел по указанной ему контр-революционной группировкой стезе, пошел в эту группировку и предал, и продал интересы Советской власти.

Вот лица, которые говорят о Бояршинове: Матов, Братановский, Сущевский, Березовский, Мухин, Гаврюшенко, Кржижановский, Самойлов—длинная галлерея различных лиц, различных людей. Если вы не верите одному, можно и должно поверить другому, если вы не верите другому, можно и должно поверить третьему. Я беру двух или трех из этого списка. Я не беру главных руководителей—Матова и Братановского, а беру Сущевского, беру Мухина, беру Кржижановского. Почему эти лица, которые рядом с вами работали в течение ряда лет,—неужели в данном случае есть основания полагать, что они позволят себе один голый оговор, без всяких оснований. И это после того, как вы сами сказали, что о наличии контр-революционной организации, ее программе и деятельности вы были осведомлены.

Мера репрессии в отношении Бояршинова выясняется отсюда полностью. Бояршинов слишком много имел прав и полномочий, ему было слишком много дано... тем больше с него спросится. Сообразно—ответственность его должна быть наибольшей: расстрел Бояршинова вытекает логическим выводом из того, о чем мы говорили о его деятельности.

Разрешите сразу же перейти к членам основной группы Харьковской центральной организации. Мне представляется, что у нас этих основных работников имеется сейчас 6 человек, кроме Бояршинова: Матов, Братановский, Казаринов, Шадлун, Детер, и Мешков. Все они были основными

воротилами, руководящим ядром Харьковской центральной группы. Наиболее быть может организационный талант проявил здесь Матов, активный организатор, человек, умевший подчинять себе других, умевший спокойно, хладнокровно и настойчиво проводить свою линию, человек, для которого нет ничего святого, человек который умеет, когда нужно, молчать, умеет, когда нужно, спокойно, но твердо сказать и приказать и проследить за исполнением, и потребовать и, в случае неисполнения, наказать.

Таков и должен быть организатор, таков и должен быть работник в хозяйственной области, где приходится иметь дело с людьми и с вещами, и где нужно, чтобы люди работали как вещи, и сами вещи понимали, чего хотят люди.

Мы здесь слушали Матова: спокойно, уравновешенно он показывал нам, сообщал сведения о работе контр-революционной организации, и сообщал не все; вероятно, ему известно больше. Тот факт, что на закрытом судебном заседании ему неугодно было рассказать, более подробно о его путешествиях во Францию, в военное министерство, что ему не угодно было более подробно сообщить о некоторых его путешествиях в СССР, тот факт, что он, не мог ответить на вопрос об источниках денежных сумм, которые, по показанию его и ряда лиц, были доставлены им в Харьков,—все это характеризует его как человека, который, решивши рассказывать, потом убедился, что быть может не стоит, что лучше не признать некоторую часть своей работы. И это характерная черта, которую разделяет не только он, но и Братановский. Братановский нам здесь сказал: какой мне смысл отказываться от отдельных деталей своей работы, раз я признал основное; какой мне смысл—и это частично повторено Матовым—отказываться от отдельных актов своего вредительства или политических актов своей вредительской работы, если в основном все равно все сказано, и если, в конце концов, как говорит Братановский, нет разницы в санкциях ст. 58^7 и ст. 58^8 Уголовного Кодекса.

Да, разницы в карательных санкциях нет: и там, и там закон требует по той и другой статье расстрела. Но разница все-таки есть.

Одно—экономическая контр-революционная работа—статья о вредительстве с сознательной контр-революционной целью—здесь проходят Нашивочников, Беленко и Васильев и ряд других, даже таких, в отношении которых я вчера высказался о возможности условного приговора, как Никишин. Но 58^8—это наиболее чистый вид государственной измены, это наиболее чистый вид сношения с контр-революционными целями с иностранными государствами способствования иностранным государствам в борьбе против СССР путем интервенции и войны.

Наша уголовная система, построена так, что мы определяем лишь предел, от которого или до которого может доходить суд. Фиксирование репрессии в этих пределах—это дело суда при определении конкретной меры социальной защиты. Это, наконец, дело высших государственных органов, поскольку в интересах максимальной осторожности в вопросах человеческой жизни система уголовной политики построена так, что все смертные приговора проходят через комиссию частной амнистии ЦИК. Вот почему разница есть между 58^7 и 58^8 «Ина слава луне—ина слава звездам», сказано еще в писании. Вот почему и тут разно будут оцениваться эти действия. Разно будет оценивать их суд, разно оценивает их прокуратура, хотя и та и другая статьи в области карательной санкции начинаются с расстрела, как меры, которую требует закон в отношении лиц, совершивших преступление. Вот чем надлежит об'яснить, что отбрыкиваются от действий, вменяющихся 58^8 статьей все обвиняемые, включая Матова и Братановского. Нет не все равно—доказано ли только участие в контр-революционной вредительской организации хотя бы и в руководящей роли, или доказаны одновременно прямые акты государственной измены или прямые акты политического шпионажа.—Не все равно.—И вот почему, когда мы ставим вопрос о Матове, как центральной фигуре в организации, по отношению которой есть данные для обвинения его по обеим статьям, в отношении всех этих лиц, для прокуратуры как представителей государственного обвинения исключена возможность постановки вопроса о какой-либо иной мере репрессии, кроме расстрела.—

Исключена возможность. Расстрел Матова—есть постулат—требование интересов государственной охраны, интересов охраны государственной безопасности. Иначе по отношению к нему мы вопроса не ставим и в такой же мере это относится и к Братановскому.

Братановский здесь сыграл большую положительную роль тем, что своими точными, отчетливыми, ясными показаниями он помог распутать клубок контрреволюционной организации, но и он запнулся, когда встал вопрос о работе Кржижановского, запнулся и начал нам рассказывать сказки про учительницу, которая живет на Пушкинской улице, в гор. Харькове, к которой он посылал, якобы, с письмами Кржижановского, запнулся и начал отрицать то, что однажды признал, потом поправил, потом еще поправил, потом опять признал.

Братановский, один из руководителей и распределителей денежных сумм, активный работник в СССР и за границей, один из организаторов, возможно менее требовательный и настойчивый, более легкомысленный, чем Матов,— у него есть некоторые элементы Хлестакова, но тем не менее, не менее опасный по той последовательности и упорству в проведении намеченной цели. Братановский сказал, что он привык уважать в себе порядочного человека. Порядочный человек—это можно понимать в двух смыслах: одно понимание в смысле некоторого наличия определенных этических принципов и в другом смысле—принадлежность к определенному социально-политическому слою. Порядочные люди обычно хорошо одеты, привыкли к определенному комфорту и т. д. Я не знаю, какого порядочного человека привык в себе уважать Братановский, по поступкам его вряд ли можно причислить к первому пониманию, ну а по внешнему виду он пожалуй подходит ко второй категории. Вот почему я думаю, что мы не будем подходить по отношению к нему, как к порядочному человеку, и поступим с ним не как с этически порядочным человеком, а как с предателем и изменником.

Казаринов, работник заграничного отделения организации, или заграничный агент контр-революционной организации, потом заведующий иностранным отделом Донугля, в прошлом, кажется, работник Гришинского рудоуправления, равным образом исполнявший ряд вредительских заданий. Мне нужно остановиться более подробно на Казаринове, ибо с ним связан один большой и крупный эпизод судебного следствия, на котором вероятно особенно подробно будет останавливаться защита, поэтому приходится вперед установить некоторые исходные пункты, чтобы не дать возможности какихнибудь кривотолков, и раз навсегда отсечь возможность перед лицом общественного мнения трудящихся масс нашего Союза и перед лицом буржуазного общественного мнения, неправильного толкования того, как расценивает прокуратура сообщение о некоторых фактах, которые нам были здесь доложены Казариновым. Я имею в виду сообщение Казаринова о совещании в русском отделе АЕГ.

Защитник Вормс несколько раз с большой настойчивостью стремился доказать, и обещает нам еще здесь рассказать или доказать об'ективную невозможность самого совещания во-первых, его внутреннюю нецелесообразность, во-вторых, и вытекающую отсюда непричастность к контр-революционной организации лиц, упомянутых, как присутствовавших на этом совещании, в третьих. Вот три момента, которые подлежат здесь специальному освещению и на которых я позволю себе более подробно остановиться. Первый вопрос—фактическая невозможность самого совещания.

Я думаю, доказывать такую фактическую невозможность нельзя. Что такое русский отдел АЕГ по его личному составу. Если мы возьмем личный состав русского отдела АЕГ, мы увидим что там перечислены человек 10—12 сотрудников—русских эмигрантов. Все эти сотрудники—работники, работавшие раньше в России в старое время и затем бежавшие от Советского Союза. Белая эмиграция это, в достаточной мере, определенная социально-политическая группа. Мы знаем чем живет эта белая эмиграция, знаем, какая совокупность идей или мыслей является определяющей их практическую деятельность. Думать о том, что состав этой организации является в какой бы то ни было степени расположенным к СССР—нельзя, это будет полнейший абсурд, политическая бессмыслица, прямо не отвечающая об'ективному поло-

жению вещей. Сам Башкин Исай по характеристике собственного брата, а мы не имеем оснований ему в этом не верить,— в свое время бежал от СССР и был и остался контр-революционером. Это не представляет секрета.

Вот передо мной список этих сотрудников, данных по показаниям обвиняемого Отто. Он показывает об их составе так (стр. 272, дело т. Левентона) «можно перечислить следующих русских эмигрантов... Поль русский эмигрант» и т. д.

Спрашивается, что же вся эта публика, все эти бывшие служащие в Московском отделении, в Ростове и т. д., порвавшие с СССР, что же они ультра-советские люди или же положение такое, что для конспиративных встреч их квартира была лучшим, наиболее удобным местом для явок, для встреч. В этой обстановке не могла не зародиться мысль о контрреволюционной работе, хотя бы в целях получения возможности вернуться в Россию.

Мы далеки от мысли, что фирма «АЕГ», как таковая, ставила своей задачей срыв советской промышленности или контр-революционную работу. Нам до этого и дела нет—думала она вся как таковая об этом или нет; она— юридическое лицо и уже поэтому ее нельзя посадить на скамью подсудимых. Но о конкретных живых лицах, которые там конкретно жили и работали, о них-то мы можем говорить, можем судить об их поступках. И когда нам говорят о Исае Башкине,—заведующем Русским отделом,—или Блейманe,—одном из управляющих, равным образом работнике, раньше работавшем в СССР,—что эта группа являлась забронированной от возможности соглашения с контр-революционной организацией—позвольте не верить. Или разве не вполне правомерно можно поставить вопрос о том, что и тот и другой поставили своей целью использовать возможность эксплоатации этой контр-революционной организации на предмет, хотя бы получения новых заказов и одновременно сбыта им брака, поскольку в цели организации входила поставка негодного, недоброкачественного оборудования.—Что же, вы мне скажете, что когда произошла встреча между отдельными служащими этой самой фирмы, тем же самым Башкиным или тем же самым Блейманом, с членами контр-революционной организации, то для них не сыграл роли вопрос о возможности за процентное отчисление в пользу данной контр-революционной организации сбыть, по их предложению, старые турбины, старого типа, не отвечающие по габариту, не отвечающие условиям и требованиям данного рудника.— Что же вы мне скажете, что коммерсанты, для которых, в конце концов, получение прибыли все, что они не пойдут на такого рода предложения, что они будут раздумывать над этической допустимостью или недопустимостью подобного соглашения, что они будут думать об интересах народного хозяйства пролетарской страны, страны, от революции в которой и они пострадали. Ведь это же значит думать о том, что капиталисты, хотя бы и крупнейших предприятий, руководствуются в своей деятельности вопросами идейного порядка,—это же смешно, это же нелепо. Подобных вещей утверждать нельзя, оставаясь в здравом уме и твердой памяти.

Вот почему совершенно напрасной представляется нам эта попытка защитника Вормса реабилитировать здесь Блеймана и других,—их никто не обвиняет. Никто не обвиняет постольку, конечно, поскольку они не сидят сейчас на скамье подсудимых. Вопрос шел о защите Мейера, о защите Отто, о защите конкретных обвиняемых, а не о защите фирмы, вообще. Об'ективно же вполне возможно, об'ективно даже не только возможно, но, в известной степени, для контр-революционной организации даже неизбежно было поставить вопрос о том, чтобы вступить в соглашение с отдельными руководителями, отдельными лицами, отдельными работниками этих фирм на предмет извлечения из них денег для поддержания своей работы.

Возьмем другую фирму. Возьмем знаменитую ныне фирму Кнапп. Мы очень рады, что благодаря процессу имя о ней теперь пойдет не только по всей Руси великой, а узнают о ней и другие потребители ее продукции.

Что же?—Этот Кестер, тоже живший, в свое время, в России, о котором Казаринов говорит, что он—человек, который для того, чтобы всучить свою продукцию не остановится ни перед чем,—что же он не пойдет на то, чтобы за обещание купить или взять вот эти знаменитые «кнапов-

ские» машины, хотя бы они были отправлены в очень скверной упаковке, хотя бы они были из недоброкачественного материала,—хотя бы для того, чтобы потом поставить их без дела в рудниках, или бросить в мусорный ящик—пойти на сделку в виде процентного отчисления, не согласится дать и не малую толику?—Они, привыкшие смотреть на Россию еще со времени царского режима, как на страну, в которой—«не подмажешь, не поедешь», в которой каждый шаг нужно оплатить взяткой,— что же они, встретившись с теми лицами, с которыми они раньше встречались на своей производственной, в кавычках, работе, он, Кестер, не пойдет на эти предложения. Нашлись правда, более солидные фирмы, которые отказались. Фирма Вольф отказалась, или согласилась платить только за новые заказы, а за старые—сказала: не хочу, это уж с одного вола две шкуры драть. Отказались еще некоторые фирмы. Другие согласились. Но сам по себе факт того, что вы называете комиссионным вознаграждением, куртажем, и того, что мы называем по нашей примитивной этике—взяткой, предательством и преступлением,—что же не пошли эти фирмы на это предложение? А что их могло удержать, когда с точки зрения прямой прибыли это было гораздо более выгодное предприятие, гораздо более выгодная коммерческая сделка? Мы знаем, кто вертелся около фирмы Кнапп,— Быховский, наш старый знакомый Быховский, тот самый Быховский, деятельность и работу которого мы здесь рассматривали, деятельность и работа которого здесь перед нами прошла, тот самый Быховский, который был приставлен к Казаринову за границей и который всюду действовал в интересах опять-таки своего хозяина, своего предприятия. Нет поэтому никаких оснований полагать о невозможности совещаний: и об'ективная обстановка была для этого, и мотивы соответствующие для этого были в смысле хотя бы голой коммерческой выгоды, голого коммерческого расчета.

Перейдемте к другому вопросу, к вопросу о политической невозможности таких совещаний. Вопрос относительно невозможности пребывания Дворжанчика в Берлине я оставляю в стороне. Это вопрос, который разрешается гораздо проще, чем это кажется или думает профессор Вормс. Это— пустячек, на котором не следует останавливаться.

Перейдем к другому вопросу. Защитник Вормс—говорит о политической невозможности такого положения вещей, чтобы Дворжанчик и Блейман вместе бы с'ехались и совещались, ибо линии экономической политики—говорит Вормс—представителей германской промышленности в целом и представителей польских групп не совпадают. Возможно, что не совпадают. Но разве мы говорим о линиях политики промышленности?—Мы говорим о линии политики Дворжанчика и Блеймана. Не надо подменять два совершенно различных понятия. Промышленность, как целое, это одно, а Дворжанчик—другое. Промышленность, как целое это одно, а Блейман—другое, и поэтому нечего путать две несовместимые величины, незачем заниматься подстановкой вещей, далеко, далеко неравнозначущих.

Но посмотрим на содержание спора, который по показанию Казаринова, имел место. Там шла речь о следующем. Дворжанчик говорил: образовалось об'единение бывших собственников во Франции и в Польше. Каких собственников?—Бывших русских собственников, промышленников старой царской России. Вот кто об'единялся. И о чем же шла речь? Речь шла о том, что организация должна признать это об'единение; иначе, эти собственники заявляют, что они денег больше не дадут. Выгодно это было для немецкой группы?—Нет, невыгодно. Выгодно это было Блейману?—Нет, невыгодно. И что же он сказал.—Он сказал: не хочу этого об'единения. Правильно сказал, так и должен был сказать. Где тут контакт, где тут слияние?

Здесь борьба, конкурентная борьба. Какой второй вопрос ставился?— Второй вопрос следующий: организация поддерживает связь через Юсевича в Париже, организационный центр связи идет через Париж.—Башкин, который являлся центром Берлинской группы организации, говорит: давайте Юсевича перетащим в Берлин,—другими словами, давайте сосредоточим всю связь в руках его, Башкина Исая. Это, с точки зрения Башкина, правильно?—Правильно. Что ответил на это Казаринов?—Не желаю. Почему?—Потому что он не хочет, чтобы в одной группе была сосредоточена вся

связь, он хочет, чтобы связь шла по двум линиям, что с точки зрения интересов организации правильно. Это контакт? Это борьба, это не контакт.

Вот почему и расходясь по линии стремления монопольно использовать СССР в качестве об'екта для сбыта элементов своей продукции, и контактируясь целиком по линии ненависти к советскому строю, советской системе, которая лишила их возможности использовать бесконтрольно сбыт своей продукции в порядке свободного товарооборота, обуреваемые ненавистью к барьеру, поставленному СССР монополией внешней торговли, но внутри себя, между собой раздираемые враждой по вопросу, кто будет капралом контр-революции, кто будет управлять и диктовать, обе группы могли и должны были столковываться, а это показывает, что такого рода совещание могло иметь место, и в этом нет ничего об'ективно невозможного и ничего противоречащего логике или политической ситуации.

Спрашивается, ну а с точки зрения контр-революционной организации такое освещение имело значение?—Имело.

И еще одна оговорка—здесь, когда сквозь лупу судебного следствия мы рассматривали отдельные эпизоды контр-революционной работы, нам с вами не нужно забывать некоторые общие перспективы, а эти общие перспективы таковы, что с точки зрения интересов, свойственных мировому товарообороту, или с точки зрения товарооборота нашей страны и германской промышленности, удельный вес Дворжанчика или Блеймана и всего их совещания вообще равен дроби процента—этого тоже нельзя забывать. И поэтому нельзя забывать о том, что является вопиющей натяжкой и методом, преследующим другие цели, отождествлять эти совещания, якобы, с переговорами всей германской промышленности с контр-революционной организацией.

Это сказочки, которые расскажите другим. Вот почему мы совершенно не расходимся ни с фактом, ни с логикой, поддерживая утверждение относительно того, что все данные имеются о полной возможности этого совещания.

Об этом дальше имеем другие показания—показания Матова. Матов говорит, что в период его пребывания в Париже он беседовал с кем—с Блейманом. А еще с кем беседовал?—с Башкиным, вероятно, беседовал с ними, когда после от'езда Казаринова к нам, в СССР, функции переговоров с отдельными фирмами о проценте комиссионного вознаграждения были возложены на Матова, и Матов, приехав сюда, рассказывал, что добился успеха после переговоров с Блейманом.

Так обстоит дело, и отсюда можно сделать общий вывод, что разница только в том: в то время, как французские горнопромышленники, бывшие собственники рудников, и русские бывшие собственники гораздо ярче, последовательнее оттеняли политические задачи прямой борьбы с Советским Союзом, немецкая группа—тот же самый Башкин Исай—на первый план выдвигала коммерческие цели и коммерческую наживу, об'ектом для использования была та же самая контр-революционная организация.

Но факт использования был, и этот факт остается уликовым материалом для обсуждения вопроса о Мейере и других, а только с этой точки зрения нас интересует этот вопрос.

Отсюда вытекает и вопрос о Казаринове. Он нам рассказал о беседе, которую он имел с некоторыми деятелями в Германии, в том числе беседе о трехсотмиллионном кредите. Я спросил его—вы были государственным служащим СССР, вы были командированы для совершения определенного государственного политического дела в смысле заказов оборудования и проч., проч. Вы принимали участие в ряде официальных заседаний в Торгпредстве, об этом вы показывали, в том числе с крупными деятелями германской промышленности. Потом они вам предлагают, в частном порядке притти и в частном порядке побеседовать. Предосудительного в этом ничего нет с точки зрения тех, кто вам предлагал притти. Почему же не попросить притти и почему же не попросить рассказать и почему же не попросить осведомить о том—стоит или не стоит давать деньги, на каких условиях, какие перспективы, какие кредитные возможности СССР и проч., и проч. Ничего предосудительного в желании это знать со стороны этих лиц, нет, но очень много предосудительного с вашей стороны, что вам угодно было это рассказать. Я спрашивал вас—вы понимали,

что вы являетесь лазутчиком, которого стремились использовать другие лица и другие государства? Понимали ли вы, что когда о делах СССР, вы рассказывали за границей не гражданам СССР, состоя на службе в СССР, вы совершаете акт, который также не можете расценивать иначе, как акт предательства? И с этим вы не могли не согласиться. Это решает вопрос о гражданине Казаринове. Мы не можем иначе ставить его и говоря о вашей связи с заграницей по отправке и получению писем, и говоря о том, что вы эту работу исполняли не только за границей, но и в СССР. Уполномоченное лицо нашей каменноугольной промышленности, доверенное лицо нашего Торгпредства, находясь там за границей, должно рассматривать себя, как лицо, находящееся во враждебном лагере, как лицо, находящееся в вооруженном неприятельском окружении, ибо вы—представитель пролетарского государства, которое вынуждено входить в определенное соприкосновение с капиталистическим миром, ибо принцип построения государственной жизни у нас и у них различный, задачи, которые мы ставим и они ставят различны, методы работы различны, цели у нас различны, а классовая противоположность была и остается непроходимой пропастью. Входить не только в соприкосновение, а рассказывать о том, что у нас есть, и как есть, есть акт преступления и измена; правда, вы говорите, что рассказывали, что перспективы у СССР блестящи и проч., что кредиты могут быть предоставлены и должны быть предоставлены тем более, добавил Казаринов, что в конце концов, когда произойдет контр-революция и предприятия перейдут обратно к старым собственникам, а среди последних будут и представители германской промышленности, в конце концов, оборудование будет для них же. Но такого рода аргумент есть акт заключения политического блока, есть уже акт контр-революционного заговора, и так только мы можем расценивать, иначе мы не можем подходить к вашим действиям, и всякое буржуазное государство так же бы расценивало ваше действие.

Вот почему и в отношении Казаринова мы не можем ставить вопроса иначе, чем равным образом мы поставили по отношению к основным работникам—Бояршинову, Матову и Братановскому. Здесь нет разницы между ними, как бы индивидуально,—быть может, более приемлемым с точки зрения своих качеств личности, казался, Казаринов, по сравнению с другими. Может быть он в данном случае проявил больше моментов искренности и хотелось бы может быть поверить ему, но нельзя ставить вопрос,—нельзя.

Шадлун, Детер и Мешков—это три фигуры приблизительно одного порядка по тем функциям, которые они несли в организации,—это—групповые директора, члены директората—учреждения, которое нам один из подсудимых охарактеризовал как контр-революционную организацию в полном ее составе. Я прежде всего останавлюсь на Мешкове и на Детере. С точки зрения уликовых материалов разве можно сравнивать Детера и Мешкова? О Детере икс плюс единица улик, о Мешкове, может быть, одна единица доказательств, а защита вероятно скажет, что и совсем нет. Детер сознается, Мешков запирается, Детер признается во вредительской работе вплоть до 1927 г., до своей поездки за границу,. Мешков говорит о начале, с 1924 г., когда он-де случайно играл в карты и ограничивается признанием только разговора. Мне кажется, что это будет не деловая постановка, потому что есть ряд других моментов, которые гораздо серьезнее определяют работу Мешкова. Мешков—непосредственный помощник Бояршинова, через которого об'ективно проходит вся технически производственная часть—это первое, что должно быть учтено, т.-е. его об'ективное положение в производственной иерархии.

Три письма через Сущевского получил Мешков от Дворжанчика и два письма направил сам Дворжанчику. Это факты, которых отрицать нельзя, это факты, которые установлены, ибо нет никаких оснований подвергать сомнению сообщение Сущевского. Наконец, чрезвычайно ценны и важны в этом отношении показания Андреева, который говорил о той работе, которую после Детера исполнял Мешков по финансированию и по непосредственному наблюдению за вредительскими действиями на Мушкетовке.

Мешков по своей политической физиономии, по комплексу тех фактов, которые определяют его положение в группе бывших промышленников,

равным образом представляет совершенно определенную фигуру. Мешков сам признал, что он имел разговор о том, какие рудники лучше всего сдать в концессии на предмет передачи их старым владельцам и о дальнейшем переходе на службу к этим концессионерам. Давал сведения, заведомо зная, что они будут даны за границу нелегальным путем, в порядке выдачи тайн государственной промышленности, давал сведения и материалы представителям враждебных классов, желавшим взять у нас в концессии эти рудники. Разве можно поставить вопрос иначе? Конечно нет. Допустим, что вовсе нет этого процесса, допустим, что на скамье подсудимых только один Мешков и в качестве об'ективного материала у судебного следствия имеется только один факт — этот разговор, и будем исходить из того, какую мы получим тогда картину? Лицо, являющееся непосредственным заместителем Бояршинова по производственной части, высоко ответственный работник Донугля передает сведения о состоянии тех или иных предприятий на предмет нелегальной передачи их за границу добивающимся получить их в концессии концессионерам, другими словами, Мешков является агентом иностранных капиталистов, состоя, одновременно у нас в СССР на государственной службе, по вопросу о выборе об'екта концессии в интересах концессионеров и в целях перехода к ним на службу. Вот только это возьмем и представим, что только этот факт имел место, и больше ничего. А этого факта было бы достаточно для расстрела Мешкова. Вспомните другие процессы аналогичного характера, где к человеку, который продает интересы государственной промышленности, продает тайные сведения, мы применяли расстрел. Но пусть это будет технический делопроизводитель, который выкрал эти сведения из стола и продал эти сведения за 100—150 рублей .

А тут кто?—заместитель Бояршинова. Этого одного факта достаточно. А ведь это не все. Вот лица, на него показывающие: Матов, Братановский, Шадлун, Казаринов, Соколов...

Письма, деньги от Матова, деньги от Братановского, показания Андреева, — вот полная совокупность фактов. Правда, Мешков умеет молчать. Молчание очень хорошее качество, но оно не всегда вывозит, не всегда спасет, не думаю, что оно его спасет и на этот раз.

Вот почему я ставлю вопрос о Мешкове, как об опасном враге, классовом сознательном предателе интересов государственной промышленности и интересов рабочего класса. В отношении Мешкова я ставлю вопрос о расстреле, как по отношению к главарю Харьковской организации.

Детер. Я позволю себе проследить историю его работы с самого начала до конца. В прошлом—общественный работник и деятель совета с'ездов горнопромышленников юга России,—один из работников, который, по его собственным словам, играл роль в силу своего общественного темперамента, деятель эпохи Пастуховско-Берестовского рудника, работник Суллинского Акционерного Общества, человек, получивший директивы сохранить Пастуховку и оборудовать ее за счет других рудников и исполнявший это задание. Детер и Кузьма в периоде их работы на Пастуховке, на Щегловском рудоуправлении оборудовали этот рудник. Детер говорил, что был очень рад когда договорился с Кузьмой по вопросу об исполнении директив. Пастуховку он оборудовал за счет Берестовки, за счет других предприятий этого района. Дальше, Детер и Мушкетовка. Детер в качестве исполняющего распоряжения Именитова, несколько раз финансирующий Андреева. Тут прямая контр-революционная работа. В дальнейшем Детер в качестве группового директора, и, наконец, в Харькове Детер в качестве члена центральной группы и постоянного участника всех совещаний, что он отрицает. Но понятно, почему люди отбрыкиваются от работы центра. И наконец, Детер за границей исполняющий указания организации по продолжению переговоров и по установлению связей, по укреплению связи с закордонными организациями .

А свидание с Фениным?—Свидание с Фениным, происшедшее, якобы, случайно, но как потом оказалось, не случайно. А связь, которую он самостоятельно от организации имел с Дворжанчиком через Мяновского. — А тот факт, что он предусмотрительно предложил Дворжанчику вносить

вознаграждение на текущий счет в заграничном банке,—там вернее будет когда придется навострить лыжи из СССР; там будет, маленький капиталец, который можно будет использовать потом, сидя за границей, насмехаясь над наивными людьми, которые в течение ряда лет Советской власти, ему, Детеру, предлагали приложить свои силы к восстановлению нашей советской промышленности .

Вот что такое Детер. Старый, прожженный деятель совета с'езда горнопромышленников юга России, старый служака капитала, ни на одну секунду не изменявший своим старым хозяевам, все время работавший по их указке и, заведомо с ними, по договору, согласившийся на использование его за брошенную ему подачку, когда они хотели почтить его своим доверием по исполнению контр-революционной вредительской работы в СССР.

Нет, гр-н Детер, никакое признание тут не поможет. Если я вчера, проявил некоторое колебание в вопросе меры репрессии к отдельным главным инженерам на периферии, то по отношению к центральной группе этих колебаний нет. Вот почему и Детер должен разделить участь всей этой центральной группы.

Шадлун. Шадлун представляет собой, как я сказал уже в высокой степени интересный тип. Связь с Ремо в период 1920 и 1921 гг., самостоятельная связь; получение инструкции о затоплении шахты № 14, передача этой инструкции Ив. Ив. Некрасову, борьба с Детером по вопросу об из'ятии из кустового управления Богодухово-Берестовского рудника на предмет того, чтобы он, Шадлун, как управляющий мог исполнять самостоятельно задания своих хозяев, в пику интересам Суллинского общества.

В дальнейшем — связь с Бояршиновской группой в Бахмуте, получение и передача денег от Горлецкого Березовскому — золотую стопочку передал, якобы, не зная о том, что это за деньги и какие это деньги, и это в то время, когда сам уже получал деньги от Ремо. Помните, он нам здесь рассказывал как Ремо внезапно припомнил, что он должен Шадлуну 100 долларов и 10 фунтов, вспомнив об этом, вернул эти доллары...

Физиономия Шадлуна как работника и члена организации в достаточной степени ясна. Этот «крестьянский сын», сын «крестьянина», имевшего 1.024 десятины земли; это вырвавшийся из тяжелых условий, если ему верить, верить его автобиографии, — всплывший на поверхность, главный инженер, получивший специальное прозвище в рядах инженерства, давший повод для установления специального термина «шадлунить»,—он пытался и здесь на суде провести ту же самую политику. Он признал... что он признал? — Это характерно для Шадлуна, — он признал свое членство в организации, он признал участие на целом ряде собраний, он признал получение денег,—и не признал, хотя раньше признавал, затопление шахты.

В его своеобразном мозгу последнее кажется важнее первого. Можно его разубедить и сказать, что эти преступления совершенно равноценны, и даже больше того, что второе важнее первого. Вам нет смысла отказываться от шахты № 14 после того, как вы признались в остальном. Эти преступления гораздо более значимы в смысле уголовном, в смысле тяжести уголовного преступления.

Дальше идет вопрос о Шадлуне, как о члене организации и об исполнении им поручений по связям с некоторыми учреждениями французского характера. Он отрицает это целиком, он не хочет этого признать. Но есть прямые об этом показания. Мы поставим этот вопрос так. Связь которую мы рассматривали,—раньше была какая?—Связь была, главным образом, по французской линии — с Ремо, Дексом и др. Денежные связи были раньше? — Были. Самостоятельные связи? — Самостоятельные. — Когда все это слилось во-едино, когда была беседа с Матовым об об'единении этой работы, он пошел на это? — Пошел. Был активным работником центральной группы?— Был.—Был одним из пионеров во вредительской организации по связям с Горлецким? — Был. Почему же невозможно это последнее, что ему предписывают, и от чего он отбрыкивается и открещивается по тем же мотивам, по которым открещивается и Матов и Братановский.

Я ставлю вопрос даже так: пусть не будет этой связи, — все равно того, что есть, уже достаточно .

Вот почему по отношению к нему, как к деятелю центральной группы, я остаюсь на той же позиции и полагаю, что здесь равным образом должен быть применен расстрел.

Юсевич. Относительно Юсевича, мы имеем следующую характерную картину. По показаниям ряда членов организации — это специальное лицо, уполномоченное для связей во Франции. По показаниям его самого на 72 листе: «незадолго до моей поездки за границу, в кабинете Бояршинова состоялось совещание организации, на котором я присутствовал впервые. Рассматривался вопрос о неправильном заложении мелких шахт, обсуждались инструкции для меня, в связи с предстоящей командировкой за границу. Совещание поручило мне связаться в Париже с об'единением...»

Потом уже идет подробнейшее его же показание по этому вопросу о совещании, на котором он присутствовал, о том сколько он получил денег, о том, как он эти деньги получил, как он эти деньги передал, а потом— потом, последовал как мы знаем, категорический отказ, и об'яснение, что все это я написал потому... потому, что я написал. А на вопрос—почему написал, или вернее—почему сейчас отказываешься от того, что написал—ответ: потому, что отказываюсь. Нельзя выдумать так, как здесь выдумано, нельзя всерьез поверить тому, что теперь рассказывает Юсевич. Выходит так. Пришел он случайно в библиотеку, хотел взять «Ревю Минераль», взял «Ревю Минераль». Подошел к нему Соколов, которого он раньше не знал и видел лет 10 назад и сказал: здравствуйте, господин Юсевич, вы из СССР? он ему отвечает: здравствуйте, схватил шапку, и скорей— бегом, бегом. Вот как рассказывает Юсевич. Кто поверит этому детскому лепету, этой детской болтовне, когда он сам раньше рассказывал, что было совсем иначе: была условлена встреча, встретились, побеседовали, исполнил поручение... пришел на заседание, условился о деньгах, деньги привез. Если бы мы взяли оба эти рассказа Юсевича и поставили перед совершенно неискушенным в судейской работе человеком вопрос, как отнестись к отказу Юсевича, — получили бы ответ один: врет Юсевич самым беспардонным образом. Я думаю, что этот ответ, который дает простая логика, и должен быть признан исчерпывающим.

Второй факт в отношении Юсевича — его посещение вместе с Матовым французского офиц. учреждения. Если защита по этому поводу будет делать попытки указать, что там не все совпадает, оперируя тем, что Матов сам отказался, от посещения им офиц. учреждения, вопрос этим, в конце-концов, не разрешается. Здесь нужно поставить вопрос в целом, все сопоставить: это посещение Французского офиц. учреждения связано ли с посещением другого учреждения в Москве, со связями, которые были установлены в Париже с документами, которые были получены во Франции, и которые послужили ключем в Москве. Здесь нельзя ссылаться только на то, что имеем, мол, впоследствии отрицание Матова; мы имеем показания ряда лиц—и Матова, и Братановского, и Казаринова, и Шадлуна, и Мухина, и Детера относительно членства в организации Юсевича и относительно специальной функции, которая была возложена на Юсевича, функции и связи, закордонной связи Юсевича. Юсевич пробыл достаточно времени за границей, он был делегирован туда советской организацией — Донуглем, но одновременно был делегирован и контр-революционной организацией. Он служил обоим, вернее, он служил вторым. Вот в чем суть.

Этот закордонный агент контр-революционной организации, посланный отсюда. И мне представляется вопрос относительно Юсевича решенным в равной мере. Даже не будучи членом центральной организации, но являясь одним из ее щупальцев за кордоном, за границей, за рубежом, Юсевич должен быть отнесен к категории тех лиц, к которым я относил Будного и Бояринова. Это — шпионская группа, и поэтому в отношении ее должна быть применена единственная мера — расстрел, которым Советское государство, вынуждено защищаться от врагов, предателей и изменников, лиц, предавших себя, свою страну, интересы рабочего класса и революции.

Я остановлюсь теперь на других работниках центральной организации, не игравших по данным судебно-следственного производства руководящей роли, хотя последнее еще отнюдь не обозначает, что они не играли

ее на самом деле. В пределах материалов судебно-следственных мы, однако, не можем утверждать об их руководящей роли в смысле направления работ вредительской организации. Это опять-таки не значит, что они не играли руководящей роли в смысле исполнения заданий вредительской деятельности. К этой группе я отнесу, прежде всего, следующих двух членов организации, игравших приблизительно одинаковую роль и занимавших приблизительно аналогичное место — это Фаерман и Воликовский.

Фаерман — первоначально заведующий топливной частью, а затем исполнявший обязанность контрольного органа по проходке и по построению новых шахт при УНС. Если мы раньше говорили о чрезвычайной важности для народного хозяйства максимального скорейшего построения нового Донбасса, как резерва, на который пока что должно опираться народное хозяйство и который в будущем должен явиться основным источником энергии для советской промышленности, вопрос о роли и значении контрольного органа по новому шахтному строительству обрисовывается сам по себе достаточно. Мы спрашивали здесь Фаермана — видел он или не видел то ненормальное положение вещей, в котором находилось новое шахтное строительство? Он ответил—видел. Мы спрашивали его тут—был ли он лично на крупнейших предприятиях из области нового шахтного строительства? Ответил — был. Понимал ли он конкретно все значение этого нового шахтного строительства?—понимал. Принимал ли он об'ективное участие во вредительской работе тем, что об'ективно, как контрольный орган покрывал вредительство в области нового шахтного строительства? — Он ответил — принимал. Отсюда вытекал сам собой ответ о степени его причастности по его словам в пределах его показаний без дополнительных данных, которые выясняют роль Фаермана по показаниям других подсудимых. Но поскольку мы имеем данные — утверждение Матова и других— о причастности Фаермана к организации, о его денежных получках, едва ли можно Фаермана относить к числу тех, которые только покрывали...

Но сам по себе Файерман, как фигура, как вредитель, не обрисовывается так выпукло, как обрисовывается та группа лиц, которую я разбирал раньше. Поэтому мы не настаиваем на применении по отношению к Файерману такой жесткой меры, как расстрел, не настаиваем на применении суровой меры и в смысле длительной изоляции. Я думаю, что Файерман, это один из исполнителей, один из купленных исполнителей, и поэтому тюремную изоляцию на 2—3 года, может быть товарищи судьи сочтут возможным заменить использованием Файермана в условиях принудительных работ. Этот вопрос будет решен судом, прокуратуре важно лишь отграничить фигуру Файермана от тех лиц, которые должны быть признаны специально или сугубо опасными.

Иначе приходится ставить вопрос в отношении Воликовского. Воликовский — групповой директор, Воликовский член центральной группы, если он и не был активным работником в смысле руководительства, то нет никакого сомнения, что Воликовский все же был конкретным вредителем. Мимо него не могли проходить основные вопросы вредительства, мимо него не могли проходить ни вредительство на периферии, ни вредительство по центру. Ряд данных говорит о присутствии Воликовского на совещаниях. В отношении финансовой помощи, в отношении денежных получек мы имеем равным образом прямые показания Братановского. Мы потратили довольно продолжительное время на выяснение периферийной роли Воликовского и на выяснение его работы в центральной организации. Это не значит, что его нужно отнести к категории активных работников. Но, мы имеем все же ряд данных о переписке Воликовского из тех писем, которые шли через Будного. Вот почему мне кажется, что если в отношении Файермана мы ставили вопрос о возможном применении к нему тюремной изоляции или даже о замене тюремной изоляции принудительными работами, то в отношении Воликовского для меня вопрос решается иначе и я думаю, что здесь тюремное заключение безусловно должно иметь место хотя бы по тем соображениям, что сейчас иначе поступить с Воликовским нельзя. Его нужно изолировать, нужно ближе к нему присмотреться.

Нужно дать возможность его понять, дать возможность ему проявить себя и выявить степень его способности стать на советскую работу. Он отказался признать свое участие в организации, несмотря на то, что об'ективно невозможно было, чтобы член директората, человек непосредственно стоявший у органов управления промышленности и в центре и на периферии. — не видел, не понимал того, что происходило перед его глазами.

Чинокал и Горлецкий. Чинокал, инженер, заместитель Киселева, заместитель заведующего отделом механизации—что он нам сказал о себе? Он сказал о себе, что видел вредительскую работу, что в области непосредственной работы его отдела, ему была весьма и весьма подозрительной, работа Горлецкого, что ему была подозрительна деятельность Бояршинова, что распределение машин было явно нерациональное.

Товарищи, вспомним несколько фактов этого распределения. Врубобовые машины — это импорт, это — валюта, превращенная в машину, это — орудие созидания, орудие творчества, орудие построения, увеличения ресурсов, это — акт индустриализации нашей страны, это — рычаг, помощью которого мы хотим поднять нашу индустрию. А нам подсовывали вместо машин — гнилые ржавые обломки... Но мы не могли рассчитывать не только на затрату рационально средств на приобретение, но даже на то, что приобретенное мы рационально используем. Если из 160 «Siscobe» машин 60 лежат сломанными, в качестве хлама, 20 валяются без работы и только 80 работает, причем и те поставлены на работу на несоответствующих пластах, это не та работа, которая нам нужна.

Когда я спрашивал Киселева, известно ли было ему это, он ответил, что для него то, что я говоря—удар грома на ясном небе. Об этом мы особо поговорим в другом месте, в других условиях, но факт от этого не меняется. Но Чинокал-то знал. — Чинокал видел. — Мог ли он не знать? — Мог ли он не видеть?—Нет не мог. Так нельзя. Миллионы денег стоит это вредительство. И это по его собственным показаниям, это его собственное признание.

Ну, а с машинами Джефри, которые были закуплены, как здесь рассказывал Киселев, по прямому совету Чиконала. — А нам Чиконал рассказывал. что он не имел никакого отношения к этой закупке. А использование этих машин?—А кнапповские машины, присланные из-за границы и посланные затем на производство?

Маленькая черточка, чтобы потом к ней не возвращаться. В документах суда, приобщенных к делу, имеется ходатайство, подписанное Кузьмой, о присылке ему машин для твердой зарубки, специально на Мелиховском пласте. — Мелиховском пласте, где эти машины оказались совершенно не пригодными. Теперь уже этого ни Чиконал, ни Горлецкий отрицать не смогут и поэтому посылку кнапповских машин на Власовку мы должны рассматривать, как прямое вредительство.

О том, как работали эти машины на Несветае, или о том, как подсовывались они Несветаю и Калнину, где самый крепкий, в смысле твердости антрацит, подсовывались именно эти машины, неспособные работать на этом крепком пласту,—об этом здесь, равным образом, был разговор. Все это уже является установленным фактом судебного следствия.

А 17 машин Джефри, присланные на пробу?—Хорошая проба. И великолепнейшую по этому поводу аргументацию здесь развивал Горлецкий: если бы я не послал этих машин, то они простояли бы без толку. Так разве ставится вопрос?—Разве мы должны покупать такие машины, для которых нужно найти место, чтобы их приткнуть для того, чтобы они не стояли без толку?—Вот «механизация», проводимая отделом механизации...

В отношении Чинокала имеются показания о нем как о члене организации,—Матова, Братановского, Казаринова, Сущевского, Кржижановского и Соколова, имеются указания на получение им денег от Матова и Братановского; имеются, наконец, указания на специальные совещания, где были заслушаны доклады Чинокала и Горлецкого о работе отдела механизации.

Мне представляется, что этих, уже твердо установленных судом фактов достаточно для решения вопроса о степени причастности Чинокала и Горлецкого к организации. Но в то время как Чиконал, как заведующий отделом

механизации, повинен в том, что он, руководя отделом механизации, сознательно обманывал поставленного во главе отдела ответственного работника, сознательно производил нерациональные затраты народных средств на орудия производства, не только не принимал мер, но безусловно был осведомлен о нерациональной работе по распределению машин, производимой Горлецким, не только не препятствовал такому распределению, а поощрял это распределение, то отсюда вытекает, что по отношению к Чинокалу может быть только одно решение задачи: причастность доказана—Чинокал член организации,—тюремное заключение на достаточно продолжительный срок,—я бы определил—не ниже 5 лет,—должно быть тем решением, которое, в данном случае, должно принять Специальное Присутствие Верховного Суда.

Так стоит вопрос о Чинокале. Серьезней, однако, он стоит в отношении Горлецкого. Старый промышленник, человек старого закала и достаточно твердой воли, знающий человек,—он головой выше, в смысле выдержки, чем остальные подсудимые; сознательный классовый враг, презирающий новые порядки и новый строй, не приемлющий его, уверенный в его неизбежном крушении, в течение всего десятилетия не порывавший связей со старым миром и со старыми хозяевами, с 1922 года являющийся активным вредителем—инструктор Березовского, финансовый источник вредительства Донецко-Грушевского рудоуправления, специально, в качестве инструктора, вредитель, об'езжавший почти все рудоуправления Донецкого бассейна (в частности, вспомним факт направления им без нужды, без цели двух врубовых машин на Шердиновское рудоуправление), инструктировавший Власовское рудоуправление и Власовскую вредительскую группу, непосредственно имевший, как это установлено, связи по вредительству с Калгановым, Самойловым, Бабенко. О нем показывают как о члене-вредителе: Березовский, Калганов, Самойлов, Бабенко, Гаврюшенко, Башкин, Никишин, Братановский, Казаринов, Мухин, Калнин, связавший Мухина с Донуглем, связавший, таким образом, две родственные вредительские организации в одну, отчитывающийся о своей работе на совещаниях, антисемит (эта черточка, конечно, должна приниматься только как черточка, характерная для политической установки и политического мировоззрения Горлецкого), старый поклонник красновского лозунга—«единой и неделимой», рассматривающий Советскую власть, как наследницу Краснова, осуществившую его лозунг. Вот каков Горлецкий.

Нельзя пройти мимо Горлецкого без принятия во внимание и учета всех этих обстоятельств. Когда же еще внимательнее присмотреться к тому, как он здесь держался, с какой самоуверенностью и об'ективно-вытекающими из факта этой самоуверенности презрением и ненавистью он относился к советскому порядку к рабочему классу и к суду, как органу рабочего класса,—вопрос о дальнейшем отношении к Горлецкому представляется предрешенным. Элементарная логика требует уничтожения Горлецкого. Расстрел Горлецкого является, быть может, одним из наиболее выпукло вытекающих из всей совокупности обстоятельств актом самообороны от вредительства: не переделаешь этого человека, не исправишь, нельзя рассчитывать, нельзя думать, что в какой бы то ни было мере и степени он способен к восприятию не только советских идей, но даже к контактированной работе в пределах Советского государства. Мы не требуем от него перерождения, а мы вправе всегда требовать элементарной возможности доверия к его деятельности. Но и такого доверия к нему нет и быть не может.

При всех условиях, во всякой обстановке этот старый волк капитализма оскалит свои зубы и его старая волчья природа скажется.

Вот почему по отношению к Горлецкому расстрел представляет единственно возможную меру, которую должно применить в порядке охраны пролетарского государства, эту меру должно принять Специальное Присутствие Верховного Суда.

Кржижановский. Из молодых, да ранний. Молодой инженер, приставленный УНС к иностранным фирмам, приглашенный для работы по воссозданию нового Донбасса, докладчик Техническому Совету по ряду вредительских проектов, член-сотрудник вредительской Центральной организации, человек, одновременно состоявший на службе у Советской власти и иностранных предпринимательских организаций, получавший 325 рублей от

Советской власти и 300 рублей от фирмы Стюарт, и исполнявший ее поручения по проработке наиболее выгодных для этой фирмы заказов на те или другие проходческие проекты, вместе с тем вредитель—осведомленный точно о состоянии вредительской организации, о наличности вредительской организации, сверх того, взявший на себя исполнение функций по наиболее ответственным и серьезным поручениям политического характера,—таков Кржижановский.

Когда мы здесь разбирали обстоятельства и факты, относящиеся к периоду возвращения Матова из-за границы, мы разбирали и доклад Матова о его московских путешествиях и московских связях. При обсуждении новых форм и порядка связи контр-революционной организации с закордонной организацией, с зарубежной организацией, тогда же было постановлено, чтобы Харьковская организация продолжала лишь в исключительных случаях иметь свою самостоятельную от московского центра связь по определенной конспиративной линии и для исполнения этой самостоятельной связи был выделен специально Кржижановский. Он об этом сам нам рассказывал.

Дальше он рассказал потом, каким образом эти связи осуществлялись. На открытом судебном заседании я спросил Кржижановского—что же вы отрицаете: количество ваших посещений, или отрицаете самый факт посещений?—Мне было отвечено: я отрицаю количество.

Правда, на закрытом судебном заседании он пытался отрицать и самый факт, но подробнейший и внимательный анализ и осмотр того, как писались показания Кржижановского, какая часть писана рукой Кржижановского, какая часть писана рукой следователя, выяснение мельчайших деталей по этому вопросу, сравнения строки за строкой, страницы за страницей показаний Кржижановского в смысле максимальной проверки этих показаний, выявили абсолютную негодность того метода защиты, которого держался Кржижановский, настолько абсолютную негодность, что Специальное Присутствие сказало устами председательствующего: «Вопрос для нас исчерпывающе ясен, нет необходимости больше в обследовании этого обстоятельства». Это указание настолько было категорично, что, помнится, защитник спросил: «Что же теперь ему остается делать?»—Ему было отвечено: «Использовать свое право защиты своего подзащитного. Но для суда вопрос уже стал ясен».

Вопрос был выяснен полностью на судебном следствии тогда же в закрытом судебном заседании. Кржижановский является одной из тех фигур, которая, равным образом, должна быть отнесена к шпионской группе. Мы не можем допустить, чтобы на территории СССР имели место те факты, которые были установлены в отношении Кржижановского. Здесь ставится на карту безопасность государства. При таком положении вещей нет и не может быть аргументов, которые могли бы хоть в малой степени смягчить и тяжесть обвинения и обязанность, которая лежит на Специальном Присутствии Верховного Суда.

Я перейду теперь к группе подсудимых, связанных с Башкиным. Теперь, после того, когда выявлена роль Казаринова, роль Исая Башкина, роль Блеймана и его связь с вредительской организацией, под этим углом зрения должна рассматриваться и деятельность Башкина, Абрама, и лиц, непосредственно с ним связанных, и, в известной части, благодаря ему, привлеченных на скамью подсудимых. Кто такой Башкин?—В прошлом—инженер с большим стажем. По характеристике Кузьмы—дельный и толковый инженер. Я это должен напомнить, чтобы противопоставить это свидетельство Кузьмы, которому нет оснований в этом случае не верить, попыткам со стороны защитника Вормса на судебном следствии изобразить Башкина, как безграмотного инженера, не понимающего, что он говорит. Этот толковый и дельный инженер-электрик, уже по работе на ДГРУ непосредственно был связан с контрразведкой. Уже это характерно. Уже это характеризует его, как личность. В отношении к рабочим его приходится отвести к категории мордобойцев. Это подтвердил он сам, правда, он сказал, что однажды ему дали сдачи и что после этого он потерял охоту пускать в ход кулаки. Но если он нам здесь сказал, что он только один раз попробовал, то это еще не заставляет нас ему верить. А здесь были свидетели, которые рас-

сказывали, как они иной раз очень хотели бы ответить ему, как следует, но в те времена, если бы рабочий при господстве белых позволил себе оскорбить «господина инженера», результат был бы весьма и весьма аналогичный судьбе Поли и других расстрелянных белыми палачами.

Башкин, как вредитель, работал сначала до Чернокнижникова на Петропавловском руднике. Чернокнижников лишь, продолжил его работу по уничтожению и выводу из строя турбины. Затем Башкин перешел на Власовку и там продолжал работу вредителя, как главный механик Власовского рудоуправления.

Одним из методов его вредительства была организация перебоев в подаче электрической энергии, в результате чего страдало не только Власовское рудоуправление, но страдали и другие районы. Мы имеем данные, говорящие о прямой вредительской работе Башкина и по разрушению заводов: фенолового завода, брикетной фабрики и т. д. Центральную связь он поддерживал непосредственно, во-первых, с братом Исаем Башкиным, во-вторых, с Харьковом. Башкин относится, таким образом, к категории лиц, которые должны быть признаны старыми испытанными вредителями.

Он сам говорил, если ему верить, что чертежи Артемстроя, которые случайно оказались в его распоряжении, он хотел продать за тысячу рублей Отто. Хотел ли Отто купить у него эти чертежи или не хотел,— это другой вопрос, о котором мы будем говорить несколько ниже, но сам по себе тот факт, что он хотел продать те чертежи, которые случайно оказались у него в руках, чрезвычайно характерен для Башкина и с точки зрения его физиономии политической, и с точки зрения его физиономии моральной. В дальнейшем из области вредительства имеются его собственные признания, о том и как он вызвал вместе с Петровым пожар, и как он неправильно применял механизацию, и как он берег котельное хозяйство,—о всей этой вредительской работе он рассказал сам.

Мне представляется, что уже этого было бы достаточно для того, чтобы сказать, что по отношению к Башкину, Абраму Борисовичу, надлежит принять суровую меру. Но мы имеем, сверх того еще ряд данных о Башкине. Сюда относится тот оговор, который он допустил в отношении привлеченных по делу Мейера и Отто. От этого оговора Башкин сначала частично отказался, а затем вновь повторил его. О Мейере и Отто я сейчас буду говорить отдельно и оценивать их роли и их физиономию, но раньше два слова об обстоятельствах их привлечения. Не могла, не должна была Советская государственная власть, советские следственные органы пройти мимо указаний Башкина, о том, что немецкий монтер Мейер или немецкий инженер Отто принимали участие во вредительстве, не могла, не должна и не имела права пройти мимо заявления относительно того, что тем или иным путем при помощи их была установлена связь с заграницей, хотя бы путем пересылки этого плаща или этой шляпы. Но из этого еще не вытекает,— об этом я говорил уже вчера после перерыва,—что мы всякий оговор принимаем как безусловное доказательство. Вот почему после оценки всей физиономии Башкина, его политической физиономии, после оценки его нравственной фигуры, всю эту пинкертоновщину с плащем и со шляпой прокуратура отбрасывает сейчас в сторону.

Поэтому же мы ставим под вопрос сейчас оговор его о вредительской работе Мейера. Прокуратура не считает себя вправе поддерживать в таких условиях обвинение против Мейера и, используя свое право, отказывается от обвинения Мейера. Этим, однако, ни в малой степени не изменена обязанность прокуратуры подойти к уликовому материалу, который имеется против Отто, независимо от оговора Башкина.

Иначе ставится поэтому вопрос относительно Отто. Даже если отбросить оговор, в котором Башкин пытался оговорить его в закрытом заседании за две минуты до окончания следствия,—то отсаются другие данные. Позвольте, прежде всего, равным образом, во избежение каких бы то ни было кривотолков и неправильного трактования кем бы то ни было политики нашего уголовного законодательства, откинуть вопрос о политическом мировоззрении Отто и об его принадлежности к «Стальгейму». Мы не можем и не хотим запрещать ему думать как угодно, но мы имеем право требовать

от него, и требуем, чтобы он действовал в пределах советского закона. Я хочу поэтому подвергнуть анализу, прежде всего, с этой точки зрения, деятельность Отто в период Февральской революции и перед Октябрьской Революцией. Тогда он агитировал за то, что нужно гнать помещиков, однако, не потому, что это наши классовые враги, не потому что это помещики, а потому, что этими бунтарскими выступлениями ослабляется мощь России, усиливаются шансы для победы Германии. Я считаю нужным подвергнуть анализу этот эпизод из работы этого молодчика, чтоб показать, что это человек, который для того, чтобы добиться своих целей, не останавливается ни перед чем, не останавливается ни перед уважением к чужому народу, ни перед уважением к стремлению широких народных масс освободиться от гнета помещичьей кабалы, в которой они находились столетиями, человек, который расценивает порывы миллионов только с точки зрения своей узкой национальной колокольни, и не хочет, не умеет понять, что есть вещи, которые дороже и выше всяких национальных границ, есть вещи, которые во всякой стране всеми, имеющими и сохранившими в себе элементарные благородные чувства, ценятся, уважаются, которые никто себе не позволит ни опошлить, ни использовать в своих корыстных целях. Со стороны Отто была такая попытка,—в 1917 году, во время крестьянских волнений, накануне Октябрьской Революции, в период незаконченной империалистической войны.

Вот почему, беря и взвешивая этот факт, как характерный для определения содержания фигуры гр-на Отто, прибавляя к этому те его систематические перемены, которые он переживал, как он здесь нам рассказывал, — когда он бросался от крайнего монархизма к социал-демократизму, от социал-демократизма опять к монархизму, или своеобразному республиканизму; припоминая, наконец, те сказки, которые он нам рассказывал здесь о том, что политическая программа фашизма является чуть ли не чем то подобным или близким к коммунистической партии,—а он об этом нам так говорил, — мы считаем себя вправе поставить вопрос о социальной опасности Отто и прежде всего о том, в какой степени можно доверять словам Отто, когда, излагая нам здесь свои политические убеждения, он говорит, что не хотел вредить СССР. Мы не ставим ему в вину егополитических убеждений, — скажем вперед: можешь принадлежать и не только к «Стальгейму», но и к какой угодно политической группировке, — нас это не интересует, но мы вправе требовать от него элементарной искренности или по меньшей мере, чтобы он нас не считал за дураков.

А мы что имеем?—Я позволю себе указать только на его следующее заявление.

Отто заявил, что он, одновременно, был членом и «Стальгейма» и общества «друзей новой России». Ну, что же, очень хорошо, мы нуждаемся в друзьях, нам друзья ценны, у нас слишком много врагов, мы не можем пренебрегать друзьями. И вот к нам приехал этот «друг новой России», которая основана или строится, как известно, на началах революционного социализма и принципов революционного марксизма, — он приехал к нам членом общества «друзей новой России», а программа «Стального Шлема» говорит, что она «борется против ересей интернационализма, пацифизма и марксизма, ложность которых изобличена опытом».

Что же, думайте так, думайте сколько угодно, что мы на опыте уже доказали ложность интернационализма, марксизма, пацифизма и т. д. Но зачем же вам лгать, что вы «друг» новой России, зачем же утверждать это здесь? Кого вы хотите обмануть?—Думайте как хотите, но, приехавши сюда, не говорите. нам вещей, которые логически несообразны, если хотите, чтобы вам хоть в какой бы то ни было степени поверили и не пытайтесь обмануть нас пред'явлением этого билета члена общества друзей новой России.

Исходя из всего этого, также мы должны отнестись и к его об'яснениям по поводу того уликового материала о том, что Отто служил передаточной связью между контр-революционной организацией и контр-революционными вредителями СССР. Таким материалом является факт передачи им письма Казаринову, если бы это письмо было простым исполнением

просьбы, — пожалуйста, передайте письмо, — ну и передал, что в этом было бы дурного. — Ничего не было бы дурного. Но если Отто отрицает передачу письма, то почему он отрицает, исходя из чего он отрицает?—Мы знаем, что разговор с Блейманом, он это сам сказал, перед поездкой у него был и также с Рабиновичем после приезда. Мы имеем затем указание Казаринова, что Отто пришел к нему со словами: «почта для Матова». Это—слова, с которыми приходили и другие монтеры, «для Матова — почта». Но Матов и его роль в организации совершенно установлены. Отто ничего не дает кроме отрицания, но если, вообще, Блейману или Башкину нужно было выбирать доверенное лицо для передачи конспиративной группировке конспиративного письма, то спрашивается: подходил или не подходил с этой точки зрения для этой роли гр-н Отто. — Больше подходил, чем, скажем, Мейер, больше подходил, чем, скажем, Бадштибер, больше подходил, чем всякое другое лицо. Он человек, прекрасно знающий русские условия и русский язык, человек, в достаточной степени опытный и твердый, что тоже требуется для конспиративных поручений.

Тот факт, что он отрицал самое знакомство с Казариновым, хотя Казаринов был помечен в его записной книжке, хотя Отто и поздоровался с Казариновым, когда, случайно, встретился с ним в тюрьме—также не может быть забыт. Отто говорит, что он только сказал «здравствуйте». Выходит, что сказать «здравствуйте» — это не поздороваться, а что-то другое. По моему сказать «здравствуйте» — это и есть поздороваться. Отто говорит, правда, что это «здравствуйте» относилось к другим лицам. Но ведь это он говорит.

Вот почему мне кажется, нельзя считать недоказанным, или бездоказательным, утверждение прокуратуры, что факт передачи письма имел место. Вы скажете, что Отто мог передать, но мог не знать содержания письма. Тогда бы он не отрицал передачи, а здесь — прямое отрицание не только письма, но и знакомства с Казариновым, (что уже явная ложь), из боязни обнаружить факт своей осведомленности об организации.

Конечно, обвинение не может полагать, что совокупность этих улик является, в полной мере достаточной для того, чтобы здесь сказать, что безусловно установлен факт причастности. Это — один из тех моментов, часто встречающихся в судебной практике, когда недостаток прямых улик приходится восполнять рядом умозаключений, а вывод из них приходится относить уже на счет интуитивных решений, вытекающих из глубин судейской совести. Последняя должна решить, считает ли она или не считает достаточным собранный материал.

Я позволю, все таки, изложить как на этот вопрос смотрит прокуратура. Мало, конечно, поставить проблему перед судом, мы обязаны и предложить ее решение. Можем ли мы совершенно пройти мимо гр. Отто?—Нет не можем. Должны ли мы принять меры и если да, то какие меры?—Ну что же, наиболее правильной мерой было бы, конечно, предложение гр-ну Отто выехать немедленно из пределов СССР. Но, ведь, по-моему, он только поблагодарит нас за эту меру. Так вопрос не ставится. Это будет издевательство над судом и его решением.

Иностранец, прибывший к нам на практическую работу, должен считаться с теми порядками, которые у нас существуют, с тем строем, который у нас создан, должен считаться с законами, которые у нас существуют, должен считаться с задачами государственной политики, которые мы себе ставим. Мы не требуем себе содействия, но мы требуем непрепятствования нам. И поскольку имеются данные полагать, что было нарушено это основное условие, мы вправе принять меры обороны.

Я полагал бы, что тюремное заключение для Отто на срок, достаточный для того, чтобы он мог поразмыслить на досуге о том, как следует относиться к чужой стране, к чужим законам, к задачам социалистического строительства, которое мы проводим, будет наиболее соответствующей мерой репрессии. Срок по существу не важен — 6 месяцев, год, — это в конце концов уже техника, но прокуратура считает только такую постановку вопроса правильной, поскольку для прокуратуры факт передачи письма представляется, безусловно, установленным, а взятая во всей совокупности политическая установка Отто с 1917 г. и до настоящего времени является достаточной

для утверждения, что это было сознательное исполнение конспиративного поручения одной организации к другой.

В прямом участии в организации мы Отто не обвиняли никогда; ему пред'явлено обвинение в пособничестве, выразившемся в факте, который только что перед вами я изложил.

Итак, остается Бадштибер и сам Башкин. Относительно Бадштибера вопрос сам по себе ясен: он знал о тех разговорах, которые имели место со стороны других лиц, он принял поручение по передаче взятки,—он сам это признал,—он является взяткодателем. Это, во всяком случае, и при всех условиях остается доказанным, ибо и взяткодатель и взяткополучатель, оба признали этот факт. Бадштибер дал затем показание, что для него заведомо было известно состояние машин.

Я не имею права подвергать анализу документы, которые не приобщены к делу, я не имею права сопоставить заявления Зеебольда, с документами, имеющимися в деле, которые дали бы возможность показать степень достоверности клятвенных заявлений Зеебольда; поскольку остается доказанным все же голый факт дачи взятки, эти клятвенные признания Зеебольда уже возбуждают сомнения. Но поскольку эти документы формально не приобщены к делу, говорить о них не приходится, важно лишь отметить, что факт взятки установлен и признан обеими сторонами. Остается соучастие в смысле недоносительства, в смысле осведомленности Бадштибера об контр-революционных намерениях Зеебольда и Кестера.

Но если мы можем и имеем право требовать от гражданина СССР, чтобы он, узнав о контр-революционной организации, немедленно об этом сообщал, едва ли можно пред'явить это требование к Бадштиберу. Вот почему я думаю, что по отношению к нему вопрос стоит так же, как и по отношению к Никишину, т.-е. об условном приговоре за дачу взятки. Мне лишь приходится пожалеть, что то, что нам приходится раскрывать в порядке судебного следствия, может отразиться в частности на индивидуальной судьбе Бадштибера. Ибо как к нему, отнесутся его хозяева в результате его показаний — уже имеются у нас документы.

В отношении Башкина я поставил бы вопрос так: активный вредитель, в течение ряда лет, человек, нравственная и политическая физиономия которого достаточно выявлена. Нужен ли он в каком-либо отношении пролетарскому государству, нужен ли он в каком-либо отношении обществу трудящихся? — Не нужен. Это ответ из которого следует и практический вывод. Я считаю, что его нужно отнести к категории тех лиц, как Некрасов, Васильев, Андрей Колодуб, которых я считаю накипью, отбросом, в результате социального переустройства, людьми неприспособленными и не только неприспособленными, но и вредными, которые при всех условиях будут служить эмбрионами разложения, будут язвой на организме нового строительства. Расстрел Башкина является логическим выводом его действий.

Позвольте перейти теперь еще к двум персонажам, по существу к одному, наиболее привлекавшему внимание суда из группы периферийных работников контр-революционной организации — инж. Кузьме.

И позвольте, прежде всего, привести длинный перечень имен и лиц, показывающих разновременно, допрошенных разными лицами, при разных обстоятельствах, о прикосновенности Кузьмы к контр-революционной организации. О нем показывают: Березовский, Калганов, Бабенко, Горлов, Гаврюшенко, Самойлов, Соколов, Бояринов, Матов, Братановский, Сущевский, Будный, Башкин, Андреев, Кржижановский. 15 человек, 15 показаний, данных разными людьми, в разное время, при допросе различными органами следственной власти. Это уже не оговор, это уже нечто гораздо большее, это уже нечто гораздо более весомое, в смысле доказательной силы, в смысле признания ценным этого уликового материала.

Как они показывают? — Бабенко показывает о личной беседе, Горлов показывает о совместной работе, Бояринов показывает о совместной деятельности, Матов, Братановский, Сущевский — равным образом, как о члене организации, Башкин—о совместной работе, Будный—о передаче конспиративного письма. Кржижановский об осведомленности и, наконец Андре-

ев—как о лице, которое он видел на конспиративном совещании. Разные данные и в разной форме, с указанием различных обстоятельств и различной обстановки. Есть ли противоречие среди этих показаний?— Нет. Признает ли сам Кузьма об'езды Донбасса, которые он совершил два раза в период своих попыток выехать за границу?—Признает. Собирание сведений — признает ли его сам Кузьма? — Признает. Он говорит, что сведения интересовали его лично. Быть может. Но интересовали ли они других лиц? — Интересовали. Дворжанчика они тоже интересовали, — об этом мы знаем, это тоже является точно установленным фактом. Методы собирания сведений установлены ли также на суде? — Установлены. Нам тут пытались показать, что, мол-де, эти сведения можно было получить в Донугле, но это же не аргумент.—Конечно, можно получить, но какие? Гораздо вернее, гораздо лучше и точнее, и полнее, можно было их получить там на месте, когда приехал один член организации к другому члену организации. Тот факт, что это были сведения о состоянии подземных работ, о залегании пластов, о наличии запасов, — т.-е. как раз о том, что нужно было старым владельцам — тоже важен. Поэтому такого рода аргумент не может поколебать установленности основных фактов.

А Ялтинское совещание? — Имело ли оно место? — Имело. Мог ли это отрицать в полной мере сам Кузьма?—Нет. О чем там беседовали на Ялтинском совещании, по показаниям Бояринова? — Беседовали о методах вредительства, а в более смягченной форме он сказал — беседовали о неполадках и т. д. Входила ли в план работ такая взаимная осведомленность, даже если стать на точку зрения Кузьмы, что имела место случайная встреча, а не заранее условленное совещание? — Да!

Имеются указания Матова на эти же об'езды Кузьмы и распоряжение организации собрать определенные сведения. На Ялтинское совещание указывают определенно и Бояринов, и Соколов, и Березовский, все указывают, что там присутствовал Кузьма, — все это не может быть сброшено со счетов.

Теперь позвольте проследить деятельность Кузьмы в период его работы, как инженера, на различных рудоуправлениях.

Но, прежде всего, пару слов о биографии Кузьмы. Нам приходится подробно останавливаться на этой части уже потому, что здесь приходится оперировать с мелочами, подбирать одну мелочь к другой, сопоставлять, строить здание обвинения на основании выводов, часто незаметных, и сравнительно ничтожных фактов.

Кузьма — выходец из мелко-мещанской, ультра-религиозной и шовинистически, националистически-настроенной семьи мелкого землевладельца Гродненской губернии. Его готовили, как полагается всем мелким мещанам старой Польши, к деятельности ксендза, к духовной деятельности «пастыря душ». Это выгодная, с точки зрения мелкого мещанства, профессия, пользующаяся большим уважением среди наименее культурных слоев населения, всегда сопровождающаяся и определенным материальным достатком. Эта карьера представлялась с их точки зрения наиболее желательной для Кузьмы. Кузьма сумел отбиться от этой дороги, сумел почувствовать, возможно, не столько ложь и фальшь, сколько недостаточность размаха для своей работы на этой дороге. Человек энергичный, настойчивый, обладающий достаточной силой воли и с широким, сравнительно со всеми остальными, размахом творческой мысли и ума, он не мог, конечно, замкнуться в эти узкие рамки работы, постоянно, сплошь, осуждавшей его сверх того на необходимость лгать, лгать и лгать. Он ушел от этой работы, но черточки иезуитизма воспринял полностью. Определенный заряд иезуистских навыков и подходов к разрешению ряда вопросов остался у него от этой подготовки.

Кузьма—студент. Первые годы своей работы на студенческой скамье, вынужденный бороться в тяжких условиях за кусок хлеба, Кузьма приобрел необходимую для жизненной борьбы жесткость, настойчивость, твердость, и в то же время требовательность к себе и ко всем тем лицам, с которыми он сталкивается. Он умеет подчинять людей, он умеет, как и Матов, приказывать и требовать исполнения. В его томе имеются показания инженера, ведавшего плановом бюро на Власовском рудоуправлении, о том, как Кузьма не терпел возражений и как возражающих заставлял либо подчиниться,

либо уйти. То же самое о нем показывает Горлов. Кузьма на своем участке работы считал, что он хозяин, перед которым все остальные должны молчать.

В первые годы своей студенческой учебы Кузьма делит свой досуг между погоней за заработком и состоянием в довольно неоформленной студенческой организации «Одродзене». Это—какая-то полумистическая, полусветская, полудуховная организация идеалистически настроенной, совершенно неразбирающейся в области политических вопросов молодежи.

Конечно, практический, или, как он говорит, математический ум Кузьмы не мог примириться с мистическими бреднями этой организации и он скоро оттуда ушел, поставив своей задачей более реальные и практические цели: прежде всего, жить, прежде всего—устроиться, укрепиться, так сказать, зацепиться за что-нибудь, а потом уже плыть.

Жизнь впервые ставит в этот момент перед ним серьезную проблему: вспыхивает в 1914 г. империалистическая война. Перед польской студенческой молодежью встает проблема, и перед Кузьмой тоже встает проблема, куда итти, где быть. Запас молодого идеалистического энтузиазма толкал в то время массу польской студенческой молодежи за кордон, в ряды австрийских войск, помогать драться против царской России за «освобождение» Польши.

Пошел ли Кузьма по этой дороге?—Нет, не пошел. Почему?—Что дала бы ему эта дорога? Считаться народным героем после того, когда будешь с пулей в груди или разорванный шрапнелью валяться в каком-нибудь болоте на полях Галиции? Математический ум Кузьмы никак не мог примириться с такой перспективой, он предпочел поэтому остаться и не пойти за всеми. Правда, он приводит и некоторые иные идеологические обоснования, почему он в тот момент не пошел за всеми. Он об'ясняет это личными переживаниями того времени, переживаниями совершенно суб'ективными, индивидуального характера, связанными с его личной жизнью. Может быть. Почему не дать такого обоснования. Может быть, это было так, но может и не так. Но и это об'яснение, если хотите, тоже характерно.

В дальнейшем, после 1916 г., Кузьма на производстве, Кузьма—молодой инженер, Кузьма — инженер, не связанный со старым миром,—он кончил только в 1916 году. И вот во время его пребывания на производстве, перед ним жизнь ставит вторую проблему—февральскую, а затем Октябрьскую Революцию. И Кузьма—член Совета Рабочих Депутатов в своем районе — восторженно принимает февральскую революцию, бросает вместе с другими лозунги — вся земля народу, фабрики рабочим. Это было в тот медовый месяц революции, о котором Ильич писал, что в этот момент Россия была самой свободной страной во всем мире, и когда поэтому можно было безнаказанно бросать всякие лозунги. Бросает этот лозунг также инженер Кузьма, хотя, конечно о всей политической глубине содержания этих лозунгов не думает. Но как только стал вопрос о дальнейшем политическом самооформлении, как только жизнь практически поставила вопрос — не только бросать лозунги, а и найти свое место в практической борьбе и сделать практические выводы из этих лозунгов, как только жизнь поставила вопрос о том, чтобы приступить к работе по осуществлению этих лозунгов, то Кузьмы уже нет... Кузьма—инженер, Кузьма—деляга,. Кузьма политикой не интересуется.

Это можно поставить в параллель с его решением не итти в Галицию на службу ради освобождения Польши. Кузьма ушел от политики, но политика сопряжена с риском, а Кузьма не любит рисковать.

И вот, Кузьма перед Октябрьской Революцией. Но Октябрьскую Революцию, он, как говорит, «не заметил», Октябрьскую Революцию и ее содержание он не воспринял: так, что-то было, там, где-то далеко, а у нас... у нас все спокойно.

Так ли было на самом деле?

Так на самом деле не было и не могло быть. Так не было. В Донбассе обильно полито кровью жертв гражданской войны, кровью рабочих, которые понимали за что они дерутся, которые меняли сегодня шахтерскую лампочку на винтовку, и завтра винтовку на кайло. Рабочие знали, за

что они дерутся. Для рабочих был ясен смысл Октябрьской Революции, а для Кузьмы?.. Кузьма не заметил, для Кузьмы смысл не был ясен. Впрочем, Кузьма делом скоро показал, что уже не так он был неосведомлен о том из-за чего шла борьба. После революции в январе 1920 года мы застаем Кузьму в качестве управляющего Пастуховским рудником. Кузьма, Детер, Шадлун и Некрасов—вот четыре фигуры, действовавшие там в то время, и разрешите теперь подробно остановиться на инциденте с Пастуховским и Берестовско-Богодуховским рудниками. Роль Детера, имевшего определенные директивы от Сулинского акц. о-ва—сохранить во что бы то ни стало Пастуховку, нами установлена. Роль Шадлуна и Некрасова, имевшего задание от Ремо и бывших своих акционеров—сохранить их достояние—Берестовку, хотя бы идя на временное затопление—нами установлена также. Берестовка была затоплена. Но Кузьма говорил:—«Берестовско-Богодуховский рудник затоплен в январе. Я же сделался членом рабочего правления только в феврале. Я на две недели опоздал вступлением в члены рабочего правления, или, вернее, шахта была затоплена за две недели до того, как я получил к ней фактическое прикосновение, как я вошел в члены рабочего правления». На судебном следствии был спор о том, когда была затоплена шахта—в апреле или январе. Если в январе,—Кузьма в этом случае не имеет отношения к затоплению,—если в апреле—Кузьма—член рабочего правления, мимо него не могло пройти затопление шахты № 14. Призвали свидетелей. Свидетели показали—в апреле. Мы спросили Кузьму, Детера, Ивана Ивановича и Шадлуна, они сказали—в январе. Трогательное согласие обвиняемых и разительное расхождение со свидетельскими показаниями. Мы решили истребовать еще двух свидетелей. К сожалению, эти свидетели не могли явиться к концу судебного следствия. Один из них не был розыскан, другой болен. Но пришли документы, документы, писанные рукой Кузьмы, и рукой Кузьмы доказано, что затопление Берестовки произошло с ведома рабочего правления, в котором состоял Кузьма. А другое указание, другой документ прямо говорит о том, что выдача нагара всех этих насосов, в результате чего окончательно остановилась шахта и была затоплена полностью,—имели место в апреле. Лишь с февраля приостановилась добыча, а в апреле произошло окончательное затопление. Добавим показания Детера, что он сговорился с Кузьмой об исполнении директив Сулинского общества об оборудовании Пастуховки, установим, что вся дальнейшая работа Кузьмы в рабочем правлении была направлена непосредственно на точное, буквальное исполнение этой директивы—оборудовать как с иголочки Пастуховский рудник. И вывод будет ясен. Мы спрашивали затем свидетелей-стариков, которые 20 с лишним лет работали на этих рудниках—какой ценности оба эти пласта.—Они сказали, что пласты Берестовско-Богодуховского и Пастуховского рудников—одни и те же пласты. Но если спросить—можно ли сейчас восстановить Берестовку—оказывается нельзя. Растащена ли Берестовка?—Растащена. А оборудована Пастуховка?—Оборудована. Кузьма оправдывается тем, что не все растащено по его распоряжению. По его распоряжению растащена лишь часть—эстокады и что-то еще в этом роде. Разве все дело в том,—кто кончил разрушение, или кто начал разрушение.—Важно, что директива исполнена на 100%. А у нас есть кроме того показания Андреева о получении Кузьмой денег за работу по Пастуховке. А когда все это было?—Это относится к 1920—1921 году, это был период, когда еще нельзя было там в Донбассе твердо сказать: какая власть восторжествует—белая или красная.—Инженер Кузьма, который только что работал с белыми, который теснейшим образом был связан с Детером и Иван Ивановичем Некрасовым, получившими директиву от своих хозяев относительно этих шахт,—разве похоже, чтобы инженер Кузьма восстал бы тогда против окружающей среды, поверил бы больше в прочность Советской власти, чем в силу бывших хозяев и воспротивился бы директивам, даваемым старыми хозяевами. Откуда у Кузьмы вдруг явился бы такой запас привязанности к Советской власти и такое недоверие к старым хозяевым.—Этого не было и не могло быть.

Дальше, почему ушел Кузьма с Пастуховым?—Мы на судебном следствии спрашивали об этом и были указания на то, что во всяком случае

он ушел оттуда не по своей воле. А вот заявление Овчарека на 55 стр. стенографического отчета 17 дня судебного процесса—утреннее заседание: он неохотно уходил со Щегловки, так как это был для него ценный рудник... но в виду того, что были некоторые подозрения, что он находится в связи со старыми хозяевами, Кузьма предпочел уйти. Кузьма ушел. Значит уже тогда ставился вопрос о его связях. Вот обстановка, обрисовывающая первый эпизод работы Кузьмы в период его работы на Щегловском рудоуправлении. Перед уходом маленький, но знаменательный факт—факт с тиглями. Платиновые пластинки были случайно в «бесходном» состоянии, сегодня одни хозяева, завтра другие, отчетность была в полном хаосе, а пластинки—вещь ценная. И вот, предприимчивый Иван Иванович Некрасов предлагает эти платиновые пластинки разделить. Кузьма говорит: я знал об этом деле. Иван Иванович говорит, что часть пластинок пошла также Кузьме. Если трое знали, двое взяли, почему третий не взял.—Двое признались, а Кузьма говорит—нет. Тут, конечно, вопрос ставится таким образом: а что Кузьма деньги любит или нет?—А мы по этому поводу имеем ряд показаний, ряд мелких штрихов, которые для него чрезвычайно характерны. Кузьма человек, который вышел из мещанской среды, который прекрасно знал лозунг Чичиковского отца: «Береги и копи копейку, все продадут, все обманут, последний друг продаст, последний друг обманет, только копейка никогда не продаст, никогда не обманет».

Вот лозунг мещанина в его чистом виде. Этот лозунг Кузьма принял еще с первых детских лет и остался ему верен до конца. Позвольте привести характерное для Кузьмы, им лично присланное требование, где он ставил условие оплаты для себя, как главного инженера—1.000 р. жалованья в месяц, уплата всех налогов за государственный счет, 5.000 тантьемы, двухкратное увеличение еще через некоторое время, легковой автомобиль, бесплатная квартира и т. д. Он о себе не забывал—этот инженер Кузьма. И не даром он исчислял свою материальную добычу в количестве 9.000 р. в мес. Так не всякий инженер получал. Эта сторона жизни для Кузьмы означала многое. Эту сторону жизни он ценил очень и очень и поэтому показания Ивана Ивановича о тиглях не только не неправдоподобны, а, наоборот, очень правдоподобны. А отсюда и другой вывод: политика опасна, если в нее ввязываться с головой,—но если за политику платят...—Если за политику заплатят хорошо, то можно подумать. А если вести дело умело, так, чтобы с внешней стороны все было блестяще, и если за это с обеих сторон заплатят, заплатит Советская власть, согласно пред'явленному документу 1.000 р., плюс все налоги, и заплатят хозяева,—почему не пойти.— Вот на какой почве развертывается вредительская работа Кузьмы.

Власовское рудоуправление он принял, когда производство на шахте «Артема» было его предшественником Чумичевым, за период с 1921—24 г. повышено на 100%. С 17 млн. пудов добыча возрасла, кажется, до 35 млн. В условиях 1921, 1922, 1923 гг. такая возможность об'ясняется двумя моментами. С одной стороны, об'ективно неизбежен был рост добычи, поскольку шахта в дореволюционное время давала 35 млн. пудов и, конечно, при большей устойчивости политической и экономической производство должно было достигнуть довоенного уровня. Правда, при Чумичеве, недочетов было много, оборудования не было, квалифицированной рабочей силы не было, не была разрешена транспортная проблема, тяжело было с продовольствием но тем не менее, добыча на 100% выросла.

И тут явился Кузьма и поставил задачу довести добычу до 120 тыс. пудов в сутки, т.-е. увеличить добычу еще на 100%. В годовом итоге это составляло около 60 млн. Я ставил вопрос об этом на предварительном следствии. Что это?—Экстраординарный рост?—Нет, это общий всему Донбассу темп роста в восстановительный период после депрессии 1921—22 г. Но Кузьма работал в более лучших условиях по сравнению с теми условиями, в которых работал Чумичев. И он добился увеличения еще на 100%. Но, как он работал?—Каковы конечные результаты этой работы? Мы имеем по ш. «Артем» Власовского рудоуправления (я цитирую соответствующие страницы стенограммы допроса Чумичева) следующую картину:

Я спрашивал, уточняя результаты, к которым пришла ш. Артем, «Результаты выхода определенных сортов на рынок из Власовского рудоуправления сводились к следующему: общему ухудшению качества продукции?

Чумичев: Да.

Я: Общему ухудшению качества, отражавшемуся коммерчески невыгодно и для народного хозяйства и для Донугля?

Чумичев: Да.

Я: Это в области наиболее ценного сорта. А в области кулака—тоже получалось ухудшение его качества через его загрязнение?

Чумичев: Да.

Я: И, наконец, в области самого низкого сорта штыба получалось ли увеличение процента штыба?

Чумичев: Да, получалось и увеличение процента выхода штыба.

Я... А затем, не было ли здесь со стороны Кузьмы прямого обмана Донугля, когда под видом штыба в кочегарке сжигал семячко и другие более ценные сорта угля?

Чумичев: Да».

Итак, вот итоги работы Кузьмы. Ухудшение качества добычи в виде уменьшения добычи более ценных сортов, уменьшение качества средних сортов, сокращение выхода товара менее ценного для рынка, но все же пригодного для рынка, в виде семячка, сжигаемого в кочегарке, увеличение процента выхода бесценного сорта угля, в виде штыба. И, в результате, коммерческая невыгодность для Донугля, во-первых, коммерческая невыгодность для народного хозяйства. во-вторых, и коммерческая выгодность для Власовского рудоуправления, в смысле получения топлива для кочегарки, в виде сжигаемого семячка и выгодность личная для Кузьмы при представлении окончательных балансовых итогов в Донуголь, как инженера, выполнившего задания по увеличению добычи сверх предуказанного масштаба.

Вот метод Кузьмы: показной эффект, а в итоге вредительство.

Этим все не исчерпывается. Кузьма—новатор. Кузьма—смелый творческий ум. И вот смелый творческий ум ставит опыты, он работает бремсберг № 3, он работает бремсберг № 70, в котором он ставит вопрос так: в этом году я попытаюсь провести скреперную систему, я поставлю опыт доставки угля от забоя скреперами. Этот опыт об'ективно сопряжен с дроблением плиты, но еще терпим на расстоянии 100 или 150 метров, когда волочимый скреперами уголь измельчается в определенном проценте. Но Кузьма сказал, а что, если я буду волочить его 300 метров.—Посмотрим, что от этого получится. Он ставит этот опыт,—что от этого опыта получилось 40% ухудшение качества добычи—это неважно. Зато сделан опыт. Что 10% из 35-миллионной продукции шахты будет обесценено, это неважно, опыт сделан, и на этот год 10% продукции сброшено со счетов. Это есть вредительский акт, проделанный под видом опыта. Но нельзя же вечно делать невыгодные, неудачные опыты. На другой год придумывается другой опыт, на другом бремсберге, в другом порядке, путем системы «ВИ», а в результате... еще 10% добычи долой, 10% добычи богатейшей шахты, 10% ценной продукции.

Вот метод Кузьмы. Он делает опыт, он новатор, и под видом новаторства он вредит. За это ему, как новатору, как смелому талантливому инженеру платит денежки и Советская власть, платят денежки и старые хозяева.

Ну, а его работа на Несветаевском руднике?—Мы подходим к анализу его проекта в ш. Скачинского.

Вопрос ставится здесь так: Кузьма утверждает: «плита—пережиток, в крупных кусках поставлять ценный антрацит на рынок не стоит». И опять налицо тот же вредительский метод: «Я новатор, я говорю—плиту не нужно хранить, давайте пускать ее на рынок в раздробленном виде». Экспертиза тоже подтвердила, что в смысле тепло-техническом хорошо обогащенный кулак и плита равноценны. Но пока что рынок просит плиту, пока переработаешь или перевоспитаешь рынок,—до тех пор об'ективно это обозначает выход на рынок менее ценных сортов угля. Это же факт, от этого же факта не уйдешь, это есть реально овеществленный, выраженный в умень-

шении общей стоимости, в денежном выражении, продукции—факт. Об'ективно, это есть, тем не менее, вредительский акт.

И Кузьма говорит: мы введем скиповую систему. Скиповая система применяется у нас впервые, сделаем опыт. Опять опыт!—Экспертиза сказала: делайте, друзья милые, опыт, но когда делаете опыт, надо делать его не на пятидесятимиллионной шахте—этот опыт слишком дорого стоит, может быть лучше делать раньше опыт поменьше. Кузьма несогласен, он сразу делает опыт в размахе 50 миллионов: 50 млн.—так 50 млн. А повернуть от этого опыта назад, в случае неудачи, можно?—Этот вопрос был поставлен экспертизе. Кузьма ответил экспертизе: «у меня была запасная клеть». Но экспертиза говорит, что одновременно использовать и клеть и скипы невозможно, значит поворот назад невозможен.

Какой же процент обесценения продукции получается при скиповой системе, об'ективно и неизбежно.— Мы приняли в расчетах очень незначительный процент, 2—3%, в то время, когда практика Германии показала на их угле до 7%. Вот процент негодного угля, который приходится учитывать, как заведомо обесцененного. Мы помножили процент этой заведомо обесцененной продукции на общее количество 25 лет эксплоатации шахты, при добыче в 50 миллионов, и получили в итоге, что стоимость обесцененной, благодаря скиповому методу, продукции в 16 миллионов рублей. 16 млн. выброшены из народного хозяйства. Это—факт.

Но если мы поставим даже так вопрос, поверим, что Кузьма мог и хотел компенсировать этот убыток уменьшением себестоимости, благодаря тому, что сразу получилось бы большее количество добычи,—то ведь этот вопрос можно ставить только теоретически. Экспертиза сказала, что это понижение себестоимости гадательно. Кузьма сказал: «я считаю, что это так», но мы не обязаны верить Кузьме, на то мы и вызвали экспертизу, а она сказала, что гадательно это уменьшение себестоимости. Но пока что, пока не было сортировки, так как для того, чтобы эта плита, раздробленная вверху, выходила в качестве, действительно, ценной продукции на рынок, необходима была новая большая сортировка, пока что получилось?—При отсортировке продукции теми аппаратами, которые имели место, мы имели налицо опять то же ухудшение продукции, которое получалось на Власовке, когда проводилось смешение различных сортов угля. Но не это окончательно решает вопрос, а решает вопрос следующее положение вещей. Радикально разрешающей вопрос является следующая проблема, поставленная мной перед экспертизой: можно или нельзя было поставить вопрос так—избежать недостатков скреперной системы, путем постановки конвейерной системы, избежать недостатков скиповой системы путем сохранения, может быть, видоизмененной клетьевой системы?—Мы ответим—можно было. А какой при данном сечении ствола мы получили бы максимальный, в таком случае, размер добычи?—Нам ответили—40 млн. Итак, 28 млн. получалось при системе Калнина, при его недостатках, 48 млн. по системе Кузьмы, со всеми недостатками его системы, и 40 млн. добычи по системе, которая была об'ективно возможна и которая избегала бы недостатков обеих систем. Вывод: оба проекта носят в своем содержании зародыши вредительства, оба проекта и калнинский, и кузьминский, содержат в себе эти элементы, ибо их авторы— и тот, и другой—были причастны к вредительской работе и от этого уйти нельзя. А затем встает еще следующий вопрос. А как уйти от факта, что от фактов, что проекта Кузьмы в готовом виде еще нет?—Проект, Калнина все же готов, оборудование уже прибыло, определенные затраты сделаны для нового проектирования, опять нужно время, от этого уйти нельзя при всех условиях.

Если эта задержка, даже по расчетам Кузьмы, равнялась шести месяцам, получаем: если задачей вредительской организации являлась задержка пуска в ход эксплоатации наиболее ценных пластов, то эта задача достигалась проэктом Кузьмы. Он говорит: не все ли равно, и Калнин, и я должны были начинать с 20-миллионной добычи. Но разве это аргумент за вас?—Нет, это аргумент против вас.

Третий проект Кузьмы—переоборудование шахт №№ 140, 141 и 142, о которых сказал Бояринов, что Кузьма сказал ему: перепроектируются так,

чтобы потом повысить добычу, а пока остановите и ту, что есть. Опять тот же метод, та же система вредительства.

Мне, полагаю, как и многим другим, очень хотелось бы видеть Кузьму в рядах советских инженеров, работающих и приносящих свои недюжинные таланты на пользу развития советской индустрии, мне, как и многим другим, очень хотелось бы верить, что Кузьму можно будет использовать для развития промышленности. У нас мало энергичных инженеров, у нас мало знающих инженеров, но у нас, как показал суд, достаточно вредителей и потому увеличивать их число еще одним... мы не можем.

Вот почему в отношении Кузьмы должен быть поставлен вопрос так: Кузьма—член вредительской организации, Кузьму—расстрелять. Кузьма—не член вредительской организации,—Кузьму—оправдать.

Обвинение со всей категоричностью поддерживает первый тезис. Обвинению представляется установленным и доказанным 14-ю человеками, что Кузьма—член вредительской организации. Об этом говорят: анализ работы Кузьмы на Пастуховском руднике, анализ его работы на Власовке, работа на Несветаевке. А вот как о нем пишет Братановский: «Среди членов организации, безусловно, были такие-то», в том числе указывает Кузьму.

Вот почему мне представляется, что в данном случае нельзя ставить вопрос иначе.

Об'езд Донбасса, Ялтинское совещание—это разве мало? Поскольку же импульсом всей его работы являлись, прежде всего, деньги, они сыграли свою роль и при решении вопроса, входить или не входить в организацию. Он решил так: буду и там, и там, буду служить и тем, и тем,—какая-нибудь из этих кривых вывезет. Но кривая—всегда кривая. И две кривых сомкнулись и в точке пересечения оказался Кузьма.

Еще два слова об истории с кнапповскими машинами и заявлении Бадштибера о взятке, данной Кузьме. Точно установить, где и в чем ошибся Бадштибер, когда говорил о составе приемочной комиссии в Сталино, дать сейчас очень трудно. Данные следственного производства и дополнительных следственных действий, которые по этому поводу произведены, не дают возможности с достаточной достоверностью сказать,—что же на самом деле было? Но если мы это заявление Бадштибера, несколько раз им повторенное, сопоставим с фактом, что Зеебольд был из тех, которые, видимо, не гнушались тем, чтобы давать взятку за приемку машин бракового характера, если сопоставить это с отношением Кузьмы к деньгам, то отнюдь не представляется исключенной и эта версия взятки. Нам нужны хорошие инженеры, но нам не нужны вредители и нам не нужны не честные инженеры. Вот почему мы поддерживаем тезис о применении к Кузьме высшей меры репрессии.

Этим решается вопрос и об Овчареке—этом двойнике Кузьмы, его помощнике по Власовке и Несветаевскому руднику. Конечно, здесь нельзя говорить об обязательном применении высшей меры—я полагаю достаточным тюремное заключение, чтобы изолировать Овчарека и отделить его от производства.

Остается московская группа.

Задачей нашей не является сейчас обследование вопроса о работе, так называемого Московского центра во всем его об'еме, как не является задачей нашей уяснение и проверка правильности косвенных или прямых указаний о связи этого, так называемого, Московского центра, с другими отраслями промышленности и другими организациями. Нам важно лишь уяснить степень связи указанных здесь трех лиц с деятельностью Харьковского центра, нам важно уяснить, в какой мере они обслуживали Харьковский центр, могли быть этому Харьковскому центру полезны. Прежде всего, однако, несколько слов для характеристики тех трех лиц, которые находятся на скамье подсудимых по обвинению их в участии в Московском центре. Двое из них являются постоянными членами совета с'ездов горнопромышленников юга России, один из них являлся постоянным членом, почетным членом совета с'ездов. Отсюда вытекает гораздо большая степень доверия, которым могли эти лица пользоваться в среде старых властителей и диктаторов каменноугольной промышленности, отсюда вытекает большая степень пригодности, именно, их с точки зрения исполнения контр-революционных заданий промышленников за границей.

Служебное положение этих лиц, действующих в центральном управлении промышленностью, являлось не меньшей приманкой для представителей заграничных контр-революционных организаций.

Какой смысл вести длительную, сопряженную с рядом возможных провалов связь с отдельными работниками, на отдельных шахтах, когда можно с установлением связи с работниками ВСНХ оказывать прямое воздействие на общее направление работы в отношении всего Донбасса в целом, когда можно при помощи установления связи с центральной организацией в ВСНХ, в Москве, фактически продолжать осуществлять ту директивную направляющую роль, которую исполнял совет с'ездов горнопромышленников юга России в дореволюционные времена. Так ставится практическая проблема и не может быть двух ответов на этот вопрос, о большей целесообразности использования этой связи. Конечно, такая постановка дела является наиболее приемлемой, практической, удобной и целесообразной. Вот почему с этой точки зрения мы оцениваем вполне правдоподобное заявление Скорутто, Матова и других лиц о том, что в определенный период времени на рубеже 1926 г. за границей был поставлен вопрос о ликвидации непосредственной связи Харьковской организации с закордонным центром и о сохранении этой связи с заграницей лишь в исключительных случаях, и о передаче этой функции в Москву. Это заявление следует оценивать как вполне логическое, вполне своевременное и вполне целесообразное практическое решение.

Вот что приходится здесь оправдать, логически установить целесообразность существования Московской передаточной группы, если мы будем рассматривать ее отвлеченно, как передаточную группу, мы отвлечем ее от связи с другими организациями и будем сепаратно рассматривать ее лишь как направляющий из-за границы рычаг всего контр-революционного механизма в Донбассе.

К этому нужно добавить второе соображение. И денежные средства было гораздо труднее переслать при помощи отдельных индивидуальных поездок, индивидуальных передач. Если установлено, что в достаточной степени был уже обеспечен сам по себе известный путь, то централизация передач, как централизация всякого дела, несет с собой экономию сил, несет за собой экономию средств, несет за собой экономию времени и, что еще важнее для конспиративной организации, экономию людей. Вот почему и это соображение, равным образом, должно быть принято во внимание, чтобы об'яснить, что толкало, что могло толкать, что служило импульсом к передаче этой функции в Москву.

Третье соображение: связь осуществляется определенным путем. Этот определенный путь не был из тех путей, которые можно было доверить всякому; этот путь был таков, что нужно было трижды подумать, прежде чем решить послать кого-либо быть организатором этого пути. Здесь важно было испытанное лицо. Одновременно, здесь важно было иметь лиц, знающих прекрасно дело каменноугольной промышленности, дело покрывательства вредительской работы, производимой на местах и выявления напоказ этой вредительской работы так, чтобы те, кому надлежит глядеть и понимать и разуметь, не разумели бы того, что им показано.

Скорутто об этом говорил. Скорутто говорил о покрывательстве отчетов Донугля, о представлении ответов Донугля в ревизионной комиссии в ВСНХ, таким образом, чтобы доклад ревизионной комиссии о неудовлетворительном состоянии работ Донугля отвергался совещанием, что всякий раз, когда ревизионнные комиссии признавали неудовлетворительность работы Донугля, ВСНХ, после обсуждения, принимал и признавал эту работу удовлетворительной.

Вот один из конкретных образчиков того, почему так важно, почему так необходимо было для закордонного центра иметь своих людей в ВСНХ.

Ну, а Госплан?—Госплан есть орган планирующий, есть орган, который в нашем советском хозяйстве, в нашей системе советского хозяйства, является органом, которому предстоит все большее и большее будущее, мы сейчас уже строим планы по развитию нашей промышленности на 5 лет, на 10 лет. Ясно, что здесь иметь своих людей—в с е.

Это важно было и еще по одному соображению: большевистская власть отличается одним качеством—определенной последовательностью, настойчи-

востью, жесткостью и требовательностью в исполнении того, что она поставила своей целью. Она умеет добиваться своих целей—это одна из характерных черт и особенностей большевистской власти. Она знает чего она хочет и она умеет добиваться того, чего она хочет. Вот почему, когда строится план, пятилетний или десятилетний план развития, то это значит, что этих раз поставленных целей, если их вредительски во-время не парализовать,—большевики добьются.

Вот отсюда—ценность иметь людей в Госплане, отсюда—ценность иметь работников, которые могли бы в этой области сделать то, что нужно для вредительской организации. Это не вопрос о каком-нибудь четырехногом копре, это—вопрос о всем будущем Донбасса, о всем будущем страны и будущем революции. Отсюда вытекала важность, которую должны были придать заграничные центры центральной организации в Москве.

От этих общих соображений, которые могли и должны были обосновать целесообразность перенесения центра в Москву и связей с закордонными центрами, и важность самой этой организации,—разрешите перейти, уже не отклоняясь в сторону, к рассмотрению уликового материала в отношении 3-х москвичей.

На первом месте здесь стоит Именитов.

Я позволю себе остановиться на тех данных, которые прошли перед вами в первую голову, на показаниях Андреева. Не только один Андреев называл Именитова, когда мы рассматривали работу Юзовского района, Мушкетовки. Детер и Именитов явились лицами, которые вовлекли Андреева в контр-революционную работу. Детер—это тоже отрицает, Именитов отрицает. конечно, но что же из этого. Тем не менее, фактическое совпадение дат, имен и фактов той эпохи, является более веским аргументом, чем их отрицание.

В дальнейшем, Именитов был тем, что я бы назвал «вечным толкачем», толкачем проектов различного порядка, имевших прямое или косвенное отношение к Донуглю, в качестве представителя Донугля в Москве. Старый инженер, связанный рядом уз со старым порядком и старыми хозяевами, представитель в Донугле, в Москве он не мог быть обойден организацией. Я бы сказал: может быть в последние годы Именитов активной роли во вредительском смысле не играл, но он был необходим, его нельзя было обойти, если бы его обойти,—он сам бы пришел, ибо он обязательно к своим 185 заседаниям добавил бы и эти заседания.

О нем показывают: Соколов, Матов, Братановский, Казаринов, Сущевский, Мухин—шесть человек. Имеются кроме того показания Будного о передаче трех писем, которые Будный передал ему от Дворжанчика.

Сам он, по своему складу, по своему характеру, который он в достаточной степени выпукло выявил перед нами,—представляется лицом, которое безусловно не могло не быть в курсе дела, не могло не знать.

Мне не хочется особо долго останавливаться на той мелочи, которая здесь прошла перед вами, когда мы цитировали шуточное стихотворение Именитова. Сам по себе это, конечно, пустяк, но тот факт, что Именитов 31 января, перед святым Макарием, вспомнил о том, что: «может быть прокатимся в Соловки, а может быть пройдет все благополучно, а может быть нас всех наградят поштучно, все может быть—ведь судьба так случайна, играет нами так чрезвычайно»—то что так писал Именитов за месяц до ареста, на досуге размышляя о возможных превратностях судьбы не может не быть учтено.

Ну, вы не угадали немного, не Соловки пока - что, а скамья подсудимых по обвинению в участии в контр-революционной организации, «Судьба играет чрезвычайно» и вместо «награды поштучно» от старых хозяев—вы скорее чем думали получили реализацию первой перспективы из двух намеченных вами для самого себя.

Я не буду ставить вопроса о том, что в отношении Именитова прокуратура считает необходимым применение каких-либо суровых мер репрессий. Это — толкач всевозможных проектов, толкач и положительной и вредительской работы, мне представляется, что ему пора немного отдохнуть от участия в этих 185 заседаниях, посидеть на одном месте в более или менее однообразной, успокаивающим образом действующей на нервы, обстановке.

Я думаю, что с этой точки зрения лишение свободы, или изоляция Именитова на срок, я не буду точно определять, 3—4—5 лет, в зависимости от возможностей, которые он будет представлять, во всяком случае является целесообразной.

Пройти совсем мимо него нельзя, нельзя забыть показания Андреева, прямые точные показания, безусловно, уличающие, которых опровергнуть нечем, против которых противопоставить нечего.

А ведь там говорилось о деньгах, ведь там говорилось о специальном вовлечении в организацию. Позвольте напомнить и показания Волошановского, приобщенные к делу. Он говорил, что встретился с Именитовым в 1924 году здесь, в зале, на горнотехническом с'езде. Именитов признал свое участие на горнотехническом с'езде. А что там было? Встретивши Волошановского, которого он знал,—и это Именитов подтвердил,—он спросил его: как дело на Чулковской организации? Это показал Волошановский; это уже не один Андреев, это и Волошановский.

Вот почему нам представляется участие Именитова в организации и осведомленность его установленной. Может быть не установлена его активная работа в Москве, но участие вместе со Скорутто на совещании в Харькове—это факт. Позвольте еще один аргумент: когда говорили о техническом совете, он говорил—я присматривался к людям, я прислушивался к заседаниям, я чуть ли не хотел учиться. Но в других документах, представленных по ходатайству Именитова о функциях производственно-технического отдела, которым он ведал и который, по его собственным словам, имел мало отношения к производству и к технике вообще, там указываются функции довольно большие, прямые производственные функции, имевшие непосредственное отношение к Донуглю. Нельзя поэтому говорить, что он только прислушивался, только осведомлялся. Это была активная работа и это последнее заставляет нас поставить вопрос об Именитове только так, как я—поставил его несколько минут тому назад.

Скорутто. Скорутто характеризуют обычно как дельца, как человека с деловым размахом и в то же время мы знаем или видим его в числе членов совета с'ездов, как лицо, которое знали все и который знал всех, это старый заслуженный деятель горно-промышленного мира.

Что нам сдесь Скорутто сказал?

К делу приложено письмо, которое было направлено Скорутто в период предварительного следствия на имя Прокуратуры Республики. В этом письме Скорутто клялся и божился в своей непричастности к контр-революционной организации. На суде он начал свои слова с заявления, что он признает себя виновным полностью, через 10 минут он сказал, что он налгал и вынул заранее заготовленное отрицание, еще через два часа он сказал, что он налгал когда говорил, что он не принадлежит к организации, и, наконец, на закрытом заседании он еще раз подтвердил свое признание. Приходится, в этих случаях обратиться к исследованию мелких фактов и мелких отдельных деталей. Одно из них нам удалось провести тогда же в период перерыва, когда мы проверили его заявление, о покупке мебели на первую тысячу или полторы тысячи рублей, полученных им, по его словам, от Рабиновича, за состояние во вредительской организации. Оказалось, что мебель куплена в этот период, на эту сумму. Правда, Рабинович пытался отразить этот факт указанием, что ему, Рабиновичу, известно от некоего другого лица, что мебель была куплена на деньги из других источников. Мне не хотелось тогда на судебном следствии уточнять пути, откуда Рабиновичу это известно. Мне не хотелось тогда просить у Специального Присутствия проверки этого заявления, чтобы вскрыть всю бездоказательность этого аргумента. Но Рабинович понял сам, что это опасно, и от этого метода отказался. Таким образом, мы имели только его ссылку ничем не подтвержденную и можно игнорировать ее целиком, как не существовавшую.

Остальная часть показаний Скорутто касается его роли в качестве с одной стороны, передатчика денег, директив и сведений, которые он получал по законспирированным явкам, от законспирированных лиц до сорока тысяч рублей в месяц. Сопоставьте с этим показания Братановского, о том, что когда он и Скорутто встретились за границей после раскрытия шахтин-

ского дела и обсуждали возможные перспективы, которые их ожидают, когда вернутся в СССР, Скорутто говорил, что он не боится быть привлеченным по шахтинскому делу. Шахты где-то далеко. Скорутто в Москве. Он там никогда не бывал и шахтинцы не видали Скорутто. Скорутто боится быть привлеченным по обвинению в других делах. Именно исходя из этих соображений, уверенный, что эти другие дела не были раскрыты, он вернулся. Он ошибся—мы нащупали связи этих других дел и некоторые данные заставили его признать то, что было, заставили признать свою вину, но не всю. Скорутто принадлежит к той группе обвиняемых, которые не хотят признать того, что является самым страшным, непосредственную связь предательского характера, изменнического характера. А между тем имеются прямые данные, характеризующие именно эту его работу. Правда, от нее угодно открещиваться и Матову. Но это не изменяет факта. Сказанное однажды—остается, написанное—остается, тем прочнее подписанное; это уже почти ничем несокрушимый факт. Вот почему, поскольку здесь в отношении Скорутто мы имеем сведения об этой его работе в Москве, о тех секретных явках и совещаниях, в которых он участвовал и которые носили ярко выраженный характер государственной измены, постольку его приходится отнести к той же группе лиц, которую я считаю со всех точек зрения обреченной...

Останавливаться подробно на Скорутто, это значит останавливаться на Рабиновиче. Я возьму поэтому из фактов, которые имеют отношение к Скорутто, лишь те факты, которые он сам признал и которыми он подтвердил показания Матова и ряда других лиц о том, что он участвовал в том совещании в Харькове, где делал доклад о новом порядке установления связи с закордонной организацией, ставил вопрос об укреплении связи с польским об'единением, и говорил, что отныне Москва должна явиться связующим центром. Эти показания Матова и других нашли подтверждение в заявлении Скорутто на закрытом судебном заседании—это он признал, и отсюда тем самым он подтвердил и ультра-политический характер, который организация приняла в последнее время. Это равным образом является одним из тех моментов, которые определяют, что в отношении Скорутто мы не можем ставить вопрос иначе, как что Скорутто—надо расстрелять.

Остается Рабинович. Я позволю себе отнестись к этому вопросу или вернее поставлю себе обязанностью отнестись к этому вопросу с наибольшей внимательностью и с наибольшей тщательностью разобрать всю ту совокупность материалов, которая имеется в нашем распоряжении, ибо нельзя отрицать, и меньше всего это будет отрицать прокуратура, которая прежде всего стоит на точке зрения необходимости установления истины и для которой вовсе не является обязательным, а наоборот, закон предписывает обратное,—вовсе не является обязательным требовать обвинения и осуждения во что бы то ни стало, но именно потому, что со стороны Рабиновича мы имеем такой метод защиты, который не мог не импонировать, на нашей обязанности лежит тем более тщательно вникнуть в этот метод и разбирать его по отдельным моментам, как он демонстрировал его перед Специальным Присутствием Верховного Суда.

Разрешите начать с подробного анализа тех данных биографического характера, которые здесь сообщил нам сам Рабинович. Пусть, прежде всего не утверждает Рабинович, как он это утверждал в первом своем об'яснении, что он предстал сейчас перед нами, как человек, над которым тяготеет грех прошлого, или которому мы хотим или намерены (по старой терминологии) вменить в известной степени в вину факт, что он был крупным промышленником. Не это важно, не то важно, кем он был: это прошло, прошло давно, а важно то, что об'ективно и неизбежно это состояние несло вместе с Рабиновичем, что это состояние внесло в его сознание, в его психику такое, от чего он оказался затем органически неспособен отмежеваться.

Итак, начнем. Рабинович сам характеризовал себя как человека дела, как человека энергии, как человека творчества. Вспомните его картинное сравнение: «когда я стоял и смотрел как уходил от меня вдаль, испуская клубы дыма, поезд, я чувствовал себя как бог, сотворивший землю. Я нес этим самым увеличение культуры, увеличение ценностей в сокровищнице на-

родного хозяйства. Я творил и по моему мановению создавались новые культурные блага».

Правда, этот пафос творчества прокуратура при допросе немножко разбивала другими мотивами. Мы спросили: что, собственно, было вашей целью, когда вы «творили». Мы получили формулу в ответ: «я творил, чтобы нажить, я наживал, чтобы творить». Итак не одна цель, а две цели были. «Ах, две души в моей груди больной». Но я думаю, что если спросим любого капиталиста, какая душа им важнее, я думаю, что все капиталисты ответят: конечно, та душа, которая наживает, она важнее, чем та, которая творит. Но если даже поставить вопрос, что его основной целью было нажить, чтобы творить, я спросил его: а дальше что?—Он ответил: а дальше—умереть. Оставьте это, мы все умрем, а пока вы живы.—Дальше опять «чтобы нажить». Да, только так: «нажить, чтобы творить и творить, чтобы нажить». И выхода из этого заколдованного круга нет. В пределах капиталистического мира нет выхода из этого заколдованного круга.

Но нажить в капиталистическом мире—значит не только творить, нажить в капиталистическом мире это означает, одновременно, и эксплоатировать. Это означает об'ективно и грабить, конечно, не в том смысле, как грабят разбойники на большой дороге, но это значит извлекать из мускулов, из мозга, из крови, из пота рабочего класса его энергию и эту энергию превращать в золото. Вот формула капиталистического мира и фразой о том, что этим увеличивается благо народного хозяйства, нельзя отделаться.

Можно бескорыстно говорить о народном хозяйстве тогда, когда народным хозяйством овладевает народ, когда все средства в его распоряжении, когда налицо социалистический план производства, когда налицо социалистический уклад жизни. Нельзя говорить без лицемерия о «народном хозяйстве», когда магнаты капитала горло рвут друг другу из-за дележа этой добычи и все согласны лишь в одном, что можно и должно эксплоатировать рабочий класс.

Вот почему, с точки зрения реального положения вещей,—лицемерие эта ссылка, якобы, на увеличение «народного хозяйства», вообще. Старая, избитая, давно опровергнутая наукой лицемерная ссылка. Капиталист есть капиталист, даже самый добродетельный из них. И когда этот «добродетельный» капиталист пытается, пробует встать поперек дороги своему классу, ему указывают его место. И Рабинович рассказал нам здесь, как ему класс капиталистов указал его место, когда он, Рабинович, попытался поднять голос против своего класса. Более жесткая и грубая рука царизма поступила с ним наименее корректным способом, и он получил свободу и возможность «творчества» благодаря французским банкирам, тем самым французским банкирам, на суровость власти которых он нам тут жаловался. От наших капиталистов он получил указание: не рыпайтесь, иначе с вами будет плохо. И он примирился, чтобы продолжать свое дело: наживать—чтобы творить, и творить—чтобы наживать.

На каком же основании гр-н Рабинович позволяет себе отграничивать себя от класса капиталистов? На каком же основании он отделяет себя от них, на какие из своих дел может, он ссылаться, чтобы заставить нас поверить, что он слеплен из другого теста, чем остальные капиталистические его собратья? Да, он, быть может, из той группы,—есть такая группа в капиталистической среде—которая понимает, что нельзя перегибать палку до конца, что она сломается; которая понимает, что эксплоатация рабочего класса должна иметь свои пределы, которая понимает, а ведь до этого доходил почти что Емельян Колодуб,—что эксплоатация некультурной рабочей силы не приносит необходимой производительности труда. Только Емельян Колодуб не знал выхода, а Рабинович знает, что нужно иной раз отпустить вожжи, что нужно ввести ряд улучшений, что нужно уметь во-время провести закон о вознаграждении рабочих за увечья, путем составления определенного фонда из отчислений от капиталистических прибылей и этим купить, по крайней мере, вожаков рабочего класса на свою сторону.

Старый прием. Ваши собратья из социал-демократии Западной Европы, ваши собратья из наиболее передовых капиталистических слоев Западной Европы давно знают этот способ и поэтому перед вами на задних лапках

пляшут вожди социал-демократов, продавая и предавая ежедневно и ежечасно интересы рабочего класса. Старый способ.

Старый способ и то, что вы сослались на благосклонное внимание и разговор об этом проекте с Витте. Витте тоже знал этот способ и, зная, не пошел на это, потому что он также не мог итти против своего класса, потому, что этот класс умел подчинять своей воле и Витте; и Витте также должен был считаться с той степенью культурного багажа, которым располагал тогда класс капиталистов, в те времена царизма.

Так что, отграничивать себя от этого класса у Рабиновича нет никаких оснований: методы работ те же, цель работы та же, средства работы те же, задачи те же.

А в дальнейшем.—В дальнейшем мы имеем игру, игру на всех тех случайностях, которые несет с собой капиталистический порядок и капиталистический строй, игру, про которую он сам рассказывал, как он, как десять копеек, терял десятки тысяч и, как десять коппек приобрел десятки тысяч, как он 15 числа был нищим, а 20—миллионером, а через месяц он опять нищий, и как он стоически переносил эти потери. Стойкость—основная черта его характера. Но это ничего не значит. Из этого еще ничего не следует. Ведь существует общество, где такие стоики насчитываются не единицами,—в более развитых капиталистических странах факты, когда человек теряет все, что он приобрел, и начинает все сначала. Не вам одному приходилось переживать такие перипетии. В Америке это—факт повседневный, факт каждого дня, и недаром там выработался такой тип, который умеет, сегодня разорившись, опять начинать с лопаты, брать лопату в руки, а завтра снова становиться миллионером. Это не является таким образом аргументом, который заставил бы нас поверить в то, что вы восприняли Октябрьскую Революцию, как спасение от капиталистического ига, как нечто, давно желанное, и т. д. Этого мало. Слов тут мало. Чего лишила вас Октябрьская Революция? Она лишила вас всего, в том числе и возможности наживать и возможности творить. С 1918 года и до момента, когда вы получили новое прикосновение к делам Донбасса, она лишила вас возможности, отняла у вас право непосредственно распоряжаться денежными источниками, как орудием творчества, лишила вас об'ектов творчества, лишила вас возможности прикасаться к этому творчеству, оставила вас на здворках. И от этого вы воспылали к ней любовью? Разрешите не поверить, разрешите не поверить и сказать: что это уже «рассудку вопреки, наперекор стихиям».

А дальше что?—Дальшее мы имеем следующую картину работы г-на Рабиновича. Я верю вам в том, что вы пришли к признанию необходимости уничтожения экономического могущества землевладения, я верю вам в том, что вы, может быть, пришли чутьем, полуинстинктивно к признанию необходимости ограничения экономического господства банков, ибо об этом говорят не только вы, многие из представителей чистой формы промышленного капитала говорят об этом в Западной Европе, которым костью в глотке стоит и крупное землевладение с его рогатками и экономическая мощь банков. Они мешают развивать свою работу и требуют беспрекословного подчинения власти финансового капитала, ибо власть финансового капитала, осуществляемая при помощи банковой системы, это есть такая величина, что те из промышленных капиталистов, которые идут против власти банков, против власти финансового капитала,—те очень скоро должны будут признать, что им остается либо «Se soummetre» либо «se demmetre («либо подчиниться—либо удалиться»), им выхода нет: они должны признать и признают власть банков. Вот почему эти ламентации, свойственные промышленному индустриальному капиталу — этой далеко не самой совершенной форме капитализма, представителем которой вы являлись, они во всяком случае не являются тем, что может заставить нас вам поверить. И основное, что остается,—капиталистическую систему, в целом, с предоставлением частной инициативе возможности творить,—вы отрицали?—Нет. Для этого надо было перестать быть капиталистом.

Дальше вам пришлось работать на незначительной должности инженера, заведующего строительными постройками, где-то в Детском Селе, для какой-то

детской колонии, и лишь потом последовало приглашение в Госплан в качестве специалиста по вопросам горной промышленности. Недолго продолжалось ваше руководство. В 1923 году вы вступили в конфликт с центральным комитетом профсоюза горнорабочих. В результате,—насколько я понял ваши слова, вы были отстранены от непосредственного участия в горнопромышленной работе, от руководства горной промышленностью и были вынуждены применять свои знания и свои силы уже непосредственно на других участках горной работы: по добыче золота, по добыче руды, железа и т. д. Это уже не то старое дело, к которому вы привыкли, от этого дела вы были дважды отстранены: сначала после революции, потом после этого конфликта.

Как заведующий или председатель промышленной секции Госплана, какую линию поведения проводил Рабинович. Мы здесь имеем два свидетельства: с одной стороны, мы имеем свидетельство его самого, о том, что здесь он был вынужден вступить в конфликт с рабочими организациями в силу того, что поставил вопрос об улучшении материального положения инженерства. Он явился, таким образом, идеологом инженерства, требуя, чтобы инженерство, как квалифицированная производительная сила, была поставлена в специальные привилегированные условия. И мы знаем, как это его выступление тотчас же восприняла периферия вредителей; в томах следствия есть мельком указания, что в ДГРУ говорили о том, что вопрос об улучшении материального положения инженерства поставлен, что он поставлен Рабиновичем в Москве, что этот вопрос ставится в том направлении, чтобы инженерству было предоставлено руководство промышленностью. Вот как восприняла ваши идеи в то время вредительская периферия. Вас считали своим вождем, своим идеологом, и я думаю не без оснований.

Другой конфликт ясен из документов, приобщенных к делу. Однажды Рабинович потребовал удаления из заседания Госплана двух ответственных молодых коммунистов на том основании, что на этом заседании рассматривались вопросы государственной тайны и что эти молодые коммунисты способны оные разгласить, а также потому, что они не состоят членами научного технического совета. Это изложено в показаниях, Рабинович стремится оправдаться тем, что Кржижановский—мол, признал его распоряжение правильным... а в приобщенных документах указано, что Кржижановский сделал Рабиновичу выговор.

Вся эта линия его поведения указывает на то, что он, привыкший управлять и властвовать, не мог терпеть, когда рядом с ним появлялась другая власть в виде этой молодой коммунистической поросли, которая вырастала из недр нового порядка. И вот, лишенный возможности непосредственно управлять, отрезанный непосредственно от горно-заводского дела, от области каменноугольной промышленности, он вступает в конфликты на почве защиты материального положения инженерства, вступает в конфликт с Госпланом по вопросу о коммунизировании Госплана, и наконец, не желая допускать коммунистическое влияние в работе Госплана, становится тем самым оплотом всех старых специалистов, которым хотелось оградить себя от коммунистического влияния; Рабинович стоит тут во весь рост, как идеолог старых сил и старой системы, которые стремятся, прежде всего, как-нибудь окопаться в условиях нового времени и в условиях нового хозяйства.

Я говорю, пока-что, окопаться, не уничтожать, не нападать на новый строй, но пока окопаться, сделать все для защиты себя на будущее время.

И здесь-то наступает второй момент—получение первых писем от Дворжанчика. Рабинович отрицает это получение писем, но факт остается фактом. Едва ли можно допустить, чтобы Дворжанчик, который лично знал Рабиновича, который рассылал письма всем, всем, всем,—чтобы он не посылал писем Рабиновичу. Мы вскрыли характер этих писем: одни письма писались на машинке, другие письма писались Дворжанчиком от руки. Лица, которые Дворжанчику были известны лично, получали личные письма; лица, которых он знал только как лиц, занимающих определеный пост, получали письма на печатном бланке с готовым текстом. Рабинович получал письма по показанию Будного. Здесь на следствии Рабинович спрашивал Будного, где он получил от него письмо—в ГУТе или Главн. Горном Управлении—и указал, что показания Будного относительно места передачи письма не совпадают.

У нас имеется справка, что ГУТ одно время был на Лубянке, а Главное Горное Управление всегда пребывало на Ильинке. Мы спрашивали Рабиновича—бывал ли он в качестве консультанта на Ильинке, на это он ответил, что бывал. Можно было его застать там?—можно было. Возможно, что Будный забыл; возможно, что он ошибся: не ГУТ, а Главное Управление, ошибся в годе. Мы допускаем такую ошибку. Пусть не в 1923 г., а в 1924 году? Что это колеблет? Ведь не в этом дело. Вопрос в том,—можно ли или должно считать исключенной самую возможность получения этих писем, этой переписки—нет, эта возможность не исключена. Следует предположить наоборот, что гораздо больше данных есть за возможность факта этого получения. Логика требует этого признания. Логика требует от Дворжанчика, чтобы он направил письмо Рабиновичу. Логика требует, чтобы он направил его через Будного, подобно тому, как это делалось в отношении остальных. Логика требует, чтобы Будный, передавая другим, передал бы и вам, и в этом отношении неважно, что вы могли не знать Будного, вы могли доверять ему, ибо Будный был одним из ответственных работников старого совета с'ездов и вполне доверенным лицом старых промышленников. Это, однако, еще не все. Здесь есть еще показания Потемкина, который говорил, что встретил Быховского в кабинете Рабиновича—я не ошибаюсь.—Я помню. Именно в кабинете Рабиновича. Я категорически помню и настаиваю, и я буду благодарен защите, если она укажет, что с моей стороны была ошибка и тогда этот аргумент я сниму. Но, насколько я помню, на судебном следствии было установлено, что Быховский был направлен помощником в Донбасс непосредственно из кабинета Рабиновича. Если это так, то это очень и очень показательный момент, который не может быть сброшен со счета, ибо роль значение и фигура Быховского достаточно выявлены в процессе. Этого забыть нельзя. Это нужно помнить. Значит, мы имеем факт посылки и факт переписки. С другой стороны, как раз в это время пришло предложение встать во главе техн. совета Донбасса. Что значит встать во главе техн. совета Донбасса? Это значит опять приобщиться к этому делу, к делу, в котором он работал все время, которым жил до сих пор он, и приобщиться к самому важному, творческому моменту—к закладке новых шахт. Нет никакого сомнения в том, что на эту работу Рабинович пошел со всем энтузиазмом, со всем жаром, со всей энергией и, пойдя, встретился со всеми своими старыми соратниками, друзьями по прежней работе в ДГРУ, по прежней работе в старом Донбассе, в котором он прослужил около 20 с лишним лет и не только со старыми друзьями, но и с наемными вредителями, и перед ним стала дилемма—как быть, итти с ними или итти против них. Итти с ними и делать одновременно и вредительскую работу, потому что, конечно, скрыть ее от него они не могли, и должны были его посвятить в свои планы, или итти против них и сообщить об этом коммунистам. Я думаю, достаточно постановки этой проблемы, чтобы сказать, что ответ на нее мог быть только один. Допустить, чтобы Рабинович, у которого, кроме ощущения досады, недовольства, злобы за те условия работы, в которые он был поставлен, в особенности, после последнего конфликта, чтобы у него вдруг явился импульс итти наперекор всему старому составу работников, всем этим Братановским, Березовским, Горлецким, Именитовым и всем другим. Нет. Нет психологического импульса для этого, а есть все данные, чтобы сказать иначе. И проблема была им решена и решена в обратную сторону.

Мы рассматривали здесь работу технического совета достаточно подробно. Можно считать совершенно установленным фактом, что технический совет являлся орудием для торможения производства работ в новых шахтах.

Сам Рабинович здесь насчитал девять фактов, девять фактов, которые он признал явно вредительскими. Он, правда, сказал, что по всем этим фактам он остался при особом мнении. Я его спросил: ну а результаты этого вашего особого мнения?—На это Рабинович ответил: что же я мог сделать один.—Вот это и требовалось доказать, что ничего не делалось, что ничего не было сделано для пресечения вредительской деятельности, это и требовалось доказать, что там, где должно было не допускать, не пропускать проектов явно вредительского характера дальше бумажных протестов дело не шло и, тем самым, основная цель вредительства—торможение проектов—эта цель дости-

галась. Тем более, что ведь и цели «творчества» достигались, ибо Матов показывал, что его директива была—давать хорошие проекты, но не проводить их в жизнь.

Мы имеем документ, приобщенный к делу по ходатайству защиты, который мы здесь неоднократно цитировали, и по поводу которого я просил гр-на Рабиновича раз'яснить: что это за документ, и гр-н Рабинович сказал, что это сводка о деятельности УНС в области нового шахтного строительства. Если товарищи судьи вникнут в этот документ, то они увидят, что там по каждой шахте вопрос ставится таким образом: указываются дефекты строительства данной шахты, указывается, что замедление работ по данной шахте равняется отмиранию такой-то суммы вложенных капиталов и указывается, что одной из основных причин задержки является отсутствие законченных проектов. Когда я прочел этот документ, я долго думал: что это за документ? У меня даже возникла такая мысль, не является ли он одним из тех документов, которые посылались за границу, настолько выпукло, настолько ясно выявляется в нем реальное существо вредительской работы. Но если это не так, то в таком случае вытекает другой вопрос: имея такой документ, что же дальше, какие конкретные шаги предпринимал Рабинович для устранения этих ненормальностей? Ведь мы знаем теперь, что дело не двигалось ни на шаг. Вот почему покрывательская роль технического совета предоставляется мне здесь установленной показаниями свидетелей Терпигорева и Скочинского и теми фактами, которые прошли перед лицом Специального Присутствия Верховного Суда. А отсюда вытекает и роль председателя технического совета. Защита, правда, ставила вопрос, чтобы он обладал лишь формальными правами. Но разве в формальном праве вопрос, разве авторитет Рабиновича был не настолько велик, что он мог, если бы захотел, это дело повернуть. Нельзя говорить, что я, мол, хотел сделать, но не мог. Если бы хотел—сделал бы, а не хотел—и не сделал.

В дальнейшем я перехожу к тем показаниям, которые прямо его уличают. Мы имеем тут три категории показаний: показания Скорутто—раз, показания Братановского, Матова, Кржижановского, Казаринова, Будного—два, и, наконец, показания Мухина—три. О чем говорят эти показания? Возьмем показания из серии: Братановский, Кржижановский, Будный, Матов и Казаринов. Все они имели здесь очную ставку и защита пыталась установить противоречия между ними в том смысле, что, якобы, Братановский не мог быть на том заседании, о котором говорил Казаринов, а Казаринов не мог быть на том заседании, на котором был Братановский. Не так надо ставить вопрос. А надо поставить вопрос: все ли заседания об'ективно было возможно здесь установить, так как, если искать возможных неувязок, эти неувязки всегда можно найти. Я задал вопрос Рабиновичу: может ли он с математической точностью рассказать, в каких условиях он встретил то или другое лицо, может ли он сказать, когда и где он его видел? Нам легко в процессе судебного следствия требовать эту точность, но мы с вами забываем, что человеческая память есть человеческая память и что мы логически не имеем права, этой точности требовать. Поэтому, когда Рабинович ставит вопрос, сколько раз его видели, когда и где, то противоречие в мелочах в смысле судебного доказательства ничего не дает. Мы реальные люди и реально оцениваем человеческую память. А факт остается фактом, что 3 человека из вредительской организации утверждают, что они видели Рабиновича на руководящих совещаниях организации, трактующим о таких-то вопросах. Кроме этого имеется заявление Кржижановского и имеется заявление Гаврюшенко. Что же, он знал Рабиновича. Допрашивали его другие лица в другом городе. Насколько мне помнится, допрос Рабиновича начался только в апреле месяце, после возвращения следственного материала в Ростов. Здесь говорить о случайном совпадении нельзя. Теперь поставим вопрос, неужели можно серьезно поверить в возможность одного злостного оговора? Рабинович говорит, что Матов или Казаринов его злостно оговорили. Но ведь их допрашивали разные следователи, а они говорили одно и то же. Каков же психологический мотив этого «оговора»? Нам отвечают: «им будет легче, если будет оговорено больше». Чем легче будет Матову? Какая же Матову от этого будет выгода? Или «на миру и смерть красна»? Красна ли она на миру или нет—это вопрос.

Но в конце концов придется умирать ведь данному суб'екту, а не кому-нибудь другому. Нельзя думать, что можно отбросить оговор, или аннулировать его значение одной такой простой ссылкой.

Теперь я хочу перейти к рассмотрению Мухинских и Скоруттовских показаний. Когда Мухин давал свои показания? Гораздо позднее июня месяца, когда Рабинович уже сидел в тюрьме. Знал ли Мухин, что-нибудь об этом деле? Нет, не знал, ничего не знал. Знал ли Мухин что-нибудь по вопросу о том, что показывают другие о Рабиновиче?—Нет, не знал.

Но из того, что вы качаете головой, пока ничего не вытекает. Из этого не вытекает, что Мухину было важно в какой бы то ни было степени оговорить Рабиновича. Почему?—Зачем ему это нужно было?

А дальше что он показывает?—Он показывает, что когда Мухин приезжал в Москву, он сталкивался непосредственно с Рабиновичем при рассмотрении производственных программ Юрта. Мы спросили Рабиновича: сталкивались?—Сталкивались. О дефектах говорили?—Говорили. Мухин дальше показывает, что он был непосредственно связан с центром, в Париже, Мухин говорит, что там ему сказали: теперь в дальнейшем вы будете получать деньги от Рабиновича. Это совпадает с той общей линией, которую мы установили,—что организация центра в одном месте после об'единения организаций за границей, стала целесообразной, что для нее стало целесообразным централизовать всю связь через Москву.—Совпадает. Святым духом Мухин об этом знать мог?—Нет.

Что же дальше Мухин показал?—Он показал о троекратной выдаче ему Рабиновичем денег. И вот Рабинович спрашивает,—почему именно я должен был выдавать деньги?—Потому, что вы были центральной связью, через которую должны были передаваться деньги. Только поэтому. Если бы не вы были центральной связью, они передавались бы через другого. Не Мухина нужно спрашивать, почему вас назначили Пряткин и Соколов для этой цели Разве это Мухин знает?—Это знают, об этом нужно спросить Соколова, нужно спросить Пряткина, можно, наконец, спросить вас, почему они почтили вас таким большим доверием? И за них можно ответить: потому, что они знают вас как почетного члена с'езда советов горнопромышленников юга России, потому что они сами были постоянными членами этого с'езда советов. Ибо тогда, когда они об'единили в одном кулаке работу в целом ряде отраслей промышленности, именно вы были наиболее соответствующим централизованным орудием по проведению всей этой работы. Поэтому спрашивать, какую вредительскую работу я исполнял, за что получил деньги,—Мухина нельзя. Мухин не может об этом рассказать. Мухин начал рассказывать: для того, чтобы привести рудники Юрта в хорошее состояние. Но ведь Мешков только человек, Мешков, допрошенный в другом месте, показал то, что он знал о Рабиновиче, но согласитесь, что есть же предел требований, которые можно ставить и человеческой психике и человеческому состоянию; нельзя было требовать от Мухина, чтобы он о себе тут рассказывал.

А дальше Рабинович ставит вопрос так: я хочу смотреть ему в глаза. Вы посмотрели ему в глаза, и что?—И что же вышло?—Удался ваш маневр?—Нет, не удался!

И театральщиной от уголовного обвинения не отделаешься, а иначе как театральщиной этот прием назвать нельзя. Вы его пытались применить еще раз, спрашивая Матова: почему вы ложно на меня показываете?—И председатель сказал вам, что так вопроса ставить нельзя. Тогда вы поставили другой вопрос уже Скорутто: почему вы меня оклеветали?—Вы лучше бы поставили вопрос не так. Не «не почему вы меня оклеветали», а поставили бы вопрос так, чтобы показать, установить, в чем выражается неправдоподобность или неправдимость сообщения Скорутто. Ибо Скорутто показывает, что когда нужны были деньги для организации, когда наступал условный момент получения денег,—тогда Рабинович, а не кто иной, через которого протекала вся работа, звонил по телефону или говорил Скорутто: «получите сегодня там-то».—И Скорутто шел получать в заранее условном месте, с заранее установленным паролем или знаком—с портфелем, повернутым вниз ручкой.

А там его встречало лицо, выносившее деньги, передававшее эти деньги ему, Скорутто.

Что в этом неправдоподобного?—в том, что так можно было встретиться для такой цели. Что неправдоподобного в такой возможности? Или, какой другой метод можно было найти?—Вы спросили: «почему, скажите пожалуйста, обязательно в Торгово-Промышленном Банке, а не в каком-нибудь другом»? Потому, что там очень удобно встретиться,—там много людей, туда ходит много людей с портфелями, туда ходят специально по торговым делам, и поэтому не могло возбудить подозрений, если Скорутто встретится там и с другим лицом, которое придет с другим портфелем и принесет ему деньги.

Отсюда вытекает, что этим вопросом: «зачем вы меня оклеветали»—вы ничего, с точки зрения реального опровержения улик, не достигли. Что же остается?—Остается некоторая выдержка характера, с одной стороны, и некоторый недостаток этой выдержки у Скорутто,—с другой, когда он здесь три или четыре раза говорил прямо противоположные вещи. Ну, что же—люди, ведь, люди, не всем же быть такими стойкими как вы, но стоицизм еще не есть уголовный аргумент, аргумент в уголовном смысле.

Вот почему, мне кажется, что анализируя мухинскую очную ставку, преждевременным является заявление о том, что якобы здесь, в этой уголовной дуэли, что ли, победителем вышел Рабинович,—нет. Опровергнутым в уголовном суде считается аргумент тогда, когда приведены данные, которые дают возможность поставить его под вопрос. Таких данных в отношении показаний Мухина не было приведено ни одного; кроме театральных жестов—ни одного. В отношении скоруттовских показаний не было приведено ни одного, кроме вопросов: «зачем вы на меня наклеветали». Но при сцеплении и сопоставлении всех этих обстоятельств в целом, когда мы сопоставляем их все до одного, в разрезе всей работы Рабиновича, и с той основной проблемой, которая перед ним встала, когда он столкнулся в техническом совете с проблемой—итти вместе с вредителями, или всех выдать,—этот вопрос решается только в одном смысле.

Я позволю себе остановиться еще на двух моментах. Помните брошенную здесь фразу Рабиновича о том, что у Витте или какого-то царского министра прием был всегда для всех, а вот у Советской власти—не добьешься. Сколько ненависти к советскому порядку слышалось в этой фразе, сколько презрения к советскому строю было вложено в эту фразу, в эту реплику. Мы тоже чутко умеем воспринимать эти незначительные оттенки, заглушенные потки и умеем ставить их на свое место и оценивать их в связи с общей системой доказательств. Старый промышленный воротила, старый делец умершего капитализма вспомнил здесь со вздохом давно прошедшие хорошие времена, когда он был вхож к министрам. Не вернутся эти времена, не придут обратно, как бы они вам ни улыбались.

Можно вспомнить еще другой момент, в частности теорию, которую Рабинович разводил относительно опыта построения и проведения 8-часового рабочего дня и о том, как он, Рабинович, работал для капиталистов. Я сказал: «и на капиталистов», а он ответил: «не на капиталистов, а на капиталистов и на рабочих». Итак он считал, что работал тогда «и на рабочих»,—эта фраза сродни Емельяну Колодубу. Здесь родственные души сказались. Но эта фраза показывает, как далек, как чужд всему нашему строительству всей нашей работе, всему пониманию нашей работы и существу нашей работы Рабинович.

Я думаю, здесь вопрос стоит только так: Рабинович—член организации. Нельзя сказать, что в данном случае улики, которые говорят против него, недостаточны.

Даже этого сказать нельзя. Должны сказать—улики, имеющиеся против него, достаточны, ибо они целиком совпадают и отвечают и общему складу его психологии, его прошлого и изложенным конкретным фактам его работы здесь, и работы в первый период, и работы после конфликта в 1923 году и работы в качестве председателя технического совета.

Улики достаточны, и отсюда следует определенный вывод и им мне приходится кончать свою обвинительную речь, присоединением имени Рабиновича к той группе, в отношении которой я говорил о расстреле, как методе революционной самообороны.

Товарищи судьи! Не легко подводить такие итоги, не легко потому, что люди есть люди, жизнь человеческая, есть человеческая жизнь, и ставить сейчас вопрос о применении расстрела в таком масштабе, в таком количестве,— конечно, не легкое дело. Но вопрос здесь ставится так: этот процесс является процессом, который должен нам дать возможность сказать, что все те вредители, которые еще существуют, в отношении которых еще производится работа предварительного расследования, и те вредители, которые нами не раскрыты, их заграничные соратники и друзья, их заграничные вдохновители, в каком бы государстве они ни находились, и какие бы функции они там ни несли, должны понять, что достаточно есть еще сил и мощи у Советской власти и что расправляться со своими врагами она еще не разучилась.

С этой просьбой я и обращаюсь к Специальному Присутствию Верховного Суда Союза ССР.

ПРИГОВОР.

Именем Союза Советских Социалистических Республик Специальное Присутствие Верховного Суда Союза ССР в составе: председательствующего тов. Вышинского, А. Я., и членов тт. Васильева-Южина, М. И., Антонова-Саратовского, В. П., Курченко, Н. А., Киселева, С. Е., при секретаре т. Буш и пом. пом. Ковалкине, Пугачеве и Яковлеве с участием государственных обвинителей тт. Крыленко, Н. В., и Рогинского, Г. К., общественных обвинителей тт. Гринько, Осадчего, Шейн и Крумина и членов Московской губернской коллегии защитников тт. Вормс, Добрынина, Долматовского, Коммодова, Короленко, Левенберг, Малянтовича, Меранвиль, Ордынского, Плят, Оцеп, Розенблюм, Рязанского, Смирнова и Шапиро-Пятецкого, рассмотрев в судебном заседании от 18 мая по 5 июля 1928 года в г. Москве дело об экономической контр-революции в Донбассе по обвинению:

1. Березовского, Николая Николаевича, 41 г., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.
2. Калганова, Николая Ефимовича, 51 г., со средним специальным образованием, горного техника, не судившегося.
3. Самойлова, Василия Никифоровича, 48 лет, со средним специальным образованием, горного техника, не судившегося.
4. Бабенко, Сергея Александровича, 46 л., со средним специальным образованием, горного техника, не судившегося.
5. Чернокнижникова, Степана Ефимовича, 44 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.
6. Никишина, Михаила Ефимовича, 36 л., с низшим образованием, электротехника, не судившегося.
7. Петрова, Василия Филипповича, 41 г., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.
8. Потемкина, Григория Петровича, 47 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.
9. Соколова, Валентина Олимповича, 42 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.
10. Кржижановского, Николая Константиновича, 40 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.
11. Файермана, Павла Марковича, 51 г., со средним техническим образованием, горного техника, не судившегося.
12. Одрова, Владимира Клавдиановича, 39 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.
13. Сущевского, Дмитрия Михайловича, 39 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося;
14. Люри, Владимира Владимировича, 32 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.
15. Ржепецкого, Владислава Станиславовича, 53 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.
16. Бояршинова, Николая Прокофьевича, 50 л., со средним специальным образованием, рудничного инженера, не судившегося.
17. Мешкова, Леонида Николаевича, 52 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

Общий вид зала судебного заседания.

18. Калнина, Петра Эрнестовича, 40 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

19. Горлова, Ивана Григорьевича, 40 л., со средним специальным образованием, горного техника, на судившегося.

20. Элиадзе, Александра Яковлевича, 48 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

21. Колодуба, Емельяна Кирилловича, 65 л., со средним специальным образованием, горного техника, не судившегося.

22. Некрасова, Ивана Ивановича, 40 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

23. Стояновского, Ивана Карловича, 40 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

24. Семенченко, Платона Ивановича, 50 л., с низшим образованием, механика, не судившегося.

25. Владимирского, Владимира Васильевича, 45 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

26. Овчарека, Мечислава Антоновича, 38 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

27. Кувалдина, Владимира Михайловича, 41 г., с низшим образованием, механика, не судившегося.

28. Некрасова, Александра Евдокимовича, 46 л., со средним специальным образованием, горного техника, не судившегося.

29. Нашивочникова, Василия Николаевича, 45 л., с незаконченным высшим образованием, не судившегося.

30. Васильева, Федора Тимофеевича, 45 л., со средним специальным образованием, горного техника, не судившегося.

31. Беленко, Венедикта Ивановича, 34 л., со средним специальным образованием горного техника, не судившегося.

32. Колодуба, Андрея Кирилловича, 54 л., со средним специальным образованием горного техника, не судившегося.

33. Антонова, Петра Ильича, 38 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

34. Кузьма, Леонарда Бернгардовича, 37 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

35. Чинокал, Николая Андреевича, 41 г., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

36. Горлецкого, Николая Николаевича, 58 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

37. Валиковского, Андрея Константиновича, 46 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

38. Рабиновича, Лазаря Григорьевича, 68 л., с высшим образованием, горного инженера, быв. углепромышленника, не судившегося.

39. Именитова, Соломона Григорьевича, 63 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

40. Штельбринга, Виктора Эдуардовича, 37 л. с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

Всех 40 человек, по ст. 58[1] УК РСФСР.

41. Бадштибера, Вильгельма Иогановича, 36 л., германского подданного, не судившегося.

42. Майера, Макса Карловича, 52 л., германского подданного, со средним техническим образованием, не судившегося.

43. Отто, Эрнеста Эмильевича, 34 л., германского подданного, с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

Всех троих по 17 и 58[1] ст.ст. УК РСФСР.

44. Башкина, Абрама Борисовича, 41 г. с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

45. Матова, Юрия Николаевича, 46 л. с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

46. Братановского, Сергея Павловича, 43 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

47. Казаринова, Алексея Ивановича, 43 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

48. Шадлуна, Георгия Акимовича, 48 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

49. Бояринова, Николая Антоновича, 38 л., с высшим образованием, горного инженера, не судившегося.

50. Детера, Александра Васильевича, 41 г., с высшим образованием горного инженера, не судившегося.

51. Будного, Семена Захаровича, 53 л., с незаконченным средним образованием, не судившегося.

52. Скорутто, Николая Иосифовича, 51 г., с высшим образованием горного инженера, не судившегося.

53. Юсевича, Адриана Яковлевича, 44 л., с высшим образованием горного инженера, не судившегося.

Всех 10 (десять) человек по 58[9] и 58[1] ст.ст. УК РСФСР.

Нашло: после изгнания в конце 1919 г. в начале 1920 г. из Донецкого бассейна красными войсками белых армий и установления здесь Советской власти перед Советским государством встала сложная задача организации угольной промышленности, являющейся одной из важнейших основ всего народного хозяйства Союза ССР в целом.

Разрешение этой задачи в условиях тогдашнего времени оказывалось тем более сопряженным с величайшими трудностями, что не было на-лицо всех необходимых для этого разрешения условий—гражданская война только еще заканчивалась, трудящиеся массы нашей страны и пролетариат, в первую очередь, испытывали многочисленные лишения, технические средства, которыми располагало в то время советское государство были недостаточны.

Только героическое напряжение сил рабочего класса и его воодушевленное стремление к победе, его самоотверженность и готовность к величайшим жертвам, служили залогом преодоления препятствий, встретившихся на этом пути. Трудность положения усугублялось еще и тем обстоятельством, что только что ушедшие с рудников бывшие шахтовладельцы и собственники оставили на месте своих старых служащих, часть которых, особенно из высшего технического персонала, получила от ушедших указания и инструкции в смысле охраны и обеспечения интересов бывших собственников, экспроприированных Советской властью предприятий. Как установлено на судебном следствии по настоящему делу показаниями ряда подсудимых (Матова, Пятемкина, Березовского и др.), бывшие собственники и акционеры угольно-промышленных предприятий, уйдя из очищенного от белых армий Донбасса, собрались на совещание в Ростове-на-Дону, куда явились и многие инженеры и техники с рудников, и здесь наметили на ближайший период времени основную программу действий, рассчитанную, однако, на недолговечность существования Советской власти и неизбежность ее скорого падения.

Сущность этой программы сводилась к тому, чтобы, несмотря на переход предприятий частных собственников к советскому государству, продолжать работать в пользу старых хозяев, сохраняя рудники и оборудование в целости, охраняя их от обесценения, скрывая от новой власти недра и отдельные целики и т. п., дабы при возвращении бывших хозяев принадлежавшие им предприятия могли быть им возвращены в неприкосновенности. Эта программа находилась в полном соответствии и с идеологическими настроениями верхушечной части этого технического персонала, пропитанной буржуазно-капиталистическим духом. Эти настроения, о которых с достаточной полнотой рассказывали и на предварительном и на судебном следствии ряд подсудимых и допрошенных специальным присутствием Верховного Суда Союза свидетелей, говорили о глубоком недоверии этой части технической интеллигенции к творческим силам пролетариата и пролетарской власти, о глубоком убеждении в незыблемости капиталистического строя и его превосходства над строем социалистическим; о крепком убеждении ее в неспособности советского государства ни восстановить разрушенное народное хозяйство, ни тем более организовать его на новых социалистических началах.

К этому убеждению этой части административно-технического персонала, работавшей в каменноугольной капиталистической промышленности, присоединялось и сознание своего превосходства, сознание, опиравшееся на привилегированность своего положения в промышленности в качестве «обер-офицеров» капиталистических предприятий. В этом отношении решающую роль играла и близость к капиталу этой части административно-технического персонала, развращенной своим командным положением на рудниках, большими окладами, материальной заинтересованностью, всяческими привилегиями и преимуществами по сравнению не только с рабочей массой, но и с значительными кадрами средне-технического и административного персонала.

Это было время, когда бежавшие за границу после окончательного разгрома белых армий бывшие собственники и акционеры, все еще не терявшие надежды на возвращение им национализированных Советской властью предприятий, продолжавшие рассматривать себя в качестве настоящих хозяев, лишь временно утративших свое право собственности на отобранные у них предприятия, вступили с частью высшего административно-технического персонала рудников в связь, давая им различного рода хозяйственные указания, получая от них интересующие их сведения о состоянии, оборудовании, планах эксплоатации и т. п. этих предприятий и осуществляя, таким образом, попытки фактического руководства ими.

В свою очередь бывшие собственники пересылали в распоряжение своих особо доверенных лиц денежные суммы, которые и распределялись последними между всеим теми, кто принимал участие в обслуживании и защите интересов своих бывших хозяев.

Судебным следствием установлено, что к числу таких собственников или их представителей, принадлежали:

1. Ремо, бывший директор французского общества Берестово-Богодуховского района.

2. Сансе, бывший член правления акционерного общества по разработке угля и соли на юге России.

3. Феррап, бывший член Правления Акционерного общества Криворожских копей.

4. Прядкин, бывший технический директор Приволжско-Каменецкого района и бывший член совета с'ездов горнопромышленников юга России.

5. Фенин, быв. владелец Кондратьевских рудников, товарищ председателя указанного выше совета с'ездов, бывший министр торговли и промышленности белого правительства Донского округа.

6. Буроз, бывший директор-распорядитель Екатерининского горнопромышленнного общества.

7. Дворжанчик, бывший директор ДТР акционерного общества, бывший директор Ирминского рудоуправления, член указанного выше совета с'ездов.

8. Соколов Б. Н., бывший секретарь совета с'езда горнопромышленников и консультант ряда бывших капиталистических каменноугольных предприятий.

9. Парамонов Н. Е., бывш. крупный капиталист юга России бывш. владелец кам.-угольн. предприятий и, в частности, Власовского и Несветаевского рудников, член указанного выше совета с'ездов, и другие.

Судебным следствием установлено также, что бывш. капиталисты, собственники кам.-угольных предприятий и акционеры действовали не в порядке своей индивидуальной инициативы и активности, а в качестве членов образовавшихся и действовавших за границей учреждений и обществ, как, например, «Об'единение бывш. горнопромышленников Юга России», «О-во кредиторов бывш. старой России», «Польское об'единение бывш. директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе» и др.

Особенную роль в этом отношении играли «Об'единение бывш. горнопромышленников Юга-России», во главе которого стояли бывш. министр торговли и промышленности Фенин, Прядкин, Соколов, Штетинг и друг., указанные выше бывшие владельцы и капиталисты, с одной стороны, и «Польское об'единение», во главе с Дворжанчиком, с другой

Роль «Об'единения бывш. горнопромышленников Юга России» оказывалась тем более серьезной, что под этим именем действовал осколок разби-

того Октябрьской Революцией совета с'ездов, представлявший собой центр. руководивший из Парижа сложившейся уже в 1923/24 г. в Донбассе контрреволюционной вредительской организацией.

Как это было установлено из показаний подсудимых: Казаринова, Матова, Шадлуна, Юсевича и др., в задачи Парижского центра входило не только получение из СССР различного рода сведений о работе и состоянии рудников Донецкого бассейна и, в частности, таких рудников, как Берестовка, Голубовка, Горловка, Щербиновка и др., но и руководство конкретной вредительской работой при производстве добычи, при прохождении проектов нового строительства, при осуществлении импортных операций, связанных с переоборудованием и механизацией рудников и отдельных шахт, при осуществлении на предприятиях рационализации и т. д., и т. п.

Особенное усиление деятельности Парижского центра относится уже к 1926/27 г., когда его деятельность оказалась увязанной с деятельностью и интересами некоторых специальных учреждений некоторых иностранных государств.

О задачах, целях и деятельности этого Парижского центра в этот период времени с достаточной ясностью можно судить по тому совещанию, которое состоялось в Париже осенью 1926 г. при участии Соколова, Прядкина, Буроза, Сансе, Юсевича, Матова и других, где с полной прямотой и откровенностью были поставлены вопросы о борьбе с советским государством, о необходимости добиваться разрыва отношений между СССР и Францией, о подготовке войны и интервенции, и о значении работы в СССР вредительских организаций, как передовых отрядов капитализма. Влияние Парижского центра на деятельность вредительской организации в Донбассе, как это установлено судебным следствием, существенно подкреплялось значительными денежными ассигнованиями, систематически передававшимися в распоряжение этой организации из-за границы.

Аналогична была и роль «Польского об'единения», руководимого Дворжанчиком. Связь этого «Об'единения» с контрреволюционной вредительской организацией в Донбассе завязалась еще в 1923 г., и с этого времени методически осуществлялась при помощи и участии не только отдельных служащих нашей угольной промышленности, но и лиц, состоявших на службе в некоторых иностранных учреждениях (как в СССР, так и заграницей).

Одной из наиболее удобных, однако, форм связи между вредительской организацией и зарубежными учреждениями, являлись служебные командировки за границу инженеров, состоявших членами вредительской организации. При наличии действовавших, таким образом, за границей контрреволюционных группировок и обществ, вступивших, как мы это видели выше, в связь с отдельными вредительскими группами в СССР, эти последние начинают получать свое отчетливое организационное оформление.

Это организационное оформление замечается в период времени 1922/23 г.г. по учету рудоуправлений—Дон.-Груш., Власовскому, Несветаевскому, при чем в состав этих рудничных вредительских организаций вошли почти все главные технические силы рудоуправлений.

Успеху вредительской работы как этих рудничных организаций, так и отдельных вредителей еще до образования этих организаций, в немалой степени содействовало то обстоятельство, что в большинстве этих рудоуправлений командные должности были сохранены за старыми служащими, занимавшими эти должности при старых хозяевах, связанными между собой общими идеологическими и материальными интересами, долгими годами совместной работы или даже родством. Судебным следствием было установлено, что в Донецко-Грушевском рудоуправлении, например, на ответственных должностях оказались 3 бывших собственника и 6 родственников, служивших при бывш. хозяевах почти все на тех же самых местах. Продолжали оставаться на своих местах при Советской власти ответственные служащие и ряда других рудоуправлений, как-то: Власовского, Несветаевского, Щербиновского и т. д.

Эти обстоятельства, между прочим, об'ясняют и то, почему преступная деятельность вредителей могла оставаться в течение известного времени не раскрытой и безнаказанной. В особенности это относится к тому периоду,

когда вредители действовали в одиночку, неорганизованно, кустарно, предоставленные самим себе и почти лишенные руководства.

Такая неорганизованная вредительская деятельность отдельных инженеров и техников, как это было установлено судебным следствием, относится к наиболее раннему времени. На путь активного вредительства эти лица вступили после того, как обстоятельства не позволили им далее сохранять пассивно саботажническое отношение к делу, первый образец какового отношения к делу фигурировал на суде в лице подсудимого Петрова, получившего в своем кругу кличку «классического саботажника», и заставили их перейти к активности.

Но вполне естественно, что такое положение вещей могло быть очень кратковременным, переходным, и должно было неминуемо завершиться образованием организации, что и случилось сначала в рудничном масштабе, а затем, что относится к началу 1924 г., и в масштабах значительно более крупного порядка.

Первым этапом, как то установлено судебным следствием, в переходе к более крупному в организационном смысле вредительству явилось об'единение вредительской деятельности отдельных рудничных групп в центральную организацию, сформировавшуюся в начале 1924 г. в Харькове в составе Донугля.

Эта организация («Харьковский центр») развилась также, как это было и с рудничными организациями, из индивидуальных связей отдельных инженеров со своими хозяевами.

Впоследствии же, она развернулась в организацию, охватившую через Харьков своим руководством всю вредительскую периферию Донбасса и вступившую через Париж в непосредственный контакт с вышеуказанными зарубежными организациями эмигрировавших из СССР капиталистов.

Эта организация с течением очень непродолжительного времени, а именно уже к 1925/26 г.г. приобрела тем большее значение, что в ее руках оказались не только командные инженерские должности на местах, но и целые учреждения (отделы, управления), ведающие столь ответственными вопросами, как импорт машин, механизация производства, наконец, строительство нового Донбасса.

Как установлено судебным следствием, во главе всех этих отделов и управлений оказались члены вредительской организации и, таким образом, одна из организационных задач Харьковского центра—захватить в свои руки все командные должности, оказалась полностью осуществимой.

Харьковская организация, находившаяся в непосредственной связи с Дворжанчиком и действовавшая в соответствии с получаемыми от него указаниями и инструкциями, в числе своих главнейших задач имела не только сохранение в возможно большей неприкосновенности наиболее ценных недр и машин, но и такое ведение рудничного хозяйства Донбасса, которое в максимальной степени открывало бы путь к возврату бывшим хозяевам утерянных ими в результате Октябрьской Революции предприятий, хотя бы и под прикрытием концессионных договоров, заключенных, однако, в условиях наибольшей выгоды для концессионеров.

Контрреволюционная вредительская организация, пыталась, таким образом, использовать для своей преступной деятельности «легальные возможности», опираясь на отдельные моменты так называемой новой экономической политики и, в частности, на нашу концессионную политику, извращая ее и приспособляя ее к своим контрреволюционным замыслам и намерениям.

Этот пункт программы вредительской организации одним из подсудимых был формулирован с достаточно обнаженной циничностью; он гласит: «Доведение рудничного хозяйства Донбасса до такого состояния, при котором советское правительство было бы вынуждено сдать рудники в концессию иностранцам или вообще капитулировать перед капиталом...»

Хотя и по частному поводу, здесь однако, нашло свое выражение самое основное, что характеризует существо вредительской организации, направлявшей в конечном счете свою деятельность на то, чтобы добиться капитуляции и ликвидации Советской власти, добиться ее свержения...

В числе других пунктов программы деятельности харьковского центра мы находим и такие, как «пропаганда против советской власти» и помощь

в случае войны врагам СССР, расстройством тока, прекращением добычи, разрушением или затоплением рудников, целыми диверсионными актами.

Поставивши перед собой такие цели и такие «программные» задачи вредительская организация должна была стремиться захватить в свои руки все ответственные по Донуглю должности, что почти полностью ею и было осуществлено.

Одновременно, организация старалась поставить под свой контроль и заграничные командировки донуглевских инженеров, оказывая в желательном для себя направлении всевозможное давление.

Среди вопросов, интересовавших организацию и дебатировавшихся в ее кругах были вопросы об отношении к лозунгу индустриализации, так называемый «рабочий вопрос» и вопрос о мелком шахтном строительстве.

Что касается индустриализации, то харьковский центр стал на отрицательную точку зрения, считая, что индустриализация СССР должна способствовать укреплению диктатуры пролетариата, что, естественно, не в интересах организации и предпочитая этому ослабление экономической мощи Союза и превращая его в полуколониальный придаток к капиталистической системе.

«Рабочий вопрос» по программе вредителей сводился к тому, чтобы возбуждать недовольство рабочих своим положением, раздражать их установлением несправедливых норм, понижением расценок, раздуванием конфликтов, волокитой и затягиванием проведения в жизнь колдоговоров,—словом, установлением таких «колючих», по выражению подсудимого Бояринова, отношений между рабочей массой и ее профессиональными и партийными организациями, которые расшатывали бы и подрывали бы авторитет этих последних. Но проводить этот «рабочий вопрос» или его разрешать надлежало столь осторожно и умело, чтобы искусно была скрыта от постороннего глаза провокаторская рука вредителя.

Все изложенное выше, установленное в процессе судебного следствия, достаточно полно характеризует контрреволюционную физиономию организации.

Однако, эта характеристика нуждается еще в одном дополнении—связанном с вопросом о новом мелком шахтном строительстве.

Воспользовавшись тем, что обстоятельства, связанные с кон'юнктурой, сложившейся на топливном рынке, потребовали усиления добычи угля (во второй половине 1925 г.), вредительская организация, использовав командное положение своих членов в Донугле, развернула программу мелкого шахтного строительства, приспособив ее к своим вредительским планам.

Таким образом, правильная сама по себе идея, оказалась в плену у вредителей, оказалась извращенной в своем существе и по своим результатам обращенной против интересов советского хозяйства и советского государства.

«Организация,—об'яснял этот маневр один из обвиняемых (Матов),—решила придать этому строительству утрированный характер, т.-е. во многих случаях, когда нужно было с осторожностью подходить к мелкому шахтному строительству, решения принимались рискованные, без использования достаточных и проверенных данных».

На Щербиновке, на Кадиевке, в ряде других рудоуправлений, мелкие шахты оказались во многих случаях заложенными на ненадлежащем месте, ненадлежащим образом, и, естественно, дали с точки зрения государственных интересов ненадлежащие, отрицательные результаты. Такие результаты этого «строительства» в известной степени вызывались и отсутствием достаточного технического оборудования, что при закладке мелких шахт не было, однако, принято во внимание.

Разительным доказательством чрезвычайной беззастенчивости подобных вредительских действий служит факт многочисленных и неоднократных протестов со стороны рабочей массы, указывавшей на недопустимое ведение этого шахтного мелкого строительства, предупреждавшей о неизбежном затоплении одних шахт (напр., № 10 на Щербиновке), о неизбежной убыточности других (напр., шахты Соловьевки), продукция которой не имеет сбыта, благодаря своему низкому качеству даже в нетребовательных в этом отношении местных крестьянских хозяйствах. Шахта «Краснênькая», принадлежавшая ранее подсу-

димому Самойлову; мелкие шахты, на Кадиевке, где из 8 единиц только одна оказалась удовлетворительной,—вот пример вредительства, стоившего государству многих десятков и сотен тысяч рублей.

Мелкое шахтное строительство вредительская организация превратила в один из источников подготовлявшегося ею кризиса Донбасса, где-то на пороге 1929/30 г., когда по расчетам контрреволюционных воротил должна была осуществиться ожидавшаяся ими интервенция...

Примером преступной деятельности засевших в Донугле вредителей было и положение вопроса о себестоимости, искусственно заторможенной в ее снижении. Вредители били по себестоимости угля, задерживаяя ее снижение, тем самым ударяя по всей линии себестоимости промышленной продукции, а, следовательно, направляя одновременно свой удар и по линии такого основного ее потребителя, как наше мелкое крестьянское хозяйство. Этот удар, таким образом, направлялся по одному из наиболее чувствительных мест нашего народного хозяйства, ибо проблема себестоимости промышленной продукции является одной из основных проблем всего нашего хозяйственного развития.

Следующий этап в развертывании вредительской деятельности оказался связанным с возникновением и работой так называемого УНС—управления нового строительства, основание которого в составе Донугля относится к 1926 году.

На УНС была возложена задача исключительной важности и исключительной ответственности: построить на месте старого капиталистического Донбасса—новый Донбасс, социалистический Донбасс.

Эта задача сразу же привлекла к себе внимание и вредительской организации. Судебным следствием установлено, что за несколько месяцев до разрешения в официальном порядке вопроса об учреждении специального управления по новому строительству вредительская организация подробно обсуждала план своих действий, намечая тех из своих членов, которых надлежало бы в интересах организации провести на ответственные посты в новом учреждении.

Характерно также и то обстоятельство, что вопрос этот, по словам подсудимого Казаринова, возник по инициативе Прядкина, представителя Парижского центра, дирижировавшего из-за границы вредительской организацией.

И, действительно, через некоторое время во главе УНС оказался Матов, назначенный на эту должность в середине 1926 г.—один из наиболее активных руководителей организации и тем самым УНС попало в руки этой организации.

Вредительская работа в деле нового капитального строительства заключалась в сознательном затягивании составления проектов, составления многочисленных и излишних вариантов, пересоставлении проектов, в бесконечных переделках уже составленных проектов. Благодаря такому методу работы целый ряд проектов находился в состоянии вечного заканчивания и в течение ряда лет не заканчивался, благодаря чему ряд шахт (Карл, Ильич и др.) задерживались эксплоатацией на весьма значительные сроки. На-ряду с этим в проектном бюро УНС велись работы по заведомо фантастическим проектам, как, например, проект шахты Американка—Джоя, стоивший, однако, значичительных затрат; составлялись проекты с излишней по своей тщательности отделкой, но с прямым расчетом на возможно большее затягивание их окончания. Вместе с тем, осуществлялись проходки шахт, заложенных без всяких проектов, без производства предварительных разведок; заказывалось оборудование без проверенного плана и проверенных расчетов.

Характеризуя эту работу, заведующий подотделом Соколов говорил: «В общем работа велась по хорошо организованному плану, в целях бесполезной растраты государственных средств для получения в итоге результатов гораздо менее тех, которые можно было бы ожидать».

Ряд фактов, прошедших перед Специальным Присутствием, и нашедших свое подтверждение в соответствующих, приобщенных к делу документах, как, например, в докладе УНС техническому совету о состоянии работ по новому капитальному строительству, полностью подтвердил приведенную выше характеристику работы Управления Нового Строительства,

оказавшегося, таким образом, игрушкой в руках контр-революционных вредителей.

Организованный при Донугле технический совет, имевший экспертно-консультационный характер, дававший заключения по представляемым УНС'ом проектам, в большинстве случаев оказывался не в состоянии ни вскрыть, ни предотвратить тех вредительских тенденций, под влиянием которых строилась и протекала вся основная работа УНС'а.

Ярко вредительской оказывалась работа и такого важного отдела Донугля, как отдел механизации, также очутившегося в руках членов вредительской организации—в лице зам. завед. отделом Чинокала и старого инженера, занимавшего с внешней стороны скромную должность консультанта, Орлецкого.

В отделе механизации вредительский метод работы выражался в том, что закупались машины, не соответствовавшие пред'являемым к ним требованиям и условиям работы (например, заказ 9 врубовых машин «Кнапп», 30 машин Джефри), или закупались машины без запасных частей (например, закупка 125 машин Сисколь), или на рудоуправления посылались машины, не подходящие к естественным условиям работы (те же Сисколь на Власовке, где мягкая кровля, при которой не получается нужного эффекта в работе, случай с машиной Джефри) и в то же время отказывалось в присылке подходящих машин под предлогом их отсутствия, хотя таковые на складе были (случай с машинами Суливан). Вместе с тем принимались меры бойкота советских машин (случай с Кремат. врубовой машиной), испытания которых нарочито производились в гораздо менее благоприятных условиях, чем испытания заграничных машин.

Вполне понятно, что такая разветвленная вредительская работа ряда отделов и управлений Донугля могла иметь место лишь при том условии, что возглавляющие их должностные лица имели своих соучастников в директорате Донугля.

Судебное следствие с несомненностью такое соучастие установило в лице главного технического директора Донугля Бояршинова, оказавшегося одним из активных участников контр-революционной вредительской организации.

Вполне также понятно, что такая широкая вредительская работа организации могла осуществляться лишь при наличии постоянного и правильного финансирования ее из достаточно сильных в этом отношении источников.

Судебное следствие с исчерпывающей полнотой устанавливает не только каналы и линии движения денежных сумм, поступавших в распоряжение вредительской организации, но и основные источники этих поступлений. Такими источниками были различного рода капиталистические об'единения эмигрантского образования, с одной стороны, и субсидировавшие их некоторые капиталистические круги и некоторые учреждения некоторых иностранных государств, с другой стороны.

Деньги в распоряжение вредительской организации поступали в течение 1924/27 гг. и достигали солидных размеров в несколько сот тысяч рублей в червонном исчислении. Перевозились эти деньги, как это также было установлено судебным следствием, или лично членами организации, как, например, Матовым, Юсевичем, при их возвращении из заграничных командировок, или при содействии некоторых государственных иностранных учреждений.

Одним из источников вредительской организации были процентные отчисления отдававшихся германским фирмам через членов организации заказов, получаемые этими последними от заинтересованных фирм в размере от ½ до 30% с суммы заказа.

Получение денежных средств из этих источников в некоторых случаях особенно облегчалось тем, что в некоторых из этих фирм, как это было с точностью установлено на судебном следствии, видные должности оказывались занятыми эмигрировавшими из СССР белогвардейцами, не только разделявшими контр-революционные настроения членов вредительской организации, но и готовые оказывать и активную помощь и всевозможное содействие.

Аналогично Харьковской группе в начале 1926 г. сложилась и начала действовать и Московская группа, долженствовавшая об'единить под своим руководством вредительскую деятельность ряда образовавшихся в разных наркоматах и трестах вредительских ячеек.

К составу Московской группы принадлежал ряд лиц, из которых некоторые, в виду их наибольшей связи с Харьковской группой, были привлечены в качестве обвиняемых по настоящему делу, при чем, как это было установлено на судебном следствии показаниями Братановского, Матова, Скорутто, Казаринова, Мухина, Будного, наиболее заметную роль играли подсудимые Скорутто и Рабинович.

На основании вышеизложенного и руководствуясь, в соответствии со ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, специальное присутствие Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик установило:

1. Матов, Юрий Николаевич, б. завед. УНС:

а) вступил в 1921 г. в связь с находившимися за границей бывшими собственниками и, в частности, с Дворжанчиком, систематически информируя их о положении советской каменноугольной промышленности и поддерживая таковую связь и во все последующее время;

б) вступил в 1923/24 г. в образовавшуюся к этому времени вредительскую контр-революционную организацию, где сразу же занял выдающееся руководящее положение;

в) активно участвовал во вредительской контр-революционной работе, вербуя новых участников этой организации, руководя вредительской деятельностью членов организации и отдельных вредительских групп на местах, лично устанавливая с зарубежными организациями б. собственников (Париж. центр) и с представителями некоторых официальных учреждений некоторых иностранных государств и непосредственно осуществляя таковые;

г) получал для контрреволюционной вредительской работы из указанных выше источников денежные средства, которые и распределял среди других участников организации;

д) получал из тех же сумм личное вознаграждение за проводившуюся им вредительскую работу, т. е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^3, 58^7 и 58^{11} УК РСФСР;

2. Братановский, Сергей Павлович, бывший заведующий проектировочным отделом Донугля:

а) вступил в 1921 году в связь с бывшими собственниками и, в частности, с Буржем, систематически информируя последнего о состоянии принадлежавшего ему до Октябрьской Революции рудника, за что получал от Буржа денежное вознаграждение;

в) будучи заведующим проектным бюро, а затем проектным отделом контр-революционную организацию и осуществлял вредительские действия, выражавшиеся в сокрытии ценных пластов (напр., Амазный пласт в Екатерининском руднике (4), умышленном торможении откачки затопленных уклонов (например уклон на том же Амазном пласте), в задерживании ремонта отдельных шахт (например, ремонт ствола на шахте Капитальная) и в ряде других аналогичного характера преступлениях;

в) будучи заведующим проектным бюро, а затем проектным отделом УНС, принимал в соответствии с планами и решениями вредительской организации меры к сознательному замедлению составления и прохождения проектов по новому капитальному строительству, в каковых целях установил систему многократных пересоставлений уже готовых проектов;

г) участвовал в подготовке, систематизации и направлении за границу в распоряжение бывшего совета с'ездов горнопромышленников юга России сведений, поступавших от членов вредительской организации с мест;

д) принимал участие в качестве одного из участников руководящей группы вредительской организации в распределении денежных сумм, поступавших на нужды вредительской организации из-за границы;

е) получал за свою личную вредительскую работу вознаграждение из указанных выше сумм;

ж) осуществлял связь через подсудимого Кржижановского с одним из иностранных учреждений, передавая в его распоряжение интересующие это

учреждение сведения, за что получал от указанного учреждения денежное вознаграждение, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{3} 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР;

3. Казаринов, Алексей Иванович, бывший заведующий иностранным отделом Донугля:

а) состоя заведующим горными работами Гришинского рудника, вступил в 1924 г. во вредительскую контр-революционную организацию, вовлек в нее ряд лиц инженерно-технического персонала Гришинского рудника, содействовал явно нецелесообразному переоборудованию шахт (напр., Ново-Экономической, Центральной и Городовской) и совершал другие такого же характера вредительские действия;

б) перейдя на службу в Харькове вошел в руководящее ядро Харьковской организации и принимал активное участие в ее вредительской деятельности;

в) будучи командирован за границу для участия в работе Берлинского Торгпредства, вошел, по поручению организации, в соглашение с заграничной группой бывших углепромышленников юга России и принял участие в совещании совместно с Дворжанчиком, Исаем Башкиным и др., где обсуждались вопросы, интересующие вредительскую организацию, а именно: вопрос об установлении связи с Парижем через Юсевича, об усилении денежных поступлений в пользу организации, об об'единении бывших русских торгово-промышленных кругов за границей и др.;

г) производил крупные импортные закупки машин, не требовавшихся или не соответствовавших условиям производства в Донбассе;

д) получал, как и ряд других членов вредительской организации, за свою вредительскую работу денежное вознаграждение из сумм, поступавших в распоряжение организации из-за границы, т.-е. совершил преступления предусмотренных ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР;

4. Горлецкий, Николай Николаевич, заведующий подотделом механизации Донугля:

а) состоял членом вредительской контрреволюционной организации, организовывал начиная с 1921—23 г. отдельные вредительские группы, вовлекая в них ряд инженеров и техников;

б) состоял в связи с быв. собственниками, получая от них указания вредительского характера и денежные суммы, большую часть которых распределял при посредстве Березовского среди членов организации;

в) руководил вредительской работой, давая через Березовского, Калганова и др. указания о сокрытии пластов, замедлении работ и т. п.

г) будучи одним из ответственных руководителей отдела механизации, производил нерациональные заказы машин, давая указания о приобретении машин, вовсе непригодных или менее пригодных для работы в условиях производства в Донбассе, вследствие чего при затрате крупных денежных государственных средств большая масса этих машин оказывалась или вовсе неиспользованной или использованной с значительно пониженным эффектом (машины Сисколь, Джефри, Кнапп), т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР;

5. Бояршинов, Николай Прокофьевич, гл. технический директор Донугля:

а) вступил в связь с Дворжанчиком, сообщая последнему и в его интересах сведения, могущие быть им использованными в связи с попытками добиться наиболее выгодного получения концессий;

б) вступил в контрреволюционную вредительскую организацию, сгруппировавшуюся в Донугле, осуществлял совместно с организацией и в соответствии с ее планами ряд вредительских действий, наиболее крупным из которых является так наз. мелкое шахтное строительство, проходившее под непосредственным руководством Бояршинова;

в) занял, благодаря личным качествам своего характера и своему должностному положению, руководящее положение во вредительской организации, о которой не только знал, как это утверждает он сам, но которой руководил на-ряду с некоторыми другими членами руководящей головки вредительской организации;

г) участвовал на-ряду с Матовым и др. руководителями организации в распределении и передаче находящихся в распоряжении организации денежных сумм, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР;

6. Сущевский, Дмитрий Михайлович, быв. пом. завед. УНС Донугля:

а) вступил в 1923 г. в сношения с Дворжанчиком и, действуя в интересах быв. хозяев, не только информировал его, но и присылал за границу на его утверждение проекты новых шахт, производя затем в этих проектах изменения соответственно указаниям Дворжанчика;

б) вступил во вредительскую контр-революционную организацию и привлек к участию в ней ряд инженеров и техников (Одрова, Стояновского и др.), выплачивал им денежные суммы, полученные через Бахтиарова от быв. хозяев и, вообще, из-за границы;

в) участвовал в проведении мелкого шахтного строительства в прямых интересах быв. хозяев и следуя соответствующим их указаниям;

г) перейдя на работу в УНС, вошел в руководящую группу контр-революционной вредительской организации и принимал активное участие в ее вредительской деятельности, т. е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

7. Березовский Николай Николаевич, б. групповой директор:

а) с начала установления в Донбассе Советской власти Березовский в течение ряда лет осуществлял вредительские действия в индивидуальном порядке, привлекая к этому ряд лиц, связанных с ним служебными отношениями;

б) вступил в 1922 г. в рудничную вредительскую организацию (по ДГРУ), привлекши к участию в ней Калганова, а через последнего еще ряд инженеров и техников—Колодуба, Е., Колодуба, А., Самойлова, Башкина, Бабенко, Чернокнижникова и др.;

в) руководил вредительской работой отдельных членов организации, давая им соответствующие указания (Калганову и др.);

г) получал через Горлецкого денежные суммы в размере до 175 000 р. и распределял эти суммы между остальными, связанными с ним, членами организации, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР;

8. Калганов, Николай Ефимович.

а) Вступил в 1922 г. в контр-революционную вредительскую организацию и во исполнение ее директив:

А. скрывал и задерживал разработкой ряд ценных пластов и участков (шахта «Пролетарская Диктатура», им. Воровского, им. Крыленко, шахта «Октябрьская Революция» и др.);

Б. пускал в ход нерентабельные шахты (Красненькая, Тагро и др.), вкладывал в это дело значительные денежные средства и отвлекая их, таким образом, от более целесообразного использования;

В. допускал сознательную порчу машин и отдельных механизмов;

б) привлек к участию в контр-революционной вредительской организации ряд инженеров и техников—Нашивочникова, Бабенко, Колодуба Ем., Колодуба А., Самойлова, Антонова, Чернокнижникова, Шишкина;

в) получал через Березовского для себя и для других, связанных с ним членов вредительской организации, денежные суммы, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР;

9. Скорутто, Николай Иосифович, б. зам. директора Главгортопа ВСНХ СССР:

а) состоял членом контр-революционной вредительской организации в Москве («Московский центр»), посещал при своих проездах в Харьков Харьковскую вредительскую организацию («Харьковский центр»), принимал участие в совещаниях этой организации в качестве представителя Московского центра;

б) доставлял неоднократно в Харьков денежные суммы на нужды организации;

в) в качестве члена Московского центра вошел в связь с заграничным об'единением польских углепромышленников и некоторыми специальными учреждениями иностранных государств в целях информации последних в интересующем их направлении и получении от них в свою очередь директив экономического и военно-политического характера, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{3}, 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР;

10. Детер, Александр Васильевич.

а) получал в 1921 г. от своих быв. хозяев (Сулимское акц. о-во) задания, направленные к охране их интересов, чем и руководствовался в этот период времени в своей работе, сокращал подготовительные работы по ряду шахт (№ 6, № 2 и др.);

б) вступил в связь с Дворжанчиком, посылал ему доклады, используя в тех же целях свою заграничную командировку;

в) вступил в Харьковскую вредительскую контр-революционную организацию в качестве одного из руководящих деятелей ее;

г) получал от быв. хозяев денежные суммы, часть из которых оставалась за границей и вносилась в банк на личный счет Детера, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

11. Шадлун, Георгий Акимович.

а) получал от эмигрировавшего за границу бывш. своего хозяина Ремо деньги с указанием затопить шахту № 14 (Берестовско-Богодуховскую) каковое поручение и передал для выполнения И. И. Некрасову, каковым шахта и была затоплена;

б) принял участие в рудничных вредительских организациях, связал Березовского с Горлецким на почве вредительских интересов;

в) входил в руководящую группу контр-революционной вредительской организации, принимая участие в ее совещаниях, собирал необходимые для посылки за границу сведения и посылал таковые, получая деньги от Сущевского, Матова и друг., т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

12. Бояринов, Николай Антонович:

а) В 1924 г. вошел в связь с «Об'единением шахтовладельцев Донбасса в Польше» в лице Дворжанчика;

б) в 1925 г. вступил в контрреволюционную вредительскую организацию, от которой получал так же, как и от Дворжанчика, директивы по вредительству, которые и проводил в жизнь;

в) вошел в сношение по указанию вредительской организации с некоторыми учреждениями некоторых иностранных государств, передавая им сведения военного и экономического характера, за что получал от указанных выше учреждений должное вознаграждение;

г) в течение 2 лет тормозил откачку шахт в Калининском рудоуправлении, в целях задержки эксплоатации других шахт, неоднократно переделывал проекты и т. д., т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{3}, 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

13. Башкин, Абрам Борисович.

а) производил до 1922 г. отдельные вредительские акты в индивидуальном порядке;

б) вступил в 1922 г. в контрреволюционную вредительскую организацию, исполняя вредительские действия по указанию Калганова, Самойлова;

в) получал за вредительство денежное вознаграждение;

г) был в сношениях с зарубежными белоэмигрантскими группировками, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР;

14. Юсевич, Андриан Яковлевич, техник-консультант по экспорту антрацита в Париже:

а) вступил в 1925 г. в контрреволюционную вредительскую организацию;

б) принял поручение этой организации установить связь с об'ед. бывш. промышл. юга России», имеющим местопребывание в Париже, каковое поручение выполнил;

в) во вторую командировку принял совместно с Матовым другое поручение об установлении связи с некоторыми официальными учреждениями за границей, каковое так же выполнил;

г) получил вместе с Матовым на нужды вредительской организации, крупную сумму денег (500 000 фр.), и, привезя с собой часть этих денег, передал ее в распоряжение контрреволюционной вредительской организации, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст ст. 58^{3}, 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР;

15. Будный, Семен Захарович:

а) будучи членом вредительской контрреволюционной организации, установил связь с Дворжанчиком. Через одно из иностранных учреждений, получал указанным порядком письма, содержавшие в себе данные, относящиеся к вредительской деятельности в интересах бывш. хозяев, передавал эти письма (до 40 шт.) их адресатам;

б) получал для членов контрреволюционной вредительской организации письма от Парижского центра, каковые и передавал по назначению;

в) вошел в связь с некоторым иностранным государственным учреждением, передавал этому учреждению сведения не только экономического, но и военного характера, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст ст. 58^{3}, 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

16. Мешков, Леонид Николаевич:

а) будучи зам. техн. директора Донугля, состоял вместе с тем членом руководящей группы вредительской организации;

б) не проявлял большой активности в деле вредительства, как член организации, участвовал в совещаниях ее членов и был в курсе работ всей организации;

в) получал денежные суммы и распределял таковые между инженерами Сталинского района, инструктируя их в отношении проведения ими вредительской работы, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

17. Самойлов, Василий Никифорович:

а) вступил в контрреволюционную вредительскую организацию, выполняя ее директивы;

б) вербовал новых членов организации, давая им в свою очередь указания;

в) получал денежные суммы, каковые и распределял среди других членов организации;

г) получал лично вознаграждение из тех же источников за свою вредительскую работу, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР;

18. Некрасов, Иван Иванович.

А. Будучи управляющим Берестовским рудником, затем главным инженером Кадиевского рудника и главным инженером электрокольца Алмазно-Марьевского района,

а) по директиве бывших членов правления Берестовско-Богодуховского района Ремо и Декса затопил шахту № 14, за что получил через Шадлуна от Ремо денежное вознаграждение в размере 600 рублей золотом.

б) вступил в контрреволюционную вредительскую организацию, получал и исполнял ее директивы, в частности в области заказов на оборудование и нажимов на рабочих;

в) получал на-ряду с другими членами организации деньги из сумм, поступавших в распоряжение организации, т.-е. совершал преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

19. Кржижановский, Николай Константинович, бывший старший инженер проектного отдела УНС:

а) состоял членом контрреволюционной организации в Харькове, вступил в нее в 1925/26 г.;

б) в качестве члена организации был выделен ею для связи с одним иностранным учреждением в Харькове, каковому учреждению и передавал сведения экономического и политического характера, получая за это вознаграждение как для передачи организации, так и в свою личную пользу;

в) кроме того, получал от организации вознаграждение в связи со своей вредительской деятельностью, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{3}, 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

20. Одров, Владимир Клавдианович, бывший заместитель главного инженера Щербиновского рудоуправления:

а) состоял членом вредительской контрреволюционной организации;

б) передавал письма от Дворжанчика различным лицам, причастным к организации;

в) принимал участие во вредительской работе Сущевского и Щербиновской контрреволюционной группы;

г) получал за это вознаграждение, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

21. Стояновский, Иван Кириллович, бывший помощник главного инженера Щербиновского рудоуправления:

а) состоял членом той же организации, будучи вовлечен в нее Сущевским;

б) исполнял ее директивы, в связи с чем и получал от организации денежное вознаграждение, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

22. Чернокнижников, Степан Ефимович, бывш. главный механик ДГРУ:

а) вступил в 1922 г. в рудничную контрреволюционную группу:

б) исполнял директивы организации, совершил ряд вредительских актов (в отношении различных механизмов, турбины электростанции ДГРУ);

в) получал в связи с этой вредительской работой вознаграждение из сумм вредительской организации, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

23. Бабенко, Сергей Александрович, быв. помощник заведующего горными работами ДГРУ:

а) вступил в 1922 г. в контрреволюционную вредительскую организацию, получал от нее директивы и во исполнение их осуществил ряд вредительских актов (затопил шахту «Ново-Азов», сократил в течение 4 лет целиков восточного крыла лит. «Б» на шахте № 2, разработка уступов в механизированном участке лит. «Б», приводившая к их частым завалам, браковка советской (Краматорская) врубовой машины и ряд других действий);

б) получал за эти вредительские действия от организации вознаграждение, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 59^{3} и 58^{11} УК РСФСР.

24. Ржепецкий, Владислав Станиславович, бывший главный инженер Ирминского и Байракского рудоуправлений:

а) с 1924 г. состоял членом вредительской организации, получал от нее директивы;

б) не проявляя особой активности, однако, получаемые от Дворжанчика и Сущевского указания исполнял, т.-е. совершал преступления, предусматриваемые ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

25. Горлов, Иван Григорьевич, бывш. заведующий шахтой «Артем» Власовского рудоуправления,—знал о наличии контрреволюционной вредительской группы, но не принял мер к осведомлению о ее существовании и деятельности органов власти, т.-е. совершил преступление, предусмотренное ст. 58^{12} УК РСФСР.

26. Кувалдин, Владимир Михайлович, механик Несветаевского рудоуправления:

а) состоял во вредительской контрреволюционной организации;

б) участвовал во вредительской работе на Несветаевском руднике, в частности, вывел из строя под'емную машину, повредил ряд механизмов и не принял мер, способных предотвратить затопление шахты № 2, что, однако, имел полную возможность сделать и т. д., т.-е. совершал преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

27. Овчарек, Мечислав Антонович, бывший заведующий горными работами на Власовском рудоуправлении:

а) знал о наличии контрреволюционной вредительской организации, но не принял мер осведомления о ней органов власти, т.-е., совершил преступление, предусмотренное ст. 58^{12} УК РСФСР.

28. Калнин, Петр Эрнестович, бывший главный инженер Несветаевского рудоуправления:

а) будучи вовлечен в контрреволюционную вредительскую организацию, получал от нее деньги и не препятствовал совершению вредительских актов;

б) сам, однако, участия в них не принимал, но и не сообщал о них органам власти, т.-е., совершил преступление, предусмотренное ст. 58^{12} УК РСФСР.

29. Некрасов, Александр Евдокимович, заведующий шахтой на Несветаевском рудоуправлении:

а) вступил в 1923 г. в контрреволюционную вредительскую организацию;

б) производил по директивам организации ряд вредительских актов (задержка работ по проходке, уклонов нужного горизонта шахт №№ 2 и 3 и пр.);

в) вербовал членов организации;

г) получал денежные суммы для себя лично и для распределения между другими членами организации, т.-е., совершал преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

30. Кузьма, Леонард Бернгардович, бывший главный инженер Пастуховского, Власовского и Несветаевского рудоуправлений:

а) занимая должность главного инженера Власовского рудоуправления, знал о существовании вредительской организации в Донецко-Грушевском рудоуправлении;

б) знал о вредительской деятельности Березовского, Горлецкого, Башкина, Бояринова, Некрасова Александра;

в) согласился оказывать вредительской организации содействие, получая от Березовского в связи с этим денежное вознаграждение;

г) однако, вредительских действий лично не совершал, ибо, как это установлено на судебном следствии, имевшие место в его рудоуправлении некоторые неполадки и неудачи, в частности, ухудшение качества угля, может быть об'яснено новизной производственных методов, впервые применяемых подсудимым Кузьмой, с слабостью рудничного оборудования (сортировка), что не может быть отнесено исключительно за счет деятельности Кузьмы, т.-е., совершил указанные в п.п. «а», «б» и «в» преступления, предусмотренные ст.ст. 17, 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

31. Соколов, Валериан Олимпович, бывший главный инженер Кадиевского рудоуправления, бывший заведующий п/отделом проектировок УНС:

а) вступил в 1924 г. в контрреволюционную вредительскую организацию, получал от нее директивы и во исполнение их произвел ряд вредительских актов (затягивание проектирования шахты «Ильич», неправильная закладка мелких шахт и проч.);

б) вовлекал в организацию новых членов (Бояршинова, Некрасова, И. И., и др.);

в) получал деньги в связи со своей вредительской деятельностью лично для себя и для передачи другим членам организации, т.-е., совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

32. Рабинович, Лазарь Григорьевич, бывш. председатель технич. совета Донугля:

а) неоднократно в течение 1925/26 г. присутствовал на совещаниях членов вредительской контрреволюционной организации, принимая участие в обсуждении вопросов, дебатировавшихся на этих совещаниях;

б) не осуществляя вредительства в своей личной деятельности в качестве председателя технич. совета, тем не менее оказывал членам вредительской организации свое содействие в отношении установления и осуществления связей с различными учреждениями, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

33. Петров, Василий Филиппович, вступил в 1922 г. во вредительскую организацию и совершил по указанию Калганова ряд вредительских актов, часть которых совершил совместно с Самойловым, получая за эти действия деньги, т.-е., совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

34. Чинокал, Николай Андреевич, бывш. зам. зав. технич. отд. Донугля:

а) состоял членом вредительской контрреволюционной организации и осуществлял вредительские действия в области механизации рудников Донбасса;

б) направлял совместно с Горлецким в соответствии с вредительскими заданиями организации на рудники и шахты врубовые машины, в условия, заведомо для отдела механизации не подходящие для данного типа машин;

в) присутствовал на заседании Харьковской группы; принимал участие в обсуждении различного рода вопросов вредительского характера;

г) получал в связи со своей вредительской деятельностью денежное вознаграждение, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

35. Колодуб, Андрей Кириллович, бывший заведующий шахтой «Аюта» ДГРУ:

а) состоял в контрреволюционной вредительской организации, получал от нее соответствующие директивы;

б) выполнил ряд вредительских актов (шахта «Красненькая», затопление шахты «Аюта» и пр.), получал за это денежное вознаграждение, т.-е., совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

36. Нашивочников, Василий Николаевич, бывш. заведующий шахтой № 2 ДГРУ:

а) состоял членом вредительской контрреволюционной организации, получая директивы по вредительству, осуществляя их по шахте № 2, получая в связи с этим денежное вознаграждение, т.-е., совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

37. Васильев, Федор Тимофеевич, бывш. уч. техник ДГРУ:

а) состоял членом вредительской контрреволюционной организации и во исполнение ее указаний совершил ряд вредительских действий (завалы ходов и уступов в лит. «В», искривление уступов и сознательное оставление целиков, не допускающих возможности их выемки и т. д.);

б) получал деньги за указанную выше вредительскую работу, т.-е., совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

38. Валиковский, Андрей Константинович, бывший директор Донугля:

а) состоял членом контрреволюционной вредительской организации, будучи вовлечен в нее с 1925 г. Матовым;

б) будучи директором антрацитного района, выполнял указания вредительской организации, хотя и не проявлял большой активности. Тем не менее благодаря его действиям, были почти приостановлены работы по шахте «Карл» и, вообще, был замедлен темп работ по добыче угля в Хрустальском РУ;

в) в связи со своим участием во вредительской организации получал деньги и распределял их между другими членами этой организации в своем районе, т.-е., совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

39. Антонов, Петр Ильич, бывший помощник начальника горного округа:

а) состоял членом контрреволюционной вредительской организации;

б) осуществлял свою вредительскую деятельность, покрывая авторитетом горного надзора преступные действия членов этой организации, в связи с чем и

в) получал денежные вознаграждения из средств организации, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

40. Колодуб, Емельян Кириллович, бывший техник по рационализации производства в ДГРУ:

а) вошел в 1922 г. по предложению Калганова в контрреволюционную вредительскую организацию;

б) активного участия в ней не принимал, но

в) оказывал ей своим опытом содействие, т.-е., совершил преступление, предусмотренное ст. ст. 17, 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

41. Владимирский, Владимир Васильевич, бывший главный инженер Рутченского рудника:

а) имел связь с «об'единением бывших углепромышленников Донбасса в Польше» в лице Дворжанчика;

б) состоял членом контрреволюционной вредительской организации, но особой активности не проявлял;

в) получал от организации деньги, т. е., совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

42. Беленко, Венедикт Иванович, бывший участковый техник, бывший заведующий проходной шахтой им. Красина:

а) состоял членом контрреволюционной вредительской организации;

б) совершал отдельные мелкие вредительские действия (крепление рудничного двора, искривление уступов, срывавшее работу скреперов и проч.), т.-е. совершал преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК. РСФСР.

43. Элиадзе, Александр Яковлевич, бывш. заведующий шахтой в ДГРУ до июня 1924 года:

а) будучи связан с членами контрреволюционной вредительской организации и зная о ее деятельности, оказывал отдельным членам организации услуги (случай с Куркиным), не принял мер к осведомлению об этой организации органов власти, т.-е. совершил преступление, предусмотренное ст. 58^{12} УК РСФСР.

44. Никитин, Михаил Ефимович, бывший инструктор врубовых машин:

а) зная о существовании вредительской организации, не довел об этом до органов власти;

б) получил за дачу положительного отзыва о работе машин «Кнаппа» взятку, переданную ему монтером фирмы Бадштибером, т.-е. совершил преступление, предусмотренное ст. ст. 58^{12} и 117, ч. 1 УК РСФСР.

45. Бадштибер, Вильгельм Иоганович, монтер фирмы «Кнапп» передал под давлением своего начальства, заинтересованного в получении положительного отзыва о работе машины «Кнапп», надсмотрщику Никитину взятку, т.-е. совершил преступление, предусмотренное ст. 118 УК РСФСР.

46. Семенченко, Платон Иванович, бывший электро-монтер Щербиновского рудника:

а) состоял в контрреволюционной вредительской организации;

б) осуществлял мелкое вредительство, за что получал вознаграждение, т.-е. совершил преступление, предусмотренное ст. ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

47. Люри, Владимир Владимирович, заведующий горными работами рудников «Северный» и «Артем» Щербиновского рудника:

а) состоял членом контрреволюционной организации;

б) получал от нее денежное вознаграждение;

в) но активного участия во вредительской работе не принимал, т.-е., совершил преступление, предусмотренное ст .ст. 58^{7} и 58^{11} УК РСФСР.

48. Файерман, Павел Маркович, бывший старший инженер УНС Донугля: зная о существовании контрреволюционной организации и видя ее вредительскую деятельность, не принимал никаких мер к осведомлению органов власти, т.-е., совершил преступление, предусмотренное ст 58^{12} УК РСФСР.

49. Именитов, Соломон Григорьевич, бывш. заведующий производственно-техническим отделом Московского представительства Донугля: зная о существовании контрреволюционной вредительской организации, не принял никаких мер к осведомлению об этом органов власти, т.-е., совершил преступление предусмотренное ст. 58^{12} УК РСФСР.

Обвинения, пред'являемые к подсудимым: 1) Потемкину, Григорию Петровичу по ст. 58^{7} УК РСФСР; 2) Штельбрингу, Виктору Эду-

ардовичу, по той же статье; 3) Мейеру, Максу Карловичу и Отто Эрнсту Эмильевичу, по 17 и 58^7 ст. ст. УК РСФСР, считать не доказанным.

На основании ст. 326, ч. 1 УПК РСФСР Специальное Присутствие Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик, приговорило:

1) Потемкина, Григория Петровича, 2) Штельбринга, Виктора Эдуардовича, 3) Отто, Эрнста Эмильевича, 4) Мейера, Макса Карловича—считать по суду оправданными.

5) Овчарека, Мечислава Антоновича—к лишению свободы на 1 год со строгой изоляцией без поражения в правах и за силою ст. 53 УК РСФСР, приговор считать условным сроком на 3 (три) года.

6) Бадштибера, Вильгельма Иогановича — к лишению свободы на 1 год без строгой изоляции и без поражения в правах и за силой ст. 53 УК РСФСР, приговор считать условным сроком на 1 год. По обвинению того же Бадштибера, В. И. по ст. ст. 17 и 58^7, считать по суду оправданным.

7) Никишина, Михаила Ефимовича—на основании ст. 58^{12}—к 2 годам лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах и на основании ст. 117, ч. I—к 1 году лишения свободы без строгой изоляции, а за силой ст. 49 УК РСФСР — к 2 годам лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах, и за силой ст. 53 У. К. РСФСР, приговор считать условным на 3 года.

8) Горлова, Ивана Григорьевича—на основании ст. 58^{12}—к 2 годам лишения свободы со строгой изоляцией и без поражения в правах и за силой ст. 53 УК, приговор считать условным на 3 года.

9) Фейерман, Павла Марковича,—на основании ст. 58^{12} УК—к 1 году лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах.

10) Именитова, Соломона Григорьевича,—на основании ст. 58^{12} У. К.—к 1 году 6 месяцам лишения свободы со строгой изоляцией и без поражения в правах.

11) Кузьму, Леонарда Бернгардовича,—на основании ст.ст. 17, 58^7 и 58^{11} УК—к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией, без поражения в правах с конфискацией $^1/_5$ части его имущества.

12) Беленко, Венедикта Ивановича,—на основании ст.ст. 58^7 и 58^4 УК—к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах, с конфискацией $^1/_5$ части его имущества.

13) Калнина, Петра Эрнестовича,—на основании ст. 58^{12} У. К.—к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах.

14) Элиадзе, Александра Яковлевича,—на основании ст. 58^{12} У. К.—к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах.

15) Семенченко, Платона Ивановича,

16) Люри, Владимира Владимировича,

17) Ржепецкого, Владислава Станиславовича,

18) Владимирского, Владимира Васильевича,—

на основании 58^7 и 58^{11} ст.ст. УК—на 3 года лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах каждого и с конфискацией $^1/_5$ имущества каждого;

19) Одрова, Владимира Клавдиановича, и

20) Некрасова, Ивана Ивановича,—на основании ст. ст. 58^7 и 58^{11} УК—на 4 года со строгой изоляцией без поражения в правах и с конфискацией $^1/_5$ имущества каждого из них;

21) Бабенко, Сергея Александровича, 22) Чернокнижникова, Степана Ефимовича, 23) Петрова, Василия Филипповича, 24) Васильева, Федора Тимофеевича, 25) Кувалдина, Владимира Михайловича, 26) Стояновского, Ивана Кирилловича, 27) Соколова, Валентина Олимповича, 28) Валиковского, Андрея Константиновича, 29) Самойлова, Василия Никифоровича,—на основании ст.ст. 58^7 и 58^{11} УК—к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах и с конфискацией $^1/_3$ имущества каждого;

30) Колодуба, Емельяна Кирилловича,—на основании ст.ст. 17, 58^7 и 58^{11} УК—к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией с пора-

жением в правах, предусмотренных п.п. «а», «б», «в», «с», ст. 31 УК сроком на 3 года, с конфискацией $^1/_3$ его имущества;

31) Мешкова, Леонида Николаевича, 32) Чинокала, Николая Андреевича, 33) Антонова, Петра Ильича, 34) Нашивочникова, Василия Николаевича,—на основании ст.ст. 58^7 и 58^{11} УК—к 6 годам лишения свободы со строгой изоляцией, поражением в правах, предусмотренных п.п. «а», «б», «в», «г», ст. 31 УК, сроком на 3 года и с конфискацией $^1/_3$ имущества каждого;

35) Рабиновича, Лазаря Григорьевича,—на основании ст.ст. 17, 58^7 и 58^{11} УК—к 6 годам лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах, предусмотренных п.п. «а», «б», «в» и «г», ст. 31 УК—сроком на 3 года и с конфискацией $^1/_3$ его имущества;

36) Колодуба, Андрея Кирилловича,

37) Некрасова, Александра Евдокимовича,

38) Калганова, Николая Ефимовича,

39) Башкина, Абрама Борисовича,—на основании ст.ст. 58^7 и 58^{11} УК—к 8 (восьми) годами лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах, предусмотренных в п.п. «а», «б», «в» и «г» ст. 31 УК—сроком на 5 лет и с конфискацией $^1/_2$ имущества каждого;

40) Скорутто, Николай Иосифовича,—на основании ст. ст. 58^3 и 58^7 УК—к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией всего имущества;

41) Детера, Александра Васильевича, и

42) Сущевского, Дмитрия Михайловича,—на основании ст.ст. 58^7 и 58^{11} УК—к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах, предусмотренных п.п. «а», «б», «в» и «г», ст. 31 УК—сроком на 5 лет и с конфискацией всего имущества каждого;

43) Горлецкого, Николая Николаевича,

44) Березовского, Николая Николаевича,

45) Шадлуна, Георгия Акимовича,

46) Казаринова, Алексея Ивановича,

47) Бояршинова, Николая Прокофьевича, на основании ст.ст. 58^7 и 58^{11} УК и

48) Матова, Юрия Николаевича,

49) Братановского, Сергея Павловича,

50) Бояринов, Николая Антоновича.

51) Кржижановского, Николая Константиновича,

52) Юсевича, Адриана Яковлевича,

53) Будного, Семена Захаровича, на основании ст.ст. 58^3, 58^7 и 58^{11}—к высшей мере социальной защиты, расстрелу, с конфискацией всего имущества каждого.

Вместе с тем Специальное Присутствие Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик, считает необходимым представить на усмотрение Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР нижеследующее: значительное большинство осужденных по настоящему делу к высшей мере социальной защиты—расстрелу, еще в стадии предварительного следствия и затем на судебном следствии не только признали свою вину перед пролетарским государством, но и стремились раскрыть перед ним все обстоятельства совершенных ими тяжких преступлений.

Учитывая это обстоятельство, а равно и то, что громадное большинство осужденных представляет собой квалифицированную техническую силу, которую возможно использовать в соответствующих условиях на практической работе, Специальное Присутствие Верховного Суда СССР в отношении Березовского, Казаринова, Матова, Братановского, Шадлуна и Бояршинова, ходатайствует о замене им расстрела иной мерой социальной защиты.

Всем приговоренным к срочному лишению свободы зачесть сроки их предварительного заключения.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Постановление Президиума ЦИК Союза ССР по Шахтинскому делу.

По вопросу о применении частной амнистии к приговоренным Верховным Судом Союза к высшей мере социальной защиты (расстрелу) по шахтинскому делу Президиум ЦИК Союза ССР постановил гр.гр. Н. Н. Березовскому, А. И. Казаринову, Ю. Н. Матову, С. П. Братановскому, Г. А. Шадлуну и Н. П. Бояршинову—высшую меру социальной защиты (расстрел) заменить десятью годами лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах на 5 лет и конфискацией всего имущества.

В отношении гр.гр. Н. Н. Горлецкого, Н. К. Кржижановского, А. Ю. Юсевича, С. З. Будного и Н. А. Бояринова Президиум ЦИК Союза постановил приговор Верховного суда Союза ССР утвердить.

Исполнение приговора.

9 июля с. г. приговор по делу об экономической контрреволюции в Донбассе в отношении осужденных к расстрелу Горлецкого, Кржижановского, Юсевича, Будного и Бояринова приведен в исполнение.

Приложение.

Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостати хомяазяйственного строительства.

Резолюция по док ладу т. Рыкова, принятая единогласно об'еди ненным пленумом ЦК и ЦКК ВКП (б) 11 апреля 1928 г.).

Шахтинское дело привело к раскрытию контр-революционной вредительской организации в Донбассе. Это дело приобрело явно общесоюзное значение, так как вскрыло новые формы и новые методы борьбы буржуазной контр-революции против пролетарского государства, против социалистической индустриализации. Политическое значение этого дела подчеркивается тем, что вредительская организация в Донбассе, созданная бывшими шахтовладельцами и группой особо привилегированных в прошлом специалистов, была связана с бывшими русскими и иностранными собственниками, а также с иностранной военной разведкой и, помимо других задач, ставила своей целью срыв обороны Советского Союза и прямую подготовку к интервенции и к войне с СССР.

Обнаружение контр-революционного заговора в Донбассе, как и ряд других фактов экономического вредительства, саботажа- и пр., свидетельствует о том, какие исключительные трудности приходится преодолевать пролетариату в деле строительства социализма. Если, несмотря на это, советское государство быстро шло по пути хозяйственного восстановления и роста, то это является новым доказательством исключительных преимуществ и огромных внутренних сил советской системы, в частности, советской промышленности, и ярко подчеркивает широчайшие возможности дальнейшего хозяйственного и культурного под'ема СССР под руководством рабочего класса.

Известную роль в деле преодоления этих трудностей сыграло и то обстоятельство, что на протяжении 10 лет после Октябрьской Революции большая часть технической интеллигенции перешла к искреннему сотрудничеству с Советской властью, поддерживая на деле индустриализацию страны.

Вместе с тем, обнаруженный заговор вскрывает вопиющие недостатки и ошибки в нашей хозяйственной работе и в самой системе хозяйственного управления, притупление коммунистической бдительности и революционного чутья наших работников в отношении классовых врагов, неудовлетворительность работы по вовлечению рабочих масс в дело руководства производством, отрыв руководящих органов массовых организаций, профессиональных и партийных от повседневных нужд и запросов рабочих и явную слабость партийного руководства хозяйственным строительством.

Особенно выпукло на примере Донбасса вскрываются следующие наши недочеты:

а) Методы работы руководителей-хозяйственников и отношение к специалистам. На примере Донбасса видно, что во многих предприятиях роль руководителей до сих пор остается по преимуществу ролью плохого комиссара в промышленности, т.-е. вместо действительного управления предприятием сводится к так называемому «общему руководству». Вместо проверки работы специалистов и систематической учебы на совместной работе с ними, у хозяйственников-коммунистов, не ра-

ботающих над поднятием своей производственно-технической квалификации, зачастую устанавливается слепое доверие к их работе. Вместо бдительного контроля и осуществления строгой ответственности специалистов за выполняемую ими работу преобладает штемпелевание готовых планов и предложений без их проверки. Как правило, отсутствуют проверка и исполнение утвержденных планов. Вместо внимательного отбора и деловой поддержки лучших по квалификации и проверенных на работе специалистов при систематической и решительной борьбе с недобросовестными и саботажническими элементами—отсутствие серьезного внимания к этой важнейшей задаче. Вместо создания благоприятной общественной обстановки для успешной работы преданных производству специалистов—сближение с отдельными группами из них на основе приятельской бытовой смычки (совместной выпивки, обывательского отношения к оценке их работы и т. п.). Недопустимость такого положения особенно сказывается в настоящий момент, когда размах хозяйственного строительства, в частности размах капитальных работ, приобрел огромные размеры. В теперешних условиях отсутствие у хозяйственников знакомства с производственно-технической стороной предприятия, частая перестановка их с одной работы на другую, перегруженность делами непроизводственного характера (отчеты, доклады, поездки в центр) и другие условия, превращающие хозяйственников в комиссаров и притом плохого типа, т.-е. в работников, не отвечающих по-настоящему за порученное дело,—особенно недопустимы.

Между тем, приток красных специалистов на работу в предприятия также совершенно недостаточен. Приходящие красные специалисты из молодежи нередко встречают открыто враждебное отношение со стороны старых специалистов. С другой стороны, привлечение иностранных специалистов и иностранной технической помощи происходит без надлежащего руководства и контроля.

Профорганизации инженеров и техников проникнуты кастовым духом и узко-цеховыми настроениями. Нередко они захвачены чуждыми пролетариату элементами, противопоставляют себя пролетарскому государству и профсоюзам и работают фактически без руководства со стороны последних. В результате отдельные саботажнические элементы из буржуазных специалистов не встречают должного отпора со стороны большей части инженеров и техников, добросовестно относящихся к своему делу.

Несмотря на рост кадров выдвиженцев-рабочих на производстве (от десятников и мастеров до начальников цехов), не уделяется достаточного внимания их специальному обучению поручаемому им делу. Функции их нередко сводятся к мелочам и администрированию по «неприятным» для специалиста делам с рабочими. Нередки случаи однобокого выдвижения исключительно коммунистов, что создает опасность отрыва партийцев от рабочих и способствует насаждению карьеризма в партийных организациях.

б) Профсоюзы и вовлечение масс в дело руководства производством. Вовлечение масс в дело руководства производством поставлено совершенно неудовлетворительно.

Информация рабочих о плане и ходе производства носит чисто формальный характер; вопросы производства, рационализации его, капитальных работ и т. д. не прорабатываются на производственных совещаниях, а в некоторых случаях имеется даже преследование рабочих за критику недостатков работы администрации. Профсоюзы не работают систематически над поднятием значения производственных совещаний: плохая организация производственных совещаний, редкость их созыва, игнорирование работы производственных совещаний со стороны технического персонала, а иногда и коммунистов-администраторов, отсутствие надлежащего контроля за выполнением принятых решений. Практика временных контрольных комиссий на предприятиях совершенно недостаточна. Фонд премирования за ценные предложения и изобретения совершенно не используется, а по отдельным производствам даже не выделен. Совершенно неудовлетворительно поставлена экономработа в органах профсоюзов: райкомах, губотделах, ЦК, межсоюзных организациях, особенно по линии участия в деле капитального строительства, проведения

рационализации производства, а также проведения мероприятий по удешевлению себестоимости и руководства работой производственных совещаний.

С другой стороны, профорганизации не сохраняют своего «лица», т.-е. не выполняют своей особой роли в защите повседневных нужд рабочих. Авторитет профсоюзных работников мал, повседневная связь их с рабочими в цехах, шахтах, казармах, и т. п. слаба. Совершенно недостаточна борьба с нарушениями Кодекса Законов о Труде и вообще против извращения сущности советской политики в рабочем вопросе, как-то: против лишения рабочих сокращенного рабочего дня в предпраздничные дни и работы в дни отдыха; против практики неоплаченных простоев, происходящих по вине предприятия; против нарушения правила об отпусках и прозодежде и т. п. Крайне слаба борьба органов НКТруда и профсоюзов против невнимательности администрации к делу охраны труда и борьбы с травматизмом. Нередко отсутствует систематическое привлечение виновных за упущения, ведущие к несчастным случаям; невнимательны к этому делу также органы РКИ и прокуратуры.

в) Партийные органы и руководство хозяйственной работой. Руководство парторганизаций в отношении хозяйственных органов зачастую сводится к общим декларативным резолюциям. Как правило, отсутствует проверка проведения в жизнь принятых в отношении хозорганов директив. Особенно сказывается недостаток чуткости к заявлениям рабочих о хозяйственных недостатках и об ошибках в работе профессиональных и партийных органов. Нет надлежащего руководства работой профсоюзов как в деле массового вовлечения рабочих в руководство производством, так и в деле обеспечения чуткости и настойчивости профсоюзов в защите интересов рабочих при нарушениях кодекса о труде, грубом обращении администрации с рабочими и т. п. Сплошь и рядом местные партийные органы ограничиваются формальной бюрократической критикой недостатков местных учреждений и центральных хозорганов вместо активной борьбы за устранение самих недостатков. При подборе работников, как правило, отсутствует серьезная проверка прошлой работы; нередко снятые за плохую работу хозяйственники переводятся на новую и даже большую работу, вместо очистки хозорганов от этих элементов и выдвижения новых кадров хозяйственников. При назначении на ответственную работу сказываются нездоровая «семейственность», «дружеские связи» и т. п. Слаб контроль за работой хозяйственников в отношении отчетности их за свою работу перед рабочими и вместе с тем недостаточна помощь хозяйственникам в создании условий, благоприятных для их работы по поднятию производства и усилению своей производственно-технической квалификации (учебы). В ряде случаев остается материальная зависимость парторганизаций от хозорганов, категорически запрещенная партией.

Многие недостатки и ошибки местных органов усугубляются грубыми бюрократическими извращениями и ошибками центральных органов. К числу последних относится недопустимое запаздывание утверждения хозяйственных планов, частая их перекройка, что подрывает работу предприятий, ведет к растрате государственных средств и увеличивает безответственность хозяйственников и специалистов за их работу. На примере Донбасса уродливо сказался чрезмерный централизм в хозяйственном управлении (Донугль), что, с одной стороны, способствовало усилению бюрократических извращений, волокиты, бесправия и безответственности низовых хозработников, а с другой — затрудняло влияние местных организаций на работу предприятий. Наконец, серьезное отрицательное значение имеет то обстоятельство, что на практике почти не проводился в жизнь декрет о трестах, изданный 29 июня 1927 г., в особенности в части, устанавливающей взаимоотношения управляющих предприятий (директоров) с техническими руководителями-специалистами, и изменявший прежде изданные положения («Типовое положение», установленное приказом по ВСНХ № 33, 1926 г.). Эта практика, поставившая весь технический состав в непосредственную зависимость от технического руководителя, мешала установлению действительного единства управления и уменьшала роль управляющего предприятием (директора).

Эти извращения в системе управления несомненно способствовали длительной безнаказанности контр-революционных вредителей.

Вскрывшиеся на примере Донбаса крупнейшие недостатки и ошибки хозяйственной работы характерны для большинства промышленных районов и делают необходимым скорейшее проведение ряда практических мероприятий для их устранения.

I. В отношении специалистов.

Рассматриваемые в связи с шахтинским делом факты с исключительной резкостью подчеркивают необходимость улучшения дела использования специалистов науки и техники в нашей промышленности, транспорте и т. д. Для этого теперь особенно необходимо усиление проверки их работы и действительное установление строгой ответственности за поручаемое им дело на-ряду с постоянной заботой о благоприятных условиях их труда. Беспощадно карая злостных саботажников и вредителей, необходимо вместе с тем улучшить условия работы подавляющей массы честных, преданных своему делу работников-специалистов. Всемерному привлечению к производственно-технической работе добросовестно работающих квалифицированных специалистов ни в коем случае не должно мешать наличие в их среде таких настроений и предрассудков, которые все еще являются неизбежным наследием прошлого, пережитками буржуазного строя. Борьба со спецеедством, хотя и значительно ослабленным работой партии и профсоюзов должна и впредь вестись со всей последовательностью и твердостью. Необходимо при этом добиваться, чтобы основная масса инженеров и техников стала действительно активными и сознательными помощниками социалистического строительства. Особое внимание необходимо сосредоточить на вопросе о подготовке новых кадров красных специалистов и значительном расширении использования их на производстве.

Исходя из этого, об'единенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) постановляет:

1. Осуществить меры по обеспечению условий для наиболее плодотворного развития научно-технической мысли, особенно путем постановки широкого освещения научно-технических вопросов в соответствующей прессе (специальной и пр.) открытого, обсуждения их как в специальных организациях ученых и техников, так и на с'ездах, совещаниях и широких общественных собраниях, организации для этого специальных диспутов и т .п.

2. Поручить фракции ВЦСПС широко развернуть работу профсоюзов среди массы специалистов (инженеров и техников). Профсоюзы должны добиваться создания благоприятных условий для поднятия технической квалификации специалистов, вовлечения их в работу производственных совещаний, преодоления оставшейся до сих пор кастовой замкнутости и узко-корпоративных настроений среди специалистов, а также укрепления в их среде производственной и профсоюзной дисциплины, сохраняя в то же время чуткое отношение к делу удовлетворения материальных, бытовых и культурных нужд специалистов.

3. Организовать систематическое привлечение иностранных специалистов для работы на наших предприятиях, а также привлечение иностранной технической помощи по отдельным заданиям, с установлением правильного руководства ими и надлежащих форм контроля.

4. Расширить и улучшить дело систематического командирования наших специалистов за границу для усвоения достижений новейшей техники, особенно расширив для этого посылку за границу молодых, наиболее отличившихся специалистов и студентов втузов.

5. Обеспечить решающее влияние ВСНХ вместе с профсоюзами (при руководстве партии) в деле набора и распределения студентов втузов и техникумов и контроль ВСНХ в деле постановки обучения в них. При приеме и особенно при прохождении курса обеспечить преобладание рабочих.

6. Укрепить и расширить промакадемию при ВСНХ СССР, а также расширить курсы красных директоров.

7. Предложить ВСНХ расширить и укрепить сеть краткосрочных курсов по подготовке и переподготовке кадров низших и средних звеньев хозяй-

ственного управления (десятников, мастеров, техников и т. д.) из рабочих-выдвиженцев.

8. Во всем деле создания новых кадров красных специалистов, усиления квалификации рабочих-выдвиженцев и т. п. обеспечить максимально широкое и активное участие профессиональных организаций.

II. В отношении хозяйственников-коммунистов.

В соответствии с ростом и сложностью хозяйственного строительства хозяйственники должны поставить перед собой задачу путем получения спецзнаний и изучения техники производства овладеть производственно-технической стороной дела. Из основного кадра этих хозяйственников-практиков и кончающих втузы красных специалистов партия должна теперь более, чем когда-либо ранее, выдвигать красных пролетарских специалистов на замену чуждых социалистическому строительству элементов из среды буржуазных специалистов. В этом одна из основных задач хозяйственного строительства, без успешного осуществления которой не может быть проведена социалистическая индустриализация. Осуществление этого курса требует скорейшего проведения ряда практических мероприятий.

В связи с этим об'единенный пленум ЦК и ЦКК постановляет:

1. Предложить ВСНХ в кратчайший срок провести во всех промышленных предприятиях постановление ЦИК и СНК СССР от 29 июня 1927 г. («Положение о государственных промышленных трестах») и приказ ВСНХ СССР от 4 окт. 1927 г. («Типовое положение»), дабы обеспечить за дирекцией предприятия действительное руководство в управлении предприятием и отменить типовое положение, установленное приказом ВСНХ № 33.

2. Хозяйственникам, прошедшим большую практическую школу и проявившим способности в деле управления, облегчить приобретение производственно-технической квалификации путем посылки на учебу, командировок за границу (с точными заданиями и под строгим контролем ВСНХ), снабжения технической и экономической литературой и т. п.

3. Поручить РКИ в месячный срок добиться максимального сокращения обследований предприятий со стороны центральных и местных органов и обеспечить повышение качества самых обследований, а также надлежащее изучение их результатов и наблюдение за устранением замеченных обследованиями недочетов.

4. Предложить ВСНХ провести коренную реорганизацию Донугля, устранив излишнюю централизацию и расширив самостоятельность его низовых органов (рудоуправлений шахт).

III. В отношении выдвиженцев.

1. Выдвижение рабочих на административно-техническую работу связать с такими мероприятиями, которые обеспечили бы выдвиженцам возможность учебы по своей специальности на особых курсах, техникумах и т. п. Увеличить и упорядочить посылку за границу отдельных групп квалифицированных рабочих для спецподготовки.

2. Усилить инициативу профессиональных и партийных организаций в деле выдвижения рабочих на административно-техническую работу при обеспечении за администрацией должного влияния в этом деле и возможности нести полную ответственность за работу выдвиженцев.

3. Выдвижение на хозяйственную работу как партийных, так и беспартийных производить в строгом соответствии с действительною пригодностью к новому делу выдвигаемого товарища.

IV. О вовлечении масс в дело руководства производством.

1. Поставить систематическую и своевременную информацию рабочих как о производственных планах, так и о выполнении их, попрежнему всемерно добиваясь улучшения и усиления трудовой дисциплины среди рабочих и служащих и поднятия производительности их труда. Равным образом хозорганы и профсоюзы должны добиваться большей плановой и финансовой дисциплины, большей четкости, систематичности и ответственности в работе всего административно-технического персонала.

2. Добиться систематической работы производственных совещаний в цехах и предприятиях, особенно в отношении практики проведения рационализаторских мероприятий и капитальных работ на предприятиях.

3. В крупных предприятиях, особенно там, где имеются серьезные недочеты в строительстве и в использовании оборудования, а также, где проводятся крупные капитальные работы, необходимо немедленно создать временные контрольные комиссии рабочих с участием в них технического персонала.

Опыт целиком и полностью подтвердил целесообразность существования временных контрольных комиссий в общей системе фабрично-заводских рабочих организаций как органа производственных совещаний, необходимость их более широкого применения и большего внимания к их работе со стороны партийных, профессиональных и хозяйственных органов.

4. Предложить ВЦСПС обеспечить усиление экономработы во всех профсоюзах, особенно по линии участия профорганизаций, в деле капитального строительства, в вопросах рационализации производства, проведения мероприятий по удешевлению себестоимости и руководства работой производственных совещаний. Партийные и хозяйственные органы обязаны оказать такое содействие профсоюзам в этой работе, чтобы на деле осуществить эту директиву.

V. Об улучшении условий труда и быта рабочих в Донбассе.

1. Немедленно устранить имевшиеся нарушения кодекса об условиях труда в отношении проведения сокращенного рабочего дня в предпраздничные дни, недопущения работы в установленные дни отдыха, недопуска женщин на подземные работы и практики неоплачивания простоев, происшедших по вине предприятия. Ответственность за проведение этого возложить на правление Донугля и ЦК горняков.

2. Привлекать к строгой судебной ответственности представителей администрации за невнимательное отношение к делу охраны труда и техники безопасности работы.

3. Предложить ВСНХ СССР и СТО уже в текущем году разработать вопрос об улучшении водоснабжения и благоустройства рабочих поселков в Донбассе и утвердить финансовый план связанных с водоснабжением работ.

4. В целях улучшения работы профорганов в деле обслуживания насущных нужд рабочих масс и широкого вовлечения рабочих в работу профорганизаций, реорганизовать сеть низовых организаций профсоюза горняков в Донбассе и других районах таким образом, чтобы теперешние шахтбюро получили права фабзавкомов. ЦК союза горняков должен добиться при проведении этой меры укрепления авторитета и большей связи своих органов с массами.

5. Поручить ЦК КП(б)У представить в 2-месячный срок предложение о работе поселковых советов в районах Донбасса в направлении передачи им обслуживания бытовых нужд рабочих.

6. Считать ближайшей и непременной обязанностью как хозорганов, так равно проф. и парторганизаций всемерную заботу об улучшении бытовых условий горнорабочих (бани, казармы, столовые и т. п.). Особо строгую ответственность возложить за правильность расходования ассигнуемых на это средств.

VI. Об улучшении партийного руководства.

1. Одобрить решение Севкавкрайкома от 22 марта о роспуске бюро шахтинского окружкома.

2. Поручить ЦК и ЦКК КП(б)У произвести проверку работы тех парторгановДонбасса, где необходимо ликвидировать ошибки неправильных исключений из партии (за «недопустимую» критику и пр.). остатки «семейственности» в подборе работников и др.

3. Вменить в обязанность парторганизациям добиться решительного перелома в работе хозяйственных органов в деле проверки работы специалистов, а в работе профорганов—в деле привлечения рабочих масс к участию в руководстве производством.

4. Возложить на парторганизации ответственность за создание нормальных условий для работы хозяйственников, в частности, освободить хозяйственников от частой дачи формальных отчетов, разгрузить их от участия в заседаниях и обязать их действительной отчетностью перед рабочими массами

5. Вменить в обязанность парторганизациям осуществить надлежащее руководство работой хозорганов в области капитального строительства, обеспечив при этом действительную проверку проведения утвержденных планов работы и правильного расходования ассигнованных на это дело средств.

6. Возложить на парторганизации ответственность за то, чтобы члены выборных органов (профессиональных, партийных), замененные по выборам новыми товарищами, не переводились только потому, что они были ранее избраны на другую ответственную работу, а направлялись бы на низовую работу или на производство. На-ряду с этим поручить Политбюро разработать проект для борьбы с засорением советского, хозяйственного и др. аппаратов негодными и бюрократическими элементами и для усиления выдвижения новых, более способных и более связанных с массами кадров.

Главнейшим условием для обеспечения успешного проведения всех намеченных мероприятий должно быть действительное проведение в жизнь лозунга XV с'езда о самокритике, а также значительное улучшение работы парторганизаций в деле проведения внутрипартийной демократии и усиленной повседневной борьбы с недостатками в работе партийных, профессиональных-советских и хозяйственных органов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Класс против класса (к итогам Шахтинского дела) 3

А. Вышинский. Классический пример экономической контр-революции 17

А. Аграновский. „Тихой сапой“ (зарисовки) 38

Н. Крыленко. Уроки Шахтинского дела 55

Г. Гринько. Чему учит хозяйственников Шахтинское дело (заметки) . 86

Обвинительное заключение 100

Речи общественных обвинителей 160

Речь т. Гринько 160

Речь т. Шейна 171

Речь проф. Осадчего 179

Речь т. Крумина 189

Речь государственного обвинителя т. Крыленко 200

Приговор 278

Постановление Президиума ЦИК Союза ССР по Шахтинскому делу 298

Исполнение приговора 298

Приложение. Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства (Резолюция по докладу т. Рыкова, принятая единогласно об'единенным Пленумом ЦК и ЦКК ВКП (б) 11 апреля 1928 г. 299

Цена 1 р. 95 к.

Р.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Юридическое Издательство НКЮ РСФСР
Москва, Кузнецкий Мост, 13, Тел. 2-80-42.